

ЖУРНАЛ ФРОНТИРНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ

JOURNAL OF FRONTIER STUDIES

Academic E-Journal

www.jfs.today
www.frontierstudies.com

Vol. 9, No 3

<https://doi.org/10.46539/jfs.v9i3>

Ethnic Processes on the Russian Frontier in the 19th–21st Centuries

ЖУРНАЛ ФРОНТИРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Научный электронный журнал

www.jfs.today
www.frontierstudies.com

Том 9, No 3

<https://doi.org/10.46539/jfs.v9i3>

Этнические процессы на российском фронтире XIX – XXI вв.

Table of Content

FRONTIERS OF THE RUSSIAN EMPIRE

Irina V. Cherkazyanova & Vladimir N. Shaidurov German Charity and Mutual Aid Societies in St. Petersburg (late 18th – early 20th centuries)	15
Elena A. Shershneva & Petr K. Dashkovskiy Muslims of Central Asia in Siberia in the Context of State-Confessional Policy in the second half of the 19th – early 20th centuries	35
Saken Zh. Toktamysov Discussion of Projects for the Development of the Amudarya Flotilla by the Russian Government at the Turn of the 19th–20th centuries	60
Yulia N. Tsyryapkina Economic Ties of Russian Settlers and Native Population of Turkestan in the end of the 19th – the beginning of the 20th Centuries	83
Zufar A. Makhmutov Religious and Educational Activities of the Tatars in the Turgai Region at the Second Half of the 19th – Beginning of the 20th Centuries	102
Anton V. Bredikhin Cossacks in the Conditions of Frontier Modernization 175-199 (on the example of the Far East in the late 19th – early 20th centuries)	127

FRONTIERS IN THE SOVIET AND POST-SOVIET SPACES

Igor I. Verniaev Historical Welfare Dynamics of the USSR Republics in the Light of Anthropometric Data: Convergence or Divergence?	143
Evgenii V. Kodin The Belarusian Frontier of the 1920s: Did Belarusization Take Place in the Russian-Belarusian Border Area?	175
Elena V. Dianova Soviet 'Easterns/Osterns' of the 1920s: Adventure Films on the Caucasian Frontier of Russia	200
Mikhail S. Kamenskikh Yamalo-Nenets Autonomous Okrug (Canton): Ethno- Projections and Ethnicity of the Region within the Framework of the Russian Model of Federalism	226
Sergey N. Uvarov & Natalia V. Chernysheva Migration of Udmurts from the Udmurt Autonomous Soviet Socialist Republic to Kazakhstan in the 1960s	245
Tatyana A. Kattsina & Lyudmila E. Mezit Formation of Soviet Medical Care to Indigenous Minorities of Turukhansk Territory in the 1920s	263
Tatyana B. Smirnova & Anna N. Blinova Ethnodemographic Processes in the Border Regions of Asian Russia in the New Conditions of the Turn to the East	281

Содержание

ФРОНТИРЫ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Черказьянова И. В., Шайдуров В. Н.

Немецкая благотворительность и общества взаимопомощи в Санкт-Петербурге (конец XVIII – начало XX в.) 15

Шершнёва Е. А., Дашковский П. К.

Мусульмане Центральной Азии в Сибири в контексте государственно-конфессиональной политики во второй половине XIX – начале XX в. 35

Токтамысов С. Ж.

Обсуждение проектов развития Амударьинской флотилии российским правительством на рубеже XIX–XX вв. 60

Цыряпкина Ю. Н.

Хозяйственные связи русских переселенцев и коренного населения Туркестана в конце XIX – начале XX в. 83

Махмутов З. А.

Религиозно-просветительская деятельность татар в Тургайской области во второй половине XIX – начале XX вв. 102

Бредихин А. В.

Казачество в условиях фронтальной модернизации (на примере Дальнего Востока конца XIX – начала XX в.) 127

ФРОНТИРЫ НА СОВЕТСКОМ И ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВАХ

Верняев И. И.

Историческая динамика благосостояния республик СССР в свете антропометрических данных: конвергенция или дивергенция? 143

Кодин Е. В.

Белорусский фронт 1920-х годов: состоялась ли белорусизация в российско-белорусском приграничье? 175

Дианова Елена Васильевна

Советские истерны / остерны 1920-х годов: приключенческие фильмы о Кавказском фронте России 200

Каменских М. С.

Ямало-Ненецкий автономный округ: этнопроекция и этничность региона в рамках российской модели федерализма 226

Уваров С. Н., Чернышева Н. В.

Миграция удмуртов из Удмуртской АССР в Казахстан в 1960-е гг. 245

Катцина Т. А., Мезит Л. Э.

Становление советской медицинской помощи коренным малочисленным народам Туруханского края в 1920-е гг. 263

Смирнова Т. Б., Блинова А. Н.

Этнодемографические процессы в приграничных регионах Азиатской России в новых условиях поворота на Восток 281

Dear friends, colleagues, readers and authors!

Journal of Frontier Studies is a periodic academic e-journal without printed forms (since 2016). The journal publishes scholarly articles, reviews, information resources, expeditions' reports, conferences and other scientific materials.

The journal was included in the top list of peer-reviewed scientific publications, which should publish the main scientific results of dissertations for the degree of candidate of science, for the degree of doctor of science in the following specialties:

5.6.1. Russian history;

5.6.2. General history;

5.6.4. Ethnography, Ethnology, and Anthropology;

We publish four issues in a year.

The working languages of the Journal are English and Russian.

The Journal is devoted to topical issues in the field of Frontier theory, Borders and Borderlands, problems of intercultural communication in contact zones, as well as the questions of functioning of Frontier tropes in modern mass culture.

Aim and Scope

Our goal is to create a virtual platform for exchange of views and discussions in the field of Frontier studies. With this goal in mind, we aim to ensure that our online publication performs important scientific functions – communication and information – that will not only accumulate new developments in this field, but will also serve as a basis for new discoveries and insights.

The Journal advocates the principles of dialogue of cultures and elimination of conditions for possible conflicts of civilizations. It adheres to the principles of the philosophy of non-violence, cultural and religious tolerance. The editorial staff aims to remove language barriers and respect the boundaries of the national culture of each nation living on our small planet – Earth.

The journal assigns Crossref DOIs to all articles.

The main branches of science within which materials can be published in this publication are:

History;

Theory and history of culture;

Philosophy;

Literature.

But this does not mean at all that articles and other materials of the authors written in other branches of knowledge will be categorically rejected. We welcome articles on Frontier problems written from the perspective of a wide variety of Sciences or at the intersection of several branches, since this

approach, in our opinion, may be the most effective and allows us to look at known problems from a new point of view. All materials submitted to the editors will be carefully selected and sent for double-blind reviews.

Any unscientific or not based on facts article will be rejected by the editors. We do not accept works that Express disrespect for other peoples or contain politically incorrect language.

All articles are published FREE, but the fee is not paid to the authors.

**Best regards,
Editors**

- ◆ Certificate of registration issued by Roskomnadzor: Эл № ФС77-61330 from March 7, 2015
- ◆ ISSN: 2500-0225
- ◆ The material published in the journal is intended for persons over 18 years of age

Уважаемые друзья, коллеги, читатели и авторы!

Сетевое издание Журнал фронтирных исследований (Journal of Frontier Studies) является периодическим научным изданием, не имеющим печатной формы, и выпускается с 2016 года. В сетевом издании публикуются научные статьи, рецензии, информационные ресурсы, отчеты об экспедициях, конференциях и прочие научные материалы.

Сетевое издание включено в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим специальностям:

5.6.1. Отечественная история (исторические науки);

5.6.2. Всеобщая история (исторические науки);

5.6.4. Этнография, этнология и антропология (исторические науки);

Мы выходим ежеквартально 4 раза в год.

Рабочими языками сетевого издания являются русский и английский

Сетевое издание посвящено актуальным вопросам в сфере исследований фронтирной теории, пограничья и приграничья, проблем межкультурной коммуникации в контактных зонах, а также вопросам функционирования фронтирных тропов в современной массовой культуре.

Цель проекта: Создание виртуальной площадки для обмена мнениями и дискуссий в области фронтирной теории.

Исходя из цели, мы стремимся к тому, чтобы наше сетевое издание выполняло важные научные функции – коммуникативную и информационную, которые позволят не только аккумулировать новые достижения в этой области, но и послужат основой для новых открытий и озарений.

Сетевое издание выступает с позиций принципов диалога культур и устранение условий для конфликта цивилизаций. Оно придерживается принципов философии ненасилия, культурной и религиозной толерантности. Редакция преследует цель устранения языковых барьеров и уважительного отношения к границам национальной культуры каждого народа, проживающего на маленькой планете Земля.

Основные отрасли наук, в рамках которых могут быть опубликованы материалы в данном издании, это:

Исторические науки;

Теория и история культуры.

Философские науки;

Литературоведение.

Но это совсем не означает, что статьи и иные материалы авторов, написанные в других отраслях науки, будут категорически отвергнуты. Мы приветствуем статьи по проблемам фронта, написанные с позиции самых разнообразных наук или на стыке нескольких наук, так как такой подход, по нашему мнению, может оказаться наиболее действенным и позволяющим взглянуть на известные проблемы под новым углом.

Все материалы, поступающие в редакцию, проходят тщательный отбор и отправляются на двойное слепое рецензирование. Поэтому любая антинаучная и не подкрепленная фактологически статья будет отклонена редакторами. Мы не публикуем работы, в которых высказывается неуважительное отношение к другим народам или имеются неполиткорректные формулировки.

**С уважением,
редакция**

- ◆ Государственная регистрация в Роскомнадзоре: Свидетельство о регистрации СМИ (электронная версия): Эл № ФС77-61330 от 07 апреля 2015 г.
- ◆ ISSN: 2500-0225
- ◆ Опубликованные в журнале материалы предназначены для лиц старше 18 лет

Editorial Team

Editor-in-Chief	Serguey N. Yakushenkov Dr. Habilitatus in History, Professor, Astrakhan State University. Astrakhan, Russia
Associate Editors	Rastyam T. Aliev Ph.D. Astrakhan State University. Astrakhan, Russia
Scholarly Editor	Maksim V. Kirchanoff Dr. Habilitatus in History, Associate Professor, Voronezh State University. Voronezh, Russia
Editorial Board	Andrei Znamenski Ph.D., professor, The University of Memphis. Memphis, USA Andrey V. Grinev Dr. Habilitatus in History, Professor, St. Petersburg State Polytechnic University of Peter the Great (SPbPU). St. Petersburg, Russia Anna P. Romanova Dr. Habilitatus in Philosophy, Professor, Astrakhan State University. Astrakhan, Russia Dittmar Schorkowitz Ph.D., professor, Max Planck Institute for Social Anthropology. Halle, Germany Elena E. Zavyalova Dr. Habilitatus in Philology, Astrakhan State University. Astrakhan, Russia Elena V. Morozova Dr. Habilitatus in Philosophy, Professor, Kuban State University. Krasnodar, Russia Elina A. Sarakava Ph.D., Hainan College of Economics and Business. Haikou, China Emilia A. Taysina Dr. Habilitatus in Philosophy, Professor, Kazan State Power Engineering University. Kazan, Russia Isabeau Vollhardt B.A., Philosophy/English University of Washington. Washington, USA Ilya V. Toropitsyn PhD, Astrakhan State University. Astrakhan, Russia. Lyudmila V. Burykina Ph.D., Adygea State University. Maykop, Russia Maria M. Fyodorova Dr. Habilitatus in Political Studies, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. Moscow, Russia

Marina Ch. Larionova

Dr. Habilitatus in Philology, Federal State Budgetary Institution of Science "Federal Research Centre the Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences", Southern Federal University.
Rostov-on-Don, Russia

Matthew P. Romaniello

Ph.D., professor, Weber State University. Ogden, USA

Michael Khodarkovsky

Ph.D., professor, Loyola University Chicago. Chicago, USA

Nadezhda Ye. Tropkina

Dr. Habilitatus in Philology, Volgograd State Pedagogical University.
Volgograd, Russia

Natalia S. Kanateva

PhD, Associate Professor, Astrakhan State University. Astrakhan, Russia

Nathan Hopson

Ph.D., professor, Nagoya University. Nagoya, Japan

Piotr Gorecki

Ph.D., professor, University of California. Riverside, USA

Robert P. Geraci

Ph.D., professor, University of Virginia. Charlottesville, USA

Sergey A. Troitskiy

PhD., Estonian Literary Museum. Tartu, Estonia

Serguey V. Vinogradov

Dr. Habilitatus in History, Professor, Astrakhan State University.
Astrakhan, Russia

Vladimir N. Shaidurov

Dr. Habilitatus in History, Associate Professor, Pushkin Leningrad State University. Pushkin, St. Petersburg, Russia.

Willard Sunderland

Ph.D., professor, University of Cincinnati. Cincinnati, USA

Главный редактор	Сергей Николаевич Якушенко д. ист. н., профессор, Астраханский государственный университет, Россия
Заместитель главного редактора	Растям Туктарович Алиев к. ист. н., Астраханский государственный университет, Россия
Научный редактор	Максим Валерьевич Кирчанов д.ист.н., доцент, ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет». Воронеж, Россия
Редакционная коллегия	Андрей Вальтерович Гринев д.ист.н., профессор, Санкт-Петербургский государственный политехнический университет Петра Великого (СПбПУ). Санкт-Петербург, Россия Андрей Знаменский Ph.D., профессор, Университет Мемфиса. Мемфис, США Анна Петровна Романова д.филос.н., профессор, ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет». Астрахань, Россия Диттмар Шорковиц Ph.D., профессор, Институт социальной антропологии им. Макса Планка. Галле, Германия Елена Васильевна Морозова д.филос.н., профессор, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет». Краснодар, Россия Елена Евгеньевна Завьялова д.филол.н., ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет». Астрахань, Россия Изабо Волхардт В.А., Вашингтонский университет. Вашингтон, США Илья Васильевич Торопицын к.ист.н., ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет». Астрахань, Россия. Людмила Васильевна Бурькина к.ист.н., ФГБОУ ВО «Адыгейский государственный университет». Майкоп, Россия Марина Ченгаровна Ларионова д.филол.н., ФГБУН «Федеральный исследовательский центр Южный научный центр Российской академии наук» (ЮНЦ РАН), Южный федеральный университет (ЮФУ). Ростов-на-Дону, Россия Мария Михайловна Федорова д.полит.н., Институт философии РАН. Москва, Россия Михаил Ходарковский Ph.D., профессор, Университет Лойолы в Чикаго. Чикаго, США Мэтью П. Романьелло Ph.D., профессор, Государственный университет Уэбер. Огден, США

Надежда Евгеньевна Тропкина

д.филол.н., ФГБОУ ВО Волгоградский государственный социально-педагогический университет. Волгоград, Россия

Наталья Сергеевна Канатьева

к.биол.н., доцент, ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет». Астрахань, Россия

Натан Хопсон

Ph.D., профессор, Нагойский университет. Нагойя, Япония

Пётр Горецкий

Ph.D., профессор, Калифорнийский университет. Риверсайд, США

Роберт П. Гераси

Ph.D., профессор, Университет Виргинии. Шарлотсвилль, США

Сергей Александрович Троицкий

к.филол.н., Эстонский литературный музей. Тарту, Эстония

Сергей Вадимович Виноградов

д.ист.н., профессор, ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет». Астрахань, Россия

Уиллард Сандерленд

Ph.D., профессор, Университет Цинциннати. Цинциннати, США

Элина Алиевна Саракаева

к.филол.н., Хайнаньский профессиональный колледж экономики и бизнеса Хайкоу. Хайкоу, Китай

Эмилия Анваровна Тайсина

д.филол.н., профессор, ФГБОУ ВО «Казанский государственный энергетический университет». Казань, Россия

Шайдуров Владимир Николаевич

д.ист.н., доцент, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина. Пушкин, Санкт-Петербург, Россия

CONTACTS

Founder Limited Liability Company Scientific Industrial Enterprise
“Genesis. Frontier. Science”

Address 85, Geologov St. apt. 2, Astrakhan, Russia, 414050

Editor-in-Chief Serguey N. Yakushenkov

Email editorialboard.jsf@jfs.today; editorialboard.jsf@gmail.com

CEO Olesya S. Yakushenkova

Email editorialboard.jsf@gmail.com

<p>The opinion of the editorial board may not coincide with the opinion of the authors</p>
--

КОНТАКТЫ

Учредитель	Общество с ограниченной ответственностью научно-производственное предприятие «Генезис.Фронтир.Наука»
Адрес редакции	414050, Астраханская область, г. Астрахань, ул. Геологов, д. 85, кв.2
Главный редактор	Сергей Николаевич Якушенков
Email	editorialboard.jsf@jfs.today ; editorialboard.jsf@gmail.com
Дирекция журнала	Олеся Сергеевна Якушенкова
Email	editorialboard.jsf@gmail.com

Мнение редколлегии журнала
может не совпадать с мнением авторов

German Charity and Mutual Aid Societies in St. Petersburg (late 18th – early 20th centuries)

Irina V. Cherkazyanova¹ & Vladimir N. Shaidurov²

Pushkin Leningrad State University. Saint Petersburg, Pushkin, Russia

Received: 1 June 2024 | Revised: 13 July 2024 | Accepted: 25 July 2024

Abstract

The study of charity in the Russian Empire has an extensive historiography. The specifics of its implementation in various ethnic groups are often beyond the scope of the study. The purpose of this research is to identify German charitable organizations that have become the elements of the civil society that has been formed in the capital. New forms of unification of citizens and colonists became one of the manifestations of modernization, which was later adopted by other groups of metropolitan residents. The basis of this research is made up of various types of published and archival sources, some of which are being introduced into scientific circulation for the first time. German charitable organizations have existed in St. Petersburg since the 1770s. Initially, they arose at parish churches and had religious orientation. Since the 1860s, German artisans and colonists initiated creation of funeral registers, which have been widely distributed throughout Russia since the 1880s. Being independent of the state, charitable organizations and mutual aid societies became an important indicator of the modernization of Russian society in the 19th and early 20th century. The article is intended for specialists and anyone interested in the social history and history of Russian Germans.

Keywords

Charity; Mutual Aid; Funeral Home; German Colonists; Artisans; Evangelical Lutheran Church; St. Petersburg

This work is licensed under a [Creative Commons “Attribution” 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

1 Email: [cherk\[at\]inbox.ru](mailto:cherk[at]inbox.ru) ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1569-002X>

2 Email: [s-w-n\[at\]mail.ru](mailto:s-w-n[at]mail.ru) ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1431-1163>

Немецкая благотворительность и общества взаимопомощи в Санкт-Петербурге (конец XVIII – начало XX в.)

Черказьянова Ирина Васильевна¹, Шайдуров Владимир Николаевич²

Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина. Санкт-Петербург, Пушкин, Россия

Рукопись получена: 1 июня 2024 | Пересмотрена: 13 июля 2024 | Принята: 25 июля 2024

Аннотация

Изучение благотворительности в Российской империи имеет обширную историографию. Нередко за рамками исследования оказывается специфика ее реализации у различных этнических групп. Цель данного исследования заключается в выявлении немецких благотворительных организаций, которые стали элементами формировавшегося в столице гражданского общества. Новые формы объединения горожан и колонистов стали одним из проявлений модернизации, которая позднее была заимствована и другими группами столичных жителей. Основу данного исследования составили различные виды опубликованных и архивных источников, некоторые из которых впервые вводятся в научный оборот. Немецкие благотворительные организации существовали в Санкт-Петербурге с 1770-х гг. Первоначально они возникали при приходских церквях и имели религиозную направленность. С 1860-х гг. немецкие ремесленники и колонисты стали инициаторами создания похоронных касс, которые с 1880-х гг. получили широкое распространение по всей России. Будучи независимыми от государства, благотворительные организации и общества взаимопомощи стали важным индикатором модернизации российского общества в XIX – начале XX в. Статья рассчитана на специалистов и всех, кто интересуется социальной историей и историей российских немцев.

Ключевые слова

благотворительность; взаимопомощь; похоронная касса; немецкие колонисты; ремесленники; евангелическая лютеранская церковь; Санкт-Петербург

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons “Attribution” \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

1 Email: [cherk\[at\]inbox.ru](mailto:cherk[at]inbox.ru) ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1569-002X>

2 Email: [s-w-n\[at\]mail.ru](mailto:s-w-n[at]mail.ru) ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1431-1163>

Введение

В протестантском мире благотворительность Нового времени формировалась во многом под влиянием идей Реформации. Религиозная этика проповедовала культ труда и бережливости, поэтому основной принцип помощи нуждающимся заключался в том, чтобы спасти душу не бессистемной раздачей милостыни, а помогать лишь истинно нуждающимся, чье бедственное положение тщательно исследовано. При этом человек должен получать не больше того, что ему действительно необходимо, а бедных нужно было склонять к работе.

Благотворительность в православной России также имеет глубокие исторические корни, связанные с принятием христианства. Четкое деление типов благотворительности, организация различных форм учреждений и управления ими начинается при Петре I, а при Екатерине II благотворительность получает юридические основания, приобретает систему, которая действовала весь дореволюционный период.

В изучение проблемы российской благотворительности дореволюционной России значительный вклад внес Евгений Дмитриевич Максимов (1858-1927), общественный деятель, статистик, начальник благотворительного отделения МВД, в советские годы профессор Ленинградского института народного хозяйства (Гаврилина, 2020), автор и составитель статей и книг (Общественное и частное..., 1907). Во многих статьях сборника «Общественное и частное призрение в России» рассматриваются и евангелическо-лютеранские общества России. Большое внимание вопросам благотворительности уделяют современные исследователи (Соколов, 2005; 2006; 2001-2007).

О благотворительных обществах лютеранских приходов Петербурга имеется ряд исследований, опубликованных в последние два десятилетия. Это статьи о лютеранских церквях и общинах В. А. Вернера (1998; 1999), а также архимандрита Августина (Никитина) (1999; 2011). В частности, в статье о реформатской церкви архимандрит подробно исследует деятельность пастора Германа Дальтона, наиболее активного церковного деятеля Петербурга в сфере благотворительности. Работы А. Э. Алакшина посвящены деятельности лютеранских общин Петербурга в XVIII в., в концентрированном виде проблема изложена в монографии автора (2012). И. В. Баранова ставит в центр своих научных интересов тему о немецких благотворительных организациях и формах их работы в Петербурге (2021a; 2021b; 2021c). Благотворительная деятельность немецкого этноса в российской провинции в XIX – начале XX в. рассматривается в публикациях О. Я. Бахарева (2008), С. П. Шендряковой (2020), Г. Н. Алишиной (2021).

Определить уровень вовлеченности немцев в процесс образования благотворительных учреждений и обществ представляется возможным на фоне

сравнения с другими этническими группами, например, татарами (Миннуллин, 2017).

Однако до настоящего времени вне поля зрения исследователей оставались благотворительные общества, которые создавались немецкими колонистами и отдельными профессиональными группами в столице.

Целью данного исследования является выделение немецких благотворительных организаций колонистов и ремесленников из общего ряда благотворительных учреждений немецкого населения Петербурга и его окрестностей, которые сыграли определенную роль в формировании в столице гражданского общества. Новые формы объединения горожан и колонистов стали одним из проявлений обновления общества, которые позднее были заимствованы и другими группами столичных жителей.

Источниками для написания настоящей статьи стали опубликованные и архивные материалы, часть из которых вводится впервые в научный оборот. Так, были нормативно-правовые акты, включенные в Полное собрание законов Российской империи, использованы изданные типографским способом Уставы похоронных касс и других благотворительных организаций.

В фондах Российского государственного исторического архива отложились различные виды делопроизводственной документации, позволяющие не только реконструировать процесс образования некоторых общественных организаций, но и проследить эволюцию их деятельности на примере внесения изменений в Уставы (см., например, Ф. 1286. Департамент полиции исполнительной МВД). Значительный пласт документов отложился в фондах Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга (Ф. 253. Канцелярия Петроградского губернатора, Ф. 254. Петроградское губернское правление, Ф. 514. Петербургская распорядительная дума, Ф. 569. Управление Петроградского градоначальства и столичной полиции, Ф. 792. Петроградская городская дума и др.). Большую ценность среди них имеют опубликованные отчеты благотворительных учреждений (как правило, на немецком языке).

Методологической основой исследования является теория фронтирной модернизации. Санкт-Петербург был частью балтийского пограничья, через которое из Европы в политическую, экономическую, социокультурную жизнь России проникали новые институты. Носителями фронтирной модернизации становились переселявшиеся в Россию с середины XVIII в. немцы, которые оседали в столице и колониях. Самыми многочисленными сословными группами были ремесленники и колонисты (с 1871 г. – поселяне-собственники). В условиях общественно-политической и экономической модернизации они вынуждены были приспособляться к новым условиям.

Немецкие благотворительные общества в дореформенный период

Вплоть до 1860-х гг. благотворительность в Российской империи была формализована и могла реализовываться либо через государственные учреждения (система органов призрения), либо церковные институты. В полной мере это можно отнести к петербургским немцам, для которых первые подобного рода учреждения возникли явочным порядком во второй половине XVIII в.

Формы благотворительности лютеранских церквей были разнообразными, но традиционными. Нуждающимся выдавали одноразовые и ежемесячные пособия по месту жительства. Как отмечал в своем обзоре Санкт-Петербурга Ф. О. Туманский,

«каждая лютеранская церковь имеет деньги для бедных или так называемую бедную казну, которую разделяет помесечно между неимущих своих прихожан; составляется сия казна из подаваний некоторых усердствующих особ» (ОР РНБ, 1789, с. 106 об.).

Однако из всех лютеранских церквей Санкт-Петербурга, прихожанами которых являлись преимущественно немцы, лишь при церкви св. Екатерины на Васильевском острове существовал прообраз похоронной кассы, которое именовалось в конце XVIII – начале XIX в. «обществом для смертных случаев» (ОР РНБ, 1789, с. 107).

Это общество было учреждено явочным порядком в середине 1775 г. по инициативе некоторых прихожан во главе с пастором Иоахимом Христианом Гротом. К концу декабря того же года в нем состояло 92 члена (Грот, 1780, с. IV). Общество быстро получило популярность, и число его членов в первые годы существования увеличивалось более чем на 40 человек.

Первоначально большинство составили немцы. Но среди членов были и представители других национальностей. Так, среди первых членов (записан под № 18) был профессор и член Академии наук Эрих Лаксман (швед) (Грот, 1780, с. 4). Были среди них и представители русской аристократии, например, граф Роман Илларионович Воронцов (записан под № 61) (Грот, 1780, с. 6).

Уже в последней четверти XVIII – начале XIX в. при вступлении в похоронную кассу следовало предоставить ряд документов, характеризующих физическое состояние потенциального члена. Образец одного из первых свидетельств о состоянии здоровья был составлен пастором Гротом. В нем, в частности, сообщалось, что

«Госп. Н. ныне не болен, ходит и не одержим никакой смертоносной продолжительной болезнью: как то чахоткой, водянкой, кровоплеванием или другими изнеможениями, которые бы угрожали преждевременною кончиною; но что он сколько по видимому судить можно, обретается в совершенном здравии тела, и в состоянии отправлять надлежащие ему дела» (Грот, 1780, приложение).

Свидетельство должен был заверить врач и публичный нотариус.

Изначально социальный состав общества был достаточно пестрым (см. табл. 1).

Купцы	Приказные служители	Придворные	Отставные военные	Иностранцы	Духовные лица	Лекари	Ученые	Художники	Прислуга	Ремесленники
80	59	17	10	1	4	14	5	15	2	15

Таблица 1. Численность членов Общества в 1775 – 1778 (Грот, 1780, с. VI)

Table 1. Number of members of the Society in 1775 - 1778 (Grot, 1780, p. VI)

Согласно Уставу, Общество было открыто для представителей всех сословий. Но изначально был установлен возрастной ценз: в общество не могли принимать мужчин старше 50 лет и женщин старше 45 лет (Общество на смертные случаи, 1820, с. 26). Необходимость платить каждое полугодие 20 руб. также ограничивало круг потенциальных членов общества.

Отличительной чертой общества была его эмансипированность: полноправными членами являлись женщины. Последнее не было формальной декларацией. Согласно опубликованным спискам, среди 540 членов было женщины составили почти 20% (Грот, 1780, с. 1-44). Среди них были жены членов общества, вдовы и девицы.

Другим примером немецкой благотворительности в столице стал созданный на средства владельца кожевенного завода И. Г. Кестнера сиротского дома при церкви св. Анны. Важно отметить, что идея его создания была заимствована им во время пребывания в Галле (О сиротском доме, 1820, с. 127). Для строительства здания и последующего содержания приюта благотворитель выделил 16 тыс. руб. (О сиротском доме, 1820, с. 128). На момент открытия дома, построенного заводчиком, 5 декабря 1784 г. в него принимали 10 мальчиков в возрасте от 7 до 14 лет, которые должны были обучаться в Анненшule.

В начале XIX в. сиротский дом оказался в поле зрения вдовствующей императрицы Марии Федоровны, которая выделяла на его содержание ежегодные суммы. Это позволило в 1814 г. увеличить число пансионеров до 16 детей (О сиротском доме, 1820, с. 132).

Таким образом, уже на рубеже XVIII – XIX вв. в столице стали появляться первые общественные благотворительные организации. Учрежденное приходской верхушкой немецкой лютеранской церкви св. Екатерины Общество на смертные случаи стало не только первым обществом подобного рода

в России, но и явило собой организацию нового типа, лишенную сословных и гендерных ограничений. Заимствованная в Германии идея позволила открыть при церкви св. Анны сиротский дом.

Немецкие благотворительные общества в Санкт-Петербурге в пореформенный период

Консерватизм внутренней политики периода правления Николая I не предполагал появления общественных организаций. В 1828 г. было распущено Общество на смертные случаи. Только во второй половине 1850-1860-х гг. в России вновь стали учреждаться подобного рода организации взаимопомощи. Характерной чертой стала их профессиональная ориентация, т. е. члены были лицами одной профессии. Одна из первых организаций подобного рода была образована в 1852 г. работниками типографии Академии наук.

Петербургские ремесленники стали инициаторами учреждения различных благотворительных организаций. Наибольшую активность проявляли ремесленники так называемых немецких, или иностранных, цехов, которые объединяли тех из них, кто проживал в столице, но по каким-то причинам не принял русское подданство. Свое название цехи получили по причине членства в них преимущественно выходцев из немецких государств. Первоначально процесс образования таких учреждений был затруднителен, т. к. в каждом случае требовалось получать Высочайшее утверждение. Но в 1862 г. обязанность утверждения уставов была возложена на Министра внутренних дел, что значительно ускорило процесс появления различных общественных организаций и обществ.

В декабре 1862 г. был утвержден Устав вспомогательной кассы вдов и сирот ремесленников иностранных цехов (РГИА, 1867, л. 1 об.). Целью ее учреждения, как было записано в § 1 Устава, становится обеспечение означенных лиц за счет капитала, «образуемого из одновременных и постоянных денежных взносов ... и разных благотворительных в пользу общества приношений» (ЦГИА СПб, 1870, л. 4).

Интерес со стороны ремесленников к организации был настолько велик, что потребовалось внести некоторые изменения в ее устав. Так, согласно его редакции 1870 г., в общество могли вступать не только городские ремесленники, но и те, кто имел жительство и промысел в губернии (ЦГИА СПб, 1870, л. 4 об.).

Одним из самых многочисленных был Немецкий портной цех, в котором на 1858 г. числилось 159 мастеров, что составляло 18,5% владельцев ремесленных мастерских, находящихся в ведении Немецкой (иностранной) ремесленной управы.

Либерализация внутренней политики Александра II сопровождалась отменой существовавших ранее сегрегационных норм, ограничивавших,

например, права еврейских ремесленников. Последние могли содержать мастерские лишь в черте оседлости. Вводимые постепенно послабления привели к тому, что имевшие дипломы от местных властей еврейские мастера устремились в Санкт-Петербург, где составили со временем серьезную конкуренцию немцам. В условиях открытия новых мастерских происходили передел городского рынка, обострение конкуренции и, как следствие, сокращение доходов. Все это подталкивало немецких ремесленников к сознанию как профессиональных, так и корпоративных обществ взаимопомощи.

В 1863 г. старшина немецкого портного цеха выступил с инициативой открытия собственной похоронной кассы. Предполагалось открыть таковую «для выдачи единовременных пособий для погребения умерших бедных членов цехового сообщества» (ЦГИА СПб, 1863-1864, л. 2-2 об.). В ноябре того же года проект устава был представлен на рассмотрение петербургского градоначальника графа Суворова, который направил его Городскую распорядительную думу (ЦГИА СПб, 1863-1866, л. 1). Со стороны последней каких-то возражений не последовало. Но, согласно действовавшему законодательству, последнее слово было за Министром внутренних дел П. А. Валуевым.

Вероятно, административная поддержка со стороны Суворова способствовала тому, что в очень короткое время в Министерстве внутренних дел в представленный проект устава были внесены редакторские правки, которые отражали действовавшие правовые нормы. В июне 1864 г. устав был утвержден Валуевым.

Новое общество взаимопомощи носило сугубо корпоративный характер. Как и существовавшее на рубеже XVIII – XIX вв. Общество при церкви св. Екатерины, оно было свободно от гендерных ограничений. Отличительной чертой было отсутствие возрастного ценза на вступление. В некоторых похоронных кассах второй половины XIX – начала XX в. это ограничение сохранялось. Например, в Устав похоронной кассы г. Ревеля для мужчин и женщин он составил 50 лет (Устав, 1906, с. 3).

Уставом был определен не только входной взнос в 10 руб. независимо от благосостояния члена и его пола, но и процедура сбора похоронных денег. В случае смерти одного из членов общества остальные должны были внести в кассу в течение последующих двух недель по 30 коп. В случае неуплаты на неплательщика налагалась пеня в размере 30 коп. серебром. Если и эти суммы не были внесены в кассу, то по прошествии шести недель пеня возрастала до 60 коп. Если эти суммы не вносились в течение года, то неплательщик исключался из общества (ЦГИА СПб, 1863-1864, л. 3 об.).

Следует отметить, что инициатива немецких портных нашла живой отклик у столичного генерал-губернатора. В одном из своих писем за 1863 г., адресованных Городской думе, он просил «предложить и другим цеховым обществам присоединиться к предлагаемой кассе» (ЦГИА СПб, 1863-1866, л. 4). Уже в 1866 г. эта тема была вынесена на обсуждение цеховых старост, которым

были переданы экземпляры утвержденного устава. Однако идея не нашла отклик у мастеров других цехов. Ремесленная управа в письме от 4 июня 1866 г. сообщала в Городскую распорядительную думу, что «мастера не изъявили желанья учредить подобную кассу» (ЦГИА СПб, 1863-1866, л. 17 об.).

В мае 1867 г. член Иностранной Ремесленной управы прусский подданный Эдуард Дидерих на аудиенции подал министру внутренних дел Д. А. Валуеву прошение, в котором просил содействия в утверждении устава «посмертной кассы для выдачи единовременного вспомоществования на погребение членов семейств, входящих в состав С-Петербургского общества иностранных ремесленников» (РГИА, 1867, л. 1 об.). Не стоит думать, что касса с ее капиталами должна была стать общедоступной. Уже в § 2 проекта указывалось, что «в число членов смертной кассы могут быть приняты только члены Вдовье-сиротской кассы» (РГИА, 1867, л. 2). Тем самым руководство Иностранной Ремесленной управы намеревалось создать сеть взаимосвязанных благотворительных организаций.

Предложенный Дидерихом проект был поддержан в Хозяйственном департаменте МВД. После редактирования некоторых пунктов устав был направлен канцелярию министра, который и утвердил устав 22 ноября 1867 г. (РГИА, 1867, л. 11).

Широкое распространение в стране и, в частности, в Петербурге имели евангелические союзы попечения о молодежи. Союзы в поддержку молодых девиц представляли собой временные приюты для проживания работающих девушек и подыскания для них честного заработка (Москва, Смоленск, Кронштадт, Петергоф и др.). Союзы в поддержку юношей имели более сложные цели нравственного, умственного и физического совершенствования, которые достигались путем религиозных бесед, дружеского общения, музыки, танцев и т. п.

Основную роль в благотворительной деятельности городских немцев играли крупнейшие лютеранские общины: св. Петра, св. Екатерины, св. Анны, немецкой Реформатской церкви. Уже упомянутому ранее пастору Дальтону принадлежит заслуга в организации Евангелического полевого лазарета (1877), в сборе средств в помощь голодающим Поволжья (1881, собрано более 39 тыс. руб.). По его инициативе была создана Евангелическая городская миссия, которая радела о «спасении душ, отчужденных от Церкви, так же, как и о находящихся под угрозой отчуждения» (арх. Августин, 2011, с. 322).

«Городская миссия» (Евангелический союз религиозно-нравственного назидания протестантов в Санкт-Петербурге) была организована в 1876 г. Устав утвержден 14 июля 1879 г. (ЦГИА СПб, 1907-1916, лл. 23-24 об.) (новая редакция – 18 декабря 1908 г.). В 1891 г. миссия получила новое наименование – Общество религиозного и нравственного попечения протестантов в Петербурге. Миссионерская работа проводилась особыми посланцами, непосредственное руко-

водство которыми до 1886 г. осуществлял президент комитета Общества – пастор Дальтон.

Согласно Уставу, целью союза было «сближение с протестантской церковью членов ее, отчужденных от общения с нею, впавших в порок и нищету» (ЦГИА СПб, 1907-1916, л. 1). Круг действия общества ограничивался протестантами Петербурга. С 1892 г. миссия размещалась в Доме гернгутеров, ранее принадлежавшим Сарептскому братству. Общество содержало более 20 благотворительных заведений, в т. ч. ночлежный дом для подмастерьев, три приюта для гувернанток, Дом трудовой помощи «Брокгаузен» (основан в 1903 г.), убежище для проституток, мужскую богадельню, «Морской дом» (Дом моряков, устав утвержден 6 февраля 1906 г.), воскресные школы.

Наряду с отечественными организациями в Петербурге действовали германские общества. С 1842 г. существовало Германское благотворительное общество, с 1885 г. – Общество германских подданных для оказания помощи нуждающимся соотечественникам. Оба общества оказывали содействие живущим или приезжающим в Петербург германским подданным.

Специализированные формы благотворительной помощи в колониях. Благотворительные общества. Богадельни и приюты

В немецких колониях близ Петербурга благотворительные учреждения стали возникать во второй половине XIX в. либо как результат деятельности городских лютеранских приходов, либо как инициатива самих колонистов. Это были приюты для поддержания детей-сирот или детей из бедных семей, богадельни для неизлечимо больных, увечных и престарелых, и примыкающие к благотворительным учреждениям по роду своей деятельности различные похоронные, приданные, ссудо-сберегательные кассы, кассы взаимопомощи. Такой рост числа благотворительных учреждений в этот период во многом связан с «великими реформами» Александра II и, в частности, с земской (1864) и колонистской (1871) реформами, в результате которых местные органы получили значительные полномочия по организации «второстепенных» вопросов, к которым относились образование, благотворительность. Так, в 1891 г. в Стрельнинской колонии появилась богадельня «Вифезда», в 1897 г. в Новосаратовке открылась богадельня для престарелых обоего пола и приют для сирот.

Благотворительные общества и учреждения, как правило, носили частный характер, содержались на пожертвования, были представлены различными видами (приюты, богадельни, трудовые дома и т. п.). Ведущую роль в организации благотворительной деятельности городских немцев и немецких колонистов играла церковь.

Одной из наиболее распространенных форм оказания помощи неимущим и больным было открытие богаделен, приютов. Упомянутая богадельня Новосаратовки принимала престарелых лиц обоего пола (на 15 чел.). Здесь же находился и приют преимущественно для девочек с четырех лет, всего на 30 чел. Заведение было учреждено в память о короновании высочайших особ Николая II и Александры Федоровны. Для размещения опекаемых общество возвело специальное здание, строительство которого началось в 1896 г. Содержание приюта лежало на колонистах, решение об этом было принято на сельском сходе 31 мая 1901 г. Для поддержки приюта было создано общество для содержания богоугодных заведений. Устав учреждения и общества для его содержания был утвержден 17 декабря 1901 г. В приют принимались неимущие жители трех волостей Новосаратовской и Среднерогатской Петербургского уезда и Колпинской Царскосельского уезда, входящих в состав Новосаратовского лютеранского прихода. Поступавшие в приют получали жилье, питание, обеспечивались бельем, при необходимости им гарантировали медицинскую помощь. Детей учили в приходской школе Новосаратовки, обучали рукоделию, ремеслам, тем самым подготавливая их к дальнейшей работе в качестве прислуги либо сельскохозяйственных рабочих.

Богадельня «Вифезда», организованная общиной св. Петра в 1886 г. в Петербурге, в 1891 г. была переведена в Стрельнинскую колонию. На устройство приюта для неизлечимо больных женщин были выделены средства из приходских сумм и нанята небольшая дача на станции Удельная. В виде опыта были приняты пять женщин, которые находились под присмотром сестры милосердия. Летом 1890 г. насчитывалось уже 48 женщин и девочек из разных лютеранских приходов (ЦГИА СПб, 1892b, лл. 1-1 об.). В 1891 г. пасторы Петрикирхи Г. Кеслер и Стрельнинского лютеранского прихода Л. Локкенберг выступили с инициативой о создании Общества для содержания евангелической богадельни в Стрельне. Устав общества был утвержден 19 августа 1891 г. (Устав Общества для содержания, 1892). В числе учредителей выступили оба пастора, отставной вице-адмирал Ф. Крузенштерн, граф Сиверс, дочь генерал-лейтенанта М. И. Скалон и другие. 22 октября 1892 г. богадельня была открыта в новом здании. Начальницей стала германскоподданная Луиза фон Бассевиц. Комитет богадельни находился в Петербурге (Малая Конюшенная, д. 7), возглавлял его пастор Петрикирхи Кеслер (ЦГИА СПб, 1892b, л. 25). В 1895 г. стрельнинский колонист Николай Шмидт получил высочайшее разрешение на продажу участка в 1600 кв. сажен из его надельной земли для нужд «Вифезды» (ЦГИА СПб, 1895-1897, лл. 1-1 об.).

В 1902 г. в Стрельнинскую колонию в дополнение к «Вифезде» был переведен приют св. Магдалины – «дом защиты и спасения падших девушек и женщин», учрежденный в 1864 г. дамским обществом Петербурга. Под расширившееся учреждение в 1910 г. было выстроено двухэтажное здание. Приют содержался за счет пожертвований, которые поступали в виде денег и

продуктов. Среди жертвователей были великие княгини Александра Иосифовна и Елизавета Маврикиевна, бывший рейхсканцлер Германии, князь Бернгард фон Бюлов, предприниматель Юлиус Кениг, предприятия. В 1909 г. деньги поступили от благотворительного концерта Лейпцигского квартета церковной песни.

Пастор церкви св. Анны Ф. Э. Мориц организовал при общине приют для сирот и вдов, который размещался в Овцыно. Евангелический Мариинский приют располагался на собственной земле, смежно с именными германских подданных И. И. Брейтегама и Роста.

Летний детский приют в Парголово

В числе благотворительных лютеранских заведений был летний детский приют в Парголово, первое учреждение подобного рода в России, прообраз детских летних лагерей в последующие годы. Возникновение приюта в 1881 г. стало логическим продолжением деятельности летней капеллы в Парголово, история которой начинается с 1853 г. У капеллы еще не было собственного помещения, но 14 июня того же года пастор Анненкирхе Ф. Э. Мориц провел первую службу под открытым небом. Первые два года службы проходили на даче инспектора реформатской школы в Петербурге В. А. Гордака, на арендованной у крестьянина Лазарева земле (ЦГИА СПб, 1854-1855, л. 1). После пожара на даче встал вопрос скорейшего сооружения собственного помещения. Освящение нового здания капеллы прошло 5 июня 1855 г. Эта дата стала официальной точкой отсчета в истории молитвенного дома.

Временная евангелическая община в Парголово состояла из членов городских приходов, приехавших на летний отдых. Со временем часовню в послеобеденное время начали использовать финны из окрестных деревень. Традиционно службы начинались с первого воскресения июня и шли по воскресным дням без перерыва до середины августа. Пасторы из разных церквей служили поочередно. В 1915 г. капелла была закрыта, поводом послужили некоторые технические неисправности, обнаруженные в ходе обследования 14 июля 1915 г., хотя очевидно, что причиной закрытия послужила война и антинемецкая кампания.

Четверть века спустя после открытия капеллы решено было организовать оздоровительный отдых в Парголово для ослабленных детей из неимущих слоев горожан. В 1879 г. детский очаг был запланирован, в 1880 г. активисты приступили к делу, и лишь в 1881 г. приют принял первых детей.

Идея летнего приюта (летняя колония) впервые была реализована в Швейцарии пастором Бином (Birn) в 1876 г. Через два года опыт распространился во многих городах Германии. Приюты действовали в Берлине (с 1881), Бремене (1885), Дюссельдорфе, Франкфурте-на-Майне. В России идею озвучил

Герман Фридрих Дальтон (1833–1913), пастор Реформатской церкви в Петербурге, организатор благотворительной «Городской миссии».

В 1881 г. в Петербурге насчитывалось до 10 частных и общественных союзов, занимавшихся устройством летних колоний для детей. Старейшим из них было благотворительное Евангелическое общество («Городская миссия») (Грузенберг, с. 230). При содействии этого общества был организован детский летний приют.

Прием первых 22 детей из бедных семей прошел в мае 1881 г., в следующем году их было уже 34 чел. (Bericht des St. Petersburger evangelischen Vereins, 1883, S. 5). Среди воспитанников, принятых в 1881 г. и 1882 г., преобладали дети прихожан лютеранской общины Петрикирхе (9 и 13). Из прихода св. Екатерины отдыхали соответственно 6 и 1 ребенок, св. Иоанна – 5 и 2, св. Анны – 4 и 3, св. Марии – 2 (1881), св. Михаила – 2 (1881), общины Христа Спасителя – 2 и 4 ребенка. Их родители принадлежали к мещанскому сословию, это были дети рабочих, ремесленников; часто они были детьми вдов или женщин, брошенных мужьями. Профессии родителей были самыми разнообразными: чернорабочие, сапожники, клерки, портные, пекари, литейщики, слесари, переплетчики, столяры. В первом приеме трое детей оказались сиротами. Кроме лютеран, были дети католиков, православных, даже мусульман и иудеев.

В 1885 г. Евангелическое общество открыло отделение летнего приюта в Гапсале, рассчитанное на 10 детей, больных суставным ревматизмом и золотухой. С 1889 г. начала работать «санитарная станция» в Арнсбурге, куда дети помещались под надзор врача на два месяца.

Одновременно с открытием приюта в 1881 г. был организован Комитет приюта. В его задачи входила организация сбора средств и их распределение на нужды детей. В составе Комитета насчитывалось 15 членов, из них восемь женщин. Приют содержался на частные пожертвования. Взносы принимали члены Комитета в летней капелле или в самом приюте в Парголово, в городе пожертвования передавали пастору Дальтону.

1914 год стал последним в истории летнего приюта, летом в нем отдыхало 149 детей. В 1915 г. вышел последний отчет о деятельности детского учреждения (ЦГИА СПб, 1915, лл. 12–20).

На примере евангелического детского летнего приюта в Парголово прослеживается руководящая роль церкви в подобных делах, солидарность лютеранских приходов, направленная на решение общей задачи оказания помощи беднейшим слоям, а также веротерпимость лютеран по отношению к представителям других конфессий (православные, католики, иудеи, мусульмане). Это была одна из форм решения социальной проблемы помощи малообеспеченным семьям в оздоровлении их детей.

Похоронные кассы немецких колонистов

Одной из форм социальной взаимопомощи колонистов были похоронные кассы. Это были добровольные общества, задачей которых было возмещение издержек семьи в случае смерти кого-то из ее членов в виде единовременного пособия. Создание общего фонда похоронной кассы, по сути, было формой взаимного страхования, формой социальной защиты членов общины. В дореволюционной России похоронные кассы были преимущественно распространены в Прибалтике. В Петербурге в конце XIX в. существовало восемь общих похоронных касс (преимущественно немецких) и несколько специальных.

Вопрос регулирования захоронений стоял с самого основания колоний. Место для кладбища отводилось при планировке будущих колоний, обычно поблизости от церкви. Большие участки для погребений были в Новосаратовской и Стрельнинской колониях. Для группы маленьких приморских колоний (Петергофской, Ораниенбаумской и Кронштадтской) на самом берегу Финского залива в 1830–1840-х годах возникло общее лютеранское кладбище.

Показательной стала история с расширением кладбища в Новосаратовской колонии в 1843 г. Спор разгорелся между колонистами и пастором Вестениусом из-за несогласия церкви выделить из своих запасов необходимый участок в 776 сажений. Общий размер кладбища составил бы 1344 квадратных сажений. Именно эта площадь была предусмотрена при поселении в 1765 г., в частности, зафиксирована на плане колонии 1782 г. Спор разрешился в пользу колонистов, но он выявил внутренние проблемы в общине, связанные с захоронениями не только общинников, но и живущих по соседству лютеран. Все острее вставал вопрос о порядке использования кладбища и одновременно оказания помощи семьям, потерявшим близких.

Возникновение похоронных касс в немецких колониях под Петербургом относится к 1875 г., когда впервые такая организация возникла в Новосаратовке. Ее действия распространялись на членов Новосаратовского прихода – прошение об учреждении кассы подписали новосаратовский пастор Герман фон Шталь, а также сельские и церковные старшины Новосаратовской, Среднерогатской и Колпинской колоний. Первая касса начала действовать с 12 января 1876 г. (ЦГИА СПб, 1873-1876, л. 1). Известно семь редакций устава, последний относится к 1910 г. 7-й устав был утвержден петербургским губернатором 3 августа 1910 г., подлинный текст документа подписали пастор Герман Бартельт, учитель Андрей Руль, волостной старшина А. Рейх, помощник старшины С. Мейер и колонист П. Паль. Появление новых уставов Новосаратовского прихода было связано, как правило, с организацией новой кассы, а не с изменением формулировок устава. Так, 5-я Новосаратовская касса была открыта в 1893 г. в связи с тем, что предыдущие кассы имели в составе по 101 члену и взносы были довольно высокие – 2 руб. 50 коп. Желаящих же

было много, и не всегда они имели необходимые суммы, поэтому возникла новая организация со взносами по 50 коп. (ЦГИА СПб, 1893, л. 3 об.).

С развитием Новосаратовского лютеранского прихода и увеличения общего числа прихожан появилась необходимость создания собственных касс в крупнейших колониях. В Среднерогатской колонии похоронная касса появилась в 1892 г. (устав утвержден 17 января 1892 г.) (ЦГИА СПб, 1892а, л. 16), в Колпинской – в 1894 г., в Каменке – 1894 г. (устав утвержден 18 июня 1894 г.) (ЦГИА СПб, 1895, л. 4).

В Стрельнинском приходе устав похоронной кассы был утвержден в МВД 20 сентября 1901 г. Членами могли быть жители Стрельнинской колонии; кроме того, в число членов могли вступить также и лица, постоянно не проживающие в колонии, но имеющие место жительства в пределах Санкт-Петербургской губернии. Для последних оговаривались особые условия членства: они должны были вносить деньги вперед за следующий смертный случай и иметь на месте доверенное лицо для выполнения за них всех обязательств. Число членов не могло превышать 201. Правление избиралось в составе трех человек на три года. Оно вело журнал движения средств. Общее собрание членов проводилось один раз в год.

Капитал формировался за счет вступительных и специальных взносов. Каждый член платил единовременно 1 руб. за то, что его внесут в список. В случае смерти члена кассы или его жены все остальные члены должны были в течение трех недель со дня получения уведомления от правления о смерти члена внести по одному рублю. Размер похоронного пособия зависел от количества сделанных взносов, из расчета за 1–10 взносов выдавалось 100 руб., за 11–20 взносов – 110 руб. и т. д.

Кипенская похоронная касса (устав утвержден 12 июня 1909 г.) действия открыла 16 августа 1909 г.) (ЦГИА СПб, 1909, лл. 7, 21), учредителями выступили 20 колонистов во главе с сельским старостой Карлом Шперлом.

Выводы

Таким образом, немцы Санкт-Петербурга и губернии в течение последней трети XVIII – начала XX в. активно участвовали в создании различных благотворительных учреждений и организаций. Нередко идея заимствовалась в Европе, но в России она обретала свои специфические черты. Характерной особенностью организаций являлась их независимость от государственного финансирования и живая связь с общественной средой.

Общество по смертным случаям стало одной из первых организаций, которая вобрала в себя черты зарождавшегося буржуазного строя, ибо членство в нем не было сопряжено с устаревшими сословными правилами и гендерными ограничениями.

Учрежденные в 1860-х гг. на профессиональной основе похоронные кассы немецких ремесленников первоначально не вызвали большого интереса у других групп городского населения. Но уже с 1870-1880-х гг. их опыт стали активно перенимать не только в столице, но и других городах империи.

Немецкие колонисты не отставали от городских немцев и учреждали собственные благотворительные организации, среди которых наибольшее распространение получили похоронные кассы. В их деятельности прослеживаются активные связи между городскими и колонистскими лютеранскими приходами.

Именно различного рода общества вспомоществования стали индикатором формировавшегося в России гражданского общества, начало которому было положено «Великими реформами» Александра II.

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда и Санкт-Петербургского научного фонда № 23-18-20025, <https://rscf.ru/project/23-18-20025/>

Список литературы

- Bericht des St. Petersburger evangelischen Vereins des Kinderheims in Pargala. Die evangelische Sommerkapelle und das Kinderheim in Pargala während des Sommer 1882. Vol. VII. [Report of the St. Petersburg Evangelical Association of the Children's Home in Pargala. The Protestant summer chapel and the children's home in Pargala during the summer of 1882. Vol. VII.]. (1883). St. Petersburg. (In German).*
- Алакшин, А. Э. (2012). *Протестантские общины в Петербурге в XVIII веке*. Петрополис.
- Алишина, Г. Н. (2012). Женские благотворительные общества как элемент гражданской самоорганизации городских немцев Российской империи в конце XIX – начале XX в. (На примере Томского евангелическо-лютеранского дамского благотворительного общества). *Ежегодник Международной ассоциации исследователей истории и культуры российских немцев*, 1, 32–39.
- Архимандрит Августин (Никитин). (1999). *Немецкая Евангелическо-лютеранская церковь Св. Петра*. В Г. И. Смагина (Ред.), *Немцы в России: Петербургские немцы: Сборник статей* (с. 282–320). Дм. Буланин.
- Архимандрит Августин (Никитин). (2011). *Немецкая реформатская община в Санкт-Петербурге. В Немцы в Санкт-Петербурге (XVIII–XX века): Биографический аспект*. Выпуск 6 (с. 306–332).
- Баранова, И. В. (2021a). Благотворительность немцев в Санкт-Петербурге: Вклад пастора А. Мазинга в создание и организацию деятельности «Евангелического дома трудолюбия». *Известия высших учебных заведений Северо-Кавказского региона. Общественные науки*, 1, 48–53. <https://doi.org/10.18522/2687-0770-2021-1-48-53>

- Баранова, И. В. (2021b). Работа вместо подаяния: Работный дом «Брокенгауз» и благотворительная деятельность немцев в Санкт-Петербурге. *Современная научная мысль*, 4, 50–55. <https://doi.org/10.24412/2308-264X-2021-4-50-55>
- Баранова, И. В. (2021с). Российские императоры и немецкая благотворительность в Санкт-Петербурге. *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки*, 1, 10–19. <https://doi.org/10.21685/2072-3024-2021-1-2>
- Бахарева, О. Я. (2008). Лютеранство и благотворительная деятельность оренбургских немцев (вторая половина XIX – начало XX века). В С. С. Загребин (Ред.), *Уральские Бирюковские чтения. Сборник статей к 120-летию В. П. Бирюкова. Историко-культурное наследие российских регионов*. Ч. I. Вып. 5 (с. 474–479).
- Благотворительность в Санкт-Петербурге 1703–1918: Историческая энциклопедия*. (2016). Лики России.
- Вернер, А. А. (1998). Евангелические учреждения в Петербурге. В Л. В. Славгородская (Ред.), *Немцы в России. Проблемы культурного взаимодействия: Сборник статей* (с. 225–244).
- Вернер, А. А. (1999). Из истории лютеранских приходов Санкт-Петербургской губернии. В Г. И. Смагина (Ред.), *Немцы в России: Петербургские немцы: Сборник статей* (с. 321–332). Дм. Буланин.
- Гаврилина, Н. А. (2020). Максимов Евгений Дмитриевич: Взгляд на благотворительность и общественное призрение в России в XIX в. *Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета*, 4(56), 58–64.
- Грот, И. Х. (1780). *Учреждение основанного в Санктпетербурге на смертные случаи общества*. Вольная типография Вейтбрехта и Шнора.
- Грузенберг, М. О. (1907). Детские лечебные и дачные колонии в России. В *Общественное и частное призрение в России* (с. 227–242).
- Миннуллин, З. С. (2017). Татарские благотворительные общества: От общины к обществу. *Научный Татарстан*, 2, 5–18.
- О сиротском доме, учрежденном при Евангелической Лютеранской церкви Св. Анны в С-Петербурге. (1820). *Журнал Императорского Человеколюбивого общества*, XII, 127–133.
- Общественное и частное призрение в России*. (1907). Тип им. АН.
- Общество на смертные случаи, учрежденное в С. Петербурге*. (1820). *Журнал Императорского Человеколюбивого общества*, XII, 19–58.
- Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). (1789). Ф. 885.
- Российский государственный исторический архив (РГИА). (1867). Ф. 1287. Оп. 8. Д. 1560.
- Соколов, А. Р. (2005). *Благотворительность в народном образовании и ее роль в трансформации российского общества*. Лики России.
- Соколов, А. Р. (2006). *Благотворительность в России как механизм взаимодействия общества и государства (начало XVIII века – конец XIX века)*.
- Устав Общества для содержания Евангелической богадельни в г. Стрельне = Statuten des Vereins zur Erhaltung des evang. Siechenheims in Strelna*. (1892).
- Устав похоронной кассы г. Ревеля (Эстляндской губернии)*. (1906). Типо-литография Авг. Кулланг.

- Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). (1854-1855). Ф. 253. Оп. 1. Д. 331.
- Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). (1863-1866). Ф. 514. Оп. 1. Д. 223.
- Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). (1863-1864). Ф. 792. Оп. 1. Д. 667.
- Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). (1870). Ф. 514. Оп. 1. Д. 382.
- Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). (1873-1876). Ф. 253. Оп. 3. Д. 277.
- Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). (1892a). Ф. 254. Оп. 1. Д. 8685.
- Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). (1892b). Ф. 254. Оп. 1. Д. 8704.
- Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). (1893). Ф. 254. Оп. 1. Д. 8772.
- Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). (1895). Ф. 254. Оп. 1. Д. 8796.
- Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). (1895-1897). Ф. 770. Оп. 1. Д. 270.
- Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). (1907-1916). Ф. 569. Оп. 13. Д. 49 б.
- Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). (1909). Ф. 254. Оп. 1. Д. 10022.
- Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). (1915). Ф. 256. Оп. 33. Д. 250.
- Шендрикова, С. П., & Вишнякова, Н. Е. (2020). Благотворительная деятельность представителей немецких поселенцев в социальной жизни Таврической губернии (середина XIX – начало XX века). *Известия высших учебных заведений Северо-Кавказского региона. Общественные науки*, 3, 72–77. <https://doi.org/10.18522/2687-0770-2020-3-72-77>

References

- Alakshin, A. E. (2012). *Protestantskie obshchiny v Peterburge v XVIII veke*. Petropolis. (In Russian).
- Alishina, G. N. (2012). *Zhenskie blagotvoritel'nye obshchestva kak element grazhdanskoj samoorganizatsii gorodskikh nemtsev Rossiyskoy imperii v kontse XIX – nachale XX v. (Na primere Tomskogo evangelicheskoy-lyuteranskogo damskogo blagotvoritel'nogo obshchestva)*. *Ezhegodnik Mezhdunarodnoy assotsiatsii issledovateley istorii i kul'tury rossiyskikh nemtsev*, 1, 32–39. (In Russian).

- Arkhimandrit Avgustin (Nikitin). (1999). Nemetskaya Evangelicheskoye-lyuteranskaya tserkov' Sv. Petra. In G. I. Smagina (Ed.), *Nemtsy v Rossii: Peterburgskie nemtsy: Sbornik statey* (pp. 282–320). Dm. Bulanin. (In Russian).
- Arkhimandrit Avgustin (Nikitin). (2011). Nemetskaya reformatskaya obshchina v Sankt-Peterburge. In *Nemtsy v Sankt-Peterburge (XVIII–XX veka): Biograficheskiy aspekt. Issue 6* (pp. 306–332). (In Russian).
- Bakhareva, O. Ya. (2008). Lyuteranstvo i blagotvoritel'naya deyatelnost' orenburgskikh nemtsev (vtoraya polovina XIX – nachalo XX veka). In S. S. Zagrebin (Ed.), *Ural'skie Biryukovskie chteniya. Sbornik statey k 120-letiyu V. P. Biryukova. Istoriko-kul'turnoe nasledie rossiyskikh regionov. Part I. Issue. 5* (pp. 474–479). (In Russian).
- Baranova, I. V. (2021b). Work Instead of Giving: Working House “Brockenhaus” and Charitable Activity of Germans in St. Petersburg (Late XIX – early XX centuries). *Modern Scientific Thought*, 4, 50–55. <https://doi.org/10.24412/2308-264x-2021-4-50-55> (in russian).
- Baranova, I. V. (2021a). German Charity in St. Petersburg: The Contribution of the Pastor A. Mazing to the Establishment and Organization of “The Evangelical House of Diligence”. *Izvestiya Vuzov Severo-Kavkazskii Region Social Science*, 1, 48–53. <https://doi.org/10.18522/2687-0770-2021-1-48-53> (In Russian).
- Baranova, I. V. (2021c). Russian emperors and German charity in Saint Petersburg. *University proceedings. Volga region. Humanities*, 1, 10–19. <https://doi.org/10.21685/2072-3024-2021-1-2> (In Russian).
- Bericht des St. Petersburger evangelischen Vereins des Kinderheims in Pargala. Die evangelische Sommerkapelle und das Kinderheim in Pargala während des Sommer 1882. Vol. VII. [Report of the St. Petersburg Evangelical Association of the Children's Home in Pargala. The Protestant summer chapel and the children's home in Pargala during the summer of 1882. Vol. VII.]*. (1883). St. Petersburg. (In German).
- Blagotvoritel'nost' v Sankt-Peterburge 1703–1918: Istoricheskaya entsiklopediya*. (2016). Liki Rossii. (In Russian).
- Central State Historical Archive of St. Petersburg (CSHA SPb). (1854-1855). F. 253. In. 1. C. 331. (In Russian).
- Central State Historical Archive of St. Petersburg (CSHA SPb). (1863-1864). F. 792. In. 1. C. 667. (In Russian).
- Central State Historical Archive of St. Petersburg (CSHA SPb). (1863-1866). F. 514. In. 1. C. 223. (In Russian).
- Central State Historical Archive of St. Petersburg (CSHA SPb). (1870). F. 514. In. 1. C. 382. (In Russian).
- Central State Historical Archive of St. Petersburg (CSHA SPb). (1873-1876). F. 253. In. 3. C. 277. (In Russian).
- Central State Historical Archive of St. Petersburg (CSHA SPb). (1892a). F. 254. In. 1. C. 8685. (In Russian).
- Central State Historical Archive of St. Petersburg (CSHA SPb). (1892b). F. 254. In. 1. C. 8704. (In Russian).
- Central State Historical Archive of St. Petersburg (CSHA SPb). (1893). F. 254. In. 1. C. 8772. (In Russian).
- Central State Historical Archive of St. Petersburg (CSHA SPb). (1895-1897). F. 770. In. 1. C. 270. (In Russian).
- Central State Historical Archive of St. Petersburg (CSHA SPb). (1895). F. 254. In. 1. C. 8796. (In Russian).

- Central State Historical Archive of St. Petersburg (CSHA SPb). (1907-1916). F. 569. In. 13. C. 49 б. (In Russian).
- Central State Historical Archive of St. Petersburg (CSHA SPb). (1909). F. 254. In. 1. C. 10022. (In Russian).
- Central State Historical Archive of St. Petersburg (CSHA SPb). (1915). F. 256. In. 33. C. 250. (In Russian).
- Gavrilina, N. A. (2020). Maksimov Evgeniy Dmitrievich: Vzglyad na blagotvoritel'nost' i obshchestvennoe prizrenie v Rossii v XIX v. *Uchenye zapiski. Elektronnyy nauchnyy zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta*, 4(56), 58–64. (In Russian).
- Grot, I. Kh. (1780). *Uchrezhdenie osnovannogo v Sanktpeterburge na smertnye sluchai obshchestva. Vol'naya tipografiya Veytbrekhta i Shnora*. (In Russian).
- Gruzenberg, M. O. (1907). Detskie lechebnye i dachnye kolonii v Rossii. In *Obshchestvennoe i chastnoe prizrenie v Rossii* (pp. 227–242). (In Russian).
- Manuscripts Department of the Russian National Library (MD RNL). (1789). F. 885. (In Russian).
- Minnullin, Z. S. (2017). Tatarskie blagotvoritel'nye obshchestva: Ot obshchiny k obshchestvu. *Nauchnyy Tatarstan*, 2, 5–18. (In Russian).
- O sirotskom dome, uchrezhdenom pri Evangelicheskoy Lyuteranskoy tserkvi Sv. Anny v S-Peterburge. (1820). *Zhurnal Imperatorskogo Chelovekolyubivogo obshchestva*, XII, 127–133. (In Russian).
- Obshchestvennoe i chastnoe prizrenie v Rossii*. (1907). Tip im. AN. (In Russian).
- Obshchestvo na smertnye sluchai, uchrezhdennoe v S. Peterburge. (1820). *Zhurnal Imperatorskogo Chelovekolyubivogo obshchestva*, XII, 19–58. (In Russian).
- Russian State Historical Archive (RSHA). (1867). F. 1287. In. 8. C. 1560. (In Russian).
- Shendrikova, S. P., & Vishnyakova, N. E. (2020). Charitable Activities of German Settlers Representatives in the Social Life of the Crimea (Mid-19th - Early 20th Century). *Izvestiya Vuzov Severo-Kavkazskii Region Social Science*, 3, 72–77. <https://doi.org/10.18522/2687-0770-2020-3-72-77> (In Russian).
- Sokolov, A. P. (2006). *Blagotvoritel'nost' v Rossii kak mekhanizm vzaimodeystviya obshchestva i gosudarstva (nachalo XVIII veka – konets XIX veka)*. (In Russian).
- Sokolov, A. R. (2005). *Blagotvoritel'nost' v narodnom obrazovanii i ee rol' v transformatsii rossiyskogo obshchestva. Liki Rossii*. (In Russian).
- Ustav Obshchestva dlya sodержaniya Evangelicheskoy bogadel'ni v g. Strel'ne = Statuten des Vereins zur Erhaltung des evang. Siechenheims in Strelna*. (1892). (In Russian).
- Ustav pokhoronnoy kassy g. Revelya (Estlyandskoy gubernii)*. (1906). Tipo-litografiya Avg. Kullang. (In Russian).
- Verner, A. A. (1998). Evangelicheskie uchrezhdeniya v Peterburge. In L. V. Slavgorodskaya (Ed.), *Nemtsy v Rossii. Problemy kul'turnogo vzaimodeystviya: Sbornik statey* (pp. 225–244). (In Russian).
- Verner, A. A. (1999). Iz istorii lyuteranskikh prikhodov Sankt–Peterburgskoy gubernii. In G. I. Smagina (Ed.), *Nemtsy v Rossii: Peterburgskie nemtsy: Sbornik statey* (pp. 321–332). Dm. Bulanin. (In Russian).

Muslims of Central Asia in Siberia in the Context of State-Confessional Policy in the second half of the 19th – early 20th centuries

Elena A. Shershneva¹ & Petr K. Dashkovskiy²

Altai State University. Barnaul, Russia

Received: 25 May 2024 | Revised: 6 July 2024 | Accepted: 14 July 2024

Abstract

The Muslim population of Siberia represented an ethnically heterogeneous community, which included Tatars, as well as immigrants from Central and Central Asia, the Caucasus and other regions. Such polyethnicity and proximity to the Asian region, as one of the centers of Muslim culture, contributed to building contacts between Muslims of Siberia and Central Asia. Expansion of the territorial borders of the Russian Empire in the second half of the 19th century. and the government's special interest in Central Asia has influenced the development of relations between the Muslim population of the two neighboring regions.

The purpose of this study was to identify the main areas of interaction between the Muslim population of Siberia and Central Asia in the second half of the 19th – early 20th century, as well as to estimate the role of the state in regulating this process. Based on archival material, the author found that one of the areas of interaction of the Muslim population was organizing spiritual life. Despite the fact that the government, in an effort to extend its influence to the Asian region, provided support to the Muslim population in the second half of the 19th century, the same building codes were applied to the construction of religious buildings for Bukharans, as for all other Muslims. The closest contacts between the Muslims of Siberia and the Bukharians were built within the framework of pilgrimage trips, since often the way to Mecca for them lay through the territories of Central Asia. In addition, there were holy places in the region, which the Muslims of Siberia aspired to. This fact was of particular concern to the Government. The reforms initiated in the country aimed at limitation of the rights of the Muslim population have reduced the migration flow from the Asian region to Siberia. The government paid special attention to the missionary activities of the Russian Orthodox Church as a tool for involving Muslims of Siberia and Central Asia in the socio-cultural space of the empire.

Keywords

Islam; Muslims; Siberia; Central Asia; Russian Empire; State and Confessional Policies

This work is licensed under a [Creative Commons “Attribution” 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

1 Email: D2703[at]yandex.ru ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6766-6438>

2 Email: dashkovskiy[at]fpn.asu.ru ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7625-5865>

Мусульмане Центральной Азии в Сибири в контексте государственно-конфессиональной политики во второй половине XIX – начале XX в.

Шершнёва Елена Александровна¹, Дашковский Пётр Константинович²

Алтайский государственный университет. Барнаул, Россия

Рукопись получена: 25 мая 2024 | Пересмотрена: 6 июля 2024 | Принята: 14 июля 2024

Аннотация

Мусульманское население Сибири представляло неоднородную в этническом плане общность, в которую входили татары, а также выходцы из Средней и Центральной Азии, Кавказа и других регионов. Такая полиэтничность и близость с азиатским регионом, одним из центров мусульманской культуры, способствовала выстраиванию контактов между мусульманами Сибири и Центральной Азии. Расширение территориальных границ Российской империи во второй половине XIX в. и особый интерес со стороны правительства к Центральной Азии оказали влияние на развитие отношений между мусульманским населением двух соседствующих регионов.

Целью данного исследования было выявление основных направлений взаимодействия мусульманского населения Сибири и Центральной Азии во второй половине XIX – начале XX в., а также роли государства в регулировании данного процесса. Опираясь на архивный материал, автором было установлено, что одним из направлений взаимодействия мусульманского населения стала организация духовной жизни. Несмотря на то, что правительство, стремясь распространить свое влияние на азиатский регион, оказывало поддержку мусульманскому населению, во второй половине XIX в., для бухарцев действовали те же строительные нормы при возведении культовых зданий, что и для всех остальных мусульман. Наиболее тесные контакты мусульман Сибири с бухарцами выстраивались в рамках паломнических поездок, т. к. часто путь в Мекку для них пролегал через территории Центральной Азии. К тому же в регионе находились святые места, к которым стремились мусульмане Сибири. Данный факт вызывал особую обеспокоенность правительства. Начатые реформы в стране, направленные на ограничение прав мусульманского населения, сократили миграционный поток из азиатского региона на территорию Сибири. Особое внимание правительство уделяло миссионерской деятельности Русской православной церкви, как инструмента по вовлечению мусульман Сибири и Центральной Азии в социокультурное пространство империи.

Ключевые слова

Ислам; мусульмане; Сибирь; Центральная Азия; Российская империя; государственно-конфессиональная политика

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons “Attribution” \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

1 Email: D2703[at]yandex.ru ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6766-6438>

2 Email: dashkovskiy[at]fjpn.asu.ru ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7625-5865>

Введение

Ко второй половине XIX в. в состав российского государства входят обширные территории с населением, исповедующим ислам. Пристальное внимание правительства в данный период уделялось Азиатским окраинам империи, т.к. данные территории имели важное геополитическое значение. Осуществляя политику продвижения вглубь Центрально-Азиатского региона, правительство считало необходимым обеспечить безопасность своим казахским владениям, аргументируя это опасениями относительно целостности государства (Васильев, 2022, с. 97–98). К тому же российское правительство включало территорию Центральной Азии в сферу своих социально-экономических интересов. Однако, решая социально-экономические и политические задачи, имперская власть не могла отстраниться от этноконфессиональных проблем. Увеличение численности мусульманского населения Российской империи в пореформенный период (Редкозубов, 2015, с. 989; Романовская, 2006, с. 149), требовало от правительства решения вопросов, связанных с правовым положением мусульманских общин на территории империи, а также взаимодействия с ними.

Одной из проблем, с которой столкнулось российское государство, являлась интеграция инородческого населения, исповедующего ислам на присоединенных территориях, в социально-политическое и культурное пространство империи. Такая заинтересованность правительства объяснялась давними контактами мусульманского населения Сибири со своими единоверцами из Центрально-Азиатского региона. По имеющимся данным, ислам проник в Сибирь в XIV–XVI вв. с территории Центральной Азии (Белич, 2004, с. 480–503). К тому же влияние выходцев из Центрально-Азиатского региона на своих единоверцев объяснялось этнической неоднородностью мусульманских общин Сибири. Мусульманское население, которое занимало важное место в этноконфессиональной карте Сибири, было включено в общеимперскую систему государственно-конфессиональных отношений (Дашковский & Шершнева, 2015, с. 242–264; Шершнева, 2024, с. 145–169; и др.). Оно было представлено в регионе татарами, казахами, выходцами из Центральной Азии, Кавказа и др. Российское правительство, стремясь к упрочению торговых связей с Востоком, стремилось к привлечению торговцев в Сибирь, предоставляя им дополнительные льготы. В результате этого уже в конце XVI в. в регионе появляются первые бухарские поселения (Тычинских, 2021, с. 113).

Целью данного исследования является рассмотрение положения выходцев из Центральной Азии, исповедующих ислам, в Сибири, в контексте государственно-конфессиональной политики Российской империи во второй половине XIX – начале XX в.

На основании архивных материалов, представленных в фондах Российского государственного исторического архива (РГИА), Государственного

архива Российской Федерации (ГА РФ), Национального архива Республики Башкортостан (НА РБ), Государственного архива Томской области (ГАТО), Исторического архива Омской области (ИАОО), нам удалось рассмотреть участие выходцев из Центральной Азии во второй половине XIX – начале XX в. в организации духовной жизни мусульманского населения Сибири. Наряду с участием в строительстве культовых зданий отмечается проповедническая деятельность среди мусульманского населения, которую осуществляли образованные выходцы как из Сибири, так и Центрально-Азиатского региона. В рамках совершения паломнических поездок, в том числе и по святым местам, располагающимся в Центральной Азии, выстраивались контакты между мусульманским населением Сибири с т.н. бухарцами. Архивные документы демонстрируют определенное участие представителей мусульманской культуры Центрально-Азиатского региона в социально-экономической жизни Сибири.

В качестве методологической основы исследования взяты принцип объективности и историзма, позволяющие рассмотреть роль выходцев из Центральной Азии в социально-экономической и духовной жизни мусульманского сообщества Сибири. К тому же следует отметить, что Сибирь, занимающая особое положение в имперской государственно-конфессиональной политике, являлась фронтирным регионом. Правительство стремилось к включению мусульманского населения Сибири в общеимперское социально-экономическое, культурное и политическое пространство. Однако данный процесс следовало проводить постепенно, учитывая этноконфессиональные особенности проживающего в регионе населения. При подготовке работы применялись общенаучные (анализ, синтез, обобщение), а также специальные исторические методы (историко-генетический и ретроспективный). Совокупность данных методов позволяет раскрыть неоднозначность положения мусульманского населения в рамках реализуемой в государстве конфессиональной политики. Анализ источниковой базы позволил выявить основные направления деятельности мусульманского населения Центральной Азии в Сибири во второй половине XIX – начале XX вв.

В последние годы особый интерес исследователей обращен к вопросам регулирования национальных отношений на приграничных территориях Российской империи, и, в частности её Центрально-Азиатских окраинах. Ученые анализируют имперский опыт национальной политики в рамках полиэтничного государства. При этом не обходят стороной вопрос регулирования конфессиональных отношений на данных территориях (Лысенко, Анисимова, Тарасова & Стурова, 2014; Центрально-Азиатский регион Российской империи в условиях фронтирной модернизации, 2021; Лысенко, 2012; Васильев, 2022; Брюханова, Неженцева & Чекрыжова, 2021).

Отдельное внимание исследователей уделяется вопросам паломничества мусульманского населения (Набиев & Гафаров, 2012; Нуриманов, 2019;

Литвинов, 2020; Дашковский & Шершнева, 2023), а также социально-экономическому положению представителей исламской традиции (Почекаев, 2017; Тычинских, 2021). Несмотря на это, авторами практически не уделяется внимание вопросу взаимоотношения мусульман Сибири со своими единоверцами из Центральной Азии. Остается вне поля зрения специальных научных исследований роль выходцев из Центральной Азии в организации духовной жизни мусульманских общин Сибири.

Взаимодействие мусульман Сибири с народами Центрально-Азиатского региона в организации духовной жизни

Старожильческое мусульманское население Сибири было представлено преимущественно татарами, бухарцами и казахами, которые, на основании Устава «Об управлении инородцев» (1822 г.), относились к сословию инородцев. При этом сибирские татары, как отмечали исследователи, основываясь на анализе племенного состава населения Сибири, сделанного С. К. Паткановым, были разделены на несколько групп, к которым относились тоболо-иртышские, барабинские и томские татары (Карих, 2004; Патканов, 1911, Т. 2; Патканов, 1912, Т. 3). Данные этнические группы проживали во второй половине XIX в. на юге Туринского и Тобольского округов, а также занимали территорию Тюменского, Тарского и Ялуторовского округов Тобольской губернии. В Томской губернии они проживали на юге Томского и севере Кузнецкого округов, а также на территории Барабинской степи, и числились в 4 волостях Каинского округа.

Бухарцы занимали территории Тобольского, Тюменского и Тарского округов Тобольской губернии, а также Томский округ Томской губернии. Бухарцы обычно образовывали свои отдельные селения по соседству с татарскими поселками.

Казахи проживали в юго-западных степных районах Барнаульского и Змеиногорского округов. Однако, уже по данным переписи 1897 г., их численность сократилась, и они начали селиться среди русского и татарского населения, не формируя собственных поселков. В Тобольской губернии представители казахского этноса, несмотря на то, что их было значительно меньше по сравнению с Томской губернией, кочевали в южных степях Ишимского, Курганского и Тюкалинского округов, где к началу XX в. также находились уже крестьянские переселенческие поселки (Карих, 2004, с. 59)

В Иркутской и Енисейской губерниях мусульманское население было преимущественно представлено татарами, которые проживали в Ачинском, Канском, Красноярском и Минусинском округах Енисейской губернии, в Иркутской губернии основными центрами расселения татар стали Иркутский, Балаганский им Нижнеуденский округа (Патканов, 1911, Т. 2, с. 321–324;

Патканов, 1912, Т. 3, с. 434–437). Во второй половине XIX в. этнический состав мусульманского населения Сибири в определенной степени расширяется, за счет переселенческих процессов, происходивших в стране. На территорию Сибири, наряду с русскими крестьянами переселенцами, переселяются татары Поволжья и Приуралья. В Енисейской губернии к началу XX в. переселенцы с регионов Кавказа и Центральной Азии составили по 1% от всего приезжего населения (Баранцева, 2009, с. 36).

Согласно Первой Всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. в Сибири, а именно в Енисейской, Иркутской, Томской и Тобольской губерниях, проживало 37297 человек выходцев из Центральной Азии. Таким образом, они составили 31,7% всего мусульманского населения региона (Наличие населения обоого пола..., 1905, с. 52–56; Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г., 1904, Т. XXVI, с. 36–37; Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г., 1904. Т. LXXV, с. 26–27; Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г., 1904. Т. LXXXIII, с. 26–27; Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г., 1905. Т. LXXVIII, с. 42–43).

Опираясь на данные Первой Всероссийской переписи населения, мы можем отметить, что лишь 5,7% (6652 человека) мусульман Томской, Тобольской, Енисейской и Иркутской губерний проживало в городах. Самый большой процент мусульманского городского населения приходился на Восточную Сибирь и составлял 27,3% в Енисейской и 15,5% в Иркутской губерниях соответственно от всего населения, исповедующего ислам в данных регионах (Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г., 1904, Т. XXVI, с. 36–37; Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г., 1904. Т. LXXV, с. 26–27; Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г., 1904. Т. LXXXIII, с. 26–27; Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г., 1905. Т. LXXVIII, с. 42–43). Данный факт позволяет сделать вывод о том, что большая часть мусульман, проживающих в Сибири, была задействована в аграрном секторе. Такой же точки зрения придерживается и Е. В. Карих, указывая, что 70–80% мусульманского населения на территории Западной Сибири (Томской и Тобольской губерний) занималось земледелием. Согласно имеющимся данным, самый большой процент мусульманского населения, занятого в торговле – 8,4%, – проживал в Томском округе. 3,4% торговцев-мусульман проживало в Тюменском округе, а в остальных округах Западной Сибири данный процент составлял 1–2%. При этом в данном секторе преимущественно были заняты бухарцы и казанские татары. Небольшая доля – 2% татарского населения, исповедующего ислам, – была занята в ремесленном производстве. В Тобольской губернии численность мусульманского населения, задействованного в торговле, была значительно выше и составляла 9–13%. В ремесленном производстве было занято при этом 2% последователей ислама (Карих, 2004, с. 83). В Восточной

Сибири процент мусульманского населения, занятого торговой деятельностью, был достаточно высоким. Так, согласно Первой всеобщей переписи населения, в Енисейской губернии процент мусульман в сфере торговли составил 5,4% от всего населения губернии, вовлеченного в данную отрасль, а в Иркутской – 7,8%. При этом население, занятое в сельском хозяйстве, и в частности, занимающиеся земледелием, не превышало в двух этих губерниях 3,4% от всех жителей, задействованных в данной отрасли. При этом следует отметить, что в Енисейской губернии 84% мусульман, согласно Первой всеобщей переписи населения, были заняты сельскохозяйственной деятельностью. В Иркутской губернии данный процент был значительно ниже, и составлял 15% от всего мусульманского населения региона (Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г., 1904. Т. LXXXIII, с. 116–155; Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г., 1904, Т. LXXV, с. 110–145). Однако, на наш взгляд, такое распределение населения по роду занятий осуществляется на основании принадлежности к языковой группе, что позволяет нам выявить только основные тенденции занятости населения, принадлежавшего к конкретной конфессиональной группе.

Если обратить внимание на сословную принадлежность жителей Сибири, исповедующих ислам, то становится ясно, – большинство из них относилось к крестьянскому и инородческому сословиям, что и определяло основной их род занятий. Несмотря на то, что в Иркутской губернии процент занятого сельскохозяйственной деятельностью мусульманского населения был не очень большим, в остальных профессиональных группах он был ещё ниже. Наиболее крупные общины мусульман в городах Сибири встречаются в Томске, Иркутске, Енисейске, Таре, Тобольске и Тюмени (Брюханова, Неженцева & Чекрыжова, 2021, с. 142).

Рост численности мусульманского населения в составе Российской империи, и, в частности, в Сибирском регионе, потребовал от правительства решения вопросов, связанных с удовлетворением их духовных потребностей.

Ещё в начале XVIII в. был издан указ, согласно которому запрещалось без особого дозволения проповедникам ездить к инородцам и строить мечети в Сибири. В результате этого сибирский губернатор получил право выдавать разрешение на строительство мечетей в губерниях Сибири (Ищенко, 2016, с. 240; ПСЗ – I, т. XVIII, №13336). Наряду с этим, в российском законодательстве были закреплены нормы и правила по возведению мечетей. Основными требованиями, предъявляемыми со стороны правительства к мусульманским общинам, желающим построить культовое здание, являлись численный состав общины, а также её финансовая состоятельность. Данные требования были связаны с тем, что строительство и содержание здания мечети осуществлялось за счет членов самой общины. Такие требования касались всех этнических групп мусульманского населения, проживающего на территории Сибири.

В связи с тем, что все расходы по строительству и содержанию культового здания мусульмане должны были взять на себя, не все общины Сибири могли себе позволить строительство даже разрешенной мечети. В таких случаях наиболее обеспеченные члены общины стремились оказать финансовую поддержку при возведении культового здания. Примером этому может служить обращение в Оренбургское магометанское духовное собрание выходца из Центральной Азии, поданное им в 1859 г. с просьбой разрешить именно ему построить молитвенный дом для бухарцев, поскольку сама община средств на постройку разрешенной каменной мечети не имела. В свою очередь, Тобольское губернское правление обратилось с просьбой в Оренбургское магометанское духовное собрание разъяснить, нет ли препятствий в отношении постройки вместо утвержденной ранее каменной мечети молитвенного дома. Однако данная переписка не ограничилась только ответом Оренбургского магометанского духовного собрания. В свою очередь, Оренбургское магометанское духовное собрание просило разобрать губернские власти и ответить, нет ли препятствий со стороны городских властей на возведение бухарцами молитвенного дома. Кроме того, необходимо было выяснить, что мешает бухарцам посещать имеющиеся в городе мечети, и действительно ли получено ими ранее разрешение на постройку каменной мечети. В результате данного запроса от местной полиции был затребован план городского строительства, согласно которому еще в 1851 г. был отведен участок под №134 для постройки мечети. Самими бухарцами пояснялось, что молитвенный дом они хотят построить в силу немногочисленности своей общины и нехватки средств на строительство мечети. Они также подчеркивали, что посещают существующие в городе мечети. Однако поскольку в городе много жителей исповедовали ислам, в праздники места всем в мечетях часто просто не хватало. Кроме того, они указывали, что мечети находились далеко от их домов, поэтому они не всегда могли полноценно исполнить предписания своей религии. В связи с тем, что «Устав строительный» (ст. 260) оговаривал только нормы строительства мечетей, а о нормах возведения молитвенных домов никаких данных не было, бухарцы просили войти в их положение и разрешить постройку культового объекта такого типа. Губернское управление в свою очередь передало данное прошение в Главное управление Западной Сибири. Кроме того, губернские власти просили ускорить процесс передачи сведений от Оренбургского магометанского духовного собрания о том, могут ли указанные причины стать основанием для разрешения постройки молитвенного дома вместо мечети. В 1860 г. Генерал-губернатором Западной Сибири было указано, что замена мечети молитвенным домом считается невозможной, т.к. это отдалит ее строительство на неопределенный срок. Данное решение представитель имперской власти в регионе просил сообщить тем, кто направлял запрос (НА РБ, 1852–1860 л. 10–20).

Пристальное внимание со стороны правительства к возведению культовых зданий мусульманским населением, а затем и назначению в них лиц духовного звания на территории Сибири объяснялось тем, что она граничит с Азиатской степью. Именно территория Центральной Азии рассматривалась как оплот исламской культуры, а мусульманское духовенство могло быть проникнуто, по мнению чиновников, духом религиозного фанатизма. Таким образом, несмотря на то, что имперская власть была заинтересована в расширении границ государства на азиатских окраинах, отношение к мусульманскому населению продолжало оставаться в определенной мере настороженным. Отступление от правил строительства культовых зданий для представителей мусульманской традиции, являющихся выходцами из Центрально-Азиатского региона, могло, по мнению чиновников, усилить влияние ислама на население Сибири и привести к ослаблению границ государства (ИАОО, 1856–1859, л. 35–35 об.).

В результате, несмотря на заинтересованность со стороны правительства по включению населения центрально-азиатского региона в социально-экономическое и политическое пространство империи, государственными органами подчеркивался тот факт, что только Русская православная церковь, являясь государственной конфессией, может рассчитывать на финансовую поддержку со стороны государства. Остальные, даже терпимые конфессии, не могут претендовать ни на какую финансовую помощь в решении своих религиозных потребностей (РГИА, 1868, л. 7).

Вопрос об оказании материальной поддержки религиозным общинам возник не случайно, т.к. мусульмане г. Омска обратились в губернские органы власти с просьбой оказать им финансовую помощь при осуществлении ремонта мечети. В рамках рассмотрения данного дела было установлено, что изначально мечеть строилась по разрешению Министерства внутренних дел и за государственный счет. При мечети также был возведен посольский дом. Данный комплекс был построен с целью удовлетворения религиозных и бытовых потребностей мусульман, приезжающих в регион из Центральной Азии по долгу службы (РГИА, 1862–1869, л. 1–6; РГИА, 1863, л. 2–8). Однако в результате рассмотрения данного дела генерал-губернатором Западной Сибири было сделано заключение, согласно которому мечеть была передана на полное содержание мусульманской общины г. Омска, т.к. правительство больше в ней не нуждалось, а посольский дом планировалось продать с торгов, как утратившей свою значимость (РГИА, 1868, л. 7). Рассмотрение данного дела указывает на тот факт, что с укреплением своих позиций в азиатском регионе российские власти постепенно переставали искать поддержки у населения. Таким образом, мусульмане, являющиеся выходцами из Центральной Азии, оказывались уравниены в правах с остальным мусульманским населением Российской империи, а решение вопроса удовлетворения их духовных потребностей возлагался на саму общину.

Наряду с возведением культовых зданий, важным аспектом религиозной жизни мусульманских общин являлась организация учебных заведений при них. В мусульманской среде на протяжении нескольких столетий складывалась собственная система школьного образования, которая была построена на религиозных основах. Государственные чиновники, опасаясь распространения религиозного фанатизма, а также антиправительственных настроений среди мусульманского населения, стремились реформировать систему школьного образования с помощью внедрения т.н. русско-инородческих школ. Данный тип учебных заведений распространялся как на территории Сибири, так и Центральной Азии. Этот регион был выбран не случайно, т.к. территория Центральной Азии в определенной степени рассматривалась как политически неблагонадежный регион. При этом мусульмане Сибири имели тесные контакты со своими единоверцами, проживающими на азиатских окраинах империи (Нам, 2000, с. 74).

Данные контакты в сфере образования подтверждаются отчетами Министра народного просвещения, предоставленными генерал-губернатору Западной Сибири. В своих отчетах чиновник обращал внимание, что выпускники медресе Западной Сибири переселяются под видом кузнецов в центрально-азиатские регионы и осуществляют там проповедническую деятельность, что негативно сказывается на формировании российской идентичности на азиатских окраинах империи (ГАТО, 1877–1878, л. 15–18). С целью установления контроля над мусульманским населением и ограничения влияния исламских проповедников на своих единоверцев, в том числе проживающих на азиатских окраинах империи, во второй половине XIX в. появился Проект положения ученических квартир. В рамках данного проекта в г. Омске были организованы ученические квартиры для мальчиков из киргизских (казахских) семей, обучающихся в гимназии (Недзелюк, 2023, с. 159). Данные меры были направлены на приобщение мусульман азиатских окраин Российской империи к русской культуре.

Фактор благонадежности в межкультурном диалоге мусульманского населения Сибири и Центральной Азии

Признавая за исламом статус терпимой конфессии, российское правительство стремилось к установлению контроля над мусульманским населением путем выстраивания отношений с духовенством, а в Центральной Азии ещё и с политическими элитами (Васильев, 2006, с. 32). Опасаясь распространения в Центрально-Азиатском регионе антиправительственных идей, правительство считало необходимым ввести ограничения доступа в данный регион подданных мусульманских стран (Тихонов, 2008, с. 238). Данные ограничения необходимы были также в связи с тем, что фактором, способствующим этноконфессиональной стабильности российских мусульман, являлись их

контакты со своими единоверцами из-за рубежа, а также проживающими в Центрально-Азиатском регионе мусульманскими проповедниками. Одним из источников таких контактов с единоверцами являлась торговля с мусульманскими странами. Выстраивая торговые контакты с единоверцами, мусульмане получали от них предметы культа и быта. Кроме того, через организацию торговых связей на территорию России проникали мусульманские учителя и проповедники. Для мусульман Сибири на протяжении долгого времени основным источником получения религиозных знаний и традиций оставалась территория Центральной Азии. Тесные контакты с данным регионом позволяли получать образование у мусульманских учителей (Набиев & Гафаров, 2012, с. 37).

Следует также отметить, что, несмотря на попытки регламентации поселения иностранных подданных на территории России, государство оставалось для них максимально закрытым. Имперские власти всячески стремились к ограничению внешних миграций, восполняя данный процесс переселения внутри страны (Квакин, 2007, с. 37–40). Ещё в 1854 г. Главным управлением Западной Сибири на имя Томского губернатора была направлена бумага, которая предписывала устанавливать тайный контроль над лицами, пребывающими из Хивы и Бухары, а также персами, появляющимися на территории губернии (ГАТО, 1854–1855, л. 3–8).

К началу XX в. стал особенно актуальным вопрос проникновения пантюркистских и панисламистских идей на территорию Российской империи. Распространение антиправительственных идей, а также осложнившаяся международная обстановка потребовали пристального внимания от правительства к такому явлению мусульманской культуры, как хадж. Османская империя и Персия рассматривали российских паломников в данный период как инструмент, способствующий дестабилизации в российском государстве. Турция, являясь главным организатором паломничества мусульман со всего мира, стремилась обеспечить им наиболее комфортное и безопасное передвижение до святой земли. Таким образом, Османской империей был объявлен сбор средств на строительство железной дороги из Константинополя в Мекку, в котором активное участие приняли также мусульмане России и Центральной Азии (Нуриманов, 2019, с. 85).

Активная позиция мусульманского населения Российской империи, а также увеличение его численности во второй половине XIX в. заставили Министерство иностранных дел включиться в вопросы организации паломничества и миграции. Ведомство курировало процесс подготовки различного рода аналитических справок и документов. Хадж при этом начал рассматриваться чиновниками как явление неизбежное, но приносящее только вред (Арапов, 2004, с. 210–212). Такое отношение со стороны российских чиновников было не случайным. В данный период обращает на себя внимание провокационная политика турок. Обострение отношений с Турцией объяснялось пози-

циями Российской империи в Центральной Азии. Места паломничества в ряде случаев становились центрами притяжения турецких агентов, которые вели агитационную работу среди мусульман по дестабилизации обстановки в стране. В частности, их деятельность получала распространение на территории Центральной Азии. Например, в 1916 г. в Туркестане был арестован Каракум-ишан, призывавший паломников-мусульман собирать деньги в поддержку Германии и Османской империи (Литвинов, 2016, с. 56–58).

Обеспокоенность со стороны правительства вопросами распространения антиправительственных идей на территории Центральной Азии, может объясняться ещё и тем, что мусульмане Сибири, наряду с Меккой, центром исламской культуры и духовности считали территорию Центральной Азии. В азиатском регионе располагалось большое количество «святых мест», поклониться которым стремились мусульмане Российской империи. Так, сибирские татары семикратное посещение астаны Хаким-ата приравнивали к хаджу в Мекку. Следует отметить, что для мусульман Сибири посещение могил святых является неотъемлемой частью культовой практики. Особое внимание российские мусульмане уделяли хранителям «святых мест». Хранители получали доходы от паломничества, а также могли претендовать на материальные и денежные пожертвования. Таким образом, в Российской империи контроль над «святыми местами» на территории Центральной Азии представлялся весьма почетным и прибыльным занятием (Литвинов, 2020, с. 785–786; Ислам в России и Евразии XVI – XXI вв., 2021, с. 168–189).

Вызывала обеспокоенность царской администрации и статистика паломнических поездок. Согласно данным на 1898 г., Мекку посетили 1795 российских подданных. При этом большая их часть являлась выходцами из Центральной Азии, особенно из Ферганской долины. При этом остановить процесс паломничества государственным органам не представлялось возможным, т.к. паломники часто уходили в Мекку и без паспортов (Нуриманов, 2007).

Несмотря на то, что точных сведений о количестве паломников из Сибири не сохранилось, косвенные свидетельства указывают на то, что некоторые представители мусульманских общин данного региона посещали Мекку, а вместе с тем и Стамбул. Данный факт находит подтверждение в том, что большинство мусульманских книг, получивших распространение в учебных заведениях сибирского региона, были привезены из паломнических поездок. Так, только в Ембаевском медресе (г. Тюмень) в 1913 г. насчитывалось 2200 книг, купленных в Египте, Сирии и Иерусалиме во время паломнических поездок меценатом Нигматтулой Сайдуковым (Набиев & Гафаров, 2012, с. 39).

О совершении паломнических поездок мусульманами Сибири свидетельствуют и архивные данные, среди которых Енисейским губернатором было обращено внимание на возможные факты нелегального совершения хаджа мусульманами губернии (ГА РФ, 1890, л. 93).

Таким образом, российские власти беспокоил не только вопрос посещения мусульманами Российской империи Мекки, но и выстраивание ими в рамках данного процесса отношений со своими единоверцами в Центральной Азии. Отправляясь в хадж, мусульмане Сибири выбирали для себя наиболее удобный путь, который проходил через Самарканд, Бухару и территорию Афганистана, где вступали в тесное взаимодействие со своими единоверцами (Нуриманов, 2019, с. 83–84). В период достаточно сложного и долгого пути мусульмане получали возможность пополнить свои религиозные знания в результате общения с учителями проповедниками, проживающими на данных территориях. Во время хаджа мусульмане стремились удовлетворить все свои духовные потребности, а некоторые из них, проделав сложный путь и преодолев все административные преграды, стремились остаться в Турции. Консулом в Джидде отмечалось, что достаточно большое количество представителей Центральной Азии даже не планировало возвращаться на родину (Набиев & Гафаров, 2012, с. 38). Не следует, однако, забывать, что для Сибири данные процессы могли представлять угрозу в том плане, что мусульмане, проживающие в регионе, имели определенные контакты со своими единоверцами из Центральной Азии, которые существенно больше были включены в данный процесс.

В связи с этим, несмотря на слабую вовлеченность мусульманского населения Сибири в процесс совершения хаджа, для российского правительства оставалось весьма важным установление контроля над их контактами. Несмотря на территориальное расположение святынь, мусульмане в местах поклонения выстраивали тесные социальные связи со своими единоверцами и распространяли не только религиозные, но и определенные политические идеи.

Социально-экономические контакты мусульманского населения Сибири и Центральной Азии

Мусульманское население Сибири долгое время рассматривалось российским правительством как инструмент по выстраиванию социально-экономических отношений с Центрально-Азиатским регионом. В XVIII в. русские купцы, ведя торговлю с Центральной Азией, нанимали в приказчики татар и бухарцев (Клюева, 2005, с. 134). Одним из основных центров центральноазиатской торговли стала Ирбитская ярмарка, значение которой для мусульманского населения Сибири и Центральной Азии оставалось весьма актуальным и в XIX в. На ярмарке выстраивались не только торговые контакты с единоверцами, но и организовывалась благотворительная деятельность. На них собирались средства на строительство мечетей и учебных заведений, а также оказание помощи нуждающимся (Таиров, 2008, с. 98; Зияев, 1983).

Активная социально-экономическая позиция мусульманского населения оказывала влияние на экономическую жизнь городов Сибири. Мусульмане, как правило, жили отдельными слободами на окраине городов и опирались на экономический потенциал своих собратьев из ближайших деревень. Отдельную категорию мусульманского населения Сибири представляли бухарцы и ташкенцы, которые составляли преимущественно собственные поселки. Однако в некоторых случаях они входили в единый поселок с татарами, объединяясь с ними по принципу религиозной принадлежности (Тычинских, 2021, с. 115). К тому же, как отмечает Е. В. Карих, к концу XIX в. наблюдается процесс ассимиляции сибирских бухарцев с татарским населением региона (Карих, 2004, с. 38). Однако, именно эти мусульмане вели активную торговую деятельность с азиатским регионом (Ивонин, 2011, с. 112; Томилов, 1981, с. 119).

Численность мусульманского купечества, представленная выходцами из Центральной Азии, была в Сибири незначительной, однако существует упоминание о некоторых представителях бухарских купеческих фамилий. Так, сохранились сведения о купце первой гильдии Р. Айтыкине, проживавшем в Тобольской губернии, имевшем пароходство (Бойко, 2009, с. 47). Представители данной фамилии были включены в благотворительную деятельность региона. Известны также такие фамилии купцов, происходивших из сибирских бухарцев, как Айтмухаметовы, Муртазины и Мирсалимовы, которые сыграли важную роль в социально-экономической жизни мусульманских общин Сибири (Тычинских, 2017, с. 197; Бакиева, 2017 с. 27–28). Представители данных фамилий вели активную благотворительную деятельность, занимались строительством культовых зданий и открытием учебных заведений при них.

Начиная со второй половины XIX в., меняется отношение к татарским купцам в Центрально-Азиатском регионе. Если в начале века они являлись посредниками между Российским государством и аборигенным населением, то начиная с 60-х гг. XIX в. правительство принимало меры по вытеснению татар из степи. В рамках такой политики татарам запрещалось приобретать землю и недвижимое имущество в Центрально-Азиатском регионе (ПСЗ – III, т. VI, № 3814; Ремнев, 2006, с. 7, 14). Следует отметить, что в этот период Центрально-Азиатский регион начинает интересовать российское правительство как источник сырья и сбыта в условиях развивающихся модернизационных процессов Российской империи (Захаров & Суздалева, 2023, с. 27). В связи с этим политика правительства в данный период была направлена на постепенное приобщение мусульманского населения региона к русской культуре и быту.

Однако, несмотря на все попытки со стороны правительства по приобщению мусульманского населения к русской культуре, оно стремилось к сохранению своей этнорелигиозной идентичности. Наиболее обеспеченные выходцы Центрально-Азиатского региона, представившие собой во второй

половине XIX в. категорию старожилов, оказывали финансовую поддержку своим единоверцам с целью их укрепления в вере. В 1898 г. бухарцем юрт Ембаевских Тобольской губернии было подано прошение в Оренбургское магометанское духовное собрание с ходатайством перед Министерством внутренних дел о принятии его пожертвования в сумме 19000 рублей в пользу мечети на вечное пользование. Кроме того, сообщалось, что жертвенный капитал будет внесен в Тюменское отделение государственного банка. Все указанные проценты от жертвенного капитала необходимо было тратить на содержание мечети, библиотеки и другие объекты, а также на священнослужителей. Министерством внутренних дел было дано распоряжение о разрешении принять пожертвование от бухарца Нигматуллы Кармышакова Сейдукова и занести в установленную книгу. При этом распоряжаться после смерти Н. К. Сейдукова получаемыми от вклада процентами имело право Оренбургское магометанское духовное собрание. Указанное учреждение с особой тщательностью следило за распоряжением жертвенными средствами, запрашивая отчеты об их распределении с назначенного мутавакия (НА РБ, 1898, л. 2–6).

Ко второму десятилетию XX в. мусульманское население Сибири начинает включаться в политическую жизнь страны. Особенно выделился в данном процессе общественный и политический деятель Г. Ибрагимов, происшедший из сибирских бухарцев г. Тары Тобольской губернии. На страницах издаваемых им газет «Ульфэд», «Шакирд», «Мираат» освящались вопросы правового положения мусульманского населения в российском государстве. В своем произведении «Утренняя звезда» А. Г. Ибрагимов критиковал политику российского правительства в области образовательной политики, считая, что мусульманские народы должны получать образование на родном языке (Водкова, 2007, с. 7).

Такая активная позиция мусульманского населения Сибири в начале XX в. привела к более пристальному вниманию со стороны правительства к представителям исламской традиции. К тому же настороженному отношению к представителям исламской культуры со стороны государственных чиновников способствовал созданный в 1915 г. представителями прогрессивной мусульманской общественности, уехавшими в Европу после Первой русской революции, в Стамбуле, Комитет защиты прав мусульманских тюрко-татарских народов России. Примечательно, что среди создателей данного комитета был тот же выходец Тобольской губернии А. Г. Ибрагимов. Данная организация в созданном ей Меморандуме изложила основные идеи, среди которых прозвучала потребность в создании единой государственности для мусульманских народов, проживающих в пределах Российской империи, создание для казахов, проживающих от Урала до Туркестана, административной автономии, а также восстановление полной независимости Бухарского и Хивинского ханств. Озвучивая свои идеи, представители мусульманской обще-

ственности были приняты на высоком уровне в ряде европейских государств, что, безусловно, не осталось незамеченным в России, где их обвинили в сепаратизме (Исхаков, 2014, с. 29).

Несмотря на то, что правительство стремилось ограничить контакты мусульман со своими единоверцами из-за рубежа, в том числе используя административно-правовой ресурс, в конце XIX в. наблюдались массовые посещения русских мусульман гостями из-за границы, которые называли себя родственниками, и свое пребывание на территории Российской империи фиксировали как гостевое. Подобного рода процессы происходили на территории всей России, и Сибирь не являлась исключением. Так, ташкентский выходец просил причислить его к общине казахов, после прибытия туда в гости со своими родственниками. Органами власти было установлено количество семьи, скота, род деятельности и то, что он раньше не привлекался к суду и не наказывался. Исполняющему обязанности военного губернатора было доложено, что казахи данного региона берут на себя ответственность за него. Кроме того, было приказано в соответствии со ст. 981 Устава о податях (1857 г.) обложить его ясаком. В итоге было решено принять данного иностранца в подданство России, приписав его к казахской общине (ИАОО, 1858, л. 2–3). В целом, следует отметить, что в XIX в. большая часть ташкентцев и бухарцев, проживающих на территории Сибири, определяла свой статус как «гостевой». К середине века их численность превышала 10 тыс. человек. Однако начавшиеся реформы во второй половине XIX в. приостановили миграционный процесс мусульманского населения с азиатских территорий (Зияев, 1968, с. 41).

В связи с тем, что сибирские бухарцы во второй половине XIX в. постепенно сливались с татарским населением и были преимущественно заняты в аграрном секторе страны, на них начинают распространяться вводимые правительством правовые нормы. Однако это привело к недовольству в их среде и вызвало ряд обращений. В 1911 г. Министру внутренних дел было направлено прошение от общества бухарцев Тюменского уезда Тобольской губернии, в котором они указывали на факт предоставления их предкам ряда льгот (РГИА, 1895–1897, л. 1–5, 10; Общее положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости, 1989). В 1902 г. аналогичное обращение на имя Императора было направлено инородцами (сибирскими бухарцами) Тюменского уезда Тобольской губернии (РГИА, 1910, л. 2–5). В целом, подобные меры вызывали недовольство бухарцев своим правовым положением. В своих обращениях они неоднократно ссылались на грамоты, которые им были дарованы ещё Екатериной II и подчеркивали их особое положение на территории Сибири (РГИА, 1907–1916, л. 404–406). К тому же выходцы из Центрально-Азиатского региона по-прежнему, старались сохранить свое особое волостное управление. В XIX в. в Тобольской губернии бухарцы, проживавшие преимуще-

ственно в Тобольском, Тюменском и Тарском округах, составляли в каждом из них Бухарскую волость (Карих, 2004, с. 48).

Выводы

Таким образом, территория Сибири представляла собой уникальный регион, где мусульманское население было представлено различными этническими группами. Достаточной большой процент из них занимали выходцы из Центральной Азии. Именно присутствие в Сибири представителей Центрально-Азиатского региона, а также непосредственное соседство с ним требовало от правительства более пристального к нему внимания. Выстраивание отношений с представителями исламской традиции позволяло имперской власти не только обеспечить политическую стабильность в регионе, но и укрепить свои позиции в Центральной Азии. Особую этническую группу в Сибири, как приграничном регионе, составляли т.н. бухарцы и ташкентцы. Данные выходцы из Центрально-Азиатского региона составляли в Сибири преимущественно отдельные поселения. При этом основным их родом занятий была торговля. Именно Торговые связи мусульман Сибири позволяли выстраивать им тесные контакты со своими единоверцами из Центрально-Азиатского региона. Российское правительство, стремясь упрочить свое положение в азиатском регионе, стремилось изначально к поддержке этих контактов. Для выходцев из Центральной Азии в г. Омске была построена мечеть и посольский дом, купцам предоставлялись льготы для ведения торговли в России, а переселяющиеся на территории Сибири бухарцы получали грамоту на бессрочное владение землями. Однако, опасаясь влияния на мусульман Российской империи, имперские власти постепенно начинали отходить от мер, направленных на поддержку выходцев из Центральной Азии.

Серьезное опасение чиновников вызывало влияние мусульман азиатского региона на своих единоверцев, и в особенности проживающих на территории Сибири. Для мусульман Сибири Центральная Азия являлись оплотом мусульманской культуры и традиции. Именно в культуре мусульман-сибиряков сложилось понятие «святых мест», большинство из которых располагалось в азиатском регионе, и к которым стремились многие мусульмане, заменяя хадж поклонениям могилам святых.

Стремясь ограничить влияние мусульман Центрально-Азиатского региона на своих единоверцев в Сибири, правительство постепенно распространяет на них те правовые нормы, которые регламентировали жизнь мусульман на территории Российской империи. Данные нормы касались как строительства культовых зданий, так и распространения внедрения русско-иностранческих школ.

Благодарности

Статья подготовлена в рамках гранта РНФ «Влияние имперской политики аккультурации и советской модели государственно-конфессиональных отношений на положение религиозных общин в приграничных регионах и национальных автономиях азиатской части России» (проект №23-18-00117).

Список литературы

- Арапов, Д. Ю. (2004). *Система государственного регулирования ислама в Российской империи (последняя треть XVIII – начало XX вв.)*. Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова.
- Бакиева, Г. Т. (2017). Сибирско-татарские купцы Тобольска в конце XIX – начале XX века. В *Российская провинция как социокультурное поле формирования гражданской и национальной идентичности: Сборник статей* (с. 27–30). Елабужский институт (филиал) федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Казанский (Приволжский) федеральный университет».
- Баранцева, Н. А. (2009). Переселение в Енисейскую губернию во второй половине XIX – начале XX века: Этосоциальные и демографические аспекты. *Вестник Челябинского государственного университета*, 38, 33–40.
- Белич, И. В. (2004). О религиозных войнах учеников шейха Багауддина против инородцев Западной Сибири. В *Проблемы истории Казани: Современный взгляд: Сборник статей* (с. 480–503).
- Бойко, В. П. (2009). *Купечество Западной Сибири в конце XVIII – XIX в. Очерки социальной, отраслевой и ментальной истории*. Издательство Томского государственного архитектурно-строительного университета.
- Брюханова, Е. А., Неженцева, Н. В., & Чекрыжова, О. И. (2021). Мусульманское население в городах Сибири: По материалам переписи 1897 года. *Журнал Фронтирных Исследований*, 6(4), 135–154. <https://doi.org/10.46539/jfs.v6i4.338>
- Васильев, Д. В. (2006). История исламской политики в Российской империи. В *Форумы российских мусульман на пороге нового тысячелетия* (с. 27–36). Издательство Нижегородского исламского медресе «Махинур».
- Водкова, В. Н. (2007). Книжная культура Сибирских татар (XIX – начало XX в.). *Библиосфера*, 2, 5–12.
- Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). (1890). Ф.102. Оп. 47. Д. 314.
- Государственный архив Томской области (ГАТО). (1854-1855). Ф. 3. Оп. 2. Д. 624.
- Государственный архив Томской области (ГАТО). (1877-1878). Ф. 125. Оп. 1. Д. 597.
- Дашковский, П. К., & Шершнева, Е. А. (2015). Религиозная политика Российской империи в отношении мусульманских общин Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. *Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе*, 8, 242–264.

- Дашковский, П. К., & Шершнева, Е. А. (2023). Хадж как элемент пространственной мобильности мусульманского населения Сибири в контексте государственно-конфессиональной политики Российской империи во второй половине XIX – начале XX вв. *Журнал Фронтальных Исследований*, 8(3), 90–110. <https://doi.org/10.46539/jfs.v8i3.512>
- Захаров, В. Ю., & Суздалева, Т. Р. (2023). В преддверии «Большой игры»: Особенности политики Российской империи в Центральной Азии в XVIII – первой половине XIX вв. *Журнал Фронтальных Исследований*, 8(3), 15–34. <https://doi.org/10.46539/jfs.v8i3.530>
- Зияев, Х. З. (1968). *Узбеки в Сибири (XVII–XIX вв.)*. «Фан».
- Зияев, Х. З. (1983). *Экономические связи Средней Азии с Сибирью в XVI–XIX вв.* «Фан».
- Ивонин, А. Р. (2011). Этноконфессиональная ситуация в городах Западной Сибири в дореформенный период. В *Избранные труды Александра Романовича Ивонина по истории Сибири* (с. 108–113). И.
- Ислам в России и Евразии XVI – XXI вв. (Памяти Дмитрия Юрьевича Арапова): Коллективная монография.* (2021). Алатай.
- Исторический архив Омской области (ИАОО). (1856–1859). Ф. 67. Оп. 1. Д. 729.
- Исторический архив Омской области (ИАОО). (1858). Ф. 3. Оп. 3. Д. 4291.
- Исхаков, С. М. (2014). Мировая война и мусульманская общественность в России. *Вестник ТвГУ. Серия «История»*, 4, 23–37.
- Ищенко, О. В. (2016). Конфессиональный фактор в развитии образования на сибирской окраине Российской империи в конце XVIII – начале XX вв. В *Азиатская Россия: Люди и структуры империи* (с. 239–248). Полиграфический центр КАН.
- Карих, Е. В. (2004). *Межэтнические отношения в Западной Сибири в процессе ее хозяйственного освоения. XIX – начало XX в.* Издательство Томского университета.
- Квакин, А. В. (2007). Российская культурно-миграционная система и Российское государство. *Социум и власть*, 3, 37–40.
- Клюева, В. П. (2005). Православие и ислам в Западной Сибири (конец XVII – середина XVIII в.): Проблемы взаимодействия. *Вестник археологии, антропологии и этнографии*, 5, 131–137.
- Литвинов, В. П. (2016). «Святые места» мусульман Туркестана как центры антироссийской деятельности турецкой агентуры (вторая половина XIX – начало XX в.). *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России*, 15(2), 55–65.
- Литвинов, В. П. (2020). Хранители «святых мест» в Средней Азии и Российское государство (1865 – 1917 гг.). *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России*, 19(4), 781–792. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-4-781-792>
- Лысенко, Ю. А. (2012). Вопрос о воинской повинности для казахского населения (70-е гг. XIX – начало XX в.). *Известия Алтайского государственного университета. Серия: История, Политология*, 4–2, 158–162.
- Лысенко, Ю. А., Анисимова, И. В., Тарасова, Е. В., & Стурова, М. В. (2014). *Традиционное казахское общество в национальной политике Российской империи: Концептуальные основы и механизмы реализации (XIX – начало XX в.)*. Азбука.
- Набиев, Р. А., & Гафаров, А. А. (2012). Связи с исламским миром как фактор укрепления единства и традиций российских мусульман (XIX – начало XX в.). *Ученые записки Казанского университета*, 154(3), 36–47.

- Наличное население обоого пола по уездам, с указанием числа лиц преобладающих родных языков. (1905). Издательство Центрального Статистического комитета Министерства внутренних дел.
- Нам, И. В. (2000). Татарские школы в дореволюционном Томске. В *Мы – томичи, ваши земляки, ваши соседи (Национально-культурная панорама Томской области)* (с. 73–86). Издательство ТГУ.
- Национальный архив Республики Башкортостан (НА РБ). (1852-1860). Ф. 295. Оп. 3. Д. 3270.
- Национальный архив Республики Башкортостан (НА РБ). (1898). Ф. 295. Оп.11 Д. 689.
- Недзелюк, Т. Г. (2023). Источники для изучения государственно-конфессиональной и международной политики в Степном генерал-губернаторстве (по материалам Центрального государственного архива Республики Казахстан). *Народы и религии Евразии*, 28(2), 154-166. [https://doi.org/10.14258/nreur\(2023\)2-08](https://doi.org/10.14258/nreur(2023)2-08)
- Нуриманов, И. А. (2007). Сравнительный анализ паломнической традиции мусульман Российской Империи и христианского паломничества. В *Современные проблемы и перспективы развития исламоведения, востоковедения и тюркологии: Сборник материалов*. http://www.idmedina.ru/books/materials/turkology/1/histori_nurimanov.htm
- Нуриманов, И. А. (2019). Становление паломнических маршрутов мусульман Российской империи в Аравию во второй половине XIX – начале XX в. *Вестник московского университета. Востоковедение*, 2, 74–90.
- Общее положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости. (1989). В *Российское законодательство X–XX вв.: В 9 томах: Т. 7. Документы крестьянской реформы*. Юридическая литература.
- Патканов, С. К. (1911). *Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири (Т. 2)*. Типография Императорской академии наук.
- Патканов, С. К. (1912). *Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири (Т. 3)*. Типография Императорской академии наук.
- Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.: Т. LXXV. (1904a)*. Издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел.
- Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.: Т. LXXVIII. (1905)*. Издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел.
- Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.: Т. LXXXIII. (1904b)*. Издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел.
- Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.: Т. XXVI. (1904c)*. Издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел.
- Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). (б. д.). Издание I. Т. XVIII. №13336.
- Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). (б. д.). Издание III. Т. VI. №3814.
- Почекаев, Р. Ю. (2017). Эволюция правового статуса бухарцев в российском законодательстве XVIII – XIX вв. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки*, 21(1), 53–70. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2017-21-1-53-70>
- Редкозубов, А. Д. (2015). Ислам в Российской империи. *Humanityspace. International almanac*, 4(5), 987–993.

- Ремнев, А. В. (2006). Татары в казахской степи: Соратники и соперники Российской империи. *Вестник Евразии*, 4, 5–32.
- Романовская, Л. Р. (2006). Государственно–религиозная политика по отношению к мусульманам: Перелом на рубеже веков (XVIII–XIX века). *Вестник Чувашского университета*, 4, 149–152.
- Российский государственный исторический архив (РГИА). (1862–1869). Ф. 1286. Оп. 23. Д. 1329.
- Российский государственный исторический архив (РГИА). (1863). Ф. 1265. Оп.12. Д.75.
- Российский государственный исторический архив (РГИА). (1868). Ф. 821. Оп. 8. Д. 661.
- Российский государственный исторический архив (РГИА). (1895–1897). Ф. 1291. Оп. 84. Д. 14.
- Российский государственный исторический архив (РГИА). (1907–1916). Ф. 391. Оп. 3. Д. 586.
- Российский государственный исторический архив (РГИА). (1910). Ф. 1291. Оп. 84. Д. 105.
- Таиров, Н. И. (2008). Татарские предприниматели на всероссийских ярмарках (вторая половина XIX – начало XX веков). *Ученые записки Казанского государственного университета. Серия: гуманитарные науки*, 150(1), 92–99.
- Тихонов, А. К. (2008). *Католики, мусульмане и иудеи Российской империи в последней четверти XVIII – начале XX в.* СПбГУ.
- Томилов, Н. А. (1981). *Тюркоязычное население Западно-Сибирской равнины в конце XVI – первой четверти XIX в.* Издательство ТГУ.
- Тычинских, З. А. (2017). Татарское купечество в Тобольской губернии в XIX – начале XX в. *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусство-ведение. Вопросы теории и практики*, 12–3, 196–198.
- Тычинских, З. А. (2021). О некоторых особенностях формирования группы тобольских бухарцев в XVI–XIX веках. *Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: история, филология*, 20(3), 109–121. <https://doi.org/10.25205/1818-7919-2021-20-3-109-121>
- Центрально-Азиатский регион Российской империи в условиях фронтальной модернизации. (2021). Издательство Алтайского университета.
- Шершнева, Е. А. (2024). Основные направления государственно-конфессиональной политики в отношении мусульманских общин Восточной Сибири во второй половине XIX - начале XX в. *Народы и религии Евразии*, 29(1), 145–169. [https://doi.org/10.14258/10.14258/nreur\(2024\)1-10](https://doi.org/10.14258/10.14258/nreur(2024)1-10)

References

- Arapov, D. Yu. (2004). *Sistema gosudarstvennogo regulirovaniya islama v Rossiyskoy imperii (poslednyaya tret' XVIII – nachalo XX vv.)*. Moskovskiy gosudarstvennyy universitet im. M. V. Lomonosova. (In Russian).
- Bakieva, G. T. (2017). *Sibirsko-tatarskie kupty Tobol'ska v kontse XIX – nachale XX veka*. In *Rossiyskaya provintsiya kak sotsiokul'turnoe pole formirovaniya grazhdanskoj i natsional'noj identichnosti: Sbornik statej* (pp. 27–30). Elabuzhskiy institut (filial) federal'nogo gosudarstvennogo avtonomnogo obrazovatel'nogo uchrezhdeniya vysshego professional'nogo obrazovaniya “Kazanskiy (Privolzhskiy) federal'nyy universitet”. (In Russian).

- Barantseva, N. A. (2009). Pereselenie v Eniseyskuyu guberniyu vo vtoroy polovine XIX – nachale XX veka: Etosotsial'nye i demograficheskie aspekty. *Bulletin of Chelyabinsk State University*, 38, 33–40. (In Russian).
- Belich, I. V. (2004). O religioznykh voynakh uchenikov sheykha Bagauddina protiv inorodtsev Zapadnoy Sibiri. In *Problemy istorii Kazani: Sovremennyy vzglyad: Sbornik statey* (pp. 480–503). (In Russian).
- Boyko, V. P. (2009). *Kupechestvo Zapadnoy Sibiri v kontse KhVIII – XIX v. Ocherki sotsial'noy, otraslevoy i mental'noy istorii*. Izdatel'stvo Tomskogo gosudarstvennogo arkhitekturno-stroitel'nogo universiteta. (In Russian).
- Brukhanova, E. A., Nezhentseva, N. V., & Chekryzhova, O. I. (2021). Muslim Population in the Siberian Cities according to the Census of 1897. *Journal of Frontier Studies*, 6(4), 135–154. <https://doi.org/10.46539/jfs.v6i4.338> (In Russian).
- Dashkovskiy, P. K., & Shershneva, E. A. (2015). The Religious Politics of the Russian Empire in Relation to the Muslim Population in the second half of XIX – early XX century. *Worldview of the Population of Southern Siberia and Central Asia in the Historical Retrospective*, 8, 242–264. (In Russian).
- Dashkovskiy, P. K., & Shershneva, E. A. (2023). Hajj as an Element of Spatial Mobility of the Muslim Population of Siberia in the Context of the State-Confessional Policy of the Russian Empire in the Second Half of the 19th to Early 20th Centuries. *Journal of Frontier Studies*, 8(3), 90–110. <https://doi.org/10.46539/jfs.v8i3.512> (In Russian).
- Historical Archive of the Omsk Region (HAOR). (1856–1859). F. 67. In. 1. C. 729. (In Russian).
- Historical Archive of the Omsk Region (HAOR). (1858). F. 3. In. 3. C. 4291. (In Russian).
- Ishchenko, O. V. (2016). Konfessional'nyy faktor v razvitii obrazovaniya na sibirskoy okraine Rossiyskoy imperii v kontse XVIII – nachale XX vv. In *Aziatskaya Rossiya: Lyudi i struktury imperii* (pp. 239–248). Poligraficheskiy tsentr KAN. (In Russian).
- Iskhakov, S. M. (2014). World War I and the Muslim Community in Russia. *Vestnik TvGU. Seriya "Istoriya"*, 4, 23–37. (In Russian).
- Islam v Rossii i Evrazii XVI – XXI vv. (Pamyati Dmitriya Yur'evicha Arapova): Kollektivnaya monografiya.* (2021). Alateya. (In Russian).
- Ivonin, A. R. (2011). Etnokonfessional'naya situatsiya v gorodakh Zapadnoy Sibiri v doreformenny period. In *Izbrannyye trudy Aleksandra Romanovicha Ivonina po istorii Sibiri* (pp. 108–113). I. (In Russian).
- Karikh, E. V. (2004). *Mezhnatsionnyye otnosheniya v Zapadnoy Sibiri v protsesse ee khozyaystvennogo osvoeniya. XIX – nachalo XX v.* Izdatel'stvo Tomskogo universiteta. (In Russian).
- Klyueva, V. P. (2005). Pravoslavie i islam v Zapadnoy Sibiri (konets XVII – seredina XVIII v.): Problemy vzaimodeystviya. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, 5, 131–137. (In Russian).
- Kvakin, A. V. (2007). Rossiyskaya kul'turno-migratsionnaya sistema i Rossiyskoe gosudarstvo. *Sotsium i vlast/Society and Power*, 3, 37–40. (In Russian).
- Litvinov, V. P. (2016). Turkestan Muslims' "Holy Places" as Centres of Antirussian Activities of Turkish Secret Service (second half of 19th – early 20th centuries). *RUDN Journal of Russian History*, 15(2), 55–65. (In Russian).

- Litvinov, V. P. (2020). Custodians of Holy Places in Central Asia and Russian State (1865-1917). *RUDN Journal of Russian History*, 19(4), 781-792. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-4-781-792> (In Russian).
- Lysenko, Yu. A. (2012). The Issue of Compulsory Military Service for the Kazakh Population (70-s of the XIX century – the beginning of XX century). *Izvestiya of Altai State University*, 4-2, 158-162. (In Russian).
- Lysenko, Yu. A., Anisimova, I. V., Tarasova, E. V., & Sturova, M. V. (2014). *Traditsionnoe kazakhskoe obshchestvo v natsional'noy politike Rossiyskoy imperii: Kontseptual'nye osnovy i mekhanizmy realizatsii (XIX – nachalo XX v.)*. Azbuka. (In Russian).
- Nabiev, R. A., & Gafarov, A. A. (2012). Contacts with the Islamic World as a Strengthening Factor for the Unity and Traditions of Russian Muslims (19th – Early 20th Century). *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya: Gumanitarnye Nauki*, 154(3), 36-47. (In Russian).
- Nalichnoe naselenie oboego pola po uezdnam, s ukazaniem chisla lits preobladayushchikh rodnykh yazykov.* (1905). Izdatel'stvo Tsentral'nogo Statisticheskogo komiteta Ministerstva vnutrennikh del. (In Russian).
- Nam, I. V. (2000). Tatarskie shkoly v dorevolutsionnom Tomske. In *My – tomichi, vashi zemlyaki, vashi sosedi (Natsional'no-kul'turnaya panorama Tomskoy oblasti)* (pp. 73-86). Izdatel'stvo TGU. (In Russian).
- National Archive of the Republic of Bashkortostan (NA RB). (1852-1860). F. 295. In. 3. C. 3270. (In Russian).
- National Archive of the Republic of Bashkortostan (NA RB). (1898). F. 295. In.11 C. 689. (In Russian).
- Nedzelyuk, T. G. (2023). Sources for the study of state-refessional and international policy in the steppe general-governance (by the materials of the Central state archive of the Republic of Kazakhstan). *Nations and religions of the Eurasia*, 28(2), 154-166. [https://doi.org/10.14258/nreur\(2023\)2-08](https://doi.org/10.14258/nreur(2023)2-08) (In Russian).
- Nurimanov, I. A. (2007). Sravnitel'nyy analiz palomnicheskoy traditsii musul'man Rossiyskoy Imperii i khristianskogo palomnichestva. In *Sovremennyye problemy i perspektivy razvitiya islamovedeniya, vostokovedeniya i tyurkologii: Sbornik materialov*. http://www.idmedina.ru/books/materials/turkology/1/histori_nurimanov.htm (In Russian).
- Nurimanov, I. A. (2019). Formation of the Muslim Pilgrimage Roots from the Russian Empire to Arabia in the second half of the 19th – early 20th centuries. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seria 13: Vostokovedenie*, 2, 74-90. (In Russian).
- Obshchee polozhenie o krest'yanakh, vyshedshikh iz krepostnoy zavisimosti. (1989). In *Rossiyskoe zakonodatel'stvo X-XX vv.: V 9 tomakh: Vol. 7. Dokumenty krest'yanskoy reformy*. Yuridicheskaya literatura. (In Russian).
- Patkanov, S. K. (1911). *Statisticheskie dannye, pokazyvayushchie plemennoy sostav naseleniya Sibiri* (Vol. 3). Tipografiya Imperatorskoy akademii nauk. (In Russian).
- Patkanov, S. K. (1911). *Statisticheskie dannye, pokazyvayushchie plemennoy sostav naseleniya Sibiri* (Vol. 2). Tipografiya Imperatorskoy akademii nauk. (In Russian).
- Pervaya Vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiyskoy imperii 1897 g.: Vol. LXXV.* (1904a). Izdanie Tsentral'nogo statisticheskogo komiteta Ministerstva vnutrennikh del. (In Russian).
- Pervaya Vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiyskoy imperii 1897 g.: Vol. LXXVIII.* (1905). Izdanie Tsentral'nogo statisticheskogo komiteta Ministerstva vnutrennikh del. (In Russian).

- Pervaya Vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiyskoy imperii 1897 g.: Vol. LXXXIII. (1904b). Izdanie Tsentral'nogo statisticheskogo komiteta Ministerstva vnutrennikh del. (In Russian).*
- Pervaya Vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiyskoy imperii 1897 g.: Vol. XXVI. (1904c). Izdanie Tsentral'nogo statisticheskogo komiteta Ministerstva vnutrennikh del. (In Russian).*
- Pochekaev, R. Y. (2017). Evolution of the Legal Status of Bukharans in Russian Legislation of the 18th-19th cc. *RUDN Journal of Law*, 21(1), 53–70. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2017-21-1-53-70> (In Russian).
- Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imenii (PSZ. (n. d.). *Izdanie I. T. XVIII. №13336. (In Russian).*
- Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii (PSZ). (n. d.). *Izdanie III. T. VI. №3814. (In Russian).*
- Redkozubov, A. D. (2015). Islam v Rossiyskoy imperii. *Humanityspace. International almanac*, 4(5), 987–993. (In Russian).
- Remnev, A. V. (2006). Tatars v kazakhskoy stepi: Soratniki i soperniki Rossiyskoy imperii. *Vestnik Evrazii*, 4, 5–32. (In Russian).
- Romanovskaya, L. R. (2006). Gosudarstvenno-religioznaya politika po otnosheniyu k musul'manam: Perelom na rubezhe vekov (XVIII–XIX veka). *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, 4, 149–152. (In Russian).
- Russian State Historical Archive (RSHA). (1862–1869). F. 1286. In. 23. C. 1329. (In Russian).
- Russian State Historical Archive (RSHA). (1863). F. 1265. In.12. C.75. (In Russian).
- Russian State Historical Archive (RSHA). (1868). F. 821. In. 8. C. 661. (In Russian).
- Russian State Historical Archive (RSHA). (1895–1897). F. 1291. In. 84. C. 14. (In Russian).
- Russian State Historical Archive (RSHA). (1907–1916). F. 391. In. 3. C. 586. (In Russian).
- Russian State Historical Archive (RSHA). (1910). F. 1291. In. 84. C. 105. (In Russian).
- Shershneva, E. A. (2024). The main directions of state-confessional policy towards the muslim communities of Eastern Siberia in the second half of the XIX – early XX century. *Nations and Religions of Eurasia*, 29(1), 145–169. [https://doi.org/10.14258/10.14258/nneur\(2024\)1-10](https://doi.org/10.14258/10.14258/nneur(2024)1-10) (In Russian).
- State Archive of the Russian Federation (SA RF). (1890). F.102. In. 47. C. 314. (In Russian).
- State Archive of Tomsk Region (SATR). (1854–1855). F. 3. In. 2. C. 624. (In Russian).
- State Archive of Tomsk Region (SATR). (1877–1878). F. 125. In. 1. C. 597. (In Russian).
- Tairov, N. I. (2008). Tatar Entrepreneurs on the All-Russian Fairs. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta Seriya Gumanitarnye Nauki.*, 150(1), 92–99. (In Russian).
- Tikhonov, A. K. (2008). *Katoliki, musul'mane i iudei Rossiyskoy imperii v posledney chetverti XVIII – nachale XX v. SPbGU. (In Russian).*
- Tomilov, N. A. (1981). *Tyurkoyazychnoe naselenie Zapadno-Sibirskoy ravniny v kontse XVI – pervoy chetverti XIX v. Izdatel'stvo TGU. (In Russian).*
- Tsentral'no-Aziatskiy region Rossiyskoy imperii v usloviyakh frontirnoy modernizatsii. (2021). Izdatel'stvo Altayskogo universiteta. (In Russian).*

- Tychinskikh, Z. A. (2017). Tatar Merchant Class in Tobolsk Province in the XIX – at the beginning of the XX century. *Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice*, 12–3, 196–198. (In Russian).
- Tychinskykh, Z. A. (2021). Features of Formation of the Tobolsk Bukharians Group in the 16th – 19th Centuries. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 20(3), 109–121. <https://doi.org/10.25205/1818-7919-2021-20-3-109-121> (In Russian).
- Vasil'ev, D. V. (2006). Istoriya islamskoy politiki v Rossiyskoy imperii. In *Forumy rossiyskikh musul'man na poroge novogo tysyacheletiya* (pp. 27–36). Izdatel'stvo Nizhegorodskogo islamskogo medrese “Makhinur”. (In Russian).
- Vodkova, V. N. (2007). Knizhnaya kul'tura Sibirskikh tatar (XIX – nachalo XX v.). *Bibliosfera*, 2, 5–12. (In Russian).
- Zakharov, V. Yu., & Suzdaleva, T. R. (2023). On the Eve of the “Great Game”: Specifics of the Russian Empire’s Policy in Central Asia in the 18th to the First Half of the 19th Centuries. *Journal of Frontier Studies*, 8(3), 15–34. <https://doi.org/10.46539/jfs.v8i3.530> (In Russian).
- Ziyaev, Kh. Z. (1968). *Uzbeki v Sibiri (XVII–XIX vv.)*. “Fan”. (In Russian).
- Ziyaev, Kh. Z. (1983). *Ekonomicheskie svyazi Sredney Azii s Sibir'yu v XVI–XIX vv.* “Fan”. (In Russian).

Discussion of Projects for the Development of the Amudarya Flotilla by the Russian Government at the Turn of the 19th–20th centuries

Saken Zh. Toktamysov

RUDN University. Moscow, Russia. Email: [toktamysov-szh\[at\]rudn.ru](mailto:toktamysov-szh[at]rudn.ru)

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4284-9638>

Received: 27 May 2024 | Revised: 4 July 2024 | Accepted: 10 July 2024

Abstract

The article examines the approaches of government departments regarding the development of private shipping on the Amu Darya, emphasizing the importance of the Amu Darya waterway in the context of the development of the Central Asian regional transit potential at the turn of the 19th–20th centuries. The work also analyzes the financial indicators of this infrastructure project, its impact on strengthening the position of the Russian Empire on the territory of the southern Central Asian frontier. The author noted key role of the Military Department in the discussion and implementation of the Amudarya flotilla project, the contradictory approaches of government structures regarding private shipping projects, which ultimately led to the lack of a decision on this issue. The author concluded that, during the discussion of this water transport project, due to the uncertainty of many of its aspects and the unsettled financial issues the model of attracting private investors to its implementation was not accepted by the state. At the same time, due to geostrategic and economic reasons, the Amudarya flotilla remained important for the Military Department even in a situation of increasing budgetary unprofitability of this project. The main provisions and conclusions of the work may be of interest to historians specializing in economic history and orientalists studying the region of Central Asia and the Middle East.

Keywords

Economic History; Russian Empire; Middle Asia; Amudarya Flotilla; Afghanistan; Persia; 19th Century; 20th Century; War Department; Infrastructure Project

This work is licensed under a [Creative Commons “Attribution” 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Обсуждение проектов развития Амударьинской флотилии российским правительством на рубеже XIX–XX вв.

Токтамысов Сакен Жаугаштович

Российский университет дружбы народов. Москва, Россия. Email: toktamysov-szh@rudn.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4284-9638>

Рукопись получена: 27 мая 2024 | Пересмотрена: 4 июля 2024 | Принята: 10 июля 2024

Аннотация

В статье рассматриваются подходы государственных ведомств в отношении развития частного пароходства на Аму-Дарье, подчеркивается значимость Аму-Дарьинского водного пути в контексте развития среднеазиатского регионального транзитного потенциала на рубеже XIX–XX вв. В работе также анализируются финансовые показатели указанного инфраструктурного проекта, его влияние на укрепление позиций Российской империи на территории южного среднеазиатского фронта. Отмечается ключевая роль Военного ведомства в обсуждении и реализации проекта Амударьинской флотилии, противоречивость подходов правительственных структур в отношении проектов частного пароходства, что в итоге привело к отсутствию решения по этому вопросу. Автор пришел к выводу, что в процессе обсуждения данного воднотранспортного проекта в силу неопределенности многих его аспектов и неурегулированности финансовых вопросов, модель привлечения частных инвесторов к его реализации не была принята государством. При этом в силу геостратегических и экономических причин Амударьинская флотилия оставалась важна для Военного ведомства и в ситуации нарастания бюджетной убыточности данного проекта. Основные положения и выводы работы могут представлять интерес для историков, специализирующихся на экономической истории, специалистов-востоковедов, изучающих регион Средней Азии и Среднего Востока.

Ключевые слова

экономическая история; Российская империя; Средняя Азия; Амударьинская флотилия; Афганистан; Персия; XIX век; XX век; Военное ведомство; инфраструктурный проект

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons “Attribution” \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Введение

В конце XIX – нач. XX в. в Средней Азии актуализируется задача развития транспортной инфраструктуры с целью модернизации региональной экономики и укрепления военно-стратегических позиций Российской империи. Помимо железнодорожного строительства, важную роль здесь играло и речное сообщение.

Вопрос влияния транспортной инфраструктуры на экономическое развитие стран и регионов является важным направлением в экономической исторической науке, находясь в фокусе внимания различных исследований. При этом в современной историографии фактически отсутствуют комплексные, фундаментальные исследования по проблеме экономической политики Российской империи в Закаспийской области в контексте инфраструктурного развития.

Так, в монографии И. В. Волкова основной акцент делается на изучении административно-судебной, управленческой, социальной сферах и на анализе экономической политики царского правительства в Средней Азии (Волков, 2018). Е. А. Правилова обращается к финансовым аспектам существования Туркестана и других окраин в составе Российской империи, к балансу прибылей и издержек в контексте осуществления правительственной экономической политики (Правилова, 2006). При этом в другой работе автор уделяет внимание роли Аму-Дарьи в ирригационных и транспортных проектах второй половины XIX в. (Правилова, 2005).

Это характерно также для современной западной исторической литературы, где в основном исследуются вопросы завоевания Туркестана, политико-правовые, конфессиональные, социальные аспекты, а экономическая проблематика освещается фрагментарно. Одной из немногочисленных зарубежных работ по инфраструктурному развитию Туркестана стало исследование М. Петерсон, анализирующей роль российских инженеров гидросооружений в развитие региональной ирригационной системы в контексте трансформации пустынных территорий в хлопковые поля (Peterson, 2016).

В Средней Азии на рубеже XIX–XX вв. наряду с железнодорожными транспортными проектами, способствовавшими модернизационным процессам в регионе, развивались и другие коммуникационные пути. В этой связи автор обращается к гораздо менее исследованной теме – Амударьинской флотилии как транспортному проекту, реализованному Военным ведомством в среднеазиатском регионе в вышеуказанный период. Обращение к данной проблематике затрагивает ряд исследовательских задач, рассматриваемых в статье. Среди них:

1. Рассмотреть особенности проектов предпринимателей по организации частного паромства на Аму-Дарье.

2. Определить позицию правительственных структур в отношении указанных частных проектов.
3. Проанализировать финансовые показатели Амударьинской флотилии и особенности ее функционирования.
4. Определить цели, которые ставило Военное ведомство в реализации данного водного транспортного проекта.

Источниковой базой исследования послужили неопубликованные архивные материалы, хранящиеся в фонде «Среднеазиатский стол» (Ф. 147) Архива внешней политики Российской империи. Расчет бюджетных финансовых показателей был произведен по общей росписи доходов и расходов Российской империи.

Аральская флотилия

В 1883 г. была упразднена казенная Аральская флотилия на Сыр-Дарье. Как отмечалось Военным министром П. С. Ванновским в предписании к генералу С. П. Копьеву от 7 ноября 1882 г., основными причинами ее упразднения стали неэффективность и убыточность (АВПРИ, 1311, л. 134 об.). Указанная флотилия, учрежденная изначально с военно-стратегическими целями, с присоединением Средней Азии утратила исключительное военное значение и перевозила войска, казенные и частные грузы, причем издержки эксплуатации не окупали ежегодно производившихся расходов (АВПРИ, 1311, л. 134 об.).

Доходы Аральской флотилии в последние годы ее существования, отображенные в Бюджете Российской империи, суммированы в рис. 1.

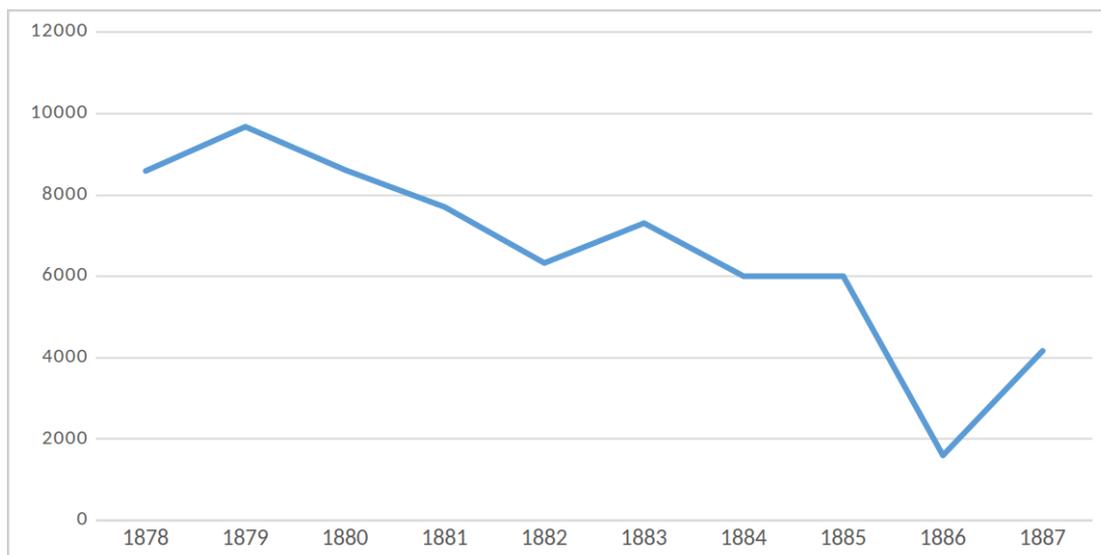

Рисунок 1. Бюджетные доходы Аральской флотилии в 1878–1887 гг. (в руб.)
 (Общая роспись...за 1878–1887 г.).

Figure 1. Budget revenues of the Aral flotilla in 1878–1887 (in roubles)
 (General inventory...for 1878–1887).

Указанный график показывает, что, начиная с 1880 г., доходы Аральской флотилии постоянно падают. При этом бюджет не дает адекватной картины убыточности данного проекта, поскольку строка «расходы Аральской флотилии» отсутствует в бюджетной классификации. В бюджете есть обобщенные расходы содержания перевозочных средств на Черном и Аральском морях, проходившие по линии Главного интендантского управления Военного министерства. При этом невозможно отделить расходы на содержание флотилии собственно на Аральском море от затрат на перевозочные средства на Черном море. Этот показатель в 1880 г. составлял 172 тыс. 632 руб., в 1881 г. – 168 тыс. 407 руб. Очевидно, что данная статья намного превышала доходность Аральской флотилии. Бюджетные убытки, по-видимому, насчитывали десятки тысяч рублей в год, но точно установить это невозможно, в силу вышеприведенного обстоятельства. Интересно, что, будучи упраздненной в 1883 г., Аральская флотилия продолжала отображаться в бюджете до 1887 г. включительно.

Существование флотилии в среднеазиатском регионе являлось при этом стратегическим вопросом для Военного ведомства. В 1882 г. им учреждается комиссия при Главном Штабе, призванная обсудить необходимость одновременного существования частного пароходства на обеих крупных среднеазиатских реках (Сыр-Дарья и Аму-Дарья), или только на одной из них. Данная комиссия должна была выработать условия привлечения частных инвесторов и произвести оценку предложений частных предпринимателей (АВПРИ, 1311, л. 2). При этом допускалась и возможность субсидий из казны в рамках организации и функционирования указанного инфраструктурного объекта.

Это стимулирует интерес некоторых российских предпринимателей, имевших коммерческие интересы в Средней Азии, для разработки соответствующих частных проектов. Данные инициативы были призваны как принести их владельцам прибыль, так и в целом способствовать упрочению их влияния в регионе, интерес к экономическому освоению которого вырос в середине 1880-х гг.

Проект организации частного амударьинского пароходства «Товарищества А. Е. Громова и П. А. Синельникова»

28 апреля 1884 г. ташкентский купец первой гильдии А. Е. Громов и отставной Подпоручик П. А. Синельников направляют генерал-лейтенанту Военного ведомства С. П. Коневу записку о необходимости учреждения частного пароходства на Аму-Дарье с целью развития среднеазиатской торговли. С точки зрения заявителей, это способствовало бы развитию транспортного сообщения данного региона с ключевой торговой и транзитной артерией – рекой Волгой, и с конечным пунктом Астраханью (АВПРИ, 1311, л. 8). При этом сообщение через Усть-Урт, от Кунграда до Мертвого Култука на Каспийском море не представляло для Товарищества затруднений в пере-

возочных средствах в силу наличия большого количества верблюдов и извозчиков. Вместе с тем существовали логистические затруднения в дальнейшей транспортировке грузов от Мертвого Култука до Астрахани по Каспийскому морю, в силу отсутствия мелкосидящих морских пароходных судов, способных без перегрузки совершать указанные маршрутные рейсы (АВПРИ, 1311, л. 8 об.). В этой связи с целью улучшения перевозки казенных грузов, войск и частных товаров заявители приобрели и пустили по Каспийскому морю две мелкосидящие паровые шхуны шестифутовой глубины, большой вместимости, которые ходили от Мертвого Култука до Астрахани.

В «Проекте положения товарищества для устройства пароходства по реке Аму-Дарье», разработанном А. Е. Громовым и П. А. Синельниковым, отмечалось, что оно учреждалось для установления «правильного и срочного» сообщения по р. Аму-Дарье, от Кунграда до слияния рек Вакши и Пянджи (АВПРИ, 1311, л. 10). Согласно указанному проекту, компания превращалась в монополиста в вопросе речных транспортировок людей и грузов в среднеазиатском регионе. Об этом свидетельствуют, в частности, следующие строки:

«Правительство обязуется перевозку всех казенных грузов и людей, идущих по линии пароходства в Закаспийский и Туркестанский край, предоставлять исключительно Товариществу в размерах имеющихся у него перевозочных средств» (АВПРИ, 1311, л. 11 об.).

В данном проекте подчёркивалось, что в течении 20 лет, начиная с 1886 года, Товарищество обязуется иметь на Аму-Дарье 5 пассажиро-буксирных судов и 12 барж, с помощью которых можно было перевезти в течение месяца 100 тыс. пудов груза и 6 тыс. человек (АВПРИ, 1311, л. 10).

Имущество упраздненной Аральской флотилии, включая пароходы и баржи, должно было стать собственностью указанной компании. При этом Товариществу на безвозмездной основе передавались земли на берегах Аму-Дарьи для строительства необходимых объектов инфраструктуры: пристаней, складов, агентств, контор (АВПРИ, 1311, л. 13 об.).

А. Е. Громов и П. А. Синельников отмечали, что, в случае согласия правительства, они одновременно с устройством пароходства по Аму-Дарье планировали запустить по Каспийскому морю две винтовые, паровые шхуны, с обязательством осуществления пассажирских и грузоперевозок по маршруту Мертвый Култук – Астрахань, по меньшему тарифу, чем у Общества «Кавказ и Меркурий» (АВПРИ, 1311, л. 8 об.). Морское сообщение по указанному маршруту планировалось осуществлять через каждые 8 дней. Общее количество планируемых рейсов в год составляло 48: по 24 рейса от Мертвого Култука до Астрахани и обратно. По проекту заявителей, каждая шхуна должна была перевозить за один раз не менее 15 тыс. пудов груза, а общий объем годовых грузоперевозок составлял не менее 600 тыс. пудов (АВПРИ, 1311, л. 8 об.). Дополнительно планировалось перевозить на двух кораблях до 10 тыс. солдат.

За совершение вышеуказанных рейсов во время навигации плата за милю составляла 1 руб. 20 коп., не более 35 тыс. руб. в год, причем данные тарифы сохранялись на протяжении 10 лет. При перевозке войск, пассажиров и транспортных грузов действовали следующие тарифы: за человека по 5 рублей, за груз – 15 коп. с пуда (АВПРИ, 1311, л. 9 об.). Поверстная оплата транспортных услуг происходила на двух этапах: 50 тыс. руб. при открытии пароходного сообщения и 50 тыс. руб. по прошествии первых четырех месяцев (АВПРИ, 1311, л. 11 об.). Компания Громова и Синельникова брала на себя обязательство по бесплатной перевозке почтовой корреспонденции и сопровождающих ее лиц. При этом Товарищество должно было внести залог в 50 тыс. руб. с целью выполнения всех заявленных обязательств (АВПРИ, 1311, л. 10 об.).

Проект Громова и Синельникова поступил на рассмотрение упомянутой ранее комиссии и был признан ею наиболее подходящим. Комиссия также предоставила право Товариществу создавать необходимую для организации пароходства инфраструктуру: торговые заведения, фактории, конторы, склады (АВПРИ, 1311, л. 2 об.).

Дальнейшее развитие событий внесло серьезные коррективы в процесс организации частной Амударьинской флотилии. В конце 1884 г. А. Е. Громов совместно с партнерами разработал Проект строительства железной дороги от Кизил-Арвата до Ташкента (Токтамысов, 2024). Одновременно он обращается в Министерство финансов с просьбой о приостановлении заявки о частном пароходстве на Аму-Дарье (АВПРИ, 1311, л. 21). В результате в Министерство финансов подает ходатайство П. А. Синельников вместе с Ташкентским купцом Колесниковым об утверждении за ними права содержания пароходного амударьинского проекта, на основании документа, одобренного Комиссией при Военном министерстве (АВПРИ, 1311, л. 21). Министерство финансов запросило мнение Туркестанского генерал-губернатора Н. О. Розенбаха, который сообщил, что Колесников «купец почтенный и знает край», но не обладает значительным капиталом (АВПРИ, 1311, л. 21 об.). В связи с этим он не мог поручиться, что участие Колесникова обеспечит успех планируемого проекта (АВПРИ, 1311, л. 30).

В 1885 г. в Министерство финансов поступило альтернативное предложение от Л. Г. Кнопа, Н. Н. Коншина и Бера, в котором они извещали о намерении образовать Товарищество для устройства пароходного сообщения по Аму-Дарье и запрашивали имеющуюся у правительства информацию по этому поводу для разработки Устава предполагаемого предприятия (АВПРИ, 1311, л. 20). В письме министра финансов Н. Х. Бунге к Министру иностранных дел Н. К. Гирсу от 31 мая 1885 г. отмечалось, что данное ходатайство было удовлетворено, но Н. Н. Коншин затруднился с точным указанием срока, когда указанный проект будет завершен (АВПРИ, 1311, л. 20).

Проект организации частного амударьинского пароходства «Российского Общества морского, речного, сухопутного страхования кладей»

22 мая 1885 г. в Министерство финансов обратился Правление «Общества морского, речного, сухопутного страхования и транспортирование кладей» с предложением об организации транспортного сообщения по Аму-Дарье и Каспийскому морю. Авторами данного проекта выступили Д. П. Шубин-Поздеев, П. Комаров, Н. Гейнац (АВПРИ, 1311, л. 35).

Указанная компания к середине 1880-х гг. имела довольно сильные позиции в вопросах страхования и транспортировки грузов в среднеазиатском регионе. В частности, она имела конторы, представительства и комиссионерства в Ташкенте, Коканде, Орске, Бухаре, Иргизе, Самарканде, некоторых других городах. Согласно заявлению авторов вышеуказанного проекта, целью общества было устройство «правильной перевозки русских изделий из России в Среднеазиатские владения Империи, а также в Бухару и Хиву, и обратно местных грузов в Россию» (АВПРИ, 1311, л. 35).

Вместе с тем в начале 1880-х гг. транспортное региональное сообщение было довольно непростым и небезопасным. В этой связи в поисках более эффективного и безопасного пути грузоперевозок «Общество» в 1883 г. разрабатывает многоступенчатый маршрут транспортировки грузов. Он включал перевозку сухопутным путем (Бухара – Узбек), далее по Аму-Дарье до Кунграда, вновь караванным путем (Усть-Урт – Залив Цесаревича), далее грузы доставлялись по Каспийскому морю до Астрахани, откуда следовали до Нижнего Новгорода и Москвы (АВПРИ, 1311, л. 36 об.). В 1884 г. таким образом из Бухары было направлено 73 тыс. 859 пудов хлопка, а обратно в Среднюю Азию из Москвы 1258 пудов мануфактуры (АВПРИ, 1311, л. 37).

Ключевым элементом, который повысил бы эффективность указанного транспортного маршрута, с точки зрения Правления «Общества» была организация пароходного сообщения на Аму-Дарье и на Каспийском море, в связи с чем предлагалась организация двух пароходных линий, тесно взаимосвязанных друг с другом.

Многие условия устройства пароходного сообщения, предложенные данной компанией, были сходны с проектом А. Е. Громова и П. А. Синельникова. В то же время существовали и определенные технические отличия, делавшие его более экономикоцентричным и в меньшей степени ориентированным на перевозку войск, в сравнении с предложениями «Товарищества». Согласно проекту «Общества», пароходные рейсы по Аму-Дарье предполагалось провести между Нукусом и Чарджуем на протяжении 654 верст, сообщение между Кунградом и Нукусом в силу мелководья организовывалось на каюках или на «мелкосидящих» пароходах. «Общество» обязывалось иметь 2 парохода и четыре баржи, приспособленные к перевозке на каждой

120 человек и не менее 10 тыс. пудов груза (АВПРИ, 1311, л. 21 об.). В месяц планировалось перевозить не менее 960 пассажиров и 40 тыс. пудов груза. При необходимости в увеличении флотилии «Общество» в случае финансового содействия от правительства обязывалось предоставить дополнительно еще 2 парохода и 4 баржи.

Заявители выступили с предложением о выделении со стороны Правительства беспроцентной ссуды в размере 200 тыс. руб. на устройство предприятия, с обязательством погасить ее равными частями в пятилетний срок. При этом государство на протяжении 20 лет должно было ежегодно инвестировать сумму в 60 тыс. руб. в год на его текущее обслуживание (АВПРИ, 1311, л. 21 об.).

Одновременно с устройством частной флотилии на Аму-Дарье запускалось пароходное сообщение по Каспийскому морю между Астраханью и пристанью Айракты в заливе Цесаревича (АВПРИ, 1311, л. 39). «Общество» планировало использовать 2 парохода и 3 шаланды, перевоза в течение месяца не менее 1 тыс. нижних чинов и 40 тыс. пудов груза, совершая в навигацию 24 полных рейса между Айракты и Астраханью. Для содержания пароходного сообщения на Каспийском море указанная компания запрашивала в течение двадцатилетнего периода субсидию из казны в размере 40 тыс. руб. в год (АВПРИ, 1311, л. 31 об.). Стоимость каспийских перевозок пассажиров и грузов была аналогична тарифам общества «Кавказ и Меркурий».

Заявители настаивали на необходимости организации телеграфной линии от Кунграда через Хиву и Бухару для соединения ее с существующей линией в Ташкенте (АВПРИ, 1311, л. 39 об.). В проекте также шла речь о важности открытия нескольких дополнительных почтовых контор и о постройке 5 маяков на Каспийском море.

Туркестанский генерал-губернатор Н. О. Розенбах дал на указанный проект положительный отклик, подчеркнув «солидность» репутации «Общества» и целесообразность одобрения их заявки. Данное мнение было поддержано Министром финансов Н. Х. Бунге, отметившим надежность финансовых гарантий со стороны указанной компании, общий капитал которой составил в 1884 г. 1 млн 200 тыс. руб. (АВПРИ, 1311, л. 30 об.). Вместе с тем в июне 1885 г. между Министерствами финансов и путей сообщения достигается договоренность об обсуждении имеющихся частных проектов по устройству пароходного сообщения в рамках Правительственной Комиссии под председательством директора Департамента шоссейных и водяных сообщений Министерства путей сообщения, инженера П.А. Фадеева (АВПРИ, 1311, л. 52).

Позиция Военного ведомства в отношении частного пароходства на Аму-Дарье

Представители Военного ведомства выражали скептический подход в отношении функционирования частной флотилии на Аму-Дарье. Ими отмечалось, что потенциальные выгоды от амударьинского пароходства в коммерческом и в военном отношении возможны лишь при его функционировании на всем протяжении реки, а не только ее части (АВПРИ, 1311, л. 75). Такого рода движение удовлетворяло потребностям государства в получении доступа к территории Северного Афганистана (АВПРИ, 1311, л. 75 об.).

Развернутую отрицательную точку зрения на проект учреждения частной амударьинской флотилии сформулировал генерал от инфантерии С. П. Копьев в Записке по данному вопросу от 2 октября 1885 г. В ней он затронул экологическую проблему, указав, что учреждение пароходства на древесном топливе станет настоящим «бедствием» для среднеазиатского региона, поскольку приведет к опустыниванию местности (АВПРИ, 1311, л. 58 об.). С экономической точки зрения, учреждение привилегированного пароходства, с точки зрения Копьева, приведет к появлению монополии, подрыву конкуренции и инициативы частных лиц и повредит интересам русской торговли. (АВПРИ, 1311, л. 61).

С. П. Копьев отмечал, что на Аму-Дарье плавают несколько сот или даже тысяч каюков, средней вместимостью каждого в 600 пудов, что в совокупности превышало общую грузоподъемность в 500 тыс. пудов. В этом контексте не представляло сложности довести этот показатель до 1 млн пудов и провести модернизацию речного флота при правительственной поддержке местному судоходству (АВПРИ, 1311, л. 61). Подобная флотилия на Аму-Дарье сможет обеспечить торговые и военно-стратегические российские интересы в данном регионе.

В противном случае, по мнению генерала от инфантерии, местное судоходство придет в упадок, будучи не в состоянии конкурировать с привилегированным амударьинским пароходством, которое захватит в свои руки перевозку всех грузов (АВПРИ, 1311, л. 62). Для подтверждения тезиса о невыгодности для российской торговли компании-монополиста им приводилась сравнительная таблица 1.

Из приведенной таблицы видно существенное итоговое удорожание стоимости транспортировки грузов, предлагаемых предпринимателями в рамках проекта частного пароходства в сравнении с грузоперевозками на местных каюках. При увеличении их объемов удорожание транспортных услуг резко увеличивалось. В результате частное привилегированное пароходство по Аму-Дарье не приносило пользы торговле и вело к росту стоимости товаров. Крайне невыгодным, по мнению С. П. Копьева, было принятие Правительством обязательства передачи привилегированному товариществу

для перевозки через Усть-Урт всех казенных грузов, направляемых в Закаспийскую область и в Туркестан (АВПРИ, 1311, л. 64 об.).

Маршрут	На каюках	На пароходах Товарищества Громова и Синельникова	На пароходах Российского Общества морского, речного, сухопутного страхования кладей
от Бухары до Устька (620 верст)	15 коп.	15 коп.	15 коп.
от Устька до Кунграда	20 коп.	51,2/3 коп.	77,1/2 коп.
от Кунграда до Залива Цесаревича	50 коп.	51 коп.	50 коп.
от Залива Цесаревича до Астрахани	20 коп.	25 коп.	37,1/2 коп.
от Астрахани до Нижнего Новгорода	20 коп.	20 коп.	20 коп.
от Нижнего Новгорода до Москвы	26 коп.	26 коп.	26 коп.
Разные расходы	10 коп.	10 коп.	10 коп.
Итого	1 руб. 61 коп.	1 руб. 97,2/3 коп.	2 руб. 36 коп.

Таблица 1. Стоимость провоза одного пуда груза от Бухары до Москвы. (АВПРИ, 1311, л. 62 об.)

Table 1. Cost of carrying one pood of cargo from Bukhara to Moscow. (AFPRI, 1311, l. 62 ob.)

С его точки зрения, в условиях строящейся Закаспийской железной дороги многие товары было невыгодно транспортировать по Аму-Дарье с учетом необходимости их перегрузки на некоторых участках и использования караванов верблюдов. Сама упаковка товаров для перевозки их на вьюках от Усть-Урта была дороже их стоимости при транспортировке по железной дороге, а владелец грузов, перевозимых на верблюдах, был вынужден полностью положиться на перевозчиков, не имея возможности их контролировать (АВПРИ, 1311, л. 63). Грузы, перевозимые по железной дороге, в целом, по мнению генерала, были лучше защищены от случайных факторов, таких как непогода, недостаток транспортных верблюдов, отсутствие сезона навигации и непостоянство фарватера в заливе Цесаревича.

Копьевым отмечалась значимость Аму-Дарьи с военно-стратегической точки зрения. Указанная река, протекая по владениям Северного Афганистана, Бухары и Хивы, выступала главным «военным базисом», на котором должно было основываться могущество России в среднеазиатском регионе (АВПРИ, 1311, л. 65). В результате крайне важным было учреждение на ней пароходства, но не частного, а казенного (АВПРИ, 1311, л. 66). По мнению С. П. Копьева, частное пароходство не могло обеспечить все государственные военные цели и потребности, вопросы безопасности. С этой точки зрения, недопустимым было передавать под контроль частного, привилегированного пароходства, нацеленного на получение только коммерческой выгоды, главную торговую артерию Средней Азии (АВПРИ, 1311, л. 66).

Интересно, что, отмечая важную роль строящейся Закаспийской железной дороги в экономическом плане, генерал подчеркивал ее уязвимость со стратегической точки зрения. Указанный транспортный маршрут нельзя было признать надежным средством сообщения для военных потребностей. Дорога, проходя по территории, населенной «хищническими» туркменскими племенами, близ персидской и афганской границ, могла подвергаться нападениям, сообщение по ней могло быть прервано (АВПРИ, 1311, л. 67 об.). В этом контексте амударьинский водный путь выступал гораздо более надежным транспортным маршрутом, связывающим Среднюю Азию с центральной Россией. Для большей эффективности требовалась его модернизация и доведение до Каспийского моря, что обуславливало необходимость инвестиций в размере 27 млн руб., полностью оправданных с точки зрения С. П. Копьева (АВПРИ, 1311, л. 68 об.). В условиях потенциальной войны с Афганистаном, расходы на которую могли составить несколько сотен млн руб., траты на создание прочного и непрерывного водяного пути сообщения являлись «производительным расходом» (АВПРИ, 1311, л. 68 об.).

Обсуждение Проектов частного пароходства в рамках Комиссии Министерства путей сообщения

Осенью 1885 г. состоялись заседания Комиссии при Министерстве путей сообщения, в рамках которых рассматривались проекты учреждения пароходства по Аму-Дарье и Каспийскому морю. Указанные мероприятия прошли 24 сентября, 2 и 8 октября, 19 ноября 1885 г. Председателем Комиссии выступил Директор Департамента шоссейного и водного сообщения МПС, инженер П. А. Фадеев. Участниками обсуждения стали представители заинтересованных ведомств: генерал от инфантерии С. П. Копьев, генерал-майор А. И. Глуховской (Военное министерство), тайный советник Д. Ф. Кобеко (Министерство финансов), П. Н. Морозов (Министерство внутренних дел), Коллежский советник Н. А. Биторский (Министерство иностранных дел), другие лица (АВПРИ, 1311, л. 97).

Было отмечено, что Комиссия при Военном ведомстве одобрила проект П. А. Синельникова. Военное ведомство, рассмотрев решение Комиссии и не считая себя компетентным в оценке финансового и торгового значения планируемого проекта, передало это дело в Министерство финансов. Военное министерство подчеркивало, что приоритетным аспектом является не развитие на Аму-Дарье «срочного» пассажирского пароходства, а возможность перевозки войск и грузов. В этом контексте требовалась организация мощного буксирного пароходства и барж, приспособленных для перевозки войск, а не пароходов, в наличии которых «едва ли есть существенная необходимость для казны» (АВПРИ, 1311, л. 97 об.).

В отношении организации пароходства, предложенного в проекте предпринимателей Синельникова и Колесникова, Военное ведомство, как и Министерство иностранных дел выступили за развитие пароходного сообщения по верхней части Аму-Дарьи до села Ходжа-Сале (АВПРИ, 1311, л. 98).

Комиссией было отмечено, что производится постройка Закаспийской железной дороги от Михайловского залива, по направлению к Мерву до Аму-Дарьи, «перпендикулярно» к последней (АВПРИ, 1311, л. 108 об.). В этой связи требовалось дополнительно оценить перспективность наличия другого государственного регионального транспортного маршрута. Уточнению подлежали следующие вопросы: способность Закаспийской дороги удовлетворить потребности правительственных, торговых и пассажирских перевозок, перспективность одновременного открытия пароходного сообщения по Аму-Дарье, необходимость участия Правительства в осуществлении этого сообщения (АВПРИ, 1311, л. 108 об.).

На заседании была озвучена позиция генерал-майора А. И. Глуховского, выступившего по многим аспектам с близкими с позицией С. П. Копьева подходами. С его точки зрения, при решении проблемы топливного вопроса частное пароходство на Аму-Дарье возникнет само собою, без монополии и искусственных мер правительственной поддержки (АВПРИ, 1311, л. 114 об.). Генерал-майор выступил за разделение пароходов на транспортные и частные. Первые из них могли быть устроены и содержаться «частной предприимчивостью», вторые – должны были стать частью российского флота, комплектоваться на общем основании с военными судами и нести каждый хотя одно орудие (АВПРИ, 1311, л. 133–133 об.).

Глуховский выступил за коррекцию транспортного маршрута, соединявшего Аму-Дарью с Каспийским морем. Более продуктивным выступил бы маршрут, связывавший Западную Хиву с Красноводском, и продление Аму-Дарьи до Каспия, что позволило бы сформировать непрерывный водный Амударьинский – Каспийский путь из центра России в Среднюю Азию (АВПРИ, 1311, л. 117). Это усилило бы стратегическое и транспортное влияние России в регионе, поскольку Закаспийская железная дорога была не в состоянии удовлетворить все потребности России в Средней Азии, и на границах с Афга-

нистаном (АВПРИ, 1311, л. 116 об.). Данный проект потребовал бы затрат в размере 27 млн руб., что стало бы «благотворной и производительной» инвестицией, с учетом выгод, которые были бы приобретены в политическом, военном, стратегическом, торговом и экономическом отношениях (АВПРИ, 1311, л. 117). При этом, как отмечала Е. А. Правилова, Глуховский разрабатывал и второй проект соединения Аму-Дарьи с Каспием в обход Саракамышских озер, стоимостью в 42 млн руб. (Правилова, 2005, с. 468).

А. И. Глуховский резюмировал, что содержание на Аму-Дарье казенных пароходов для перевозки казенных, а тем более частных грузов излишне. Вместе с тем было необходимо иметь на данной реке 3 быстроходных парохода для исполнения военно-административных и правительственных обязанностей, которые было нельзя возложить на частное пароходство. В этой связи правительство «должно нести некоторый расход» на их содержание, вопрос сводился лишь к тому, чтобы уменьшить эти затраты (АВПРИ, 1311, л. 134 об.).

Представитель Министерства финансов Д. Ф. Кобеко отмечал, что планируемая организация Амударьинского пароходства была важна в контексте удешевления доставки из России в Среднюю Азию русских товаров, что стало существенным ограничителем проникновению туда английских товаров. Оптимальным размером флотилии было бы наличие двух грузовых пароходов, с вместимостью каждого от 600 до 700 человек. Это было достаточным как для обеспечения задач военного ведомства в мирное время, так и для торговых целей, поскольку основным региональным транспортным маршрутом выступала Закаспийская железная дорога (АВПРИ, 1311, л. 119). Само значение указанного водного маршрута в торговом отношении было ограниченным: наименьший тариф в 1/40 коп. с пуда сырья, и в 1/20 коп. с пуда мануфактуры был не в состоянии ликвидировать грузоперевозки на верблюдах (АВПРИ, 1311, л. 119 об.). В результате правительственные затраты на планируемый водный инфраструктурный проект не были необходимы, они не вызывались ни торговыми интересами, ни военными требованиями мирного времени.

В этой связи, по мнению Д. Ф. Кобеко, учреждение амударьинского пароходства, предусматривавшего выделение государственных субсидий, следовало отложить до открытия Закаспийской железной дороги до Аму-Дарьи, с выяснением мнения Туркестанского генерал-губернатора и Начальника Закаспийской области (АВПРИ, 1311, л. 120 об.). Тайный советник отмечал необходимость дополнительного изучения дельты Аму-Дарьи и ее выхода к Аральскому морю. В случае учреждения флотилии следовало проводить дифференцированную политику по отношению к разным участкам судоходства.

Основным маршрутом пароходов по Аму-Дарье стали бы рейсы от Кунграда до Закаспийской железной дороги. Движение пароходов до пункта Ходжи-Сале осуществлялось без выплат из казны, а подъем указанных водных средств выше указанного пункта не допускался (АВПРИ, 1311, л. 121). При этом в случае захода пароходов в Ходжи-Сале им должен быть запрещен транзит

европейских и англо-индийских товаров, которые могли доставляться туда из Афганистана.

Общий вывод Комиссии при Министерстве путей сообщения состоял в отклонении заявки «Общества морского, речного, сухопутного страхования и транспортирование кладей». Было отмечено, что с планируемым запуском Закаспийской железной дороги, при текущем состоянии торговли и движения коммерческих грузов в Закаспийском крае, запуск нового водного торгового пути, требующего затрат из казны, нецелесообразен (АВПРИ, 1311, л. 124 об.-125). С запуском Закаспийской железной дороги к ней перейдут функции по перевозке основной части частных и казенных грузов между внутренней Россией и Средней Азией как по наиболее скорому, верному и дешевому транспортному пути.

Вместе с тем Амударьинская флотилия была значима в военно-стратегическом отношении, с точки зрения перемещения войск и грузов. При рассмотрении соответствующего запроса от Министерства иностранных дел выяснилось, что Закаспийская железная дорога была не в состоянии обеспечивать скоростные перевозки войск и военных тяжестей. Пролегая вблизи границы, указанный инфраструктурный объект в период ведения военных действий не являлся вполне безопасным и защищенным (АВПРИ, 1311, л. 125 об.). Пароходство на Аму-Дарье играло здесь важную роль, тем более что путь по этой реке был короче и удобнее. Кроме этого, Амударьинская флотилия была важна и в политическом отношении, способствуя усилению российского влияния в Средней Азии, развитию взаимных контактов туземного населения Закаспийского края с русскими поселенцами (АВПРИ, 1311, л. 125 об.).

В рамках рассмотрения топливного вопроса было отмечено, что употребление древесного топлива ограничивается временем открытия и разработки местных нефтяных месторождений или сроком открытия движения по Закаспийской железной дороге до пересечения с Аму-Дарьей, что позволит транспортировать минеральное топливо (АВПРИ, 1311, л. 126 об.-127).

Комиссией был рассмотрен вопрос о сравнительной выгодности завоза на Аму-Дарье казенного или частного пароходства, при условии, что последнее будет исполнять военные функции как в мирное, так и военное время. Большинство ее членов выступило за учреждение частного пароходства (АВПРИ, 1311, л. 126 об.).

Участники обсуждения отметили отсутствие правительственного решения относительно необходимости учреждения пароходства по Аму-Дарье и недостаточность информации по целому ряду аспектов (АВПРИ, 1311, л. 128). Было констатировано, что невозможно установить точное количество пароходов, требуемых для решения задач Военного ведомства, определить порейсовую плату в силу отсутствия данных о протяженности реки и ее отдельных частей (АВПРИ, 1311, л. 129 об.). В этой связи было необходимо произвести судоходное и техническое исследование Аму-Дарьи, возложить на предпринима-

телей полную ответственность с залогом за учреждение и функционирование пароходства (АВПРИ, 1311, л. 129 об.–130). Как отмечала Е. А. Правилова, Министерство путей сообщения и Военное ведомство разошлись по вопросу соединения Аму-Дарьи с Каспийским морем. «МПС пыталось закрепить концепцию транспортного использования Амударьи с перспективой изменения ее русла», а «военное ведомство скептически отнеслось к планам переноса рек». (Правилова, 2005, с. 468–469).

Формирование казенной военной амударьинской флотилии и финансовые показатели данного инфраструктурного проекта

В следующем 1886 г. государство отказывается от концепции частного пароходства на Аму-Дарье. В письме к Министру иностранных дел Н. К. Гирсу от начальника департамента шоссейных и водяных сообщений П. А. Фадеева от 18 июня 1892 г. отмечалось, что Комиссия при Министерстве путей сообщения смогла единогласно одобрить только два основных положения: невозможность использования древесного топлива, незначительность торгового движения по Аму-Дарье, не оправдывающее учреждение субсидированного пароходства (АВПРИ, 1311, л. 159 об.). В то же время позиция Военного ведомства по вопросу необходимости частного пароходства значительно изменяется.

В 1886 г. основывается Амударьинская флотилия, разработка Положения которой была поручена особой комиссией при Военном ведомстве под председательством вице-адмирала А. П. Жандра, членам военного и морского министерств, представителям пароходного общества «Кавказ и Меркурий» (АВПРИ, 258, л. 26). В 1888 г. она начала свою деятельность. В декабре 1893 г. в Положение о флотилии были внесены некоторые коррективы, одобренные Государственным Советом Российской империи. Итоговый проект был подписан высшим руководством Военного ведомства. Среди них: П. С. Ванновский, Б. Глинка-Маврин, О. Резвой, П. Волков, Граф Е. Сиверс, Д. Мордвинов, Н. Кармалин, С. П. Копьев, В. Нотбек, А. Аллер, В. Дандевиль, Н. Орловский, А. Эллис, Начальник канцелярии Военного министра генерал-лейтенант Лобко.

По проекту положения, разработанному указанной комиссией в 1886 г., данные корабли считались частью военного флота, находившейся в исключительном распоряжении Военного министерства с присвоением им военных флага и вымпела (АВПРИ, 258, л. 26). Личный состав флотилии содержался по штату и табели комплектации судов, причем офицерские чины флотилии назначались от флота, а нижние чины – от войск Туркестанского военного округа. Управление флотилией осуществлялось старшим из судовых командиров, с присвоением ему звания «Заведывающего Аму-Дарьинской

флотилии». При этом начальник флотилии назначался из морских офицеров Военным министром.

Это положение было изменено, и с 1893 г. корабли флотилии не считались частью военного флота, а стали носить флаг, присвоенный судам военно-сухопутного ведомства. Обязанности начальника флотилии было решено не совмещать с должностью старшего судового командира, а поручить отдельному лицу с присвоением ему звания Начальника Аму-Дарьинской флотилии, который избирался Военным министром из лиц, состоящих на обязательной службе в запасе или в отставке. Командиров пароходов флотилии и их помощников стали назначать по усмотрению Военного министра не исключительно из флотских офицеров, а из числа опытных в речном плавании офицеров, как состоявших на действительной службе, так и находившихся в запасе или в отставке.

Все финансовые затраты на постройку, ремонт, содержание судов флотилии и ее личного состава ассигновались по смете Военного министерства. Число судов Аму-Дарьинской флотилии зависело от потребностей Военного ведомства и местных нужд Туркестанского края, она подчинялась Командующему войсками Туркестанского военного округа (АВПРИ, 258, л. 28 об.).

Функциями Амударьинской флотилии выступили:

1. срочное буксиро-пассажирское сообщение между различными пунктами Аму-Дарьи;
2. содействие войскам Туркестанского военного округа в военных операциях;
3. подвоз боевых, продовольственных и других припасов;
4. перевозка казенных и частных пассажиров и грузов;
5. обеспечение нужд Закаспийской военной железной дороги;
6. гидрографические работы.

Частные пассажиры и грузы перевозились на судах флотилии по утвержденным тарифам, а к перевозке военных, переселенцев и поселенцев и к их багажу применялась скидка на тариф в размере 50% (АВПРИ, 258, л. 26–26 об.). Условия и порядок перевозки пассажиров, багажа и грузов на судах флотилии определялись особыми правилами, которые могли быть изменены по соглашению Военного министра, министра финансов и Государственного контролера.

Общий штат амударьинской флотилии составлял 115 человек. Среди них: 6 офицеров, 1 классный чиновник, 73 нижних чинов (фельдфебели, писари, фельдшеры), 35 вольнонаемных (механики, машинисты, лоцманы) (АВПРИ, 258, л. 34–34 об.). В составе флотилии находились пароходы – «Царь», «Царица»,

«Цесаревич», баржи – «С.-Петербург», «Москва». В 1897–1901 гг. были дополнительно построены еще три парохода – «Великий Князь», «Великая Княгиня Ольга», «Император Николай II» (Юлин, 1909, с. 65). Общее количество барж составило 9, дополнительно во флотилию входили три старые баржи бывшей Аральской флотилии (с. 65).

Некоторые затраты на данный инфраструктурный проект приводились в Положении. На содержание начальника флотилии (генерал-майор) ежегодно выделялось 5047,6 руб. Начальник парохода (штаб или обер-офицер) получал 3690,83 руб. в год. Канцелярские расходы по управлению флотилией составляли 150 руб. в год, а каждому пароходу на те же нужды шло 50 руб. в год. На ремонт шлюпок и лоцманских станций ежегодно отпускалось 500 руб. (АВПРИ, 258, л. 32 об.–33).

Амударьинская флотилия в результате не стала успешным в коммерческом отношении транспортным проектом. В письме министра финансов И. А. Вышнеградского к военному министру П. С. Ванновскому от 12 февраля 1891 г. отмечалось, что перевозка частных пассажиров и грузов производилась на судах Амударьинской флотилии в весьма ограниченном размере (АВПРИ, 258, л. 1). Доход от эксплуатации данных кораблей составлял в 1888 г. 100 руб. (вместо запланированных 118 тыс. руб.), в 1889 г. – 628 руб. (вместо 77 тыс. руб.). Ожидаемые в 1890 г. поступления исчислялись суммой в 300 руб. (АВПРИ, 258, л. 1).

В газете «Новое время» подчеркивалось, что Амударьинская флотилия повторила судьбу Аральской, превратившись в неэффективный в финансовом отношении проект. С 1888 г. по 1904 г. за 15 навигационных периодов было выручено за перевозку пассажиров и грузов 476 тыс. 567 руб. При этом в 1888 г. было перевезено 130 пассажиров и 1529 пудов груза, а в 1903 г. – 6943 пассажира и 213 тыс. пудов груза, без подсчета перевозок военных и грузов военного ведомства. Годовой бюджет Амударьинской флотилии – 459 тыс. 525 руб. (Новое время, 1906).

В Записке к проекту Бухарской железной дороги 1912 г. отмечалось, что общий убыток Амударьинской флотилии с 1890 года по 1908 год составил 3 млн 652 тыс. 500 руб. (АВПРИ, 1126, л. 162 об.).

Финансовая убыточность проекта привела к безуспешным попыткам Военного ведомства реанимировать в начале XX в. планы по созданию частного Амударьинского пароходства. В 1903 г. общество «Кавказ и Меркурий» провело техническое исследование указанного вопроса, установив неуспешность данной инициативы. Были отмечены нестабильность течения на Амударье и дороговизна создания специальных судов, движущихся против течения, что делало убыточным весь проект (Юлин, 1909, с. 71). В результате общество «Кавказ и Меркурий» было согласно на эксплуатацию Амударьинской флотилии при условии ежегодной субсидии от казны в размере

500 тыс. руб., что превышало государственные расходы на данный инфраструктурный водный путь.

В 1906 г. компания волжских судовладельцев «Захаров и Скрепинский» обуславливала свое согласие на контроль над Амударьинской флотилией ежегодными субсидиями в размере 360 тыс. руб., а также оплатой из казны по текущему тарифу всех казенных грузов (Юлин, 1909, с. 71). Это предложение было также неприемлемо для Военного ведомства, в силу превышения затрат на него, в сравнении с текущими государственными расходами.

Уточненную картину финансовых бюджетных показателей вышеуказанного инфраструктурного проекта дает обращение к Общей государственной росписи доходов и расходов Российской империи. Они суммированы в ниже-следующем графике.

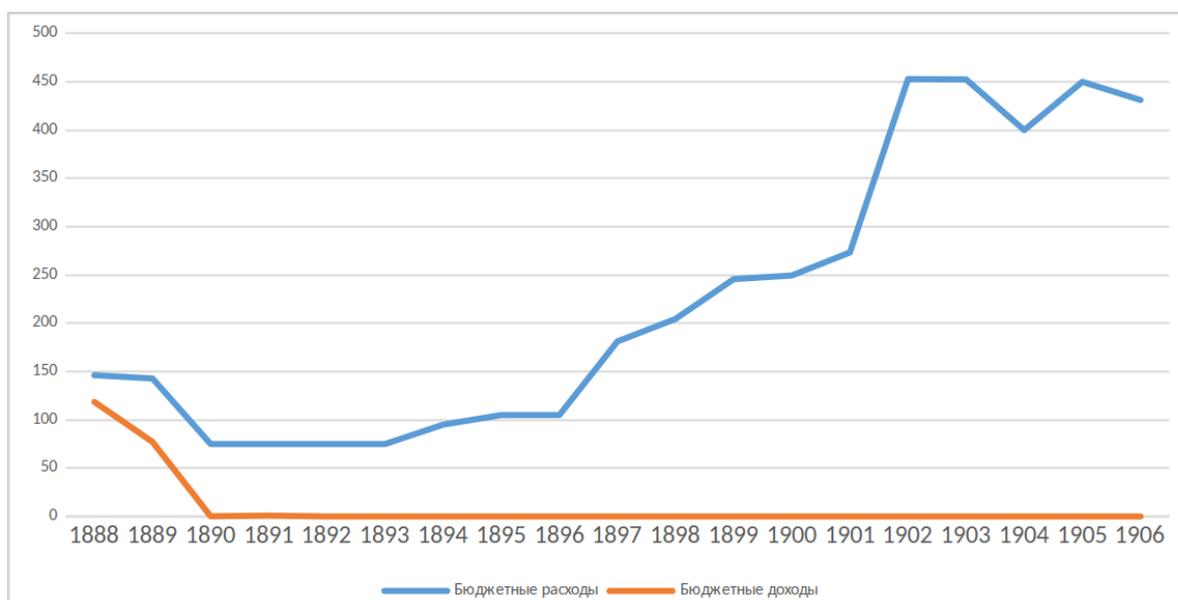

Рисунок 2. Бюджетные расходы и доходы на Амударьинскую флотилию в 1888–1906 гг. (в тыс. руб.) (Общая роспись... за 1888–1906 г.)

Figure 2. Budgetary expenditures and revenues for the Amu Darya Flotilla in 1888-1906 (in thousand rubles) (General Inventory... for 1888-1906).

Данный график показывает ряд особенностей. Все бюджетные доходы и расходы Амударьинской флотилии проходили по линии Военного министерства: либо по линии Главного штаба, или главного интендантского управления. С 1892 г. в бюджете перестали отображаться доходы от указанного транспортного проекта. До этого в 1890 г. и в 1891 г. были показаны доходы менее 1 тыс. руб., причем сумма дохода за 1890 г. в 300 руб. подтверждается вышеупомянутым письмом И. А. Вышнеградского. За 1888 и 1889 г. в бюджетной классифи-

кации указывались намного большие цифры доходов, опровергнутые Министром финансов.

Сумма расходов в некоторые годы дублирует предыдущий: она одинакова для 1890 и 1891 г., 1892 и 1893 г., 1895 и 1896 г., почти одинакова для 1902 и 1903 г. При этом в 1902 г. отмечается резкий рост расходов более чем на 60% в сравнении с предыдущим 1901 г. Это вызывает вопросы относительно адекватности отображения финансовых показателей флотилии. Причины здесь могли быть разными: непрозрачность бюджета, засекреченность военных статей, «раскидывание» расходных статей в сфере безопасности по разным ведомствам и показывание лишь формальных цифр. Важным, однако, остается тот факт, что в официальном финансовом документе Российской империи фиксируется нарастающая бюджетная убыточность Амударьинской флотилии.

Вместе с тем данный транспортный проект оставался важным для Военного ведомства и с геостратегической точки зрения, и с точки зрения контроля над Афганистаном. Российское военное ведомство внимательно следило за тем, чтобы у Афганистана не появилось бы своей флотилии. Так, в письме Командующего войсками Туркестанского военного округа барона А. Вревского к Начальнику Главного штаба Н.Н. Обручеву 14 февраля 1894 г. отмечалось, что в издаваемой в Бомбее газете “Times of India” за номером 2, 1894 г. затрагивался вопрос о возможности устройства на Аму-Дарье военной афганской флотилии, в организации которой участвовали англичане. Появление такой афганской флотилии было весьма нежелательным с точки зрения российских интересов, что требовало проведение переговоров с англичанами и усиление российской амударьинской флотилии мощными пароходами (АВПРИ, 258, л. 74). Данная информация была в итоге опровергнута Министром иностранных дел Н. К. Гирсом, подчеркнувшим в ответе на это обращение, что в Министерстве иностранных дел отсутствовала информация, которая указывала бы на возможность учреждения указанной флотилии (АВПРИ, 258, л. 77).

Выводы

Амударьинская флотилия выступала важным инфраструктурным проектом, укреплявшим военно-стратегическое влияние Российской империи на территории южного среднеазиатского фронта. Несмотря на свою убыточность, она имела важное торговое значение, транспортируя через труднодоступные районы, не охваченные Закаспийской железной дорогой, различные грузы. Это имело особую значимость для развития региональной торговли, укрепления экономических связей Средней Азии с Афганистаном и с приграничными районами Персии.

Своеобразием указанного водного маршрута стали важные ограничители, делавшие его затратным в финансовом отношении. Первым из данных аспектов выступил топливный вопрос. В среднеазиатском регионе в силу есте-

ственных условий отсутствовали леса, а произрастал саксаул и другие небольшие растения и кустарники. Их было нежелательно использовать как дровяное топливо в силу угрозы опустынивания региона. Расходы же на минеральное топливо – нефть и уголь – были достаточно высоки в силу необходимости их доставки на большое расстояние.

Высокими затратами сопровождался ремонт и обслуживание кораблей флотилии в силу отсутствия на берегах Аму-Дарьи необходимой логистической инфраструктуры и ремонтных мастерских. Своеобразие фарватеров Аму-Дарьи, мелководье, разная скорость течения в рукавах реки, другие факторы превращали данную реку в проблемную для организации судоходства на крупных кораблях. Наиболее конкурентоспособными в этих условиях оставались местные каюки, на которых и после организации пароходства перевозилась большая часть местных грузов. Это снижало количество частных грузоперевозок на судах флотилии и сокращало ее потенциальную прибыль.

Важным экспортным товаром для Хивинского ханства выступал хлопок, который транспортировался с конца октября по март. Именно в этот период, в силу климатических особенностей, Аму-Дарья была непригодна для судоходства. В результате флотилия лишалась огромных потенциальных доходов, которые ей могли привести перевозки больших объемов данного товара.

Финансовый фактор был важным обстоятельством для казны и военного ведомства. Во многом этим вызывались попытки организации частного судоходства, которые оказывались безуспешными в силу их убыточности. Ситуацию могло изменить создания непрерывного водного пути, который связывал бы Аму-Дарью с Каспийским морем. Это позволило бы сделать амударьинскую флотилию более привлекательной с точки зрения коммерческих грузоперевозок. Подобный проект, предложенный генералами С. П. Копьевым и А. И. Глуховским, не был в итоге реализован вследствие его высокой стоимости и больших трудозатрат.

Вместе с тем для российского государства определяющими обстоятельствами в данном вопросе служили не только финансовые, но и геостратегические и общеэкономические соображения. Амударьинская флотилия, развивавшаяся как казенный инфраструктурный проект под эгидой Военного ведомства, служила средством коммуникаций и торгового обмена для местных жителей, перевозя их на другой берег реки или в труднодоступные местности на побережье, куда было долго и трудно добираться сухопутным путем. По Аму-Дарье на судах пароходства было организовано почтовое сообщение.

Главной задачей флотилии стала перевозка военнотружущих и казенных грузов, что имело особое значение в силу афганского фактора. В условиях ведущейся в конце XIX в. геополитической «Большой игры» между Российской и Британской империями, обострения российско-афганских отношений, возможность оперативной доставки войск к афганской границе имела особую значимость. Амударьинская флотилия выступала здесь для Военного ведом-

ства как важный дублирующий Закаспийскую железную дорогу транспортный маршрут, который, в случае необходимости, мог обеспечить быстрое развертывание военных сил на российско-афганской границе.

Таким образом, данный инфраструктурный проект, как и Закаспийская железная дорога, способствовали росту российского влияния на юге среднеазиатского региона, усиливая российские геостратегические и транспортно-экономические позиции в сопредельных странах – в Афганистане и в Персии.

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00648 «Развитие экономической инфраструктуры российско-иранского трансграничья (вторая половина XIX – начало XX в.)», <https://rscf.ru/project/24-28-00648/>

Список литературы

- Peterson, M. K. (2016). Engineering Empire: Russian and foreign hydraulic experts in Central Asia, 1887–1917. *Cahiers du monde russe*, 57(1), 125–146. <https://doi.org/10.4000/monderusse.8336>
- Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). (б. д.-а). Ф. 147. Оп. 485. Д. 258.
- Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). (б. д.-б). Ф. 147. Оп. 486. Д. 112б.
- Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). (б. д.-с). Ф. 147. Оп. 486. Д. 1311.
- Волков, И. В. (2018). Роль России в исторических судьбах народов Средней Азии: Дореволюционный период (по архивным, правовым и иным материалам). Издательство Авторской Академии.
- Новое время. (1906, февраль 17). 6.
- Общая роспись доходов и расходов Российской империи за 1878–1906 гг. (б. д.). Министерство финансов Российской Федерации. <https://minfin.gov.ru/ru/ministry/historylib/common/budget/empire/?ysclid=lr0aeactn670942514>
- Правилова, Е. А. (2005). Река империи. Амударья в геополитических и ирригационных проектах второй половины XIX века. Азиатская Россия: Люди и структуры империи. ОмГУ.
- Правилова, Е. А. (2006). Финансы империи: Деньги и власть в политике России на национальных окраинах. 1801–1917. Новое издательство.
- Токтамысов, С. Ж. (2024). Правительственная дискуссия об участии частного капитала в строительстве Закаспийской железной дороги в конце XIX в. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России*, 23(1), 109–121. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2024-23-1-109-121>
- Юлин, Г. (1909). Амударьинская флотилия. *Туркестанский курьер*, 243–248, 63–75.

References

- Archive of Foreign Policy of the Russian Empire (AFPRES). (n. d.-a). F. 147. In. 485. C. 258. (In Russian).
- Archive of Foreign Policy of the Russian Empire (AFPRES). (n. d.-b). F. 147. In. 486. C. 1126. (In Russian).
- Archive of Foreign Policy of the Russian Empire (AFPRES). (n. d.-c). F. 147. In. 486. C. 1311. (In Russian).
- Novoe vremya*. (1906, February 17). 6. (In Russian).
- Obshchaya rospis dokhodov i raskhodov Rossiyskoy imperii za 1878–1906 gg.* (n. d.). Ministerstvo finansov Rossiyskoy Federatsii.
<https://minfin.gov.ru/ru/ministry/historylib/common/budget/empire/?ysclid=lruoaeactn670942514> (In Russian).
- Peterson, M. K. (2016). Engineering Empire: Russian and foreign hydraulic experts in Central Asia, 1887–1917. *Cahiers du monde russe*, 57(1), 125–146. <https://doi.org/10.4000/monderusse.8336>
- Pravilova, E. A. (2005). *Reka imperii. Amudar'ya v geopoliticheskikh i irrigatsionnykh proektakh vtoroy poloviny XIX veka. Aziatskaya Rossiya: Lyudi i struktury imperii*. OmGU. (In Russian).
- Pravilova, E. A. (2006). *Finansy imperii: Den'gi i vlast' v politike Rossii na natsional'nykh okrainakh. 1801–1917*. Novoe izdatelstvo. (In Russian).
- Toktamysov, S. Zh. (2024). Governmental Discussion on the Private Capital Participation in the Trans-Caspian Railway Construction in the Late XIX Century. *RUDN Journal of Russian History*, 23(1), 109–121. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2024-23-1-109-121> (In Russian).
- Volkov, I. V. (2018). *Rol Rossii v istoricheskikh sudbakh narodov Sredney Azii: Dorevolyutsionnyy period (po arkhivnym, pravovym i inym materialam)*. Izdatel'stvo Avtorskoy Akademii. (In Russian).
- Yulin, G. (1909). Amudaryinskaya flotiliya. *Turkestanskiy kur'er*, 243–248, 63–75. (In Russian).

Economic Ties of Russian Settlers and Native Population of Turkestan in the end of the 19th – the beginning of the 20th Centuries

Yulia N. Tsyryapkina

Altai State Pedagogical University. Barnaul, Russia. Email: [guzvenko\[at\]yandex.ru](mailto:guzvenko[at]yandex.ru)

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8537-8410>

Received: 20 May 2024 | Revised: 1 July 2024 | Accepted: 7 July 2024

Abstract

The article analyses the issues of reclaiming of Turkestan by the Russian empire in the second half of the 19th – the beginning of the 20th century by means of creating in the region administrative and military structures as well as by organizing Russian migrant settlements. It was revealed that in the process of organization of urban and rural settlements Turkestan authorities took aim at keeping a distance between native and migrant population. The article characterizes the conditions of granting land parcels for Russian settlers, the different categories and the number of countrymen coming to Turkestan.

The article demonstrates various forms of economic interaction of settlers and native people in agricultural activities, everyday life, etc. An accent is put on the changes in the organization of living space under the influence of Turkestan climate peculiarities, different methods of managing agricultural food crops and commercial crops (cotton); the issues of irrigational activities, adoption of farm equipment and particular aspects of everyday life are being analyzed.

The author makes a note that the interaction mostly took place in the economic and material spheres, and had fragmentary and episodic character that didn't lead to cardinal changes in the life of Russian settlers' community and native people.

Keywords

Russian Empire; Turkestan; Migrants; Indigenous Population of the Region; Migrant Village; Acculturation; Economic Ties; Everyday Life; Cotton Growing; Nomads

This work is licensed under a [Creative Commons “Attribution” 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Хозяйственные связи русских переселенцев и коренного населения Туркестана в конце XIX – начале XX в.

Цыряпкина Юлия Николаевна

Алтайский государственный педагогический университет. Барнаул, Россия.

Email: [guzvenko\[at\]yandex.ru](mailto:guzvenko[at]yandex.ru) ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8537-8410>

Рукопись получена: 20 мая 2024 | Пересмотрена: 1 июля 2024 | Принята: 7 июля 2024

Аннотация

В статье анализируются вопросы освоения Российской империей Туркестана во второй половине XIX – начале XX в. посредством создания в регионе административного и военного аппарата, а также формирования русских переселенческих поселков. Выявлено, что в организации городских и сельских поселений туркестанские власти стремились сохранить дистанцию между коренным и пришлым населением. В статье охарактеризованы условия выделения земельных участков для русских переселенцев, различные категории и численность приезжающих в Туркестан крестьян.

В статье показаны различные формы хозяйственного взаимовлияния переселенцев и коренного населения в сельскохозяйственной деятельности, в повседневной жизни и др. Акцент сделан на изменениях в организации жилища под влиянием климатических особенностей Туркестана; рассматриваются различные способы возделывания сельскохозяйственных продовольственных и технических культур (хлопок), вопросы ирригационной деятельности, заимствование сельскохозяйственного инвентаря, а также отдельные аспекты бытовой жизни.

В статье отмечается, что взаимовлияние происходило преимущественно в хозяйственной и материальной сфере, носило фрагментарный и эпизодический характер и не приводило к кардинальным изменениям в жизни русского переселенческого сообщества и коренного населения.

Ключевые слова

Российская империя; Туркестан; переселенцы; коренное население региона; переселенческий поселок; аккультурация; хозяйственные связи; повседневность; выращивание хлопка; кочевники

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons “Attribution” \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Введение

История «русского присутствия» в Туркестане во второй половине XIX – начале XX в. неоднократно становилась предметом обсуждения, дискуссий и полемики постсоветских российских и центральноазиатских исследователей. Несмотря на то, что процессы освоения Российской империей Туркестана и различные аспекты формирования русского переселенческого общества в регионе являются хорошо изученной темой, существует несколько версий событий этого периода в центральноазиатском историческом пространстве (Исхаков, 2009) (у каждой республики своя «национальная» история), сформировалось российское туркестановедение¹, показывающее имперскую политику в регионе в других проекциях (Котюкова, 2016).

В последние три десятилетия происходит новое осмысление истории Российской империи, в которой намечается отход от моноцентричной парадигмы, и империя изучается через призму многообразия населения, сложного многовариантного «диалога» между центром и окраинами, между имперской властью, локальной администрацией и населением (Герасимов и др., 2010). Эти идеи на конкретно-историческом материале раскрывались в работах А. Ремнева и его учеников, в которых обобщались вопросы идеологии «внутреннего империализма» при расширении империи, которая сопровождала колониационные процессы в Азиатской России в позднеимперский период (охарактеризовано преимущественно на материалах Сибири и Дальнего Востока) (Ремнев & Суворова, 2013). Применительно к Центральной Азии региональное измерение имперской политики показано в коллективной монографии российских исследователей «Центральная Азия в составе Российской империи» (Центральная Азия, 2008).

Перспективным направлением в российской науке в последние годы является научная школа по изучению имперской политики аккультурации, достижения которой в полемическом ключе обобщены в монографии 2019 г. (Имперская политика, 2019). Одним из аспектов для анализа выступает вопрос о культурной интеграции обретенных территорий в имперское пространство. Это направление активно разрабатывается оренбургским исследователем С. В. Любичанковским на примере бытовой аккультурации казахов и русских в Степном генерал-губернаторстве в XIX в. (Васильев & Любичанковский, 2018), казахов и татар в Российской империи в XIX в. (Любичанковский, 2019).

В целом, вопросы хозяйственных связей русских переселенцев и коренного населения в Туркестане в конце XIX – начале XX в. в исследовательской литературе рассматриваются эпизодически (Брежнева, 2016; 2018).

¹ Термин используется российским антропологом и историком, специализирующимся на изучении Центральной Азии, С. Н. Абашиным. См.: (Обсуждение книги Т.В. Котюковой «Окраина на особом положении... Туркестан в преддверии драмы», 2018).

В данной статье анализируются различные формы хозяйственного взаимодействия переселенцев и коренного населения в сельскохозяйственной жизни и в повседневности. Статья написана на основе привлечения официальной отчетной документации имперских чиновников, приезжающих в Туркестан с ревизией, делопроизводственной и ведомственной переписки чиновников туркестанской администрации, нарративных источников и др. Кроме того, в статье используются неопубликованные источники, содержащиеся в фондах Национального архива Республики Узбекистан, которые вводятся в научный оборот впервые и позволяют показать сложный процесс интеграции центральноазиатского региона в состав Российской империи и взаимного хозяйственного влияния переселенцев и коренного населения.

Государственная стратегия освоения Туркестана во второй половине XIX – начале XX века

Формирование русского переселенческого сообщества в Туркестане началось практически сразу после завоевания региона и создания в 1867 г. Туркестанского генерал-губернаторства. Переселенческое движение в завоеванный регион решало несколько важнейших государственных задач: во-первых, русские переселенцы должны были способствовать интеграции вновь присоединенных азиатских окраин с центром империи (Санкт-Петербург). Во-вторых, переселенческое движение должно было нивелировать малочисленность русского населения во вновь приобретенных территориях. В-третьих, переселенческое движение перераспределяло малоземельное крестьянское население в Туркестан и снижало уровень аграрного перенаселения в Европейской части Российской империи.

Включение огромных территорий в состав Российской империи привело к необходимости формирования стратегии закрепления этих территорий в составе государства. К моменту завоевания среднеазиатских ханств правительство опиралось на опыт включения в состав Российской империи сибирских территорий и Дальнего Востока, в рамках которого ключевым аспектом являлось создание на этой территории не только административного и военного аппарата, но и формирование русских переселенческих поселков, закрепляя за собой новое пространство топонимически (название переселенческих поселков в честь имён православных святых и т. д.) (Ремнев & Суворова, 2013, с. 16).

Данная стратегия представлена в работе участника военных походов в Туркестан Н.А. Маева, в которой он предлагал конкретные меры для увеличения русского населения в новых областях:

«<...> на таких местностях представляется возможность расположить поселения крестьян, изъявивших желание переселиться в Туркестанскую область из внутренних, многолюдных губерний России. Как на одну из самых действительных мер для увеличения народонаселения Туркестанской области можно

указать также на «поселения отставных солдат». <...> из этих солдатских поселений образуется на реке Сыр-Дарье непрерывный ряд слободок, наподобие казачьих станиц, которые могут принести большую пользу, в случае если бы в Туркестанской области возникли какие либо беспорядки. Как переселенцы из крестьян, так и отставные нижние чины и их семейства, переселяющиеся в Туркестанскую область, должны пользоваться некоторыми льготами, например, относительно рекрутства, платежа податей и повинностей и т.п.» (НА РУз. Ф. И-1. Оп. 16. Д. 15. л. 4 об. – 5).

Заселение Туркестана планировалось посредством «водворения» в регион переселенцев, а также отставных военных, которые во время службы уже были адаптированы к жизни в Туркестане. Соответственно, в рамках ширившегося переселенческого движения первыми возникали военные гарнизоны. Следующей задачей становилось создание сети переселенческих поселков. При этом в целях безопасности туркестанские власти изначально вооружали переселенцев (НА РУз. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 1249. Л. 4, 23). В статьях С. Н. Брежневой указывается, что русская администрация рассматривала поселки переселенцев в качестве военных гарнизонов, стремясь максимально оградить вновь прибывшее население от коренных жителей (2018, с. 618).

В отчете первого генерал-губернатора Туркестана К. П. фон Кауфмана, подготовленного за период с 1867 по 1880 г. отмечалось, что создание экономически устойчивых переселенческих хозяйств в Туркестане должно продемонстрировать превосходство русского способа земледелия и образа жизни, подтолкнуть коренное население к сплочению вокруг «русской гражданственности» (НА РУз. Ф.Р. 2412. Оп.1. Д. 71. Л. 4-5).

В организации городских и сельских поселений туркестанские власти пытались сохранять дистанцию между коренным и пришлым населением:

«...при условии отвода значительных сплошных участков свободных казенных земель для образования из русских переселенцев отдельных от туземных поселений, самостоятельных не только в административном, но и в хозяйственном отношении» (НА РУз. Ф. И-1. Оп. 17. Д.63. Л.2 об.).

План освоения Туркестана предполагал формирование в уже существующих городах региона русских кварталов («русских частей»), где размещался военный гарнизон, крепость, администрация и проч. Русские кварталы появились в таких городах как Ташкент, Самарканд, Наманган, Андижан, Коканд. В Маргелане не удалось найти площадку для русской части, поэтому Новый Маргелан (в дальнейшем Скобелев, а затем Фергана) был построен в 8 км от старого города. «Русская часть» туркестанских городов соседствовала с «туземной частью» и была зоной расселения выходцев из европейской части России – русских, украинцев, белорусов, поляков и др. По составу населения она имела полиэтничный, поликонфессиональный характер; кроме того, в этой части города расселялось и коренное население региона.

Туркестанская администрация огромную ставку в освоении региона сделала на формирование сельских переселенческих поселков, в которых

негласно действовало правило «закрытости» для коренного населения. Автохтонное население региона приравнивалось к инородцам, в дальнейшем его положение регламентировалось Положением об управлении Туркестанским краем 1886 г. Представители туркестанской администрации отмечали приверженность коренного населения исламу, рассматривая его как фактор противостояния с переселенцами. Практика показала, что в переселенческих районах правило «закрытости» для коренного населения не соблюдалось строго: вместе с переселенцами в селах проживали сезонные и др. работники; между коренными и пришлыми развивались хозяйственные связи (Брусина, 2001, с. 36). По общему плану первого туркестанского генерал-губернатора К. П. фон Кауфмана в регионе изыскивались свободные, пригодные для хлебопашества земли для формирования переселенческих поселков, их размеры варьировались. В 1886 г. принимается Положение об управлении Туркестанским краем, согласно которому к переселению допускались «русские подданные христианских вероисповеданий, принадлежащие к состоянию сельских обывателей», а также отставные военные после службы (Переселенческое дело в Туркестане, 1910, с. 174–175). Официально участки для первых русских поселений выделялись из фондов, не принадлежавших коренному населению Туркестана. Главной сложностью стал поиск орошаемых земель. Чаще всего это были участки, лежащие на периферии скотоводческих наделов с редкими поселениями местных земледельцев – сартов. Земли, предназначенные для переселенцев, входили в уже сложившуюся ирригационную систему, что неизбежно сталкивало интересы коренного населения и переселенцев.

Раньше всех для переселений открылась Семиреченская область, поток переселенцев сюда направлялся с 1860-х гг. К 1893 г. в Семиреченской области насчитывался 31 переселенческий поселок (Шкапский, 1907, с. 20).

К 1870 г. Туркестанская администрация начала планомерно заниматься вопросами водворения русских переселенцев в отдельных поселках Сырдарьинской области. Первый русский поселок в Ташкентском уезде Русский Чиназ появился в 1867 г., но далее – заселение шло медленными темпами. К 1906 г. в Сырдарьинской области было образовано 59 поселков, в которых размещалось 3 500 семей. В Самаркандской области к этому времени основано 9 поселков с 680 дворами. Ферганская область была создана в 1876 г., и её заселение началось гораздо позднее. В Ферганской области к 1906 г. было образовано 7 поселков, в которых размещалось 650 семей (Переселенческое дело в Туркестанском крае, 1911, с. 13). Освоение Закаспийской области началось гораздо позже в связи с труднодоступной местностью, сложностями организации поливного земледелия и др. С момента покорения крепости Геок-Тепе в 1881 г. и до 1890 г. в области существовало 3 русских поселения. К 1 января 1900 г. в Закаспийской области насчитывалось 23 русских селения с общей численностью около 2 тыс. человек (Федоров, 1901, с. 58–59).

Необходимо отметить, что не все переселенцы сразу получали земельные наделы и закреплялись в переселенческих поселках. Те «колонисты», которые вселились в регион после заселения существующих поселков, жили на арендованных землях кочевников или арендовали земли в старожильческих переселенческих селах и ожидали официального причисления во вновь создаваемые поселки. В отчете по итогам поездки в Туркестан имперский чиновник А. А. Кауфман таких переселенцев называл «билетные». «Нелегально» приезжавшие в регион переселенцы, не выполнившие все бюрократические процедуры открепления из общины в губернии исхода и легального прикрепления в Туркестане, называлась «самовольные» переселенцы, которые основали «самовольные» поселки (К вопросу о русской колонизации Туркестанского края, 1903, с. 45-47). Самовольные переселенцы, не приписанные официально к какому-либо поселку, отличались свободой передвижения и мобильностью внутри региона, что настораживало туркестанскую администрацию, стремившуюся ограничить «бродяжничество». Когда поток самовольных переселенцев в 1890-е годы стал нарастать, в 1897 г. генерал-губернатор А. Б. Вревский принял решение закрыть Туркестан для «водворения» переселенцев.

Состав переселенцев, «водворявшихся» в Туркестан, был полиэтничным при доминировании русских. Согласно данным Первой Всероссийской переписи населения 1897 г. в Сырдарьинской области, в состав которой входил Ташкентский уезд вместе с крупным административным центром городом Ташкент, проживало «великороссов» – 31 900 чел., «малороссов» – 12 853 чел., «белороссов» – 81 чел. В разделе переписи, где фигурировали данные по языкам, все эти три группы были включены в категорию «русские» (Первая Всеобщая перепись, 1905, с. 56-57), что отражало идею принадлежности к Российской империи и дальнейшую русификацию.

По данным губернаторских отчетов за 1909 г., число русского населения возросло до 382 688 душ обоего пола (Россия, 1913, с.362), что по отношению ко всему населению пяти областей Туркестана уже составляло почти 6 %, т. е. увеличилось почти вдвое.

За более чем 10-ти летний интенсивный период освоения Туркестана в 2 раза увеличилось русское население в Семиреченской и Сырдарьинской областях, более чем в 3 раза – в Ферганской области; но в абсолютных цифрах русские оставались малочисленной группой. Меньший прирост русского населения прослеживался в Самаркандской и Закаспийской областях.

Хозяйственные взаимосвязи коренного населения и русских переселенцев в Туркестане в конце XIX – начале XX в.

Несмотря на стремление туркестанских властей создать отдельные переселенческие поселки в Туркестане, происходил постоянный обмен контактами

между коренным населением и переселенцами, которые транслировали европейскую культуру. Между русскими переселенцами и автохтонным населением была огромная дистанция, которая осложнялась этноконфессиональными и языковыми различиями, значительной разницей в менталитете. Наиболее быстрое взаимопроникновение с обеих сторон происходило в сфере сельскохозяйственной и материальной культуры. Необходимо согласиться с российскими исследователями Д. В. Васильевым и С. В. Любичанковским в том, что процесс взаимовлияния был двусторонним, как русские переселенцы адаптировали отдельные аспекты жизни кочевого и оседлого населения региона, так и коренные жители Туркестана заимствовали элементы европейской цивилизации (2018, с. 152).

Русские переселенцы практически сразу стали перенимать отдельные элементы строительства, организации жилища и сельского хозяйства. Этнографическое описание переселенческих сел в Туркестане фрагментарно представлено в делопроизводственной переписке, отчетной документации и нарративных документах туркестанского периода. Более развернутое описание жилища, быта, обрядовой стороны жизни переселенцев в «русском Туркестане» было представлено советскими/российскими этнографами на основе обследования сел, основанных переселенцами, и фиксации в полевых дневниках воспоминаний старожилов об организации жизни в переселенческих селах. Такие экспедиции проводила этнограф Т. В. Станюкович в 1950-е годы, в позднесоветский период в 1980-е годы – этнограф О. И. Брусина.

В работе О. И. Брусиной, изучающей переселенческие села, основанные в Туркестане, указывается, что большинство обследованных ею поселков располагались вдоль дороги, которая становилась главной улицей; параллельно ей на расстоянии 100–200 м. шли ещё одна-две длинные улицы (Брусина 2001, с. 32). Окна у домов выходили на улицу. В статье этнографа Т. В. Станюкович, написанной на материалах Иссык-Кульской области советской Киргизии, в имперский период эта территория входила в состав Семиреченской области, отмечается, что в переселенческих поселках преобладала постройка усадьбы, организация двора, характерная для южнорусских селений, в которых двор представлял собой правильный четырехугольник, застроенный по периметру хозяйственными постройками. Однако дома строились с учетом специфики местных строительных материалов (Станюкович, 1992, с. 170). В переселенческих усадьбах дома возводились вдоль улиц. Переселенцы обсаживали улицу деревьями вдоль дороги, преимущественно тополями и карагачами, садовыми деревьями, прокладывали арыки¹ с двух сторон дороги (Перепелицина, 1960, с. 57). Сооружение арыков в переселенческих поселках стало одним из важнейших заимствований у коренного населения

1 Оросительный канал в Центральной Азии

региона. Арыки являлись частью оросительно-ирригационной системы региона.

По технике постройки жилище русского населения советской Киргизии представляло собой сруб, оштукатуренный с внутренней и внешней стороны (Станюкович, 1992, с. 170). Переселяясь в Туркестан, русские переселенцы строили дома новым для них способом из сырцового, самодельного кирпича. В Семиреченской области переселенцы строили свои жилища с плоской крышей, заливая её жидкой глиной, научились трамбовать стены. Подобные жилища напоминали киргизские постройки и были вариантом приспособления к новым условиям жизни в Туркестане (Перепелицина, 1960, с. 14).

Хозяйственный профиль переселенцев в регионе находился в сфере привычных им сельскохозяйственных занятий в области полеводства. Скотоводство занимало подсобную роль в хозяйстве переселенцев (Станюкович, с. 165). Основным видом сельскохозяйственных работ являлось земледелие, – на обрабатываемых землях засевали необходимые пищевые и технические культуры. Переселенцы выращивали пшеницу, из которой производили муку, ячмень, просо, овес, рис, люцерну и др. В отдельных уездах выращивали джугару, маш, кунжут и др., перенимая опыт коренных жителей.

Выращивание хлебных сортов не всегда приводили к обеспечению нужд населения всего региона продовольствием. В отчете военного губернатора Сырдарьинской области Н.И. Королькова за 1902 г. указывается на проблемы со снабжением продовольствием уездов области:

«<...> полученные с обработанных земель хлеба могли прокормить лишь 2 уезда области – Чимкентский и Аулиеатинский и Аму-Дарьинский Отдел; остальные же уезды – Ташкентский, Перовский и Казалинский вынуждены были воспользоваться привозным хлебом, хотя последний уезд и в предшествующие годы вследствие климатических условий и незначительности площади орошаемых земель для посевов почти всегда нуждался в привозном хлебе» (НА РУз. Ф. И-269. Оп. 1. Д. 141. Л. 42-43).

Судя по отчету имперского чиновника А. А. Кауфмана, проводившего обследование в переселенческих поселках Туркестана в поездке 1903 г., наиболее благоприятное положение хозяйств русских переселенцев наблюдалось именно в поселках Сырдарьинской области, находящиеся в непосредственной близости к Ташкенту, в которых был налажен сбыт сельскохозяйственной продукции.

В отчете А. А. Кауфмана показаны случаи, когда между крестьянами и кочевниками в Сырдарьинской области завязывались добрососедские деловые отношения, связанные с арендой земли, поливом и т. д., «...особенно при киргизских (казахских. – Ю.Ц.) нравах, неразрывно связанных с возникновением «тамырства» (дружбы-побратимства. – Ю.Ц.) и вообще взаимного гостеприимства» (К вопросу о русской колонизации Туркестанского края, 1903, с. 33).

Хозяйственные связи между переселенцами и коренным населением проявлялись в выращивании и обработке хлопка, где важным был опыт коренного населения в возделывании данной культуры. В записке главноуправляющего землеустройством и земледелием А. В. Кривошеина, основанной на материалах его поездки по Туркестану в марте-апреле 1912 г., указывается на важность развития туркестанского хлопководства, который в стратегических планах должен был заменить американский хлопок на внутреннем имперском рынке. К моменту подготовки отчета Кривошеина по итогам поездки 1912 г. эта задача не была выполнена в должной мере. Кроме того, чиновник отмечал, что местные сорта туркестанского хлопка, обрабатываемого преимущественно коренным населением, были достаточно низкого качества, «шедшие главным образом, на подбивку ватой одеял и халатов» (Записка, 1913, с. 299, 313). Тем не менее коренное население Туркестана из полученного хлопка производило необходимые в повседневной жизни ткани: бязь, джангала, дака, алача и др. (Масальский, 1892, с. 15).

Согласно работе исследователя В. И. Масальского о хлопководстве Туркестана во второй половине XIX в., государство прилагало огромные усилия для развития этой отрасли на более совершенных технологиях. В Туркестане адаптировали выращивания семян американского хлопка, более качественного, чем местные культуры хлопка. В работе В. И. Масальского отмечается, что Туркестан охватила «хлопковая горячка», в рамках которой хлопок засевали купцы, чиновники, офицеры и другие, у которых имелись денежные средства на разведение данной культуры и содержание плантаций. Предприниматели заводили хлопковые плантации, строили хлопкоочистительные заводы и т.д., которые располагались в непосредственной близости от городов и административных центров. К примеру, в Сырдарьинской области эти участки располагались под Ташкентом. Это были предпринимательские инициативы, вполне успешные в отдельных случаях, но часть начинающих предпринимателей разорялась. Коренное население также переходило на засевание своих сельскохозяйственных наделов американским хлопком. Под американским хлопчатником в 1889 г. было засеяно 44 550 десятин (примерно 48 559 га). Под местными сортами культуры – 41 250 десятин (примерно 44 962 га). Всего в 1889 году было собрано хлопка (местного и американского) около 1 188 380 пудов (примерно 19 489 432 кг) (Масальский, 1892, с. 21). В относительных цифрах получаемый в Туркестане хлопок усилиями коренного населения и русских предпринимателей не мог обеспечить интересы российской промышленности.

Русские предприниматели в Туркестане на принципиально новой промышленной основе создали маслобойные заводы по производству кунжутного и хлопкового масла. До прихода русских в Туркестан коренное население получало масло посредством достаточно примитивного и малопродуктивного устройства: «толчеи “май-джуваз” приводились в действие либо

водяными силами, либо рабочими животными, главным образом, верблюдами» (НА РУз. Ф. Р.-2412. Оп. 1. Д. 481. Л. 1). Первый маслобойный завод был построен в 1884 г. предпринимателем С. И. Лахтиным в Коканде, но широкое развитие маслобойного производства в Туркестане началось после строительства железных дорог в начале XX в. К 1912 г. в Туркестане насчитывался 31 завод, где имелось 92 прессы и перерабатывалось более 17 млн пудов хлопковых семян (НА РУз. Ф. Р.-2412. Оп. 1. Д. 481. Л. 1).

Проблема заключалась в том, что хлопок не стал основной культурой в переселенческих поселках, а являлся вспомогательной в крестьянских хозяйствах в Туркестане, ориентированных, в основном, на возделывании привычных хлебных злаков. Крестьяне стремились в первую очередь обеспечить себя хлебом, возделывание и продажа хлопка для переселенцев представляло собой лишь дополнительную рыночную ценность, возможность заработать деньги «на уплату повинностей». Эту тенденцию иллюстрирует описание с. Константиновского Ташкентского уезда Сырдарьинской области в 1909 г., которое относилось к хлопковому району:

«<...> в этом поселке совершенно не оказалось посевов хлопка, тогда как окрестные киргизы в значительных размерах занимаются хлопководством. С хлопком слишком много работы, а поселенцам-немцам надо засеивать побольше хлеба; притом для хлопковых плантаций не хватало бы поливной воды, недостаток которой заставляет константиновских немцев сеять даже зерновые хлеба без искусственного орошения. Крестьяне, привыкнув видеть признак довольства и благополучия в расширении площади своих запасок, предпочитают увеличивать доходность своего хозяйства посредством расширения площади под хлебами, нежели переносить центр его тяжести на хлопководство и таким образом получить такой же, может быть, доход, при гораздо большей затрате труда с гораздо меньшей площади земли» (Материалы, 1909, с. 38).

Недостаток оросительных каналов, неумение переселенцев возделывать хлопчатник и, как следствие, выращивание продукта низкого качества не способствовали распространению этой культуры в переселенческих хозяйствах. Выращивание хлопка осталось прерогативой коренного населения и отдельных русских предпринимательских товариществ на территории Туркестана.

Русские переселенцы осваивали садоводство и огородничество в Туркестане. На орошаемых приусадебных участках разбивали сады, где росли яблоки, абрикосы, персики, виноград, груши, вишни, грецкие орехи. На огородах выращивали картофель, капусту, помидоры, огурцы, перец, бахчевые и др. (Брусина, 2001, с. 37). В хозяйственной жизни происходило активное заимствование коренным населением опыта русских переселенцев, и наоборот. До вхождения региона в состав Российской империи автохтонное население в садоводстве выращивало абрикосы, персики, виноград, айву,

джиду, гранатовое дерево, сливу, грецкий орех, тутовое дерево и др. Из описания кишлака К. Тимаева:

«<...> Садоводство в Туркестане ведется оседлым туземным населением с древних времен. Разведение плодовых деревьев и виноградников является любимым занятием туземцев. Сад из нескольких плодовых деревьев, преимущественно урюк (абрикос) и шафтала (персик) и виноградных лоз считается непременно принадлежностью каждого жилища в кишлаке (селение)» (НА РУз. Ф. Р.-2412. Оп. 1. Д. 481. Л. 2).

Русские привнесли в регион совершенно новые плодовые культуры, такие как яблони, груши, малина, смородина и прочие. Выращивание новых для Туркестана плодовых деревьев активно заимствовалось коренным населением, как и усовершенствованные способы разведения садов:

«<...> туземцы, как народ вообще способный перенимать все практичное, заимствовали у русских новые сорта плодовых деревьев или улучшенные их сорта, а также и усовершенствованные способы разведения садов» (НА РУз. Ф. Р.-2412. Оп. 1. Д. 481. Л. 2).

Автохтонное население научилось ставить прививки яблоням и грушевому дереву в своих садах (Перепелицина, 1960, с. 20).

Переселенцы использовали различные способы заготовки овощей: варили варенье и повидло из ягод и плодов, солили помидоры и огурцы в бочках, а также квасили капусту. Постепенно эти способы заготовок стали перениматься коренным населением. Переселенцы в свою очередь воспроизводили среднеазиатский способ заготовки плодов – сушку на воздухе (Брусина, 2001, с. 93).

В отчете военного губернатора Сырдарьинской области Н. И. Королькова за 1902 г. также указывалось, что садоводством и развитием новых плодовых культур занимаются представители коренного населения области:

«<...> Урожай плодов вообще в области был хороший. Развитием европейской культуры занимаются не только русские, но и туземцы, видимо сознавшие какую выгоду можно иметь от культуры садовых растений. Первое место по развитию садоводства занимает г. Ташкент» (НА РУз. Ф. И-269. Оп. 1. Д. 141. Л. 43 об.).

Одной из распространённых возделываемых русскими переселенцами культур была пшеница, из которой в итоге конечным продуктом получали муку. Практически в каждом переселенческом поселке находились мельницы, пекарни. Пшеницу, муку и другую сельскохозяйственную или ремесленную продукцию переселенцы привозили для продажи в крупные города или поселки, где успешно торговали с коренным населением. В описании селений Сырдарьинской области, оставленных И. Гейером, показаны «зарисовки» чимкентского базара, где зафиксировано взаимодействие переселенца и сарта:

«<...> чимкентский базар совсем утратил своеобразный строго туземный характер и на нем по всем направлениям шныряет сапог русского крестьянина. На каждом шагу попадаются оригинальные сцены из русско-туземной жизни.

У лавки с кожевенными товарами курносый курянин за неимением словесных средств объяснения, старательно выворачивает пальцы, убеждая сарта-хозяина взять за кожу именно ту цену, которая ему кажется наиболее сходною. Для большей убедительности и ласковости мужик свою непонятную для сарта речь пересыпает заученными туземными словами:

- Отдай за пятиалтынный! Вот, накажи меня Бог, якши адам будешь!
- Йок, не можно, – флегматично отвечает сарт, прихлебывая чай из расписной «пиалы»
- Ты постой, ты не торопись, гляди сюда: вот один пятак – бишь копеек по вашему, – при этом загибает первый палец, а вот другой, а вот третий, понимаешь?
- Йок, не можно: бир теньга¹
- За этот-то кусок двадцать копеек?! Да на тебе Христа нет; да я надьсь за 12 копеек брал, а тебе из чести 15 даю, потому что ты тамыр²!

К общему удовольствию торг сходится на 18 коп., а как они поняли друг друга, вычисляя эту цифр, известно одному Богу» (НА РУз. Ф. Р.-2412. Оп. 1. Д. 339. Л. 33).

В развитии сельского хозяйства в Туркестане русские переселенцы использовали привычные технологии, сформированные в губерниях выхода, а также адаптированные к местным природным условиям черты хозяйства коренного населения. В подсобном хозяйстве у русских переселенцев преобладало огородничество и садоводство, соответственно, основной тягловой силой в хозяйстве были лошади. В монографии Брусиной указывается, что в среднем хозяйстве имелись 1-2 лошади (по 1 лошади было в каждой семье, исключая только самых бедных), 1-2 коровы, несколько свиней, домашняя птица, изредка – бараны и козы (2001, с. 37-38). В качестве основных земледельческих орудий использовали плуг, борону, косилку и др.

Природно-климатические условия Туркестана способствовали тому, что в арсенале переселенцев появились новые рабочие инструменты, заимствованные у коренного населения при сельскохозяйственных работах: кетмень – дисковая мотыга для земляных работ, которая использовалась при арычной системе земледелия. Кетмень оказался прочнее и действеннее русского заступа (лопаты) для обработки азиатской почвы. В земледелии преимущество азиатских сельскохозяйственных орудий было ощутимо, русские переселенцы использовали омач (аналог сохи) и азиатскую малла с зубцами и без зубцов (аналог бороны) (Перепелицина, 1960, с. 15). Основным транспортным средством была бричка, посредством которой вывозили сельскохозяйственную продукцию в близлежащие города. Подтверждение этой мысли содержится в работе И. Гейера: «<...> Чем ближе приближаешься к г. Чимкенту, тем <...> зипун и косоворотная рубаха энергично борются за право преобладания в народной толпе, так как крестьянский извозный

1 20 копеек

2 Друг

промысел более чем на половину сократил грузовое движение на туземных арбах» (НА РУз. Ф. Р.-2412. Оп. 1. Д. 339. Л. 33).

Сельскохозяйственный инвентарь русских переселенцев активно заимствовался коренным населением, например, коса-литовка стала важным инструментом в хозяйстве оседлоземледельческих и кочевых народов региона. Коса-литовка облегчала процесс заготовки кормовых культур для зимнего содержания скота в хозяйствах автохтонного населения и получила широкое распространение (Материалы, 1909, с. 35).

В целом в зажиточных переселенческих селах развивались крепкие хозяйства, связанные с рынком и местной промышленностью. Немаловажным условием развития было установление хозяйственных и торговых связей с местным населением. В одной из поездок по русским селениям Сырдарьинской области этнограф И. И. Гейер отмечает тот факт, что в обыденной жизни в присоединенном Туркестане заметно больше проявляется сам факт русского «присутствия»:

«На единственной большой улице русского Чимкента замечается та же смесь «одежд и лиц». По ней едут крестьяне из селений на базар и обратно, а по аулиеатинскому почтовому тракту все той же непрерывной нитью тянутся русские телеги с кладью, направляемые на ташкентский рынок. Здесь идут и карабалтинские яблоки, алматинская пшеница, и семиреченская шерсть, и аулиеатинская кожа, и кяхтинский чай, и смешанные грузы частных лиц и смешанных контор. Все это поспешно тащит круторогий астраханский бык, важно поступая за своим хозяином хохлом, идущим впереди обоза с длинным чумацким кнутом <...> все это настолько будит родные воспоминания о широком шляхе Малороссии, что невольно забываешь о том, что все это совершается в глубокой Азии, царстве кочующего киргиза 4000 верст от европейской культуры» (НА РУз. Ф. Р.-2412. Оп. 1. Д. 339. Л. 33)

Русские переселенцы, попадая в совершенно новые для них природно-климатические условия Туркестана, заимствуя отдельные элементы бытовой и сельскохозяйственной культуры коренного населения, формируют новый среднеазиатский тип локальной культуры русских. Согласно исследованию О. И. Брусиной, на основе бытовой культуры переселенцев из разных губерний Российской империи, адаптации их к культурно-историческим и климатическим особенностям Туркестана складывалась культурная общность «славян-старожилов Средней Азии» (Брусина, 2001, с. 127–128). Однако необходимо отметить, что заимствование русской культуры коренным населением региона носило фрагментарный и эпизодический характер и не привело к кардинальным изменениям.

Выводы

Освоение Туркестана во второй половине XIX – начале XX в. осуществлялось в том числе посредством переселенческой политики в регион и формирования в нем крепких земледельческих хозяйств. Туркестанские

власти стремились создать отдельные поселки для переселенцев, в которых первоначально регламентировалось правило «закрытости» для коренного населения, но которое строго не соблюдалось. Сложность выделения участков орошенной земли для хозяйств переселенцев приводило к регламентации вселения крестьян в регион, «закрытие» Туркестана для переселения и т.д. К 1913 г. в Туркестане проживало 382 688 русских, которые составляли 6 % от всего населения Туркестана. С момента переписи населения 1897 г. их численность возросла вдвое.

Документы официальной отчетной документации, свидетельства современников показывают, что наиболее прочные хозяйственные связи между переселенцами и коренным населением региона сложились в хозяйственно-бытовой сфере: заимствования в ведении сельского хозяйства (выращивание пшеницы и хлопка), огородничество и садоводство, организация жилища и быта. Взаимопроникновение культур происходило в вопросах организации ирригационной деятельности, а также использования транспорта и сельскохозяйственного инвентаря. Необходимо подчеркнуть, что заимствования отдельных аспектов материальной культуры было двусторонним: русская культура оказывала влияние на коренных жителей региона (оседлоземледельческого профиля и кочевников), а русские переселенцы, приспосабливаясь к климатическим условиям Туркестана, адаптировали отдельные аспекты повседневного быта, организации жилища и инвентаря автохтонного населения. При этом ширившиеся хозяйственные связи между переселенцами и коренным населением Туркестана не приводили к кардинальным изменениям в жизни русского переселенческого общества и коренного населения.

Список литературы

- Абашин, С. Н. (2008). *Центральная Азия в составе Российской империи: Коллективная монография*. Новое литературное обозрение.
- Брежнева, С. Н. (2016). Русские переселенцы в Туркестане: Проблемы взаимоотношения с местным населением. *Научные ведомости. Серия История. Политология*, 1, 113–117.
- Брежнева, С. Н. (2018). Отражение идеи аккультурации в переселенческой политике Российской империи в Туркестане на рубеже XIX – XX вв. *Вестник РУДН. Серия: История России*, 17(3), 608–638. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2018-17-3-608-638>
- Брусина, О. И. (2001). *Славяне в Средней Азии. Этнические и социальные процессы. Конец XIX – конец XX века*. Издательская фирма «Восточная литература» РАН.
- Васильев, Д. В., & Любичанковский, С. В. (2018). Казахи и русские: Бытовая аккультурация в XIX в. *Вопросы истории*, 3, 151–165.
- Герасимов, И. В., Глебов, С., Кусбер, Я., Могильнер, М. Б., & Семенов, А. М. (2010). Новая имперская история и вызовы империи. *Ab Imperio*, 1, 19–53. <https://doi.org/10.1353/imp.2010.0014>

- Исхаков, Ф. (2009). *Центральная Азия и Россия в XVIII – начале XX в.* OzDAVMATBUOTLITI.
- К вопросу о русской колонизации Туркестанского края. Отчет члена Ученого Комитета М-ва З.и Г.И. А.А. Кауфмана по командировке летом 1903 года. (1903). Типография В.Ф. Киршбаума.
- Котюкова, Т. В. (2016). *Окраина на особом положении... Туркестан в преддверии драмы: Монография.* Научно-политическая книга.
- Любичанковский, С. В. (2019). К истории бытовой аккультурации казахов и татар в Российской империи XIX в. *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия История. Международные отношения*, 19(3), 279–282. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-3-279-282>
- Любичанковский, С. В., Джунджузов, С. В., Ковальская (Шукшина), С. И., Абашин, С. Н., Абылхожин, Ж. Б., Азнабаев, Б. А., Богомолов, С. А., Брежнева (Белалова), С. Н., Васильев, Д. В., Васильев, И. Ю., Гафаров, А. А., Годовова, Е. В., Дмитриев, В. В., Загидуллин, И. К., Икэда, Е., Лиджиева, И. В., Лысенко (Брындина), Ю. А., Мацузато, К., Моррисон, А., ...
Цирулев, Р. М. (2019). *Имперская политика аккультурации и проблемы колониализма (на примере кочевых и полукочевых народов Российской империи).* Оренбургский государственный аграрный университет.
- Масальский, В. И. (1892). *Хлопковое дело в Средней Азии (Туркестанский край, Закаспийская область, Бухара и Хива) и его будущее.* Типография В. Киршбаума.
- Национальный архив Республики Узбекистан (НА РУз). (б. д.-а). Ф. И-1. Оп. 17. Д.63.
- Национальный архив Республики Узбекистан (НА РУз). (б. д.-b). Ф. И-1. Оп.2. Д.1249.
- Национальный архив Республики Узбекистан (НА РУз). (б. д.-c). Ф.И-1. Оп.16. Д.15.
- Национальный архив Республики Узбекистан (НА РУз). (б. д.-d). Ф.И-269. Оп.1. Д.141.
- Национальный архив Республики Узбекистан (НА РУз). (б. д.-e). Ф.И.-269. Оп.2. Д.552б.
- Национальный архив Республики Узбекистан (НА РУз). (б. д.-f). Ф.Р. 2412. Оп.1. Д.71.
- Национальный архив Республики Узбекистан (НА РУз). (б. д.-g). Ф.Р.-2412. Оп.1. Д.339.
- Национальный архив Республики Узбекистан (НА РУз). (б. д.-h). Ф.Р.-2412. Оп.1. Д.481.
- Обсуждение книги Т.В. Котюковой «Окраина на особом положении...Туркестан в преддверии драмы». (2018). *Восток свыше: духовный, литературно-исторический журнал*, 2–3.
- Перепелицина, Л. А. (1960). *Влияние русской культуры на культуру народов Средней Азии.* Издательство СамГУ.
- Переселенческое дело в Туркестане: Отчет по ревизии Туркестанского края, произведенной по Высочайшему повелению Сенатором Гофмейстером Графом К.К. Паленом. (1910). Сенатская типография.
- Переселенческое дело в Туркестанском крае (области Сыр-Дарьинская, Самаркандская и Ферганская). Отчет по служебной поездке в Туркестан осенью 1910 г. Чиновника особых поручений при Переселенческом Управлении Н. Гаврилова. (1911). Санкт-Петербург.
- Ремнев, А. В., & Суворова, Н. Г. (2013). *Колонизация Азиатской России: Имперские и национальные сценарии второй половины XIX – начала XX века.* Наука.

- Семенова-Тянь-Шанского, В. П., & Масальский, В. И. (Ред.). (1913). *Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Настольная и дорожная книга: Т. 19. Туркестанский край.* Издание А.Ф. Девриена.
- Скрылев, П. А. (1909). *Материалы по обследованию переселенческого хозяйства в Туркестанском крае. II Русские селения в Чимкентском уезде Сыр-Дарьинской области.* Ташкент.
- Станюкович, Т. В. (1992). Восточнославянское население Иссык-Кульской области Киргизии (по материалам экспедиции 1957 г.). В *Сборник Музея антропологии и этнографии при Российской Академии наук: Т. 45: Из культурного наследия народов Восточной Европы* (с. 164–179). Москва.
- Тройницкий, Н. А. (1905). *Первая Всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. LXXXVI. Сыр-Дарьинская область.* Издательство Центрального Статистического комитета Министерства внутренних дел.
- Федоров, К. М. (1901). *Закаспийская область.* Асхабад.
- Чиркин, Г. Ф., & Гаврилов, Н. А. (Ред.). (1913). *Записка Главноуправляющего Землеустройством и Земледелием в поездке в Туркестанский край в 1912 г.* Санкт-Петербургский книжный магазин «Учебное дело».
- Шкапский, О. А. (1907). Переселенцы и аграрный вопрос в Семиреченской области. В *Вопросы колонизации: Сборник статей с картой и диаграммой* (с. 19–52). Издание А.В. Успенского.

References

- Abashin, S. N. (2008). *Tsentral'naya Aziya v sostave Rossiyskoy imperii: Kollektivnaya monografiya.* Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).
- Brezhneva, S. N. (2016). Russian Immigrants in Turkestan: Problems of Interrelation with the Local Population. *Belgorod State University Scientific Bulletin History, Political Science*, 1, 113–117. (In Russian).
- Brezhneva, S. N. (2018). Reflection of acculturation idea in the resettlement policy of the Russian Empire in Turkestan at the turn of the 20th century. *RUDN Journal of Russian History*, 17(3), 608–638. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2018-17-3-608-638> (In Russian).
- Brusina, O. I. (2001). *Slavyane v Sredney Azii. Etnicheskie i sotsial'nye protsessy. Konets XIX – konets XX veka.* Izdatel'skaya firma "Vostochnaya literatura" RAN. (In Russian).
- Chirkin, G. F., & Gavrilov, N. A. (Eds.). (1913). *Zapiska Glavnoupravlyayushchego Zemleustroytvom I Zemledeliem v poezdke v Turkestanskiy kray v 1912 g.* Sankt-Peterburgskiy knizhnyy magazin "Uchebnoe delo". (In Russian).
- Fedorov, K. M. (1901). *Zakaspiyskaya oblast'.* Askhabad. (In Russian).
- Gerasimov, I. V., Glebov, S., Jusber, J., Mogil'ner, M. B., & Semenov, A. M. (2010). New Imperial History and the Challenges of Empire. *Ab Imperio*, 1, 19–53. <https://doi.org/10.1353/imp.2010.0014> (In Russian).
- Iskhakov, F. (2009). *Tsentral'naya Aziya i Rossiya v XVIII – nachale XX v.* OzDAVMATBUOTLITI. (In Russian).

- К вопросу о русской колонизации Туркестанского края. Отчет члена Ученого Комитета М-ва З.и Г.И. А.А. Kaufmana по командировке летом 1903 года. (1903). Типография В.Ф. Киршбаума. (In Russian).
- Kotyukova, T. V. (2016). *Okraina na osobom polozenii... Turkestan v preddverii dramy: Monografiya. Nauchno-politicheskaya kniga.* (In Russian).
- Lyubichankovskiy, S. V. (2019). K On the History of Domestic Acculturation of the Kazakhs and the Tatars in the Russian Empire of the 19th Century. *Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: History. International Relations*, 19(3), 279–282. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-3-279-282> (In Russian).
- Lyubichankovskiy, S. V., Dzhundzhuzov, S. V., Koval'skaya (Shukshina), S. I., Abashin, S. N., Abylkhozhin, Zh. B., Aznabaev, B. A., Bogomolov, S. A., Brezhneva (Belalova), S. N., Vasil'ev, D. V., Vasil'ev, I. Yu., Gafarov, A. A., Godovova, E. V., Dmitriev, V. V., Zagidullin, I. K., Ikeda, E., Lidzhieva, I. V., Lysenko (Bryndina), Yu. A., Matsuzato, K., Morrison, A., ... Tsirulev, R. M. (2019). *Imperskaya politika akkul'turatsii i problemy kolonializma (na primere kochevykh i polukochevykh narodov Rossiyskoy imperii).* Orenburgskiy gosudarstvennyy agrarnyy universitet. (In Russian).
- Masal'skiy, V. I. (1892). *Khlopkovoe delo v Sredney Azii (Turkestanskiy kray, Zakaspiyskaya oblast', Bukhara i Khiva) i ego budushchee.* Типография В. Киршбаума. (In Russian).
- National Archive of the Republic of Uzbekistan (NA RUz). (n. d.-a). F. I-1. In. 17. C.63. (In Russian).
- National Archive of the Republic of Uzbekistan (NA RUz). (n. d.-b). F. I-1. In.2. C.1249. (In Russian).
- National Archive of the Republic of Uzbekistan (NA RUz). (n. d.-c). F. I-1. In.16. C.15. (In Russian).
- National Archive of the Republic of Uzbekistan (NA RUz). (n. d.-d). F. I-269. In.1. C.141. (In Russian).
- National Archive of the Republic of Uzbekistan (NA RUz). (n. d.-e). F. I.-269. In.2. C.5526. (In Russian).
- National Archive of the Republic of Uzbekistan (NA RUz). (n. d.-f). F. R. 2412. In.1. C.71. (In Russian).
- National Archive of the Republic of Uzbekistan (NA RUz). (n. d.-g). F. R.-2412. In.1. C.339. (In Russian).
- National Archive of the Republic of Uzbekistan (NA RUz). (n. d.-h). F. R.-2412. In.1. C.481. (In Russian).
- Obsuzhdenie knigi T.V. Kotyukovoy «Okraina na osobom polozenii...Turkestan v preddverii dramy». (2018). *Vostok svyshe: dukhovnyy, literaturno-istoricheskiy zhurnal*, 2–3. (In Russian).
- Perepelitsina, L. A. (1960). *Vliyanie russkoy kul'tury na kul'turu narodov Sredney Azii.* Izdatel'stvo SamGU. (In Russian).
- Pereselencheskoe delo v Turkestane: Otchet po revizii Turkestanskogo kraja, proizvedennoy po Vysochayshemu poveleniyu Senatorom Gofmeysterom Grafom K.K. Palenom.* (1910). Senatskaya tipografiya. (In Russian).
- Pereselencheskoe delo v Turkestanskom krae (oblasti Syr-Dar'inskaya, Samarkandskaya i Ferganskaya). Otchet po sluzhebnoy poezdke v Turkestan osen'yu 1910 g. Chinovnika osobykh porucheniy pri Pereselencheskom Upravlenii N. Gavrilova.* (1911). Sankt-Peterburg. (In Russian).
- Remnev, A. V., & Suvorova, N. G. (2013). *Kolonizatsiya Aziatskoy Rossii: Imperskie i natsional'nye stsenarii vtoroy poloviny XIX – nachala XX veka.* Nauka. (In Russian).
- Semenova-Tyan'-Shanskogo, V. P., & Masal'skiy, V. I. (Eds.). (1913). *Rossiya. Polnoe geograficheskoe opisanie nashego Otechestva. Nastol'naya i dorozhnaya kniga: Vol. 19. Turkestanskiy kray.* Izdanie A.F. Devriena. (In Russian).

- Shkapskiy, O. A. (1907). *Pereselentsy i agrarnyy vopros v Semirechenskoj oblasti*. In *Voprosy kolonizatsii: Sbornik statey s kartoyu i diagrammoyu* (pp. 19–52). Izdanie A.V. Uspenskogo. (In Russian).
- Skrylev, P. A. (1909). *Materialy po obsledovaniyu pereselencheskogo khozyaystva v Turkestanskom krae. II Russkie seleniya v Chimkentskom uezde Syr-Dar'inskoy oblasti*. Tashkent. (In Russian).
- Stanyukovich, T. V. (1992). *Vostochnoslavjanskoe naselenie Issyk-Kul'skoy oblasti Kirgizii (po materialam ekspeditsii 1957 g.)*. In *Sbornik Muzeya antropologii i etnografii pri Rossiyskoy Akademii nauk: T. 45: Iz kul'turnogo naslediya narodov Vostochnoy Evropy* (pp. 164–179). Moscow. (In Russian).
- Troynitskiy, N. A. (1905). *Pervaya Vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiyskoy imperii, 1897 g. LXXXVI. Syr-Dar'inskaya oblast'*. Izdatel'stvo Tsentral'nogo Statisticheskogo komiteta Ministerstva vnutrennikh del. (In Russian).
- Vasil'ev, D. V., & Lyubichankovskiy, S. V. (2018). *Kazakhs and Russians: Acculturation in the Everyday Life in the 19th century*. *Voprosy Istorii*, 3, 151–165. (In Russian).

Religious and Educational Activities of the Tatars in the Turgai Region at the Second Half of the 19th – Beginning of the 20th Centuries

Zufar A. Makhmutov

Federal Scientific Center for Psychological and Interdisciplinary Research. Kazan, Russia.

Email: [zufar\[at\]inbox.ru](mailto:zufar[at]inbox.ru) ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1063-4061>

Received: 19 May 2024 | Revised: 2 July 2024 | Accepted: 9 July 2024

Abstract

In the article the author for the first time analyzes legislative, religious and educational activities of Tatars in the Turgai region on the basis of archival, periodic, statistical sources. This ethnic minority activity is interesting from the point of view of studying the problem of interaction between the empire, the mobile diaspora and the local population in the context of the frontier modernization process. The aim of the study is to identify the main results of religious and educational activity of the Tatar population in the region. The author comes to the conclusion that the main directions of religious-educational work were missionary activities of Tatars in Kazakh auls, construction of mosques, functioning of mektebs and madrasas, theaters, libraries, public Muslim organizations, attempts to publish books, brochures and newspapers. Many of these initiatives were strongly opposed by the empire. The result of the activities of the Tatar population was not only the maintenance of ethno-cultural diversity, but also a versatile influence on the Kazakhs manifested in the religious, cultural, political sphere and in the formation of a multi-ethnic (Tatar-Kazakh) Muslim socio-cultural space of the empire, which became part of the global Islamic network community. The Tatars spread the ideas of Jadidism and became competitors of the Russians in familiarizing the local population with European culture and pedagogy. The article is intended for specialists in the field of history of Kazakhstan, Islam, Tatars, national policy of the Russian Empire.

Keywords

History of Kazakhstan; Turgai Region; History of Kostanay; Religious And Educational Activity of Tatars; Construction of Mosques; Functioning of Madrasahs; Tatar Theater; Muslim Charitable Organizations; Frontier Modernization; Mobile Diaspora

This work is licensed under a [Creative Commons “Attribution” 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Религиозно-просветительская деятельность татар в Тургайской области во второй половине XIX – начале XX вв.

Махмутов Зуфар Александрович

Федеральный научный центр психологических и междисциплинарных исследований. Казань, Россия. Email: [zufar\[at\]inbox.ru](mailto:zufar[at]inbox.ru) ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1063-4061>

Рукопись получена: 19 мая 2024 | Пересмотрена: 2 июля 2024 | Принята: 9 июля 2024

Аннотация

В статье впервые на основании законодательных, архивных, периодических, статистических источников анализируется религиозно-просветительская деятельность татар в Тургайской области. Данная активность этнического меньшинства интересна с точки зрения изучения проблемы взаимодействия империи, мобильной диаспоры и местного населения в контексте процесса фронтальной модернизации. Целью исследования является выявление основных результатов религиозно-просветительской активности татарского населения в регионе. Автор приходит к выводу, что главными направлениями религиозно-просветительской работы стали миссионерская деятельность татар в казахских аулах, строительство мечетей, функционирование мектебов и медресе, театров, библиотек, общественных мусульманских организаций, попытка издания книг, брошюр, газет. Многие из данных инициатив встретили резкое противодействие имперской власти. Результатом деятельности татарского населения явилось не только поддержание этнокультурного разнообразия, но и разностороннее влияние на казахов, проявляющееся в религиозной, культурной, политической сфере и в формировании полиэтничного (татаро-казахского) мусульманского социокультурного пространства империи, ставшего частью глобального исламского сетевого сообщества. Распространяя идеи джадизма, татары стали также конкурентами русских в ознакомлении местного населения с европейской культурой и педагогикой. Статья рассчитана на специалистов в области истории Казахстана, ислама, татар, национальной политики Российской империи.

Ключевые слова

история Казахстана; Тургайская область; история Костаная; религиозно-просветительская деятельность татар; строительство мечетей; функционирование медресе; татарский театр; мусульманские благотворительные организации; фронтальная модернизация; мобильная диаспора

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons “Attribution” \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Введение

Тургайскую область, образованную в 1868 г. в западной части киргизской (казахской) степи, бесспорно, можно отнести к зоне цивилизационного конфессионального и этнического (антропологического) фронта. Подавляющим этническим большинством населения являлись казахи (в дореволюционных источниках именовавшиеся киргизами), ведущие полукочевой образ жизни и исповедовавшие ислам в сочетании с языческими культами. В области не было крупных населенных пунктов, поэтому областное правление и сам генерал-губернатор, в руках которого концентрировалась вся полнота управления регионом, разместились в Оренбурге.

Строительство во второй половине XIX в. в регионе крупных городов Ак-Тюбе (с 1891 г. Актюбинск, с 1999 г. Актобе) и Николаевск (с 1895 г. Кустанай, с 1997 г. Костанай), большая миграция в регион переселенцев, главным образом русских и украинцев из центральной части России, активизировали сложные интенсивные процессы межкультурного взаимодействия и модернизации.

Решение о расширении контактной зоны взаимодействия русского и казахского социумов было продиктовано отчасти и новой стратегией внутренней колонизации степной зоны. Если изначально важная роль в качестве культурных посредников отводилась татарам, то во второй половине XIX в. это решение было пересмотрено. Главная угроза для империи в этот период времени, по мнению историка А. В. Ремнева, стала видеться в соединении национального и конфессионального самосознания восточных народов, в опасной конкуренции, которая могла исходить от наиболее продвинутых в культурном отношении поволжских татар (Ремнев, 2006, с. 7).

Противодействовать влиянию татар было решено по нескольким направлениям: законодательно препятствовать заселению мусульманами региона, ослабить влияние татарских мулл, строго регулировать строительство мечетей и функционирование мусульманских школ, содействовать работе православной миссии, строительству русско-казахских и православных школ и интернатов, внедрению кириллического алфавита в казахский язык.

Целью исследования является изучение основных результатов религиозно-просветительской активности татарского населения в Тургайской области в контексте данной политики государства. Для ее достижения необходимо решить следующие задачи: рассмотреть основные направления религиозно-просветительской активности татарского населения, ее последствия и влияние, в том числе и на кочевое население.

Материалы и методы

Для понимания государственной политики в степной зоне мы проанализировали важнейшие законодательные нормативно-правовые акты того времени («Временное положение об управлении в областях Уральской,

Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской», «Степное положение 25 марта 1892 г.» и т.д.). Нами также была привлечена делопроизводственная документация Национального архива Республики Башкортостан (Ф. И- 295. Оренбургского магометанского духовного собрания), Российского государственного исторического архива (Ф.821 Департамента духовных дел иностранных исповеданий, Ф. 1291 Земского отдела Министерства внутренних дел), Центрального государственного архива Республики Казахстан (Ф. 25. Тургайского областного правления Министерства внутренних дел, Ф. 27 Директора народных училищ Тургайской области Оренбургского учебного округа). Мы также обратили внимание на дореволюционные средства массовой информации (татароязычные газеты «Вақыт» (Время), «Тормыш» (Жизнь) и русскоязычные «Тургайская газета», «Оренбургские епархиальные ведомости»), статистические источники (Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г., Справочная книжка и адрес-календарь Тургайской области на 1917 г.) и свидетельства современников. Совокупность используемых источников позволила в полной мере решить поставленные задачи исследования.

Методологической основой статьи является концепция «фронтирной модернизации», позволяющая осмыслить развитие народов и окраинных территорий до уровня внутренних регионов России в условиях социальной, экономической, культурной гетерогенности, а также слабости имперской власти (Побережников, 2011). В таком контексте религиозно-просветительскую деятельность татар можно рассматривать как одно из проявлений процесса модернизации, а саму этническую группу как «мобильную диаспору». Под мобильной диаспорой Д. Армстронг понимал этническую общность, расселенную дисперсно и характеризующуюся особой деятельностью ее элиты, которую не может выполнить доминирующее население. Ученый подчеркивал, что в условиях присоединения новых территорий властные структуры нуждаются в мобильных диаспорах, но потом могут с легкостью сделать их «козлом отпущения» (Armstrong, 1976).

Историко-сравнительный метод помог выявить обстоятельства и факторы, определившие религиозно-просветительскую деятельность татар в Тургайской области, а историко-генетический метод оценить результаты и последствия этого.

Обсуждение

Культурно-просветительская деятельность татар в степной зоне так или иначе затрагивается в работах В. З. Галиева, С. В. Любичанковского, Д. Ш. Мифтахутдиновой, Н. Д. Нуртазиной, Г. С. Султангалиевой, П. С. Шаблея.

Казахский исследователь В. З. Галиев на материалах внешних окружных приказов демонстрирует значимость татарских мулл в развитии образования и

укреплении магометанской религии у казахов (Галиев, 2009). П. С. Шаблей пишет о вкладе отдельных татарских интеллектуалов в формирование книжной культуры мусульман Казахской степи (Шаблей, 2023).

Отечественный ученый С. В. Любичанковский в своем научном изыскании приходит к выводу, что татары оказали огромное культурное влияние на местное население, проявлявшееся в изменении традиций, связанных с обустройством жилища, приемом пищи, отношением к элементам одежды (Любичанковский, 2019). Солидаризируются с ним Д. Ш. Мифтахутдинова и Г. С. Султангалиева, акцентируя внимание на том, что татары сыграли важнейшую роль в седентаризации казахов (Мифтахутдинова, 2023; Султангалиева, 2023).

Н. Д. Нуртазина уделяет внимание идеям джадидизма, распространявшегося татарами в степной зоне. По ее мнению, именно исламский модернизм стал идеологической основой движения казахской интеллигенции «Алаш», которое в период гражданской войны пыталось провозгласить независимое казахское государство (Нуртазина, 2008).

Реакцию государства на деятельность татар в степной зоне подробно разбирают в своих трудах Ю. А. Лысенко и А. В. Ремнев. Резкое изменение курса по отношению к татарам в середине XIX в. А. В. Ремнев объясняет тремя основными причинами: продвижением государственных границ на юг и восток и превращением казахской степи во «внутреннюю окраину», буржуазными преобразованиями и намерениями реформаторов распространить эти преобразования на восточное население империи, новыми национальными приоритетами, которые, как тогда казалось, за счет «обрусения» народов и территорий имперской периферии обеспечат синтез имперского и национального, позволят воплотить в жизнь идеал «единой и неделимой России». Все они, как полагает исследователь, «покоились на одном основании — на убежденности в том, что следует постепенно устранить правовые и административные различия между внутренними губерниями и окраинами («административная русификация») за счет модернизации и стандартизации имперских управленческих институтов и практик» (Ремнев, 2006, с. 10).

Однако новая ограничительная политика по отношению к деятельности татар не была достаточно эффективна, что, по мнению Ю. А. Лысенко, было связано с несовершенством российского законодательства (Лысенко, 2010, с. 151).

Формирование татарской общины

Татары проживали в Тургайской области с самого момента ее образования. Это были письмоводители, переводчики, делопроизводители у региональных органов власти и местной аристократии, муллы, учителя в казахских кочевьях и торговцы. Они осуществляли коммуникацию между государ-

ственным аппаратом и местным населением, а также поддерживали торговые связи. Их в полной мере можно, следуя терминологии Джона Армстронга, назвать элитой мобильной диаспоры (Armstrong, 1976).

Массовому заселению Тургайской области татарами содействовала близость региона к торговому центру, городу Троицк, где проживала значительная часть татарского населения. Одним из первых крупных мест компактного расселения этнической группы становятся города Тургай (до 1868 г. — Оренбургское укрепление) и Иргиз (до 1868 г. Уральское) через которые проходили караванные дороги из Троицка в Центральную Азию. Чуть позже татары селятся в новом укреплении Ак-Тюбе и Николаевске. В ряде населенных пунктах, например в Николаевске, царская администрация всячески противодействовала нахождению там татар, но потом разрешила их проживание в городе (*Кустанай—Костанай: Очерки истории. С древнейших времен до 1936 г.*, 2012, с. 85).

В 1891 г., согласно статье 136 Степного положения, татарам- мусульманам было запрещено приобретение в регионе земли в частную собственность и ее аренда (*Степное положение 25 марта 1891 г. с объяснениями по официальным источникам*, 1891). В отношении татар, переселившихся в степную зону до принятия нормативно-правового акта, МВД рекомендовало не предоставлять им в религиозном плане «больших льгот, чем коренному населению», «сколько-нибудь значительных прав органов управления, дабы... не допустить постепенного подчинения киргиз такому же влиянию их мулл» (РГИА, 1909, л.15).

В результате численность татар в Тургайской области по Всероссийской переписи 1897 г. была самая незначительная в степной зоне: чуть более 3000 человек (менее 1% от всего населения). (*Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.: Т. 87: Тургайская область*, 1904, с. 34). Около половины из них проживало в Кустанае: 1411 человек (около 10% от всех жителей города), а также в Актюбинске (276 человек), в Иргизе (251 человек), в Тургае (125 человек). (*Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.: Т. 87: Тургайская область*, 1904, с. 34).

В 1899 г. Правительствующий сенат в указе на имя министра внутренних дел разъяснил, что статья 136 Степного положения касается лишь земель, находящихся в уездах (РГИА, 1895, л.3). Таким образом, запрет на приобретение татарами дворовых мест в городах был снят, но татары по-прежнему не имели права арендовать и приобретать землю в частную собственность в сельской местности, что фактически запрещало проживать им там на легальной основе.

Лишь в 1907 г. с личного разрешения императора Николая II девяносто пяти татарским семьям удастся получить разрешение на поселение в Уральской и Тургайской областях, поскольку это содействовало развитию торговли в «пустынной колонизируемой местности» (ЦГА РК, 1906-1912, л. 22). В Тургайской области татары селятся в поселках Ак Булак, Карабутаке,

Мартуке, Челкаре (ныне Шалкар) Актюбинского уезда, а также в Семиозерном в Джетыгаре Кустанайского уезда. Они получали усадебные участки и право выпаса скота на общественном выгоне, однако еще долгое время были лишены возможности пользоваться полевой и сенокосной землей наравне с прочими жителями села, иметь голос на выборах сельского и волостного сходо́в.

К 1917 г. численность татар в Тургайской области достигла 10372 человек (около 1%), увеличившись более чем в три раза (*Справочная книжка и адрес-календарь Тургайской области на 1917 г., 1917, с. 139*).

Преподавание и миссионерская деятельность в казахской среде

«Временное положение об управлении в степных областях Оренбургского и Западно-Сибирского генерал-губернаторства», утвержденное в 1868 г., выводило казахов новообразованных Акмолинской, Семипалатинской, Уральской и Тургайской областей из подчинения ОМДС (Оренбургского магометанского духовного собрания), а татарам запрещалось быть мулами у местного кочевого населения, вести их брачные и семейные дела, что практиковалось ранее (*Временное положение об управлении в областях Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской, 1883, с. 32*).

Тем не менее во второй половине XIX— начале XX в. татарские муллы продолжали свою просветительско-миссионерскую деятельность на нелегальной основе. Дореволюционный историк А. И. Добросмыслов констатировал, что до сих пор «обучением детей (казахов — З.М.) татарской грамотности занимаются, главным образом, татарские муллы, часто приходящие в киргизские степи для этой цели не только из соседней Оренбургской губернии, но и из дальних губерний, как, например, Казанской» (Добросмыслов, 1895, с. 60). Подтверждал наблюдения ученого и инспектор школ Тургайской области А. Е. Алекторов: «С наступлением летних каникул ученики «старшего круга» во главе с мударисами, ишанами и шейхами расходятся по аулам казахов и проповедуют ислам, отрицая все не мусульманское. По осени они снова возвращаются в Троицк, в медресе и мектебы, некоторые же из них остаются в аулах в качестве мулл и вероучителей и живут в степи несколько лет» (Алекторов, 1896).

По оценкам православного миссионера Ф. Д. Соколова, татарские муллы были в каждом киргизском ауле, а в некоторых и по несколько. В исламизации казахов им, по его мнению, татарскому духовенству продолжали помогать и татарские торговцы, пользующиеся гостеприимством киргизов и снабжающие их разного рода брошюрками и книгами на татарском и киргизском языках (Шумская, 2012, с. 161).

Вместе с религией казахи перенимали и татарские традиции и обычаи. Ф. Д. Соколов отмечал: «Прежде киргизы на могилах ставили только срубы,

а теперь к срубам стали прибавлять еще и камни с арабскими надписями, как это делается у татар, на срубам ставятся стропила, а сверху их и по углам срубов стали приделывать серповидные месяцы» (Соколов, 1894, с. 304).

На связь между исламизацией и «татаризацией» указывал русский учитель Г. Хохлов, обучавший казахских детей в аулах Тургайской области: «Кочевники начинают всячески стараться, чтобы во всем были похожи на татарина. Все они досиная выбриты и франтят в грязных тубетейках... Старики больше уже не просрочивают, не забывают времени молитвы, аккуратно совершают омовение и намазы, хотя и видно, что дело им непривычное, новое: они делают постоянные ошибки не только в словах непонятных арабских и татарских молитв, но и в молитвенных рикагатах, т.е. поклонах, частенько смешиваются» (Хохлов, 1906, с. 43).

Среди преподавателей в казахских аулах были в будущем известный татарский писатель и языковед Г. Г. Ибрагимов, просветитель, поэт, мыслитель М. Камалетдинов (Акмулла), ученый-востоковед К. Мифтахов, богослов А. Шахид и другие. Многие видные представители казахской интеллигенции и духовенства из Тургайской области получили образование у татарских и башкирских наставников. В их числе писатель, поэт, журналист М. Сералин, писатель С. Кобеев, драматург Б. Ж. Майлин, религиозный деятель, поэт Ф. Сатыбалдыев, актер С. Кожамкүлов и другие.

Противодействие татарскому влиянию востоковед и идеолог миссионерской деятельности Н. И. Ильминский, пользующийся большим авторитетом в высших эшелонах государственной власти, видел в развитии сети православных церквей и школ, а также во внедрении кириллического алфавита. Он писал обер-прокурору Святейшего Синода К. П. Победоносцеву: «Татары-магометане в числе 30—40 дворов успели как-то втереться и поселиться тут же, — это торгаши, — стало быть, не посягают на киргизские земли, люди твердой религиозности и пропаганды, — сразу, конечно, завели и свое богомолье, и свое ученье. Вот Вам миссионерская обстановка: с одной стороны русские в положении несимпатичном, в борьбе за существование, с другой стороны, тонкие и хитрые татары. Не распространяясь далее в подробностях картины, скажу, что в это и подобные места надо направить казенные средства на устройство церквей и школ, как в Западном крае» (Ильминский, Победоносцев & Никольский, 1895, с. 23).

В 1894 г. в Тургайской области начала работу православная христианская миссия. На ее деятельность ассигновались крупные суммы, необходимые на содержание и разъезды сотрудников, выдачу новообращённым денежных пособий, крестиков, икон, книг и т.п. В регионе стали открываться миссионерские станы в качестве опорных пунктов для распространения среди казах православия. В них организовываются русско-казахские школы, в которых по предписаниям Н. И. Ильминского было необходимо «преподавать сведения и идеи русские и общечеловеческие, а не магометанские, и притом на языке

киргизском, а не татарском; татарского языка вовсе и не следует преподавать киргизам. ... Для наибольшего отдаления киргизов от татарского языка не нужна и татарская грамота, а непременно русская» (Ильминский, 1891, с. 160).

На должность миссионеров и учителей указанных школ подбирались люди, хорошо знакомые с методами казанской крещеной татарской школы. Среди них в Тургайской области в конце XIX – начале XX в. были Л. Ишкинов, С. Т. Никифоров, С. А. Николаев и Е. А. Анисимов, Н. Г. Сейфуллин. Последний долгое время возглавлял миссионерские станы в поселках Макарьевском и в Александровском (Лысенко, 2009, с. 128).

Данные Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. свидетельствуют о том, что миссионерская деятельность проходила в крае не совсем удачно. В этот год среди всех татар области насчитывалось лишь 5 крещеных, среди казахов – лишь 44 (*Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.: Т. 87: Тургайская область, 1904, с. 40*). Слабый эффект от христианизации миссионер Ф. Д. Соколов объяснял тем, что «татарин (имеется в виду мусульманин – З.М.) в глазах простого киргиза кажется и набожнее, и богобоязненнее, и рачительнее в деле спасения своей души, а потому и любезнее ему, нежели русский, стыдящийся подчас среди киргиз осенить себя даже крестным знаменем» (Шумская, 2012, с. 167).

Строительство мечетей

В 1883 г., только обосновавшись в Николаевске, татарские переселенцы Ш. Фаткуллин, З. Юнусов, С. Музафаров, Б. Хасанов, Х. Фазлутдинов (Фазлетдинов), Ш. Сафин, Х. Темирбулатов, Г. Мифтахетдинов (Яфаров), К. Темирбулатов, И. Вагапов, Х. Галиев, Х. Аюпов попросили военного губернатора Тургайской области разрешить построить им молитвенный дом «для исполнения молитвенных обрядов по примеру наших прародителей, каждую неделю по пятницам и годовым праздникам», а также вести метрические книги (фиксировать рождение, смерти, браки мусульман) (ЦГА РК, 1883 – 1888, л. 189). Но военный губернатор А. П. Проценко отказал им в этой просьбе, объясняя это тем, что «они еще не зачислены в поселенцы Николаевска, а само поселение основано с целью образования в степи русского оседлого пункта, а не магометанского» (ЦГА РК, 1883 – 1888, л. 133).

В 1884 г., несмотря на запрет, кустанайские татары все равно построили молитвенный дом и начали вести там богослужение. Информация об этом вызвала гнев у губернатора Тургайской области, он распорядился о немедленном закрытии ритуального здания, а николаевский уездный начальник подполковник Караулов и заведующий полицейской частью надворный советники Г. Варлов получили выговор за то, что «сразу не сочли нужным донести о существовании татарского молитвенного дома» (ЦГА РК,

1884 – 1889, л. 6). Однако вскоре чиновники смирились с функционированием в Николаевске мусульманского ритуального здания, но не давали права пристроить михраб и минарет, тем самым воспрепятствуя преобразованию молитвенного дома в мечеть.

С 1891 г. была усложнена система получения разрешения на строительство мечетей в Тургайской области: согласно статье 99 Степного положения, теперь его мог дать только министр внутренних дел Российской империи (*Степное положение 25 марта 1891 г. с объяснениями по официальным источникам*, 1891, с. 82).

В конце XIX в. татары Николаевска несколько раз обращались к министру внутренних дел с ходатайством о строительстве мусульманского храма, однако министр оставлял прошение кустанайских татар без удовлетворения (РГИА, 1909, л. 17).

Аналогичный отказ получили и татары Актюбинска, пожелавшие построить в городе молитвенный дом (РГИА, 1883–1892). Резким противником этого выступил новый военный губернатор Тургайской области Я. Ф. Барабаш, который считал, что «поселение в Степных областях татар, принимающих на себя роль ревностных проповедников ислама среди киргизов, признается вообще нежелательным», а еще менее желательным он признал «устройство небольшой горстью татар молитвенных домов и мечетей» в Тургайской степи (Лысенко, 2020, с. 70).

В 1900 г. кустанайцы Г. Рахимов (Мухамметрахимов), Ш. Забиров, А. Султанкулов, Ш. Сафин, А. Гайнуллин, С. Шарипов, Г. Фазлетдинов и Г. Вахитов отправили жалобу на это решение министра внутренних дел в высший государственный орган законодательной, исполнительной и судебной власти Российской империи } Сенат. Дело было рассмотрено 11 декабря 1903 г. (РГИА, 1903). Мнение противников строительства мечети в Кустанае представлял следующий военный губернатор Тургайской области А. А. Ломачевский, заявлявший о том, что желание построить мечеть «объясняется не действительными нуждами магометан, проживающих в Кустанае, а, судя по времени возбуждения ходатайства, совпадающим с окончанием постройки благолепного соборного храма в Кустанае, желанием татар под влиянием представителей одной богатой татарской фирмы (видимо, идет речь о фирме братьев Яушевых – З.М.), возвысить значение магометанства в глазах кочевников-киргизов, среди которых татары издавна являются ревностными пропагандистами ислама» (Нолькен, 1905, с. 325).

Также, по мнению военного губернатора, «татары явились сюда в качестве торгашей сомнительного достоинства товаров с целью наживы за счет киргизов, а главным образом для пропаганды магометанства среди кочевников. С этой точки зрения прочное водворение татар в Кустанае, как и в других степных городах, является, безусловно, вредным. Кроме того, постройка магометанами соборной мечети в Кустанае не может быть допу-

щена ввиду статьи 136 Степного положения и Высочайше утвержденного 10 июля 1891 г. определения 2-го Общего Собрания Правительствующего Сената (по делу Яушевых), в силу которых воспрещается нехристианам не только приобретение в вечное владение, но и долгосрочная аренда земли. Руководствуясь этими соображениями, считаю признать ходатайство магометан города Кустаная о подчинении их духовных дел ведению Оренбургского магометанского духовного собрания неосновательным» (1905, с. 325)

В свою очередь доверенные мусульман Ш. Забиров, Г. Рахимов и А. Султанкулов объяснили, что воспрещение приобретать земли в сих областях лицам нехристианского исповедования распространяется только на те земли, которые находятся в уезде (1905, с. 325). Изучив жалобу, сенаторы в прошении татарам тоже отказывают, поскольку «согласно статье 155 строительного устава, изданного в 1900 г., при возведении мечетей наблюдается между прочим правило, чтобы при всякой мечети прихожан было не менее двухсот наличных душ мужского пола и что между тем в Кустанае, как видно из дела, всех магометан с временно проживающими числится всего 366 душ мужского пола, для удовлетворения религиозных потребностей которых должно быть признано, согласно вышеприведенной статье 155 строительного устава вполне достаточно существующего в Кустанае молитвенного дома» (РГИА, 1903, л. 9).

Политическая ситуация в Российской империи существенно изменилась после Указа Императора Николая II «Об укреплении начал веротерпимости» 17 апреля 1905 г., который устанавливал свободу выбора религии и отправления религиозных обрядов. Уже в ноябре того же года присяжный поверенный Назаров по доверенности купца М. Яушева возбудил новое ходатайство о разрешении им построить на свои средства в городе каменный мусульманский храм (РГИА, 1903–1906, л. 169–172). На этот раз Министерство внутренних дел уже не стало препятствовать инициативе. 29 апреля 1906 г. строительным отделом Тургайского областного правления был утверждён его проект, и сразу же в центральной части города на пересечении крупных торговых улиц Троицкой (ныне ул. Абая) и Большой (ныне ул. Аль-Фараби) началось строительство мечети. Возведение мусульманского храма обошлось Яушевым в огромную для того времени сумму } в 50000–60000 рублей (Сулейманов, 1914). Из-за цвета стен в результате побелки молитвенный храм Яушевых получил название *Ак мәчет* (Белая мечеть).

В 1906 г. было удовлетворено и прошение о возведении соборной мечети в татарской слободе Кустаная, главными инициаторами которой на протяжении долгого времени выступали Ш. Забиров и Г. Рахимов. В 1907 г. строительным отделом Тургайского областного правления был утвержден план храма, а на следующий год началось его строительство в татарской слободе (ныне улица 8 Марта). Второго октября 1909 г. в новом культовом сооружении, вмещающем до 200–250 человек, было официально разрешено богомоление

(ЦГА РК, 1907 – 1912, л. 182). Так как при строительстве мечети был использован красный кирпич, ее стали называть *Кызыл мечет* (Красная мечеть).

После открытия мусульманских ритуальных зданий в Кустанае появляются храмы и в других населенных пунктах Тургайской области, где обособилось татарское население: в Актюбинске, в Семиозерном, в Тургае, в Джетыгаре, в Челкаре, в Карабутате (НА РБ, 1836-1922).

Функционирование татарских школ

Помимо мечетей, в каждом крупном населенном пункте Тургайской области татары стремились открыть свои национальные школы. К этому времени для получения разрешения на это необходимо было обеспечить преподавание русского языка за счет самого мусульманского общества, наличие учителя, освидетельствованного на знание русского языка и на лояльность правительству, одобрение программы обучения с точным обозначением пособий и руководств и т.д. (Халитова, 1992, с. 53). Финансировать функционирование мусульманских школ и в том числе преподавание русского языка в них должны были сами общины.

Первое время татарские муллы, например в Кустанае, попросту игнорировали данные предписания, на что чиновники реагировали закрытием нелегальных школ и материальным наказанием учителей. Инспектор школ Тургайской области А. Е. Алекторов с негодованием писал по этому поводу: «Повсюду, где появляются татары, они открывают медресе. В Кустанае их насчитывается шесть или семь. Муллы переходят из дома в дом и трудно определить, где собственно школа и какая. Наконец-то в ноябре или декабре 1894 г. местная полицейская власть обнаружила три училища, были составлены акты о самовольном и незаконном их открытии. Нияз Бектемиров (Ниязбек Биктимеров } З.М.), Гатаулла Абдулатыпов (вероятно, речь идет о Гатаулле Абдуллаеве – З.М.) и Ягуда Хабибуллин (вероятно, речь идет о Ягуде Хайруллине – З.М.) были привлечены к ответственности за преступления и подвергнуты денежному взысканию» (Алекторов, 1896)

В 1905 г. в Кустанае все же были официально зарегистрированы два первых мусульманских мектеба (школы): мужской и женский. Помещение для них предоставили татарские купцы Г. Бикмухаметов и братья Яушевы. В школах обучалось 80 мальчиков и 36 девочек (ЦГА РК, 1907 – 1913, л. 15).

В 1910 г. был открыт еще один мусульманский мектеб в татарской слободе Кустаная. Заведовал им имам Красной мечети С. Забиров, в честь которого ее стали называть «Алсагдия». Мектеб был самым многочисленным среди мусульманских школ Кустаная, в нем получали образование одновременно около 130 учеников (ЦГА РК, 1910-1913, л. 15 об). В отличие от других учебных заведений, в нем так и не было введено обучение русскому языку.

Поэтому в 1913 г. по распоряжению директора народных училищ Тургайской области мектеб прекратил свою работу.

По мнению инспектора народных училищ 1-го района Кустанайского уезда Тургайской области И. Зорина, татарская слобода представляла собой «центр мусульманского фанатизма», где «постоянно уклоняются от открытия русского класса при существующем мектебе» (ЦГА РК, 1910-1913, л. 17). Попечители мечети в татарской слободе написали письмо на имя Императора Николая II, в котором объяснили отсутствие русского класса при школе «нехваткой средств на его содержание» и просили Императорское величество разрешить дальнейшую работу учебного заведения (ЦГА РК, 1907-1913, л. 176). На помощь просителям пришла кустанайская городская дума, которая изыскала 2400 рублей на содержание русского класса в школе (ЦГА РК, 1907-1913, л. 89).

В 1913 г. в Кустанае на условиях обязательного преподавания русского языка татарам удалось открыть и второй женский мектеб. Финансирование его осуществлялось исключительно на частные пожертвования, которые составляли 1255 рублей в год (ЦГА РК, 1907-1913, л. 85). Здание для школы арендовал купец М. В. Галиев. Все учебные заведения были хорошо обеспечены учебниками, изданными в Казани и в Оренбурге. Уроки в кустанайских мусульманских школах велись на двух языках, в первую половину (с 8 утра до 12 часов) на русском, а во вторую (с 16 до 19 часов) } на татарском. Соотношение часов в пользу русского языка было определено распоряжением инспектора народных училищ, что вызывало недовольство со стороны татарской общности. Например, корреспондент газеты «Тормыш» Ш. Сулейманов писал на этот счет из Кустаная: «В чистые, невинные души и мозги детей вместо родного языка, родной литературы внедряется русский язык, русская литература. Невозможно не выразить сочувствие по этому поводу» (Сулейманов, 1914).

Попечители Красной мечети не раз обращались с прошением к директору народных училищ Тургайской области пересмотреть данное указание, но это было безрезультатно (ЦГА РК, 1907-1913, л. 58).

Возможность получить образование на национальном языке имели татары и в ряде других населенных пунктах Тургайской области: в Актюбинске, Тургае, Иргизе, Семиозерном.

В Иргизе под школу предоставил свой дом Н. Габбасов, в Тургае два дома и половину своего земельного участка выделил Г. Галиуллин (Т. 1910).

Многие из татарских школ в Тургайской области были джадидистскими, прогрессивными. В них, помимо каллиграфии и религиозных предметов, появляются светские дисциплины по европейским стандартам: арифметика, география, естествознание, история, основы физики, рукоделие (в женских школах), а также музыка и поэзия, на которые отводится не менее половины учебного времени. При обучении использовались технологические новшества того времени: парты, доски, карандаши.

Татарские школы в степной зоне стали одним из очагов распространения идей джадидизма в степной зоне.

Театральное движение

Становление татарского театрального движения в отличие от развития многих других направлений деятельности не вызывало такого противодействия со стороны царской власти. Однако данный вид искусства воспринимался неоднозначно внутри самой татарской общины.

Осенью 1911 г. в Кустанае возникла самодеятельная труппа «Мусульмане, любители драматического искусства», организаторами которой стал будущий известный татарский актер и режиссёр Х. Абжалилов (Абзалилов), а также Р. Мухамадиев, А. Мустафин, молодые поэты А. Галимов и В. Халили (Халилов, Зубайдуллин). Для первого отделения литературного вечера выбрали одноактную комедию «Путешествие в Казань». В программу второго отделения были включены стихотворения Г. Тукая, М. Гафури, М. Укмасья, башкирские народные песни «Ашкадар», «Тафтиляев» и башкирские танцы. Для того, чтобы получить разрешение уездного начальника на проведение вечера, пришлось предоставить ему перевод на русский язык самой пьесы, стихотворений и песен (Кудаш, 1984, с. 58).

Против постановки спектакля в Кустанае выступил имам Белой мечети Г. Абдулвалиев (Габдулвалиев), управляющий торговыми делами Яушевых Ш. Баязитов, приказчик М. Юсупович Исхаков (Исхаков) и др. Мусульманские консерваторы, кадимисты, видели в театре желание подражать европейскому образу жизни и отвращать мусульман от веры. Особенно негативно они относились к участию в данных мероприятиях женщин. Кадимисты опасались, что это могло привести «слабый пол» к моральной распущенности (1984, с. 58).

Премьера первого татарского спектакля состоялась в Кустанае 6 декабря 1911 г.. Под влиянием кадимистов в первом театральном мероприятии не участвовала ни одна женщина, женские роли пришлось исполнять мужчинам. Представление проходило под охраной полиции. Вплоть до 1914 года артисты театра не решались указывать на афишах свои имена и фамилии, скрываясь по псевдонимами. На сцене ставились спектакли «Иртэ бер, кич бер» («Утром и вечером»), «Беренче театр» («Первый театр») (Г. Камала), «Мөгаллим» («Учитель») (Г. Исхаки), «Казанга сяхэт» («Путешествие в Казань») (И. Казаков), «Имчелэр корбаны» («Жертва знахарей»), «Кияу изляу» («Поиск жениха») (Гайнетдинов, 2016, с. 233).

Представления ставились в зале общественного собрания Кустаная. Спектакли дополнялись другими развлекательными номерами, например, танцами, исполнением казахских песен, игрой оркестра балалаечников, что привлекало к постановкам и казахское население.

В это же время татарское театральное движение зарождается и в Актюбинске. В городе для поддержки театральной деятельности была создана специальная молодёжная культурно-просветительская организация «Актүбә шәһәре яшьләренең музыка-драма түгәрәге» (Музыкально-драматический молодёжный кружок города Актюбинска) (Габбасов – Бурлинский, 1915).

Деньги с продажи билетов на театральные постановки в Кустанае и Актюбинске шли на благотворительные цели: на поддержку бедных учеников и учениц татарских школ, в пользу российского воздушного флота и т.п.

Создание благотворительных организаций

Для обучения татар грамоте, поддержке в сфере просвещения, функционирования библиотек, издания книг, брошюр, газет, проведения лекций, литературных вечеров, а также финансовой помощи малоимущим татары в Тургайской области пытаются открыть мусульманские благотворительные организации. Однако и здесь общественные активисты встретили резкое противодействие со стороны чиновников.

Организационные механизмы и принципы функционирования общественных организаций были определены Манифестом 17 октября 1905 г. «Об усовершенствовании государственного порядка» и получили дальнейшее правовое закрепление во Временных правилах об обществах и союзах от 4 марта 1906 г. (Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3. Т. 26. № 27479, 1906).

18 марта 1909 г. жители Кустаная М. А. Яушев, Г. Х. Якупов, Л. Г. Кучакбаев, Г. Б. Бикмухаметов и С. Насыров, кустанайский мещанин М. Д. Мухамадеев, ташкентский мещанин А. Х. Латыпов, троицкий мещанин Ш. Х. Баязитов пишут прошение на имя губернатора Тургайской области И. М. Страховского разрешить им открыть благотворительное общество, так как среди мусульман города «есть сироты, калеки и престарелые, которые за отсутствием и неимением родственников и близких людей, кое-как влачат свое существование, не говоря уже о постоянном поиске хлеба, люди эти остаются без присмотра, а молодежь без всякого просвещения и воспитания. Это безвыходное положение наших братьев заставило нас озаботиться образованием в Кустанае к примеру других городов Российской империи благотворительного мусульманского общества прогрессистов, которое примет на себя заботы в поддержании существования бедных и больных мусульман, так и в просвещении их преподаванием грамоты, Закона Божия и других полезных знаний, дабы сформировать из них истинных сынов своего отечества и Государя» (ЦГА РК, 1909-1917, л. 60 об.).

21 июля 1909 г. Тургайское областное правление разрешило регистрацию Кустанайского мусульманского общества прогрессистов (ЦГА РК, 1909-1917, л. 64 об.). 21 августа 1909 г. даже был утвержден Устав общества, а 10 ноября

состоялось первое заседание новой организации. Однако вскоре против функционирования общества выступил сам губернатор Тургайской области И. М. Страховский. Его не устроили некоторые пункты Устава общества, о чем он сообщил министру внутренних дел П. А. Столыпину (ЦГА РК, 1909–1917, л. 60 об.). В Министерстве внутренних дел с подачи губернатора также усмотрели то, что параграф 2 Устава общества о приобретении недвижимого имущества (параграф 2) вступал вразрез со статьей 136 Степного положения о запрете лицам не христианского вероисповедания, за исключением туземцев (под ними подразумевались казахи), приобретение земли в степных областях. Нарекание вызвал и 40-й параграф устава, в котором говорилось о том, что все имущество общества в случае прекращения его деятельности должно перейти действующей мечети. Это надзорными органами было расценено как вакуф, а он, согласно 100 статье Степного положения, в степной зоне не допускался.

26 июля 1910 г. Тургайское областное правление пересмотрело свое же собственное решение и сочло Устав неправильным. Просителям сообщалось также, что утверждать документ должна не областная администрация, поскольку общество религиозное, а министр внутренних дел (ЦГА РК, 1912, л. 77). Регистрация была аннулирована.

В 1912 г. татары, изменив Устав, пытаются открыть новую организацию. Главной целью ее создания провозглашалась, как и ранее, помощь сиротам, калекам, неимущим больным и престарелым мусульманам Кустаная. Видимо, чтобы чиновники царской администрации утвердили документ, в нем упоминалось желание «слиться с русским народом на почве культурной», для чего благотворительное общество намеревалось «всеми зависящими от него способами намеренно содействовать образованию детей мусульман Кустаная в учебных заведениях, при условии преподавания в них мусульманского вероучения учителями муллами» (ЦГА РК, 1912, л. 504).

Общество ставило такие цели:

- оказывать помощь мусульманам путем выдачи пособий, содействия в поисках работы;
- помогать людям, стремящимся к образованию, но не имеющим для этого средств;
- издавать книги, брошюры, газеты;
- устраивать лекции, собеседования, литературные вечера;
- оказывать юридическую, материальную и нравственную поддержку как членам общества, так и всем мусульманам (ЦГА РК, 1912, л. 504).

В отличие от первого Устава, во втором был исключен пункт о возможности владения недвижимым имуществом. Кроме членских взносов и частных пожертвований планировалось пополнять казну общества из *закятов* (обязательного ежегодного налога, выплачиваемого с различного вида доходов и

имущества (движимого и недвижимого) всеми самостоятельными, свободными, дееспособными и взрослыми мусульманами в пользу нуждающихся единоверцев), доходов от издания книг и газет, публичных чтений и т.д. Членом общества мог стать любой мусульманин Тургайской области. Женщины могли участвовать в делах через доверенных. Несмотря на переданный текст Устава, он все равно так и не был утвержден. Поводом для отказа послужили отсутствие его второго экземпляра и нотариально заверенных подписей (ЦГА РК, 1912, л. 573).

Аналогичная ситуация возникла и с мусульманскими просветительскими обществами в Актюбинске и Иргизе. Изначально «Актүбә мөселман жәмгыяте» («Актюбинское мусульманское общество») в 1909 г. было зарегистрировано, но уже на следующий год оно было закрыто, поскольку региональные органы власти сочли, что деятельность общества выходит далеко за рамки просветительской работы. Попытки его перерегистрировать также не увенчались успехом.

Татарам удалось открыть мусульманские благотворительные общества лишь в 1917 г.. В Актюбинске было созданы «Актүбә шәһәре мөселманан яшьләр оешмасы» (Актюбинское мусульманское молодежное объединение)(Сорокин, 1917), Актюбинское мусульманское бюро, в Кустанае было учреждено мусульманское культурно-просветительское общество «Берлик» (Единство), в Иргизе «Иргиз шәһәре мөслимә ханымнар оешмасы» (Мусульманское дамское общество города Иргиза) (М, 1917) и «Яшь мөселмананар оешмасы» (Организация молодых мусульман), в селе Мартук «Мартук станциясе мөселман яшьләр түгәрәге» (Кружок мусульманской молодежи) (Аитов, 1917).

Актюбинское мусульманское молодежное объединение, Организация молодых мусульман, Мусульманское дамское общество города в Иргизе, «Кружок мусульманской молодежи» в селе Мартук ставили своей целью повышение культурно-образовательного уровня молодежи. Обществами были открыты татарские библиотеки.

Борьба за религиозные и политические права

С начала XX в. в Тургайской области, как и в других регионах степной зоны, начинается процесс консолидации мусульман в отстаивании своих прав.

Они стали писать коллективные петиции в Государственную думу, требуя:

- подчинения мусульманского духовенства степной зоны ОДМС; предоставления ему исключительного права давать разрешения на строительство мечетей, школ, медресе, а также контролировать деятельность мусульманских школ;
- избирать муфтия самостоятельно; предоставить мусульманскому духовенству равные права со священниками; освободить мулл от требования

обязательного знания русского языка; отказать миссионерам в праве вмешиваться в мусульманское вероучение;

- отменить цензуру; дать возможность вопросы никаха, наследства и семейных дел мусульман решать по законам шариата; разрешить мусульманам не торговать в пятницу и в мусульманские праздники и работать в христианские;
- разрешить в начальных и средних русских школах детям- мусульманам преподавать (мугалимам) основы ислама; всем детям мусульманам в школах предоставить возможность молиться, отпустить (уходить) в мечеть на намаз в пятницу и во время мусульманских праздников; не заставлять мусульманских детей находиться в классе с непокрытой головой, так как это противоречит законам шариата (А. 1906).

Татары Тургайской области просили также разрешить муллам вести метрические книги, где фиксировались рождение, смерть и никахи (мусульманский ритуал заключения брака). Отсутствие таких записей на протяжении десятилетий вызывало большую неразбериху, в том числе и во время призыва на военную службу.

29 января 1908 г. Департамент духовных дел иностранных исповеданий пошел навстречу татарскому населению Кустаная и в качестве эксперимента разрешил вести метрические книги (Усманова, 2015, с. 133). Однако он не разъяснил, от кого муллы должны были получить их. ОДМС не имело право предоставлять данный журнал, поскольку регион не входил в область его подчинения, а Тургайская областная администрация – потому что закон не давал ей права снабжать магометанское духовенство метрическими книгами (РГИА, 1909, л. 4). В сложившейся ситуации вице-губернатор Д.С. Мишин сам запросил метрические книги в ОДМС и отослал их имаму Белой мечети Гатауллы Абдулвалиевы (Валиеву). Губернатором И.М. Страховским в донесении в Департамент духовных дел иностранных исповеданий это было оценено как «официальное признание подчинения Тургайской области ведомству ОДМС» (РГИА, 1909, л. 17-21), а опыт ведения метрических книг был признан неудачным. Вице-губернатор был уволен, а метрические книги у имама Гатауллы Абдулвалиевы отняты (РГИА, 1909, л. 25).

Представлявший Тургайскую область в Государственной думе выпускник Казанского университета казах А. К. Беремжанов в составе мусульманской фракции выступил за отмену ограничений в политических и гражданских правах, связанных с вероисповеданием и национальностью. Однако после нового избирательного закона 1907 г. «инородческое население» Тургайской области, как и ряда других национальных окраин, было лишено права посылать своих избранников в Государственную думу.

Уроженец Кустаная журналист А. Т. Гисматуллин, известные в Тургайской области купцы Г. А. Яушев и М. А. Яушев вместе с казахами принимали

активное участие во Всероссийских мусульманских съездах, на которых делегаты от разных регионов Российской империи вырабатывали общую стратегию борьбы за отмену всех ограничений в законодательстве по отношению к единоверцам и равенство в правах с русским населением. В программных документах III съезда были выдвинуты и положения о том, что приоритет в начальных мусульманских школах должен быть отдан языку тюрки (Хабутдинов & Мухетдинов, 2005, с. 25).

На мусульманском съезде в 1917 г. было принято решение о переводе отделов казахов Тургайской, Уральской, Акмолинской областей в ведение ОДМС. Съезд принял решение об обязательном для всех бесплатном образовании, преподавании в мусульманских школах наряду с родным «единого тюркского языка» (Всероссийский съезд мусульман, 2004, с. 521). Были созданы политические структуры: исполнительный и представительный органы мусульман России. Реальными органами власти стали *Вақытлы Милли Идарэ* (временное национальное правительство) и *Милли Шура* (национальные Советы) губерний и местные комитеты. Активными участниками Кустанайского местного комитета (мусульманского собрания) были Ш. Я. Абдулганеев, М. В. Галиев, Х. Ф. Давлеткильдеев, В. Халили (Зубайдуллин) и другие. На его заседаниях рассматривались жалобы на посещение с целью проверки инспекторами Министерства народного просвещения мектеба для девочек, что противоречило канонам шариата, на нарушения во время празднования Мавлюда и т.д. (Баруди, 2004, с. 76). После прихода к власти большевиков данные органы власти, а также благотворительные организации были упразднены.

Выводы

Религиозно-просветительскую деятельность татар в Тургайской области можно рассматривать как одно из проявлений фронтирной модернизации. Если сначала империя целенаправленно использовала мобильную диаспору для внутренней колонизации степной зоны, то после середины XIX метрополия разнообразными способами препятствовала её активности. Наиболее сложно татарам был селиться, открывать мечети и мусульманские благотворительные организации, вести метрические книги в Тургайской области. Однако заградительные меры в условиях слабости имперской власти часто не соблюдались, были непоследовательны, вариативны и ситуативны, смягчаясь в том числе и под давлением представителей мобильной диаспоры.

Несмотря на свою незначительную численность и противодействие государства, к революционным событиям 1917 г. татарам удалось создать в Тургайской области целую религиозно-просветительскую инфраструктуру, включающую в себя мечети, медресе, театры, библиотеки, благотворительные общества, которые объединяли все мусульманские народы региона.

Религиозно-просветительская деятельность татар не только помогала самой этнической группе поддерживать свою этнокультурную и религиозную самобытность, но и оказывала существенное влияние на другие мусульманские народы, главным образом, на казахов. Целый ряд представителей казахской интеллигенции получили образование у татарских наставников. У кочевого населения под воздействием татар прослеживаются культурные новации, исламизация, что препятствовало их христианизации и ассимиляции. Они вместе с татарами начинают отстаивать свои религиозные и политические права, участвовать во всероссийских мусульманских съездах.

Благодарности

Публикация подготовлена по государственному заданию № 0599–2019–0043 «Проблема отклоняющегося поведения в системе современного человеческого поведения».

Список литературы

- Armstrong, J. A. (1976). Mobilized and Proletarian Diasporas. *The American Political Science Review*, 70(2), 393–408. <https://doi.org/10.2307/1959646>
- А. К. (1906, июнь 29). Кустанай [Kustanai]. *Вақыт*. (На татарском).
- Аитов, Ф. (1917, июль 5). Мартук [Martuk]. *Вақыт*. (На татарском).
- Алекторов, А. Е. (1896, июнь 12). Нечто о рубле. *Тургайская Газета*.
- Баруди, Г. (2004). Кызыльяр сәфәре [Travel to Kyzyl-Zhar]. *Иман*. (На татарском).
- Временное положение об управлении в областях Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской. (1883). Типография Министерства внутренних дел.
- Всероссийский съезд мусульман. (2004). В *Казахстан: Национальная энциклопедия* (Т. 1, с. 560). Қазақ энциклопедиясы.
- Габбасов – Бурлинский, Э. (1915, январь 15). Ақтүбәдә татарча театр [Aktobe Tatar Theater]. *Вақыт*. (На татарском).
- Гайнетдинов, А. М. (2016). Язма һәм музыкаль мирас үзәгендә сакланучы борынгы театр афишалары [Old theater posters stored in the center of written and musical heritage]. В *Темп XXI в. И вызовы нового времени* (с. 230–234). ИЯЛИ. (На татарском).
- Галиев, В. З. (2009). Участие татарских мулл в развитии образования среди казахов в 20–60-х годах XIX века (на материалах внешних окружных приказов). В *Фаизхановские чтения. Материалы пятой ежегодной научно-практической конференции* (с. 203–212).
- Добромыслов, А. И. (1895). *Скотоводство в Тургайской области* (Тургайский Областной Статистический Комитет). Типография Н.Н. Жаринова.
- Ильминский, Н. И., Победоносцев, К. П., & Никольский, Н. (1895). *Письма Н.И. Ильминского к обер-прокурору Святейшего Синода Константину Петровичу Победоносцеву*. Редакция Православного собеседника.

- Кудаш, С. (1984). *По следам юности. Жазушы.*
- Кустанай–Костанай: Очерки истории. С древнейших времен до 1936 г. (2012). Костанайполи-графия.
- Лысенко, Ю. А. (2010). «Татарский вопрос» в конфессиональной политике Российской империи в Казахстане (конец XVIII – начало XX в.). *Известия Алтайского государственного университета*, 4–3, 146–152.
- Лысенко, Ю. А. (2019). Позиция чиновников Оренбургского ведомства по вопросу правового регулирования духовной жизни казахов Уральской и Тургайской областей (40–80-е гг. XIX в.). *Народы и религии Евразии*, 3, 128–138. [https://doi.org/10.14258/nreur\(2019\)3-09](https://doi.org/10.14258/nreur(2019)3-09)
- Лысенко, Ю. А. (2020). Политика военных губернаторов Тургайской области в сфере регулирования религиозной жизни мусульманских общин. *Десятые Большаковские чтения. Оренбургский край как историко-культурный феномен. Сборник статей междуна-родной научно-практической конференции*, 2, 70–73.
- Любичанковский, С. В. (2019). К истории бытовой аккультурации казахов и татар в Российской империи XIX в. *Известия Саратовского университета*, 19(3), 279–282. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-3-279-282>
- М. М. (1917, июль 21). Ыргызда яшь мөселманнар оешмасы [The organization of Young Muslims in Irgiz]. *Вақыт. (На татарском).*
- Муфтахутдинова, Д. Ш. (2023). Аграрная политика Российской империи в Казахской степи сквозь призму православного миссионерства. *Minbar. Islamic Studies*, 16(3), 562–584. <https://doi.org/10.31162/2618-9569-2023-16-3-562-584>
- Национальный архив Республики Башкортостан (НА РБ). (1836–1922). Ф.И. 295. Оп.2. Д.8.
- Нолькен, А. М. (1905). Вопросы административной практики, бывшие на рассмотрение консультации, при Министерстве Юстиции учрежденной в 1901–1905 г.г. *Журнал Минис-терства юстиции*, 6, 317–414.
- Нуртазина, Н. Д. (2008). *Народы Туркестана: Проблемы ислама, интеграции, модернизации и деколонизации (на рубеже XIX - XX в.)*. Казак университеті.
- Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.: Т. 87: Тургайская область. (1904). Центральный Статистический комитет Министерства внутренних дел.
- Побережников, И. В. (2013). Фронтирная модернизация как российский цивилизационный феномен. *Россия реформирующаяся*, 12, 246–274.
- Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3. Т. 26. № 27479. (1906). СПб.
- Ремнев, А. В. (2006). Татары в казахской Степи: Соратники и соперники Российской империи. *Вестник Евразии*, 4, 5–32.
- Российский государственный исторический архив (РГИА). (1883–1892). Ф. 821. Оп. 8. Д. 688.
- Российский государственный исторический архив (РГИА). (1895). Ф. 1291. Оп. 84. Д. 42.
- Российский государственный исторический архив (РГИА). (1903–1906). Ф. 821. Оп. 8. Д. 689.
- Российский государственный исторический архив (РГИА). (1903). Ф. 1330. Оп. 9. Д. 793.
- Российский государственный исторический архив (РГИА). (1909). Ф. 821. Оп. 8. Д. 634.

- Соколов, Ф. (1894, май 1). Православный миссионер в киргизских аулах Тургайской области. *Оренбургские епархиальные ведомости*, 9, 9.
- Сорокин, Г. (1917, июнь 21). Актүбә [Aktobe]. *Вақыт*. (На татарском).
- Справочная книжка и адрес-календарь Тургайской области на 1917 г.* (1917). Типография Тургайского областного правления.
- Степное положение 25 марта 1891 г. С объяснениями по официальным источникам.* (1891). Земское отделение Министерства внутренних дел.
- Сулейманов, Ш. (1914, январь 31). Кустанайдан [From Kostanay]. *Тормыш*. (На татарском).
- Султанглиева, Г. С. (2023). *Татарские муллы и письмоводители в Казахской степи (XVIII – первая половина XIX в)*. ИЯЛИ.
- Т. Т. (1910, август 31). Тургай шәһәре [Turgay City]. *Вақыт*. (На татарском).
- Усманова, Д. М. (2015). Мусульманские метрические книги Российской империи: Между законом государством и общиной (вторая половина XIX – первая четверть XX вв.). *Ab Imperio*, 2, 106–153. <https://doi.org/10.1353/imp.2015.0034>
- Хабутдинов, А. Ю., & Мухетдинов, Д. В. (2005). *Всероссийские мусульманские съезды 1905–1906 гг.* НИМ «Махинур».
- Халитова, И. Р. (1992). *Проблемы народного образования в Казахстане в 1867–1914 гг.*
- Хохлов, И. С. (1906). *Тургайская область*. Типография Попечительского Императорского человеколюбского общества.
- Центральный государственный архив Республики Казахстан (ЦГА РК). (1883–1888). Ф. 25. Оп. 1. Д. 3510.
- Центральный государственный архив Республики Казахстан (ЦГА РК). (1884–1889). Ф. 25. Оп. 1. Д. 3803.
- Центральный государственный архив Республики Казахстан (ЦГА РК). (1906–1910). Ф. 25. Оп. 1. Д. 2919.
- Центральный государственный архив Республики Казахстан (ЦГА РК). (1907–1913). Ф. 25. Оп. 1. Д. 1406.
- Центральный государственный архив Республики Казахстан (ЦГА РК). (1909–1917). Ф. 25. Оп. 1. Д. 1005.
- Центральный государственный архив Республики Казахстан (ЦГА РК). (1910–1912). Ф. 27. Оп. 1. Д. 178.
- Центральный государственный архив Республики Казахстан (ЦГА РК). (1912). Ф. 25. Оп. 1. Д. 797а.
- Шаблей, П. С. (2023). Нияз-Мухаммад Сулейманов и книжная культура мусульман Казахской степи в начале XX в. *Эхо Веков*, 2, 173–184.
- Шумская, Е. П. (2012). Священник-миссионер Феодор Соколов и развитие миссионерской деятельности русской православной церкви в Тургайской области на рубеже XIX–XX вв. *Гороховские чтения. материалы третьей региональной музейной конференции*, 159–172.

References

- A. K. (1906, June 29). Kustanai. *Vakit*. (In Tatar).
- Aitov, F. (1917, July 5). Martuk. *Vakit*. (In Tatar).
- Alektorov, A. E. (1896, June 12). Nechto o ruble. *Turgayskaya Gazeta*. (In Russian).
- Armstrong, J. A. (1976). Mobilized and Proletarian Diasporas. *The American Political Science Review*, 70(2), 393-408. <https://doi.org/10.2307/1959646>
- Barudi, G. (2004). *Kyzyl'yar səfərə*. Iman. (In Tatar).
- Central State Archive of the Republic of Kazakhstan (CSA RK). (1883-1888). F. 25. In. 1. C. 3510. (In Russian).
- Central State Archive of the Republic of Kazakhstan (CSA RK). (1884-1889). F. 25. In. 1. C. 3803. (In Russian).
- Central State Archive of the Republic of Kazakhstan (CSA RK). (1906-1910). F. 25. In. 1. C. 2919. (In Russian).
- Central State Archive of the Republic of Kazakhstan (CSA RK). (1907-1913). F. 25. In. 1. C. 1406. (In Russian).
- Central State Archive of the Republic of Kazakhstan (CSA RK). (1909-1917). F. 25. In. 1. C. 1005. (In Russian).
- Central State Archive of the Republic of Kazakhstan (CSA RK). (1910-1912). F. 27. In. 1. C. 178. (In Russian).
- Central State Archive of the Republic of Kazakhstan (CSA RK). (1912). F. 25. In. 1. C. 797a. (In Russian).
- Dobromyslov, A. I. (1895). *Skotovodstvo v Turgayskoy oblasti (Turgayskiy Oblastnoy Statisticheskiy Komitet)*. Tipografiya N.N. Zharinova. (In Russian).
- Gabbasov – Burlinskiy, Ə. (1915, January 15). Aktybədə tatarcha teatr. *Vakit*. (In Tatar).
- Galiev, V. Z. (2009). Uchastie tatarskikh mull v razvitii obrazovaniya sredi kazakhov v 20–60-kh godakh XIX veka (na materialakh vneshnikh okruzhnykh prikazov). In *Faizkhanovskie chteniya. Materialy pyatoy ezhegodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* (pp. 203–212). (In Russian).
- Gaynetdinov, A. M. (2016). Yazma hәм muzykal' miras yzәgendә saklanuçı boringy teatr afishalary. In *Teatr XXI v. I vyzovy novogo vremeni* (pp. 230–234). IYALI. (In Tatar).
- Il'minskiy, N. I., Pobedonostsev, K. P., & Nikol'skiy, N. (1895). *Pis'ma N.I. Il'minskogo k ober-prokuroru Svyateyshego Sinoda Konstantinu Petrovichu Pobedonostsevu*. Redaktsiya Pravoslavnogo sobesednika. (In Russian).
- Khabutdinov, A. Yu., & Mukhetdinov, D. V. (2005). *Vserossiyskie musul'manskije sezdy 1905–1906 gg. NIM "Makhinur"*. (In Russian).
- Khalitova, I. R. (1992). *Problemy narodnogo obrazovaniya v Kazakhstane v 1867–1914 gg.* (In Russian).
- Khokhlov, I. S. (1906). *Turgayskaya oblast'*. Tipografiya Popechitel'skogo Imperatorskogo chelovekoljubskogo obshchestva. (In Russian).
- Kudash, S. (1984). *Po sledam yunosti. Zhazusy*. (In Russian).
- Kustanay–Kostanay: Ocherki istorii. S drevneyshikh vremen do 1936 g.* (2012). Kostanaypoligrafiya. (In Russian).

- Lysenko, Yu. A. (2010). «Tatar's Problem» in the Confessional Policy of Russian Empire in Kazakhstan (The end of the XVIIIth the early XXth centuries). *Izvestiya of Altai State University*, 4-3, 146-152. (In Russian).
- Lysenko, Yu. A. (2019). The position of officials of the Orenburg Department on the legal regulation of the spiritual life of the Kazakhs of the Ural and Turgay regions (40-80-ies of XIX century). *Nations and Religions of the Eurasia*, 3, 128-138. [https://doi.org/10.14258/nreur\(2019\)3-09](https://doi.org/10.14258/nreur(2019)3-09) (In Russian).
- Lysenko, Yu. A. (2020). Politika voennykh gubernatorov Turgayskoy oblasti v sfere regulirovaniya religioznoy zhizni musul'manskikh obshchin. *Desyatye Bol'shakovskie Chteniya. Orenburgskiy Kray Kak Istoriko-Kul'turnyy Fenomen. Sbornik Statey Mezhdunarodnoy Nauchno-Prakticheskoy Konferentsii*, 2, 70-73. (In Russian).
- Lyubichankovskiy, S. V. (2019). On the History of Domestic Acculturation of the Kazakhs and the Tatars in the Russian Empire of the 19th Century. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 19(3), 279-282. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-3-279-282> (In Russian).
- M. M. (1917, July 21). Yrgyzda yash' myselmannar oeshmasy. *Vakit*. (In Tatar).
- Muftakhutdinova, D. Sh. (2023). Agrarian policy of the Russian Empire in the Kazakh steppe through the prism of Orthodox missionary work. *Minbar. Islamic Studies*, 16(3), 562-584. <https://doi.org/10.31162/2618-9569-2023-16-3-562-584> (In Russian).
- National Archive of the Republic of Bashkortostan (NA RB). (1836-1922). F.I. 295. In.2. C.8. (In Russian).
- Nolken, A. M. (1905). Voprosy administrativnoy praktiki, byvshie na rassmotrenii konsultatsii, pri Ministerstve Yustitsii uchrezhdennoy v 1901-1905 g.g. *Zhurnal Ministerstva Yustitsii*, 6, 317-414. (In Russian).
- Nurtazina, N. D. (2008). *Narody Turkestana: Problemy islama, integratsii, modernizatsii i dekolonizatsii (na rubezhe XIX – XX v.)*. Qazaq universiteti. (In Russian).
- Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiyskoy imperii 1897 g.: T. 87: Turgayskaya oblast'*. (1904). Tsentral'nyy Statisticheskiy komitet Ministerstva vnutrennikh del. (In Russian).
- Poberezhnikov, I. V. (2013). Frontirnaya modernizatsiya kak rossiyskiy tsivilizatsionnyy fenomen. *Rossiia Reformiruyushchayasya*, 12, 246-274. (In Russian).
- Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. Sobranie 3. T. 26. № 27479*. (1906). SPb. (In Russian).
- Remnev, A. V. (2006). Tatory v kazakhskoy Step: Soratniki i soperniki Rossiyskoy imperii. *Vestnik Evrazii*, 4, 5-32. (In Russian).
- Russian State Historical Archive (RSHA). (1883-1892). F. 821. Op. 8. D. 688. (In Russian).
- Russian State Historical Archive (RSHA). (1895). F. 1291. In. 84. C. 42. (In Russian).
- Russian State Historical Archive (RSHA). (1903-1906). F. 821. In. 8. C. 689. (In Russian).
- Russian State Historical Archive (RSHA). (1903). F. 1330. In. 9. C. 793. (In Russian).
- Russian State Historical Archive (RSHA). (1909). F. 821. In. 8. C. 634. (In Russian).
- Shabley, P. S. (2023). Niyaz-Mukhammad Suleymanov and the Muslim Book Culture in the Kazakh Steppe in the early 20th century. *Gasyrlar Avazy – Eho Vekov [Echo of Centuries]*, 2, 173-184. (In Russian).

- Shumskaya, E. P. (2012). Svyashchennik-missioner Feodor Sokolov i razvitie missionerskoy deyatel'nosti russkoy pravoslavnoy tserkvi v Turgayskoy oblasti na rubezhe XIX-XX vv. *Gorokhovskie Chteniya. Materialy Tretyey Regional'noy Muzeynoy Konferentsii*, 159–172. (In Russian).
- Sokolov, F. (1894, May 1). Pravoslavnyy missioner v kirgizskikh aulakh Turgayskoy oblasti. *Orenburgskie Eparkhial'nye Vedomosti*, 9. (In Russian).
- Sorokin, G. (1917, June 21). Aktybә. *Vakit*. (In Tatar).
- Spravochnaya knizhka i adres-kalendar' Turgayskoy oblasti na 1917 g.* (1917). Tipografiya Turgayskogo oblastnogo pravlenie. (In Russian).
- Stepnoe polozhenie 25 marta 1891 g. S obyasneniyami po ofitsial'nym istochnikam.* (1891). Zemskoe otделение Ministerstva vnutrennikh del. (In Russian).
- Suleymanov, Sh. (1914, January 31). Kustanaydan. *Tormysh*. (In Tatar).
- Sultanglieva, G. S. (2023). *Tatarskie mully i pis'movoditeli v Kazakhskoy stepi (XVIII – pervaya polovina XIX v).* IYALI. (In Russian).
- T. T. (1910, August 31). Turgay shәhәre. *Vakit*. (In Tatar).
- Usmanova, D. M. (2015). Musul'manskie metricheskie knigi Rossiyskoy imperii: Mezhdru zakonom gosudarstvom i obshchinoy (vtoraya polovina XIX – pervaya chetvert' XX vv.). *Ab Imperio*, 2, 106–153. <https://doi.org/10.1353/imp.2015.0034> (In Russian).
- Vremennoe polozhenie ob upravlenii v oblastiakh Uralskoy, Turgayskoy, Akmolinskoy i Semipalatinskoy.* (1883). Tipografiya Ministerstva vnutrennikh del. (In Russian).
- Vserossiyskiy sez'd musul'man. (2004). In *Kazakhstan: Natsional'naya entsiklopediya* (Vol. 1, p. 560). Qazaq entsiklopediya. (In Russian).

Cossacks in the Conditions of Frontier Modernization (on the example of the Far East in the late 19th – early 20th centuries)

Anton V. Bredikhin

Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences;
 Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia. Email: bredikhin90[at]yandex.ru
 ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4097-3854>

Received: 28 May 2024 | Revised: 9 July 2024 | Accepted: 18 July 2024

Abstract

Historically, the contacts between the Cossacks and the Chinese population were established and their particular strengthening occurred during the construction of the Chinese–Eastern Railway between 1897 and 1903. The imperial authorities devised a plan to establish the Sungurian Cossack army, which was to be augmented by the Cossacks dispatched to protect the ‘KVZhD’. These troops were to comprise the descendants of Albazin and the local population. In the context of the present circumstances, the Cossacks in the peripheral Ussuri Territory and Manchuria served as the frontiers of the system of relations with the local Chinese and Korean populations, as well as the modernizing transformation of the region. As the most mobile and passionate segment of the population, the Cossacks played a pivotal role in the socio-economic and cultural transformation of the region. Their extensive involvement in the agrarian economy and their diverse socio-class and ethno-confessional composition contributed to the diversification of the regional mosaic. During this historical period, the Cossacks served as the driving force of the Russian exploration of the Far Eastern space. Moreover, they facilitated the militarization of the newly developed territories. The format of the study permits presenting a set of relations risen along the Center–Far Eastern Cossacks axis. The objectives of this paper is to ascertain the nature of this relationship within the system and to study the dissemination of the experience of the Cossack self-government system to neighboring regions, including the process of Japanese colonization of the island of Hokkaido. The research findings indicate the efficacy of applying the Cossack administrative and economic management experience to the Far East and Manchuria, as well as in adjacent regions, such as Hokkaido. The article is intended for Cossack specialists and sinologists.

Keywords

Far East; Cossacks; China; Manchuria; Modernization; Self-Government; Ussuriysky Krai; Frontier; Hokkaido; Japan

This work is licensed under a [Creative Commons “Attribution” 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Казачество в условиях фронтирной модернизации (на примере Дальнего Востока конца XIX – начала XX в.)

Бредихин Антон Викторович

Институт Китая и современной Азии РАН; Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова. Москва, Россия. Email: bredikhin90[at]yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4097-3854>

Рукопись получена: 28 мая 2024 | Пересмотрена: 9 июля 2024 | Принята: 18 июля 2024

Аннотация

Контакты между казачеством и населением Китая формировались исторически; особое их усиление произошло при строительстве Китайско-Восточной железной дороги в 1897–1903 гг. Имперскими властями планировалось создание Сунгурийского казачьего войска, в состав которого вместе с прибывшими на охрану КВЖД казаками должны были войти потомки албазинцев и местное население. В сложившихся условиях казаки на территории периферийного Уссурийского края и Маньчжурии выступили фронтирменами системы взаимоотношений с местным китайским и корейским населением, а также модернизационной трансформации региона. Выступая наиболее подвижной и пассионарной частью населения, применяя экстенсивный характер аграрной экономики, обогащая социально-сословную и этноконфессиональную мозаику региона, казачество в указанный исторический период выступило локомотивом российского освоения дальневосточного пространства. Казаки несли в себе и милитаризационный аспект освоения новых территорий. Формат исследования позволяет представить систему взаимоотношений по оси Центр – Дальневосточное казачество. Целью работы выступает определение системы взаимоотношений и ретранслирования опыта организации казачьего самоуправления на соседние регионы, в том числе процесс колонизации японцами острова Хоккайдо. В результате автор приходит к выводу об успешности применения опыта казачьего административно-хозяйственного управления как на территории Дальнего Востока и Маньчжурии, так и смежных регионов, в частности Хоккайдо. Статья рассчитана на специалистов-казаковедов и китаистов.

Ключевые слова

Дальний Восток; казаки; Китай; Маньчжурия; модернизация; самоуправление; Уссурийский край; фронтир; Хоккайдо; Япония

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons “Attribution” \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Введение

Процесс освоения Дальнего Востока, соприкосновения российской колонизации с Китаем напрямую связан с пассионарным фактором казачества. Имперские власти проявили интерес к миграции представителей самых различных казачьих войск, в том числе Донского, Кубанского, Терского, Уральского, Забайкальского и Оренбургского в период с 1895 по 1901 г., что было обусловлено высокими морально-ценностными установками, военным опытом, фактором самоуправления казаков (Бахарева, 2023, с. 211). Их размещали в наиболее стратегически важных местах границы, казаки осуществляли надзор за строительством укреплений и содействовали превращению этих территорий в центры российского присутствия и влияния (Semi-militarized Cossacks... 2023).

Имел место и процесс привлечения к освоению дальневосточных рубежей китайских мигрантов, когда генерал-губернатор Восточной Сибири М. С. Корсаков, ранее являвшийся наказным атаманом Забайкальского казачьего войска, в 1862 г. обращался в российское дипломатическое представительство в Китае по вопросу поселения в Южно-Уссурийском крае китайцев без жен и без права жениться (без «средств к жизни семейной»), ради упрочения и усиления «этого трудолюбивого и развитого класса населения» (РГИА, 1862, л. 37).

Согласно нашему подходу, казаки являются фронтирменами – жителями межцивилизационного, межкультурного, межконфессионального пространства. Исследователи уделяют внимание различным фронтирным зонам земного шара, однако же наличие подобного региона и соответствующих контактов в зоне дальневосточно-китайской среды во многом игнорируется. Процесс взаимопроникновения двух этнокультурных систем нивелируют, ограничиваясь военной или экономической сферами. Так проблематика модернизации дальневосточного фронта рассматривается на примере российско-китайских торговых коммуникаций И. Р. Хамзиным, Р. Т. Ганиевым, А. В. Кочневым (Хамзин, 2023, с. 135).

Такие исследователи, как В. А. Брехуненко, проводят параллели с казачьими сообществами Степного Кордона, называя казаков «детьми» степного фронта, изменившими баланс сил в регионе (Брехуненко, 2011, с. 70). Бесспорный лидер отечественной теории фронта Д. В. Сень доказательно квалифицирует казаков как сообщество со специфической идентичностью, сложившейся под воздействием фронтирных реалий (Сень, 2011, с. 46). Говоря о казачестве сегодняшнего дня, им противоречит английский историк Ф. Лонгворт, приходящий в работе «Кзаки. Пять столетий бурной жизни в русских степях» к выводу о том, что в ходе процессов индустриализации и модернизации, а также репрессивной политики в отношении казачества

в современности идентичность казаков уничтожена, «от них остались только легенды» (Longworth, 1970, с. 313).

Модернизация воспринимается как теория развития, основанная на инновациях, на новых моделях, предлагающих качественно иной переход от существующего, в первую очередь имеющих аграрный характер. В условиях крестьянской России казачество характеризовалось качественно иной моделью организации сообщества, приобретающей актуализацию при освоении новых земель, а также выступающей драйвером изменений в масштабе всей страны. Инновационность, свойственная казачеству как регулярно обновляющемуся сообществу, вступила в противостояние со сложившимися крестьянскими аграрными формами освоения пространства (Treivish, 2023).

Фронтирную теорию модернизации предлагает И. В. Побережников. С его точки зрения, в имперский период российской истории, период «великих реформ» середины XIX – начала XX в., проводится индустриализация, осуществляется переход от широкого использования принудительного труда и института крепостного права к рыночной экономике и применению вольнонаемного труда, к форме национального государства, происходит интенсификация процессов формирования гражданского общества в пореформенный период и особенно в начале XX в. (Побережников, 2021, с. 89).

Российская государственная политика в регионе затрагивала и столь важное направление, как безопасность. Как отмечает И. В. Побережников:

«Милитаризация регионов освоения (размещение фортификационных сооружений, регулярных воинских частей, поселенных иррегулярных формирований, установление особых, военизированных, форм администрации и т.д.) обеспечивала условия для стабильного развития в ситуации «пограничья» и наличия порой враждебного «соседства»» (Побережников, 2018, с. 75).

В рамках данного исследования автором ставится цель анализа положения казачества в условиях освоения Российской империей дальневосточного региона и его роли в российско-китайских взаимоотношениях.

В исследовании предполагается рассмотреть следующие задачи:

- дать оценку исторической роли процесса модернизации в дальневосточном регионе Российской империи;
- проанализировать основные характеристики роли казаков во фронтирной модернизации на Дальнем Востоке;
- выявить существующий опыт ретранслирования казачьего опыта модернизации в других регионах.

В статье используется широкий спектр научно-аналитических исследований, в том числе ведущих ученых Института Китая и современной Азии Российской академии наук, иных институтов РАН.

Нами были использованы документы из фондов Российского государственного исторического архива, в основном делопроизводственные акты и метрические книги, что позволило передать роль казачества в социокультурных и социально-экономических процессах того времени.

Автором осуществлен анализ иностранных источников, позволяющий узнать оценку процессов модернизации на Дальнем Востоке и Манчжурии, исходя из позиции соседних стран.

В рамках исследования используется институциональная методология и метод историзма, позволяющие определить роль казачества в российско-китайском фронтальном пространстве.

Казачество-фронтирмены

Казачество в настоящее время рассматривается, исходя из различных исторических теорий и социологических подходов. До сих пор в научной среде России, как и других стран, нет единого восприятия данного феномена; отсутствует общепризнанная позиция по отношению к современным казакам.

Классическими «пограничниками» того времени выступали казаки, которых царское правительство не только направляло для освоения и защиты новых земель, но и создавало из них новые войска как формы не только военного, но и административно-хозяйственного самоуправления.

По мнению П. А. Барахвостова, «центральными фигурами колонизации на Востоке стали казак, крестьянин и ссыльный» (Барахвостов, 2022, с. 170). Казаки укомплектовывали форты, патрулировали города, участвовали в местных кампаниях против коренных народов, работали курьерами, сопровождающими и пограничниками, обрабатывали свои земли или сдавали их в аренду другим для ведения сельского хозяйства (Cossascks..., 2000).

«Казаки и крестьяне-поселенцы снабжали старателей, часто присоединяясь к ним в поисках золота как на китайском, так и на российском берегах Амура» (Gamsa, 2003, с. 236), указывает Марк Гамса. Казаки выступали тем связующим звеном, которое объединяло прибывших колонистов из различных регионов Российской империи и в то же время было способно сформировать систему межкультурных коммуникаций с местным населением.

Строительство Манчжурской (впоследствии Китайско-Восточной) железной дороги, как и освоение «Желтороссии» (Гаспарян, 2018, с. 117) в целом, требовало дополнительных человеческих ресурсов. Сунгурийское казачье войско выступило модернизационным проектом российских властей по формированию системы безопасности на территории Манчжурии, охраны государственных инфраструктурных и транспортных объектов. Его формирование предусматривалось как из числа прибывших для охраны российских гражданских и военных объектов казаков, так и местного населения, а также потомков казаков-албазинцев (Бредихин, 2023, с. 23). Практика «оказачивания»,

то есть включения в казачье сословие тех или иных народов, имела на территории империи повсеместный характер и в большинстве случаев не находила препятствий со стороны «оказываемого» населения в связи с тем, что расширялись права и льготы «новых казаков», выделялись земельные наделы, новобранцы обеспечивались службой и жалованием.

В созданном в 1858 г. Амурском казачьем войске преобладал пестрый состав новых казачьих поселений, включавших в себя не только казаков-забайкальцев и выходцев из иных войск, но и вчерашних крепостных, бурят, эвенков. В этом заключался очень важный административный фактор. Само их основание проводилось вдоль почтовых линий, в связи с чем в первые десятилетия казакам было трудно наладить функционирующую экономику, несмотря на чрезвычайно щедрые земельные наделы (Glebov, 2021). Изначальный подход не предусматривал широкой хозяйственной деятельности новых поселенцев, однако и он претерпел трансформацию.

В последней трети XIX в. произошла некоторая демократизация жизни казачества, срок службы был сокращен до 20 лет, разрешен выход из казачьего сословия, зачисление в него представителей других сословий. Самоуправление в станицах стало носить внесословный характер, в нем могли участвовать все жители региона; на землях казаков разрешалось селиться и приобретать недвижимость неказаческому сословию. Были урегулированы нормы землепользования казаков (не менее 20 десятин земли на душу населения). В то же время сохранялись запреты на выход казачества из общины, принцип круговой поруки и фиксированные нормы казачьего самоуправления и обязанностей всех лиц, облеченных должностными полномочиями (Герман, 2011, с. 116).

Выделение казачьей системы самоуправления в общеимперском масштабе обуславливалось как этническими особенностями взаимодействия казаков и народов российского приграничья, так и их сословными привилегиями, полагаемыми за воинскую службу (аналогично, поместное дворянство формировалось как служилое сословие, получавшее земельные наделы за службу). О. В. Щупленков подчеркивает присутствие конфликта двух позиций, определяющих факт наличия системы самоуправления – это социокультурный и этнический аспекты. Последний, в свою очередь, придавал казакам статус «самостоятельной территориальной этнической группы» (Щупленков, 2016, с. 45).

Казачья и «желтая опасность»

Нельзя исключить из модернизационных процессов дальневосточной среды китайскую рабочую силу, наиболее востребованную в тот период на золотодобыче, строительстве железных дорог, торговле, рыбной ловле, выращивании опиума, контрабанде российского золота и китайского алкоголя.

К концу XIX в. китайские мигранты, получившие название «манзы» (бродяги) в соответствии с образом занятий, распределились на следующие категории: 1) «зазейские маньчжуры»; 2) торговцы; 3) кустари и ремесленники; 4) рабочие (приисковые рабочие, в том числе); 5) земледельцы; 6) промысловики, контрабандисты, хунхузы (Залесская, 2020, с. 16). Ряд исследователей отмечают криминогенный характер прибывающих мигрантов, что способствовало негативизации их восприятия среди русского населения.

Данная миграция актуализировала в исследовательской среде того времени такую проблематику как «желтая опасность» или «желтый вопрос», подразумевающий вытеснение российской рабочей силы иностранными специалистами, в первую очередь китайцами и корейцами и дискуссию о целесообразности сохранения трудовой миграции (Ланцова, 2010, с. 62). Важным фактором выступала поддержка цинским правительством активного расселения китайцев по городам Приморья, что препятствовало продвижению русской колонизации региона. Сложившаяся ситуация получила название «встречной колонизации», по мнению Л. М. Болховитинова:

«...проведением КВЖД мы возродили Маньчжурию к новой жизни. До 1903 г. китайская колонизация Маньчжурии, развиваясь постепенно, шла естественным путём, обуславливаясь большой земельной нуждой в пределах собственного Китая, но с этого времени вопрос получил совершенно другую разработку; переселение в значительной степени потеряло своё естественное направление, приняв форму движения, регулируемого китайскими властями, по известной программе с политической окраской» (Пасмурцев, 2011, с. 115).

Накладывалась тяжелая ситуация во всем восточноазиатском регионе, выраженная в попытке коллективного Запада подавить Боксерское восстание (1899–1901 гг.), повлекшее массовое убийство тысяч китайцев в Благовещенске (1900 г.), и японскую экспансию после цинско-японской войны (1894–1895 гг.) (Sablin, 2018, с. 340). В этой связи не только в Российской империи, но и в странах Европы вопрос «желтой опасности» приобретал цивилизационный характер (Белоконь, 2016, с. 160), а Транссибирская магистраль, как и русское освоение Дальнего Востока, виделось каналом европеизации региона в целом.

Согласно статистике, в 1880-х гг. в Амурской области насчитывалось от 17 000 до 18 000 китайцев и 10 100 корейцев (Динамика..., 2021). Общее количество пересекавших границу китайцев составило в период с 1906 по 1910 г. 550 тысяч человек, из них лишь небольшое количество осталось на российской стороне, приняв православие либо женившись на русских женщинах. Селились они в наилучших местах, о чем пишет П. А. Кропоткин: «недаром китайцы, которые заняли все удобные места на Сунгари и Амуре, почти оставляли в стороне Уссури и поселились только в числе нескольких «фанз» (домов) и то только в верхних станицах» (Кропоткин, 1992, с. 100). По различным оценкам,

в конце XIX в. Уссурийское казачье войско сдавало иностранным работникам до половины своей земли.

Именно казаки выступали за сохранение иностранной рабочей силы в регионе, что было обусловлено их военно-служилым образом жизни, а также необходимостью освоения новых сельскохозяйственных площадей. При этом казачьи земли не могли перейти во владение иностранцев, данный факт был обусловлен тем, что земля принадлежала войску, а казак имел свой пай. «Никакая часть земли и никакие угодья, в черте станичного юрта заключающиеся, не могут выходить из владения станичного общества в чью-либо личную собственность», – гласила статья 7 Правил от 21 апреля 1869 г. (РГИА, 1910–1912, л. 13). Условия обработки земли и хранения урожая у казаков также не были ориентированы на местные климатические условия, на что указывает П.А. Кропоткин:

«Хлеб складывают в скирд на самом поле, причем возят его с поля в одно место на санях летом. Затем тут же его молотят зимой и привозят домой в зерне, молотят большею частью по мере надобности, и, следовательно, бурундуки и всякие полевые мыши успевают-таки вдоволь поесть хлеба, и, не загородив его, кормят им скот чуть не всей станицы. Все это особенно резко бросается в глаза от контраста с китайцами, у которых тут же, в версте или двух, вы видите замечательную обработку полей» (Кропоткин, 1992, с. 103).

В 1913 г. состоялся ряд кругов (сходов) по данному вопросу. «На участке остается только пожилой глава семьи... помимо потери работников из-за службы, каждая семья вынуждена тратить более 400 рублей на экипировку казака для службы». В сложившихся условиях казаки «не могли справиться, не нанимая иностранных рабочих» (РГИА, 1893–1922, л. 55). Привлекались не только китайские, но и корейские мигранты, обладавшие адекватными сельскохозяйственными технологиями («грядковым методом»), орудиями и трудолюбием (Киреев, 2008, с. 80). Часть сельскохозяйственных традиций были переняты казаками у китайцев, это выращивание сои, бахчевых культур, кукурузы, а также используемой для еды и скота чумизы.

Высоко оценивая роль китайских переселенцев Цзяи Чжоу приходит к достаточно неутешительному выводу о том, что:

«Сельское хозяйство Китая сыграло важную роль в обеспечении населения Дальнего Востока сельскохозяйственной продукцией. В Южно-Уссурийском крае один китайский крестьянин кормил 25–26 жителей России. Овощи продавались в овощных лавках, на улицах и доставлялись в дома, в том числе в кредит... Помимо собственной земли, китайцы арендовали ее у русских казаков и крестьян. В связи с этим изменились отношения между русским как землевладельцем и китайцем как арендатором или наемным работником. Фактическим владельцем земли стал китаец, а русский владел ею лишь номинально» (Jiayi Zhou, 2015, с. 13).

Имели место прецеденты «оказачивания» корейцев. Подобный подход реализовался имперским правительством в различных регионах страны,

пополняя казачье сословие, что было необходимо для обеспечения военной составляющей осваиваемой территории и в то же время выделения местному населению дополнительных льгот в рамках их интеграции в общенациональное имперское пространство, что осуществлялось ради повышения его лояльности к официальному Санкт-Петербургу.

«Оказачивание» могло нести и далеко идущие геополитические последствия, а именно, дальнейшее присоединение Кореи к Российской империи: «Я говорил Витте, что у нашего государя грандиозные в голове планы: взять для России Маньчжурию, идти к присоединению к России Кореи. Мечтает под свою державу взять и Тибет. Хочет взять Персию, захватить не только Босфор, но и Дарданеллы» (Дневник..., 1922, с. 15), – отмечал военный министр А. Н. Куропаткин в 1903 г. Данным планам был положен конец после Русско-японской войны 1904-1905 гг., а процесс «оказачивания» населения и создания «казацкой державы» был реализован гораздо позднее после Гражданской войны в России и ухода белоэмигрантов на территорию Монголии (Бредихин, 2024, с. 157). А процесс разумного «оказачивания» России не произошел, страна попала в «пропасть антинациональной, антирусской по своей глубинной сущности революции» (Лысенко, 2012, с. 113).

Казачество по-японски

Опять казачьей дальневосточной модернизации был воспринят в соседней Японии и ретранслирован при заселении острова Хоккайдо, о чем указывает в своих исследованиях О. И. Сергеев. В частности, начальник Колонизационного управления по делам Хоккайдо Курода Киётаки, видный политический деятель Эномото Такэаки, генерал Нагаяма Такосиро прибывали с исследовательскими миссиями в российский регион, приглашались специалисты из Российской империи с целью возведения жилищ в «казачьем духе», а одно из поселений солдат-земледельцев (тондэнхэй) было полностью создано в соответствии с проектом казачьей станицы (Сергеев, 1996, с. 60).

Со своей стороны отметим факт того, что поселения тондэхай и казаков Уссурийского казачьего войска носят много общих черт. Как вокруг поселений японских колонистов возникали крестьянские хозяйства, так и на казачьих землях возникали хозяйства крестьян, китайских и корейских мигрантов. «Россия является фактическим врагом истеблишмента Тонденхэя, а с другой стороны, система Тонденхэя – это система, которая похожа на систему многих казачьих солдат и имеет глубокую связь» ([札幌市, 2020), – указано на официальном сайте города Саппоро. Военизированный тип поселений на острове возник благодаря пересадке казачьего или прусского типа, – указывает Августин Берк (Berque. 1979, p. 54).

Организационная структура жизни дальневосточного казачества на Дальнем Востоке и в Маньчжурии, способы снабжения и обеспечения были

перенесены на японскую землю. Нагаямо Такосиро использовал и те наблюдения, которые получил во время путешествия в 1887 г. по территории Области войска Донского, а также в рамках встреч с представителями забайкальского, уссурийского и амурского казачеств. По мнению Като Сюдзиро, при освоении Хоккайдо были использованы следующие характеристики организации казачьих поселений:

- «1) сроки прохождения военной службы;
- 2) виды войск (кавалерия, пехота, артиллерия);
- 3) институты самоуправления;
- 4) общественное владение частью земель (общинные земли)» (Сергеев, 2016, с. 137).

Таким образом, японские военачальники активно применили полученные от казаков знания при военном освоении северного острова Хоккайдо. В японской политической и общественной среде начал формироваться образ казачества как достаточно близкой социокультурной группы, со схожими военными традициями и миропониманием. Межкультурные связи, переходящие в межличностные контакты, отмечаются и в архивных документах. Так, по данным Метрической книги Якутской духовной консистории Нельканской Благовещенской церкви Аяно-Майского района Нижне-Амурской области за 1910 г. казак Якутского казачьего полка Василий Иванович Прокопьев стал восприемником японского подданного корейского происхождения Чень-эду-ни, языческого вероисповедания, 61 года, изъявившего решительное желание присоединиться к Православной Кафолической Восточной церкви с наречением имени Сергей в память преподобного Сергея Радонежского (ГАХК, 1910, л. 236).

События Русско-японской войны 1904–1905 гг. способствовали негативизации образа противника и высмеивания образа японцев в лубках: «Плохо желтому на море, а на суше вдвое горе: тут казак макаку эту рубит шашкой, как котлету, чтоб известно было свету, что проехал где казак – нет уж духа от макак!» (Воробьева, 2018, с. 170). Появляются образы гейш, интересующихся, «а умеют ли казаки целоваться?»

Японские власти прекрасно понимали военную подготовку белоэмигрантов, оказавшихся за пределами России после окончания Гражданской войны. Тогда создаются «Русский отряд Асано», а также Сунгарийский, Ханьдаохэцзыский, Харбинский и другие «русские воинские отряды», принимавшие участие в боях с СССР на стороне Квантунской армии Маньчжоу-Го (Яковкин, 2014, с. 122).

Выводы

На основании изложенного переходим к выводам. Во-первых, имперские власти были заинтересованы в ускоренном процессе освоения как дальневосточных земель, так и прилегающих территорий Манчжурии, в связи с чем подбирался наиболее оптимальный вариант самоорганизации колониального сообщества, которым и стало казачество.

Во-вторых, казаки, будучи фронтирменами, выступали не только в качестве охранной силы на вверенных им территориях. В качестве образца бралась административно-хозяйственная система казачьего самоуправления, обеспечивающая в том числе эффективную коммуникацию с местным населением, не ограничивающаяся исключительно торгово-экономическими связями, но и переходящая к «оказачиванию» корейских и китайских рабочих.

В-третьих, опыт казачьего самоуправления и организации территориального хозяйствования на Дальнем Востоке был принят ближайшими соседями-японцами в целях освоения земель острова Хоккайдо. Не исключено, что он мог оказать влияние и на подготовку японской армии в период Русско-японской войны 1904-1905 гг.

Благодарности

Выражаю благодарность доктору исторических наук Шайдурову Владимиру Николаевичу за представленную возможность публикации и научное консультирование.

Список литературы

- Berque, A. (1979). *La Rizière et la Banquise: Colonisation et changement culturel à Hokkaïdô*. FeniXX.
- Cossacks, Cowboys, and Cavalry-Frontier Social Groups. (2000). Library of Congress, Washington, D.C. 20540 USA. <https://www.loc.gov/collections/meeting-of-frontiers/articles-and-essays/colonization/cossacks-cowboys-and-cavalry-frontier-social-groups/>
- Gamsa, M. (2003). California on the Amur, or the “Zheltuga Republic” in Manchuria (1883-86). *Slavonic and East European Review*, 81(2). <https://doi.org/10.1353/see.2003.0140>
- Glebov, S. (2021). Exceptional Subjects: Koreans, Settler Colonialism, and Imperial Subjecthood in the Russian Far East, 1860s-1917. *Nationalities Papers*, 49(6), 1065-1081. <https://doi.org/10.1017/nps.2020.63>
- Longworth, P. (1970). *The cossacks. Five Centuries of Turbulent Life on the Russian Steppes*. Holt, Rinehart and Winston.
- Population development in the Far East during the Tsarist and Soviet periods. (2021). In *Russian Far East: Population, socio-economic development* (pp. 15-42). Literary press in the social sciences. <https://xianxiao.ssap.com.cn/catalog/5647979.html> (In Chinese).

- Sablin, I., & Sukhan, D. (2018). Regionalisms and Imperialisms in the Making of the Russian Far East, 1903–1926. *Slavic Review*, 77(2), 333–357. <https://doi.org/10.1017/slr.2018.126>
- Semi-militarized Cossacks & Russia's Far Eastern Policy: A Look into Manchuria's Complex Past. (2023). *TimePrinter*. <https://www.timeprinternews.com/2023/11/semi-militarized-cossacks-russias-far.html>
- Tonden soldiers were surrounded by Cossack cavalry. (2020). Hokkaido Development Club. https://www.hokkaidokaitaku.club/story/ShortShort/2020/nichirosensou_sinkotonitonedeh.html (In Japanese)
- Treivish, A. I. (2023). Historical Experience of the Modernization of Russian Society and Space. *Regional Research of Russia*, 13(1), 6–33. <https://doi.org/10.1134/S2079970522700563>
- Zhou, J. (2015). Chinese Agrarian Capitalism in the Russian Far East. *Land Grabbing, Conflict and Agrarian-environmental Transformations: Perspectives from East and Southeast Asia. An International Academic Conference 5-6 June 2015, Chiang Mai University*, 1–30. https://www.iss.nl/sites/corporate/files/CMCP_34-Zhou.pdf
- Дневник А.Н. Куропаткина. Предисловие М. Покровского. (1922). *Красный Архив*, 2, 5–47.
- Барахвостов, П. А. (2022). Формирование и эволюция русских фронтиров. *Россия и мир: научный диалог*, 2, 166–177. [https://doi.org/10.53658/RW2022-2-2\(4\)-166-177](https://doi.org/10.53658/RW2022-2-2(4)-166-177)
- Бахарева, О. Я. (2023). Участие оренбургских казаков в освоении Дальнего Востока. Письма из Уссурийского края. *История повседневности*, 1(3), 210–228. https://doi.org/10.35231/25422375_2023_3_210
- Белоконь, И. В. (2016). «Цивилизационные разломы» и «желтая опасность» в контексте геополитических взглядов и идей А.Н. Куропаткина. *Правовое поле современной экономики*, 8, 155–164.
- Бредихин, А. В. (2023). Казачество как фактор межкультурного сотрудничества России и Китая. *Вестник славянских культур*, 70, 18–25. <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2023-70-18-25>
- Бредихин, А. В. (2024). Миграция россиян в Монголию: Исторический и социологический аспект. *Народонаселение*, 27(1), 153–165. <https://doi.org/10.24412/1561-7785-2024-1-153-165>
- Брехуненко, В. (2011). *Козаки на степовому кордоні Європи: Типологія козацьких спільнот XVI-першої половини XVII ст.* [Козаки на степной границе Европы: типология казацких сообществ XVI-первой половины XVII вв.]. Институт української археографії та джерелознавства ім. МС Грушевського [Институт украинской археографии и источниковедения им. МС Грушевского]. (На украинском).
- Воробьева, Э. А. (2018). «Прекрасная страна Япония, прекрасная страна Россия»: Формирование и восприятие образа врага. *Идеи и идеалы*, 1(1), 164–182. <https://doi.org/10.17212/2075-0862-2018-1.1-164-182>
- Гаспарян, В. З. (2018). Проект «Желтороссия» в контексте мировоззренческого кризиса русского «Восточничества» на рубеже XIX–XX вв. *Архонт*, 3, 115–118.
- Герман, О. Б. (2003). Роль закона в правовой жизни российского казачества во второй половине XIX – начале XX вв. *Юристъ-Правоведъ*, 3, 79–82.
- Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). (1910). Ф. И85. Оп. 44. Д. 347. Л. 236.

- Залеская, О. В. (2020). Фактор китайской миграции в формировании дальневосточного фронта как контактной зоны российско-китайского междивизионального взаимодействия. *Филология в XXI веке*, 1, 15–22.
- Киреев, А. А. (2008). Корейские иммигранты и казачество на российском Дальнем Востоке: Факторы и динамика взаимодействия (вторая половина XIX-первая треть XX в.). *Вестник ДВО РАН*, 5, 78–86.
- Кропоткин, П. А. (1992). *Дневники разных лет*. Советская Россия.
- Ланцова, Ю. Н. (2010). «Желтый вопрос» в России в середине XIX – начале XX вв. В отечественной историографии. *Гуманитарный вектор*, 3, 62–65.
- Лысенко, Н. Н. (2012). Нация или субэтнос? *Вопросы национализма*, 3, 111–134.
- Пасмурцев, В. А. (2011). Маньчжурские территории как фактор политики империи Цин (середина XVII – начало XX в.). *Россия и АТР*, 4, 108–117.
- Побережников, И. В. (2018). Фронтирная модернизация на Востоке Российской империи: Региональные вариации. *Уральский исторический вестник*, 61(4), 72–80. [https://doi.org/10.30759/1728-9718-2018-4\(61\)-72-80](https://doi.org/10.30759/1728-9718-2018-4(61)-72-80)
- Побережников, И. В. (2021). Модернизация в истории Российской империи и СССР: Общее и особенное. *Российские экономические реформы в региональном измерении*, 89–99.
- Российский государственный исторический архив (РГИА). (1862). Ф. 394. Оп. 1. Д. 47. Л. 37–38.
- Российский государственный исторический архив (РГИА). (1893–1922). Ф. 702. *Полтавское станичное правление. Управление Уссурийского казачьего войска*. Оп. 1, Д. 128, 54–65.
- Российский государственный исторический архив (РГИА). (1910–1912). Ф. 391. Оп. 4. Д. 533. Л. 13.
- Сень, Д. В. (2011). Из вольных казаков – в поданные крымских ханов: Казачьи сообщества Дона и Кавказа в конце XVII – начале XVIII в. *Восток. АфроАзиатские сообщества: история и современность*, 5, 46–54.
- Сергеев, О. И. (1996). Использование казачьего опыта при освоении японцами острова Хоккайдо. *Казачество Дальнего Востока: проблемы современности и перспективы развития*, 60–62.
- Сергеев, О. И. (2016). Использование Японией опыта российского казачества при освоении новых территорий (о. Хоккайдо, оккупированные земли Северо-Восточного Китая). *Россия и АТР*, 4, 134–144.
- Хамзин, И. Р., Ганиев, Р. Т., & Кочнев, А. В. (2023). Конструируя фронт: Русско-китайская торговля как фактор модернизации Дальнего Востока на рубеже XIX–XX вв. *Журнал фронтирных исследований*, 8(4), 133–152. <https://doi.org/10.46539/jfs.v8i4.491>
- Щупленков, О. В. (2016). Казачье самоуправление – Положительный опыт консенсуса центра и регионов. *Казачество*, 20, 40–50.
- Яковкин, Е. В. (2014). *Русские солдаты Квантунской армии*. Вече.

References

- Bakhareva, O. Ya. (2023). Participation of the Orenburg Cossacks in the Development of the Far East. Letters from the Ussuri Region. *История повседневности*, 1(3), 210–228. https://doi.org/10.35231/25422375_2023_3_210 (In Russian).
- Barakhvostov, P. A. (2022). Formation and evolution of russian frontiers. *Russia and the World: Scientific Dialogue*, 2, 166–177. [https://doi.org/10.53658/RW2022-2-2\(4\)-166-177](https://doi.org/10.53658/RW2022-2-2(4)-166-177) (In Russian).
- Belokon, I. V. (2016). “Civilizational Breaks” and “Yellow Danger” in a Context of Geopolitical Sights and Ideas of A.N. Kurapatkin. *Legal Field of Modern Economy*, 8, 155–164. (In Russian).
- Berque, A. (1979). *La Rizière et la Banquise: Colonisation et changement culturel à Hokkaidô*. FeniXX.
- Bredikhin, A. V. (2023). Cossacks as a Factor of Intercultural Cooperation between Russia and China. *Vestnik slavianskikh kul'tur [Bulletin of Slavic Cultures]*, 70, 18–25. <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2023-70-18-25> (In Russian).
- Bredikhin, A. V. (2024). Russian Migrants in Mongolia: Historical and Sociological Aspects. *Population*, 27(1), 153–165. <https://doi.org/10.24412/1561-7785-2024-1-153-165> (In Russian).
- Brekhunenko, V. (2011). *Cossacks on the Steppe Border of Europe: Typology of Cossack Communities of the XVI - First Half of the XVII Centuries*. Institute of Ukrainian Archeography and Source Studies named after M.S. Hrushevsky. (In Ukrainian).
- Cossacks, Cowboys, and Cavalry-Frontier Social Groups*. (2000). Library of Congress, Washington, D.C. 20540 USA. <https://www.loc.gov/collections/meeting-of-frontiers/articles-and-essays/colonization/cossacks-cowboys-and-cavalry-frontier-social-groups/>
- Diary of A.N. Kurapatkin (1922). *Red Archive*, 2, 5–47. (In Russian).
- Gamsa, M. (2003). California on the Amur, or the “Zheltuga Republic” in Manchuria (1883–86). *Slavonic and East European Review*, 81(2). <https://doi.org/10.1353/see.2003.0140>
- Gasparyan, V. Z. (2018). The Project “Yellow Russia” in the Context of the Ideological Crisis of Russian “Orientalism” at the Turn of the 19th and 20th. *Archont*, 3, 115–118. (In Russian).
- German, O. B. (2003). The Role of Law in the Legal Life of the Russian Cossacks in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries. *Jurist-Pravoved*, 3, 79–82. (In Russian).
- Glebov, S. (2021). Exceptional Subjects: Koreans, Settler Colonialism, and Imperial Subjecthood in the Russian Far East, 1860s–1917. *Nationalities Papers*, 49(6), 1065–1081. <https://doi.org/10.1017/nps.2020.63>
- Hamzin, I. R., Ganiev, R. T., & Kochnev, A. V. (2023). Constructing the Frontier: Russian-Chinese Trade as a Factor in the Modernization of the Far East at the Turn of the 19th and 20th Centuries. *Journal of Frontier Studies*, 8(4), 133–152. <https://doi.org/10.46539/jfs.v8i4.491>
- Kireev, A. A. (2008). Korean immigrants and the Cossacks in the Russian Far East: factors and dynamics of interaction (the second part of the XIX—the first third of the XX centuries). *Bulletin of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences*, 5, 78–86. (In Russian).
- Kropotkin, P. A. (1992). *Diaries of Different Years*. Soviet Russia. (In Russian).
- Lantsova, Yu. N. (2010). «Yellow Question» in Russia in the Middle of the 19th –the Beginning of the 20th Centuries in Russian Historiography. *Humanitarian Vector*, 3, 62–65. (In Russian).

- Longworth, P. (1970). *The cossacks. Five Centuries of Turbulent Life on the Russian Steppes*. Holt, Rinehart and Winston.
- Lysenko, N. N. (2012). Nation or Subethnos? *Nationalism Issues*, 3, 111–134. (In Russian).
- Pasmurtsev, V. A. (2011). Manchurian Territories as a Factor in the Qing's Policy (Mid 127th Early 20th). *Russia and the Asia-Pacific Region*, 4, 108–117. (In Russian).
- Poberezhnikov, I. V. (2018). Frontier Modernization in the East of the Russian Empire: Regional Variations. *Ural Historical Bulletin*, 61(4), 72–80. [https://doi.org/10.30759/1728-9718-2018-4\(61\)-72-80](https://doi.org/10.30759/1728-9718-2018-4(61)-72-80) (In Russian).
- Poberezhnikov, I. V. (2021). Modernization in the History of the Russian Empire and the USSR: General and Special. *Russian Economic Reforms in Regional Dimension*, 89–99. (In Russian).
- Population development in the Far East during the Tsarist and Soviet periods. (2021). In *Russian Far East: Population, socio-economic development* (pp. 15–42). Literary press in the social sciences. <https://xianxiao.ssap.com.cn/catalog/5647979.html> (In Chinese).
- Russian State Historical Archive (RSHA). (1862). F. 394. In. 1. C. 47. L. 37–38. (In Russian).
- Russian State Historical Archive (RSHA). (1893–1922). F. 702. *Poltava Stanichnoye Administration. Ussuri Cossack Army Administration*. In. 1, C. 128, 54–65. (In Russian).
- Russian State Historical Archive (RSHA). (1910–1912). F. 391. In. 4. C. 533. L. 13. (In Russian).
- Sablin, I., & Sukhan, D. (2018). Regionalisms and Imperialisms in the Making of the Russian Far East, 1903–1926. *Slavic Review*, 77(2), 333–357. <https://doi.org/10.1017/slr.2018.126>
- Semi-militarized Cossacks & Russia's Far Eastern Policy: A Look into Manchuria's Complex Past. (2023). *TimePrinter*. <https://www.timeprinternews.com/2023/11/semi-militarized-cossacks-russias-far.html>
- Sen, D. V. (2011). From Free Cossacks to Subjects of Crimean Khans: Cossack Communities of the Don and Caucasus in the Late 17th - Early 18th Century. *East. Afro-Asian Communities: History and Modernity*, 5, 46–54. (In Russian).
- Sergeev, O. I. (2016). Japan's Use of Russian Cossack Experience in Developing New Territories (Hokkaido, Occupied Lands of Northeast China). *Russia and the Asia-Pacific Region*, 4, 134–144. (In Russian).
- Sergeev, O. I. (1996). Using Cossack Experience in the Development of Hokkaido by the Japanese. *Cossacks of the Far East: Problems of Modernity and Development Prospects*, 60–62. (In Russian).
- Shchuplenkov, O. V. (2016). Cossack Self-Government – A Positive Experience of Consensus between the Center and the Regions. *Cossacks*, 20, 40–50. (In Russian).
- State Archive of Khabarovsk Territory (SAKhT). (1910). F. 185. In. 44. C. 347. L. 236. (In Russian).
- Tonden soldiers were surrounded by Cossack cavalry*. (2020). Hokkaido Development Club. https://www.hokkaidokaitaku.club/story/ShortShort/2020/nichirosensou_sinkotonitonedn.html (In Japanese)
- Treivish, A. I. (2023). Historical Experience of the Modernization of Russian Society and Space. *Regional Research of Russia*, 13(1), 6–33. <https://doi.org/10.1134/S2079970522700563>
- Vorobyeva, E. A. (2018). “The beauteous country, Japan; the beauteous country, Russia”: the paradoxes of the formation and perception of the enemy “Pattern image”. *Ideas and Ideals*, 1(1), 164–182. <https://doi.org/10.17212/2075-0862-2018-1.1-164-182> (In Russian).

- Yakovkin, E. V. (2014). *Russian Soldiers of the Kwantung Army*. Veche. (In Russian).
- Zaleskaya, O. V. (2020). Factor of Chinese Migration in the Forming the Far Eastern Frontier as a Contact Area of the Russian–Chinese Inter–Civilization Interaction. *Philology in the XXI Century*, 1, 15–22. (In Russian).
- Zhou, J. (2015). Chinese Agrarian Capitalism in the Russian Far East. *Land Grabbing, Conflict and Agrarian–environmental Transformations: Perspectives from East and Southeast Asia*. An International Academic Conference 5–6 June 2015, Chiang Mai University, 1–30.
https://www.iss.nl/sites/corporate/files/CMCP_34-Zhou.pdf

Historical Welfare Dynamics of the USSR Republics in the Light of Anthropometric Data: Convergence or Divergence?

Igor I. Verniaev

Saint Petersburg State University. Saint Petersburg, Russia. Email: [i.verniaev\[at\]spbu.ru](mailto:i.verniaev@spbu.ru)

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1540-381X>

Received: 23 May 2024 | Revised: 12 July 2024 | Accepted: 16 July 2024

Abstract

The historiography of the dynamics of well-being in Soviet republics remains a subject of discussion, particularly with regard to the patterns of convergence or divergence in living standards and the stages at which these processes were predominant. A variety of socio-economic indicators are employed for assessment, including GDP per capita, real incomes, public expenditure, consumption, housing provision, and life expectancy. However, the sources utilized for the study of these parameters are often imperfect.

In recent decades, anthropometric data have been employed as an indicator of well-being. Historical anthropometry has demonstrated that average human height (stature) serves as a sensitive and comprehensive measure of biological well-being. The objective of this article is to examine the processes of convergence and divergence in the well-being of Soviet republics through the lens of anthropometric data.

The findings indicate that while the early decades of the USSR were characterized by convergence in average height and biological well-being, the last decades were characterized by the intensification of divergence among the Soviet republics. Inequality increased between the western and south-eastern regions of the USSR. The conclusions derived from anthropometric data are supplied by other indicators and factors of well-being. The analysis highlights the significance of demographic models and sociocultural factors, alongside government policies, in influencing trends of convergence and divergence.

Keywords

Welfare of the Population in the Soviet Republics; Convergence and Divergence in the Level of Welfare; Anthropometric Data; Demographic and Sociocultural Factors of Welfare

This work is licensed under a [Creative Commons "Attribution" 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Историческая динамика благосостояния республик СССР в свете антропометрических данных: конвергенция или дивергенция?

Верняев Игорь Иванович

Санкт-Петербургский государственный университет. Санкт-Петербург, Россия.

Email: i.verniaev@spbu.ru ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1540-381X>

Рукопись получена: 23 мая 2024 | Пересмотрена: 12 июля 2024 | Принята: 16 июля 2024

Аннотация

В историографии остается спорным вопрос о динамике благосостояния республик СССР — происходило ли сближение (конвергенция) или расхождение (дивергенция) между ними относительно уровня жизни населения, и на каких этапах какой процесс преобладал? Для оценки применяются различные социально-экономические показатели — ВВП на душу населения, реальные доходы, объемы общественных фондов, потребление продовольственных и непродовольственных товаров, обеспеченность жильем, продолжительность жизни и др. Но источники для изучения этих параметров несовершенны и зачастую искажены.

В последние десятилетия в качестве показателя благосостояния используются антропометрические материалы. В исторической антропометрии доказано, что средний рост (длина тела человека) является чутким и интегральным индикатором базового благополучия человеческих сообществ — количества и качества питания, здоровья, состояния окружающей среды, социально-психологического климата, равенства в распределении ресурсов. Цель статьи — на основании антропометрических данных исследовать процессы конвергенции и дивергенции уровня благосостояния населения советских республик.

Сделан вывод о том, что если в первые десятилетия советской власти преобладали процессы конвергенции в среднем росте и соответственно биологическом благополучии, то в последние десятилетия усилились процессы дивергенции между региональными группами советских республик. Между западными и юго-восточными регионами СССР увеличивалось неравенство. Выводы на основании антропометрических данных подкрепляются наблюдением за другими показателями и факторами благосостояния. Анализ показал значимость для тенденций конвергенции / дивергенции наряду с государственной политикой также семейно-демографических моделей и связанных с ними социокультурных факторов.

Ключевые слова

благосостояние населения в советских республиках; конвергенция и дивергенция в уровне благосостояния; антропометрические данные; демографические и социокультурные факторы благосостояния

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons “Attribution” \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Введение

В историографии существует спор относительно уровня равенства / неравенства в благосостоянии между советскими республиками, его динамики и факторах. Предлагались разные критерии и способы оценки, исследователи приходили к различающимся выводам.

В. Д. Златин и В. М. Рутгайзер, изучая вопрос о тенденциях регионального равенства / неравенства, пришли к выводу, что если валовые показатели свидетельствуют скорее о сближении, то при расчете показателей доходов на душу населения в 1960-е гг. наблюдалось усиление различий между союзными республиками, что, в свою очередь, было связано с неравенством по линии город / село. Соответственно, различия в благосостоянии и процессы конвергенции / дивергенции определялись разными темпами урбанизации республик (1968). В. С. Голубничий в своем исследовании социально-экономического неравенства в СССР показал, что, в отличие от тенденции к конвергенции в период, предшествовавший Великой отечественной войне, уровни развития республик в конце 1950-х – первой половине 1960-х обнаруживают тенденцию к дивергенции (1968). Г. Шредер, напротив, пришла к выводу, что степень социально-экономического неравенства между республиками в 1960-е г. снизилась, процессы конвергенции возобладали (Schroeder, 1973). Близки к выводам Г. Шредер оценки Д. Бари и К. Ничемиаса. Эти исследователи пришли к заключению о существенных объемах перераспределения в пользу более бедных советских республик и уменьшении межреспубликанского неравенства (Bahry & Nechemias, 1981). Б. Сильвер сосредоточился на изучении неравенства национальностей, обнаружив противоречивые тенденции. Так, если советские национальности с течением времени существенно выравнивались по показателям образования и структуры занятости, то межнациональные различия в семейно-демографических процессах (брачный возраст, количество детей на женщину детородного возраста) проявляли значительно большую устойчивость, что сказывалось и на различиях в уровне благосостояния (Silver, 1974). К этому близки выводы П. Цвиги о том, что в период с 1940 по 1970 г., несмотря на усилия советского руководства по сближению уровня развития регионов, не произошло существенного снижения неравенства между советскими республиками, этнорегиональная дифференциация, напротив, усилилась. Особенно процессы дивергенции стали заметны в 1970-е гг. В поисках причин исследователь обращает внимание на значимость и устойчивость, несмотря на модернизационные процессы, традиционных социокультурных и демографических моделей. Объединив по ряду параметров республики, исследователь выделил устойчивые этнорегиональные кластеры (Zwick, 1979). Дж. Эчолс не согласился с расчетами и выводами П. Цвиги и констатировал, что в советских республиках произошло значительное сокращение неравенства в разных категориях

социальных расходов: коэффициенты вариации — показатель неравенства в этих расходах — существенно снизились в период с 1950 по 1970 год. Снижение неравенства было прямым следствием бюджетных компенсационных расходов и того, что более бедные республики тратили на социальные расходы большую долю своего бюджета, чем более богатые республики (Echols, 1980). Х. Флакерски проанализировал данные по структуре распределения размеров заработной платы и подушевых доходов домохозяйств по каждой из советских республик и различия между ними по этому параметру. Имеющиеся различия в подушевых доходах этот автор, как и П. Цвиг и Б. Сильвер, связывает, с различными семейно-демографическими моделями в республиках СССР, измеряя их через показатель соотношения работников и иждивенцев (Flakierski, 1992). М. В. Алексеев и К. Гадди на основе данных бюджетных исследований показали, что в более бедных республиках СССР было относительно большее неравенство в подушевых доходах между домохозяйствами. Усиливающееся в 1980-х гг. внутреннее неравенство в доходах усиливало неравенство между республиками (Alexeev & Gaddy, 1993). Д. В. Диденко, проанализировав ряд стоимостных и натуральных индикаторов (ВВП, физический капитал на душу населения, ряд компонентов человеческого капитала) пришел к неоднозначным выводам, констатировав, что хотя региональное неравенство в советский период в целом снизилось, это произошло умеренно и не по всем показателям. Автор доказывает, что в конце советского периода, в 1980-е гг., дивергенция между республиками по рассмотренным индикаторам усилилась, и эта тенденция продолжилась в постсоветский период. Исследование Д. В. Диденко показало процессы сближения по ряду показателей соседних республик в рамках крупных макро-регионов и расхождение между этими группировками в целом (2014). С. А. Баканов пришел к выводу, что на уровне союзных республик присутствовало бюджетное неравенство, разница между республиками по расходу бюджетов на душу населения могла достигать почти трехкратной величины. При этом если для периода 1950–1960-х гг. отмечаются умеренные процессы конвергенции, когда бюджетное неравенство снижалось, то с 1970-х гг. эта тенденция сменилась дивергенцией (Баканов, 2022).

Одна из основных причин противоречий в историографии — состояние источников, их несовершенство и трудность сопоставления. Источниковедческие проблемы изучения традиционных статистических материалов требуют обращения к новым видам данных. В последние десятилетия активно развивается историческая антропометрия. Это междисциплинарное направление изучает динамику биологического уровня жизни / статуса / благополучия на основе анализа антропометрических характеристик сообществ. Доказано, что средний рост (длина тела) в сообществе индивидов связан с состоянием и изменениями таких базовых факторов человеческого существования как питание, здоровье, заболеваемость, санитария, качество природной среды,

социально-демографические характеристики, трудовая нагрузка, особенности ухода и воспитания, особенности психо-эмоциональной сферы и др. Хотя рост является одной из наиболее наследуемых черт человека, установлено, что межпопуляционные различия связаны с негенетическими факторами окружающей среды. В условиях, когда другие показатели отсутствуют, недоступны или искажены, антропометрические данные могут выступать важным дополнительным и корректирующим источником для исследования и сравнения качества жизни сообществ в их исторической динамике, влияния социально-экономических и политических процессов на базовое человеческое благополучие (Tanner, 1978, p. 157; Komlos & Baten, 2004; Mironov, 2012, p. 17–45).

Статья посвящена сравнительному анализу динамики антропометрических характеристик (среднего роста) населения республик СССР в сравнении с другими показателями благосостояния. Исследование позволило сделать вывод относительно того, уменьшались (конвергенция) или увеличивались различия (дивергенция) в уровне благополучия регионов СССР в свете антропометрических данных, оценить в сравнении динамику уровня жизни, высказать предположения об основных факторах этих процессов.

Источники и методы

В качестве источников в настоящей работе рассмотрены антропометрические материалы двух международных баз данных. Обе базы являются результатом реконструкции изменений среднего роста по периодам времени (одна — по годам, другая — по десятилетиям) на основе разнообразных реальных выборочных измерений. Они охватывают большинство стран мира и нацелены на выявление глобальных и макро-региональных тенденций.

В качестве основного источника привлечены данные, аккумулярованные и обработанные исследовательской группой NCD Risk Factor Collaboration (Ассоциация по изучению факторов риска неинфекционных заболеваний) (NCD-RisC, 2016). Международная команда ученых проанализировала 1472 популяционных исследования из большинства стран мира, оценив средний рост более чем 18,6 миллиона взрослых мужчин и женщин, родившихся между 1896 и 1996 годами (то есть достигших 18-летия с 1914 по 2014 г.). Всего охвачены популяции из 179 стран, разделенные на 20 регионов. Авторы использовали выборки, репрезентативные для населения на национальном, субнациональном или местном уровне. Больше половины источников данных были репрезентативными для общенационального уровня. Утверждается, что использованы только результаты профессиональных измерений, но не опросов о росте. Доступные авторам реальные измерения были использованы для статистического моделирования изменения роста 18-летних мужчин и женщин. В итоговой опубликованной таблице с данными, доступ-

ными для анализа динамики роста и по странам, исследователи приводят показатели среднего роста для каждой когорты при рождении.

В методике NCD Risk Factor Collaboration оценки среднего роста для каждой страны в тот или иной год основывались на ее собственных данных, если таковые имелись, и на данных за другие годы в той же стране и в других странах того же региона, где имеются данные за аналогичные периоды времени. Получив реконструированные показатели изменений роста по годам исследуемого периода, авторы проверили, насколько хорошо статистическая модель предсказывает недостающие данные по отдельным странам. С этой целью были удалены данные из 10% стран, по которым на самом деле данные имелись. Далее сопоставили полученные оценочные данные с данными из оставшихся 90% стран. Тест повторили пять раз, при каждом повторении рассматривая различное подмножество данных. Далее рассчитали различия между расчетными и фактическими данными. Модель, констатируют исследователи, работала очень хорошо; в частности, оценки среднего роста были несмещенными, о чем свидетельствуют медианные ошибки, которые были очень близки к нулю и составляли менее $\pm 0,2$ см в каждом подмножестве данных. Средняя абсолютная ошибка составляла всего около 0,5 см и не превышала 1,0 см.

Кратко охарактеризуем источники сведений о мужском и женском росте в советских республиках, обработанных и включенных в базу данных NCD Risk Factor Collaboration (табл. 1).

В исследовании использованы данные о росте по популяциям из 13 республик, в последующем — постсоветских стран: Армении, Азербайджана, Грузии, Казахстана, Кыргызстана, Латвии, Литвы, Молдовы, России, Таджикистана, Туркменистана, Узбекистана, Эстонии. Соответственно, в базе NCD Risk Factor Collaboration не представлены данные по Белоруссии и Украине. Приводимые значения роста по этим республикам — целиком результат применения методики экстраполяции. Хронология измерений охватывает период с 1972 по 2014 г. Женщины, в целом, в большей степени охвачены этими исследованиями, чем мужчины. Однако распределение выборок по годам рождения исследователи не приводят в своей публикации, что не позволяет нам сделать оценку стандартной ошибки выборочной среднего роста.

Советская республика / страна	Годы измерения	Источники данных	Город / село / оба	Размер выборки	
				Муж.	Жен.
Армения	1998	The health and nutritional status of children and women in Armenia	Оба		2424
Армения	2000, 2005	DHS	Оба	1025	11142
Азербайджан	1996	Health and Nutrition Survey	Оба	121	295
Азербайджан	2006	DHS	Оба	2209	7318
Грузия	2010	STEPS	Оба	1845	4538
Казахстан	1995, 1999	DHS	Оба		5348
Кыргызстан	1997, 2012	DHS	Оба		10391
Кыргызстан	2013	STEPS	Оба	943	1600
Латвия	2008-2009	Ērglis et al., 2012	Оба	1362	2399
Литва	1972-1974	KRIS	Город	2400	
Литва	1977-1980	MIHDPS, Kaunas	Город	5692	
Литва	1983-2002	MONICA, Kaunas	Город	2857	3001
Литва	1987-2007	CINDI Programme survey	Село	3373	4230
Литва	2002	Pomerleau et al., 2000	Оба	977	933
Литва	2006-2008	HAPIEE	Город	3231	3874
Молдова	2005	DHS	Оба		6434
Молдова	2013	STEPS	Оба	1716	2781
Россия	1984-1995	MONICA, Москва	Город	4222	4424
Россия	1985-1995	MONICA, Новосибирск	Город	5480	5421
Россия	1986	INTERSALT	Город	97	97
Россия	1992-2005	PMЭЗ ВШЭ	Оба	50575	68978
Россия	2002-2005	HAPIEE	Город	4204	5031
Россия	2007-2010	SAGE	Оба	1267	2276
Таджикистан	2003	MNSS	Оба		1809
Таджикистан	2012	DHS	Оба		8421
Туркменистан	2013	STEPS	Оба	1947	2884
Узбекистан	1996, 2002	DHS	Оба	2062	8552
Узбекистан	2014	STEPS	Оба	1536	2174
Эстония	1997	Pomerleau et al., 2000	Оба	525	629
Эстония	2002-2013	Estonian Biobank	Оба	17776	34016
Эстония	2003, 2008	EMAS	Оба	721	
Всего	1972-2014			118163	211450

Таблица 1. Источники сведений о среднем росте родившихся в советских республиках мужчин и женщин, использованные для реконструкций в базе данных NCD Risk Factor Collaboration (NCD-RisC, 2016).

Table 1. Sources of information on the average height of men and women born in the Soviet republics, used for reconstructions in the NCD Risk Factor Collaboration database (NCD-RisC, 2016).

Одним из основных источников сведений NCD Risk Factor Collaboration о росте мужчин и женщин, родившихся в советских республиках, стали материалы Demographic and Health Surveys (DHS) 1995–2012 гг. — международного исследования демографических процессов и состояния здоровья в разных странах мира, осуществляемое консалтинговой компанией ICF International, Inc при участии ООН и Всемирной организации здравоохранения (далее — ВОЗ). Из советских республик / постсоветских стран в базу данных о росте NCD Risk Factor Collaboration из этого исследования вошли показатели среднего роста мужчин и женщин Армении, Азербайджана, Казахстана, Кыргызстана, Молдовы, Таджикистана и Узбекистана. При этом, как видно по таблице, данные о росте этого исследования относятся в основном к женскому населению. По росту мужчин данные представлены только по Армении, Азербайджану и Узбекистану. Результаты международного проекта Всемирной организации здравоохранения (далее — ВОЗ) MONICA (Monitoring Trends and Determinants in Cardiovascular), в рамках которого изучались детерминанты сердечно-сосудистых заболеваний, стали для NCD Risk Factor Collaboration источником данных о росте городского населения России (отдельные районы Москвы и Новосибирска) и Литвы (Каунас). Использованы данные о росте населения Грузии, Молдовы, Кыргызстана, Туркменистана и Узбекистана за 2010–2014 гг. проекта ВОЗ STEPS, в рамках которого осуществлялся сбор и анализ сведений о ключевых факторах риска неинфекционных заболеваний. Данные о росте мужского и женского городского населения России и Литвы заимствованы из проекта НАPIEE — Health, Alcohol and Psychosocial factors In Eastern Europe 2002–2005 гг. — когортного исследования, изучавшего влияние алкоголя, питания и психосоциальных факторов на сердечно-сосудистые и другие неинфекционные заболевания в Восточной Европе и странах бывшего СССР.

Остальные выборки данных NCD Risk Factor Collaboration охватывают отдельные постсоветские страны. Самым крупным по числу наблюдений источником данных для NCD Risk Factor Collaboration по России стали 13 раундов Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения Высшей школы экономики (РМЭЗ ВШЭ) — лонгитюдного обследования домохозяйств, представляющих собой серию ежегодных общенациональных репрезентативных опросов на базе вероятностной стратифицированной многоступенчатой территориальной выборки (РМЭЗ). Надо иметь в виду, что данные о росте получены в этом исследовании на основании как опроса, так и измерения, но о том, в какой пропорции, информации нет. Кроме того, авторы NCD Risk Factor Collaboration не обратили внимания на то, что в число привлеченных из базы РМЭЗ ВШЭ данных о росте 119553 индивидов около 60 тыс. наблюдений являются повторными (дублями, относящимися к один и тем же людям из разных раундов исследования).

Измерения роста на небольшой российской городской выборке получены в рамках исследования INTERSALT 1996 г., изучавшего связь между употреблением соли и артериальным давлением. Рост российских мужчин и женщин старше 50 лет (общенациональная репрезентативная выборка) измерен в 2007–2010 в рамках проекта ВОЗ по изучению старения и здоровья Study on global AGEing and adult health. По Эстонии использованы данные о росте мужчин и женщин 1997 г., полученные в рамках проекта по исследованию ожирения и избыточной массы тела в балтийских республиках (Pomerleau et al, 2000), данные 2002–2013 гг., аккумулированные в рамках Эстонского генного банка на базе Тартуского университета, данные о росте мужчин, полученные в рамках европейского проекта по исследованию мужского старения The European Male Ageing Study (EMAS) 2003 г. По Литве в базу вошли измерения роста мужчин в рамках нидерландского исследования 1972–1974 гг. заболеваемости и смертности населения Каунаса (Kaunas Rotterdam Intervention Study – KRIS), исследования 1977–1980 гг. мужчин того же города по факторам сердечно-сосудистых заболеваний (Multifactorial Prevention of Ischaemic Heart Disease – MINDPS) и измерения роста сельского населения, осуществленные в рамках проекта профилактики неинфекционных болезней Countrywide Integrated Noncommunicable Diseases Intervention (CINDI) Programme survey в 1987–2007 гг. По Латвии – данные о росте мужчин и женщин (отбор по случайной выборке из регистра населения страны), полученные в рамках проекта 2008–2009 гг. по исследованию факторов риска сердечно-сосудистых заболеваний (Ērglis A. et al, 2012). По Армении – данные о женском росте женщин исследования итальянского Национального института питания 1998 г. о состоянии здоровья и пищевом статусе женщин и детей. По Азербайджану – данные о росте проекта Health and Nutrition Survey – общенационального исследования здоровья и питания, проведенного в 1996 г. совместно ВОЗ, Центрами по контролю и профилактике заболеваний (CDC – Centers for Disease Control and Prevention CDC) и ЮНИСЕФ. Данные о росте женщин Таджикистана получены в рамках совместного проекта ЮНИСЕФ, ВОЗ, Итальянского Института продовольствия и питания и Министерства здравоохранения Таджикистана Micronutrient Status Survey (MNSS) 2003 г., изучавшего женский и детский пищевые статусы.

В качестве дополнительного источника использованы материалы европейского проекта по разработке баз данных по истории ClioInfra. Данные о среднем росте населения различных стран, в том числе республик бывшего СССР (по результатам международных и национальных исследований), для этого проекта аккумулированы и обработаны Й. Бейтенем и М. Блюмом (Baten & Blum, 2015). Авторы при формировании базы данных по росту также использовали методики реконструкции. Так, измерения женского роста с помощью разработанного в антропометрии коэффициента пересчитывались в показатели мужского роста.

К сожалению, авторы не дают полной информации о численности используемых ими выборок, распределению по десятилетиям рождения, что также не позволяет нам сделать оценку стандартной ошибки выборочной среднего роста. Соответственно, как и в случае с базой NCD Risk Factor Collaboration, наблюдения о процессах конвергенции / дивергенции среднего роста в советских республиках носят предварительный характер и нуждаются в проверке на более надежных и масштабных источниках данных.

Источники реконструкции среднего роста мужчин советских республик в базе данных Й. Бейтена и М. Блюма представлены в таблице 2. Как видим, отчасти они пересекаются с источниками NCD Risk Factor Collaboration. Помимо уже упомянутых материалов DHS и WHO/UNESCO, используется ряд публикаций историков и антропологов. По Советской России Й. Бейтен и М. Блюм использовали для своей реконструкции данные, собранные и проанализированные Б. Н. Мироновым (2003, 2004). По Казахстану, Кыргызстану и Узбекистану использованы данные из публикаций советских антропологов Л. В. Ошанина (Oshanin, 1964) и Н. Н. Миклашевской с коллегами (Miklashevskaja, Solovyeva & Godina, 1973). По Армении, Латвии, Литве и Узбекистану для реконструкции мужского роста использованы данные по росту женщин, обобщенные и опубликованные в 1971 г. антропологом Г. Мередитом (Meredith, 1971). По Эстонии и Беларуси привлечены антропометрические данные по старшеклассникам, собранные эстонским антропологом М. Линтси и коллегами (Lintsi et al, 1997; Lintsi & Kaarma, 2006). В части охвата регионов СССР база Бейтена-Блюма менее полная, по ряду десятилетий по отдельным республикам значения среднего роста отсутствуют.

В качестве источника данных по другим показателям уровня жизни и социально-экономического развития республик использовались данные советской статистики, опубликованные в различного рода сборниках союзных и республиканских статистических органов, изданиях архивных материалов, а также в работах отечественных и зарубежных исследователей (ссылки см. ниже).

Динамика процессов конвергенции и дивергенции в антропометрических показателях и других индикаторов уровня жизни советских республики оценивается в статье с помощью коэффициента вариации как меры дисперсии (отношение среднеквадратического отклонения к среднему значению соответствующего показателя по республикам за определенный период). Увеличение коэффициента означает дивергенцию — рост неравенства между республиками по среднему росту и другим индикаторам благополучия. Уменьшение коэффициента означает дивергенцию — сближение республик, уменьшение неравенства между ними.

Советская республика / страна	Год измерения	Источник
Армения	1958	Meredith 1971
Армения	1960–1980	DHS
Азербайджан	1950–1980	DHS
Азербайджан	2000	WHO/UNESCO
Беларусь	1980	Lintsi Kaarma 2006
Эстония	1970	Lintsi et al. 1997
Эстония	1980	Lintsi Kaarma 2006
Грузия	2000	WHO/UNESCO
Казахстан	1920	Oshanin 1964
Казахстан	1930	Miklashevskaja, Solovyeva & Godina 1973
Казахстан	1950–1970	DHS
Кыргызстан	1900–1930	Miklashevskaja, Solovyeva & Godina 1973
Кыргызстан	1950–1970	DHS
Латвия	1960–1962	Meredith 1971
Литва	1958	Meredith 1971
Молдова	1950–1980	DHS
Россия	1920–1950	Mironov 2003, 2004
Россия	1970–1980	Данные получены от Б.Н. Миронова
Россия	1990–2000	WHO/UNESCO
Таджикистан	1990–2000	WHO/UNESCO
Туркменистан	1920	Oshanin 1964
Узбекистан	1910–1920	Oshanin 1964
Узбекистан	1960–1961	Meredith 1971
Узбекистан	1950–1970	DHS
Узбекистан	2000	WHO/UNESCO
Украина	2000	WHO/UNESCO
Всего	1900–2000	

Таблица 2. Источники сведений о среднем росте родившихся в советских республиках мужчин и женщин, использованные для реконструкций в базе данных ClioInfra (Baten & Blum, 2015).

Table 2. Sources of information on the average height of men and women born in the Soviet republics, used for reconstructions in the ClioInfra database

Основная часть

В таблицах 3, 4 и 5 показаны рассчитанные по базе данных NCD Risk Factor Collaboration изменения среднего роста 18-летних мужчин 1920-х–1980-х годов рождения в республиках СССР, а также, для сравнения, на сопоставимых территориях Российской империи и независимых государств, как до, так и после их нахождения в составе Советского Союза.

Республики СССР / сопоставимые регионы Российской империи / постсоветские страны	Средний рост мужчин по десятилетним когортам рождения, см								
	1901-1910	1911-1920	1921-1930	1931-1940	1941-1950	1951-1960	1961-1970	1971-1980	1981-1990
Эстонская	171,8	172,8	173,8	175,1	176,8	178,5	180,1	180,7	181,0
Латвийская	170,2	171,0	171,9	173,1	174,9	176,9	178,8	180,0	180,7
Литовская	169,8	170,8	171,7	172,8	174,4	176,3	178,0	178,7	178,8
Украинская	168,6	169,6	170,5	171,8	173,5	175,3	176,9	177,8	178,1
Белорусская	168,6	169,6	170,5	171,8	173,5	175,3	176,9	177,8	178,1
Российская	167,3	168,4	169,1	170,3	172,3	174,2	175,8	176,4	176,4
Молдавская	165,5	166,4	167,3	168,4	170,0	171,8	173,6	174,5	174,9
Грузинская	166,1	167,9	169,7	171,4	172,8	173,9	174,7	175,2	175,0
Туркменская	163,3	165,0	166,8	168,4	169,8	171,0	172,0	172,6	172,5
Армянская	163,4	165,1	166,9	168,5	169,8	170,9	171,8	172,4	172,5
Таджикская	163,0	164,7	166,4	168,0	169,4	170,5	171,3	171,9	171,8
Казахская	162,8	164,6	166,3	167,9	169,3	170,4	171,2	171,8	171,7
Киргизская	161,7	163,3	164,9	166,4	167,8	169,0	170,1	171,0	171,4
Азербайджанская	163,5	165,5	167,5	169,2	170,6	171,5	172,0	171,9	171,1
Узбекская	162,8	164,7	166,6	168,3	169,5	170,3	170,7	170,8	170,3
CV, %	1,90	1,68	1,47	1,39	1,46	1,62	1,81	1,89	2,02
CV*, % (без учета Молдавской и 3-х балтийских)	1,46	1,27	1,08	1,01	1,08	1,23	1,40	1,46	1,57
CV**, % (без учета Украинской, Белорусской, Молдавской и 3-х балтийских)	1,02	0,93	0,83	0,81	0,86	0,94	1,02	1,03	1,08

Таблица 3. Средний рост 18-летних мужчин в республиках СССР, см. Темным фоном выделены коэффициенты вариации наименьшего значения, то есть свидетельствующие о наименьшем уровне дивергенции между республиками. Рассчитано автором по базе данных NCD Risk Factor Collaboration (NCD-RisC, 2016).

Table 3. Average height of 18-year-old men in the republics of the USSR, cm. The coefficients of variation of the lowest value are highlighted in a dark background, that is, indicating the lowest level of divergence. Calculated by the author from the NCD Risk Factor Collaboration database (NCD-RisC, 2016).

Республики СССР / сопоставимые регионы Российской империи / постсоветские страны	Изменение среднего роста мужчин в сравнении с предыдущим десятилетием по годам рождения, см										Изменение среднего роста за период, см
	1911- 1920	1921- 1930	1931- 1940	1941- 1950	1951- 1960	1961 - 1970	1971- 1980	1981- 1990	1921- 1980	1941- 1980	
Эстонская	1,0	1,0	1,3	1,7	1,8	1,5	0,6	0,3	6,9	4,0	
Латвийская	0,9	0,9	1,2	1,7	2,0	1,9	1,2	0,7	8,1	5,1	
Литовская	0,9	0,9	1,1	1,6	1,9	1,7	0,7	0,2	7,0	4,2	
Украинская	1,0	1,0	1,3	1,7	1,8	1,6	0,8	0,3	7,2	4,3	
Белорусская	1,0	1,0	1,2	1,7	1,8	1,6	0,8	0,3	7,2	4,3	
Российская	1,1	0,7	1,2	1,9	1,9	1,6	0,6	0,0	7,3	4,1	
Молдавская	0,9	0,9	1,2	1,6	1,8	1,8	0,9	0,5	7,2	4,5	
Грузинская	1,8	1,9	1,7	1,4	1,1	0,8	0,5	-0,2	5,5	2,4	
Туркменская	1,7	1,8	1,6	1,4	1,2	0,9	0,6	-0,1	5,7	2,7	
Армянская	1,7	1,8	1,6	1,4	1,1	0,9	0,6	0,0	5,6	2,6	
Таджикская	1,7	1,8	1,6	1,4	1,1	0,8	0,6	-0,1	5,4	2,5	
Казахская	1,7	1,8	1,6	1,4	1,1	0,8	0,6	-0,1	5,4	2,5	
Киргизская	1,6	1,7	1,5	1,4	1,2	1,1	0,9	0,3	6,1	3,3	
Азербайджанская	2,0	2,0	1,7	1,4	0,9	0,4	0,0	-0,8	4,4	1,3	
Узбекская	1,9	1,9	1,6	1,3	0,8	0,4	0,0	-0,5	4,1	1,3	

Таблица 4. Сравнительная динамика изменений среднего роста 18-летних мужчин в республиках СССР, см. Фоном выделены десятилетия с пиковыми значениями в темпах увеличения роста. Рассчитано автором по базе данных NCD Risk Factor Collaboration (NCD-RisC, 2016).

Table 4. Comparative dynamics of changes in the average height of 18-year-old men in the republics of the USSR, cm. The background highlights the decades with peak values in the rate of increase in height. Calculated by the author using the NCD Risk Factor Collaboration database (NCD-RisC, 2016).

Республики СССР / сопоставимые регионы Российской империи / постсоветские страны	Изменение среднего роста мужчин в сравнении с предыдущим десятилетием по годам рождения, %									
	1911- 1920	1921- 1930	1931- 1940	1941- 1950	1951- 1960	1961 - 1970	1971- 1980	1981- 1990	1921- 1980 г.р.	1941- 1980 г.р.
Эстонская	0,6	0,6	0,7	1,0	1,0	0,9	0,3	0,1	4,0	2,2
Латвийская	0,5	0,5	0,7	1,0	1,2	1,1	0,7	0,4	5,1	2,9
Литовская	0,6	0,5	0,7	0,9	1,1	0,9	0,4	0,1	4,2	2,4
Украинская	0,6	0,6	0,7	1,0	1,1	0,9	0,5	0,2	4,2	2,5
Белорусская	0,6	0,6	0,7	1,0	1,1	0,9	0,5	0,2	4,2	2,5
Российская	0,6	0,4	0,7	1,1	1,1	0,9	0,4	0,0	4,3	2,4
Молдавская	0,5	0,5	0,7	0,9	1,1	1,0	0,5	0,3	4,3	2,6
Грузинская	1,1	1,1	1,0	0,8	0,7	0,5	0,3	-0,1	3,2	1,4
Туркменская	1,1	1,1	1,0	0,8	0,7	0,5	0,3	0,0	3,4	1,6
Армянская	1,0	1,1	0,9	0,8	0,7	0,5	0,4	0,0	3,3	1,6
Таджикская	1,1	1,1	0,9	0,8	0,7	0,5	0,3	0,0	3,3	1,5
Казахская	1,1	1,1	1,0	0,8	0,7	0,5	0,3	0,0	3,3	1,5
Киргизская	1,0	1,0	0,9	0,8	0,7	0,7	0,5	0,2	3,7	2,0
Азербайджанская	1,2	1,2	1,0	0,8	0,5	0,3	0,0	-0,5	2,6	0,8
Узбекская	1,2	1,2	1,0	0,7	0,5	0,2	0,0	-0,3	2,5	0,7

Таблица 5. Сравнительная динамика изменений среднего роста 18-летних мужчин в республиках СССР, %. Фоном выделены десятилетия с пиковыми значениями в темпах увеличения роста. Рассчитано автором по базе данных NCD Risk Factor Collaboration (NCD-RisC, 2016).

Table 5. Comparative dynamics of changes in the average height of 18-year-old men in the republics of the USSR, %. The background highlights the decades with peak values in the rate of increase in height. Calculated by the author using the NCD Risk Factor Collaboration database (NCD-RisC, 2016).

Как видим, существенное увеличение среднего роста мужского населения 1920-х – 1970-х годов рождения произошло во всех союзных республиках. Из тех республик, что вошли в состав СССР в начале 1920-х гг., наибольшее значение прироста оказалось в РСФСР, УССР и БССР. Увеличение в них составило более 7 см. Из других республик наибольшее увеличение наблюдалось

в Киргизской ССР — более 6 см. Далее схожую между собой динамику продемонстрировали Туркменская, Армянская, Казахская, Таджикская и Грузинская республики с увеличением на 5,8–5,4. Наименьшее увеличение среднего роста мужчин — на 4,4 см — отмечается в Азербайджанской и Узбекской ССР.

Если рассматривать период после включения в состав СССР новых республик (Молдавской и трех балтийских) в предвоенное время и до конца 1970 годов — 1941–1980 г.р. (последняя колонка в табл. 3), то увидим, что наибольшее увеличение среднего роста наблюдался в Латвийской республике (на 5,8 см), далее следуют Молдавская, Украинская, Белорусская, Литовская, Российская и Эстонская республики (на 4,5–4,0 см). На 3,3 см увеличивался средний рост в Киргизской республике. Менее 3 см — от 2,7 до 2,4 — увеличение составило в Туркменской, Армянской, Казахской, Таджикской и Грузинской республиках. Наименьший — ок. 1,3 см — прирост среднего роста мужчин 1940-х – 1970-х г.р. наблюдался в Азербайджанской и Узбекской республиках.

Как видим в таблицах 4 и 5 и на графике рис. 1, по динамике темпов изменения среднего роста мужчин республики отчетливо разделяются на две группы. В РСФСР и западных республиках СССР пик увеличения среднего роста мужчин пришелся на когорты 1940-х – 1960-х годов рождения (0,9–1,2 % за десятилетие). Далее, в позднесоветский период, наблюдается спад в темпах роста, вплоть до стагнации для когорты 1980-х гг. рождения. В закавказских и среднеазиатских республиках пик увеличения среднего роста мужчин пришелся на более ранние советские поколения — когорты 1910-х – 1930-х годов рождения, в дальнейшем наблюдался спад, вплоть до снижения среднего роста в ряде республик (Грузинская, Азербайджанская, Узбекская) в самые последние десятилетия СССР. При этом позднесоветский тренд на снижение рассматриваемого показателя затронул закавказские и среднеазиатские республики в существенно большей степени, чем РСФСР и западные республики СССР.

В таблицах 6 и 7 показаны изменения среднего роста 18-летних женщин 1920-х–1980-х годов рождения, по базе данных NCD Risk Factor Collaboration. Поскольку реальных данных по женщинам в базе NCD Risk Factor Collaboration существенно больше, чем данных по мужчинам, их анализ по советским республикам в решении вопроса о сравнительной динамике ростовых характеристик и о процессах конвергенции / дивергенции может быть особенно показательным.

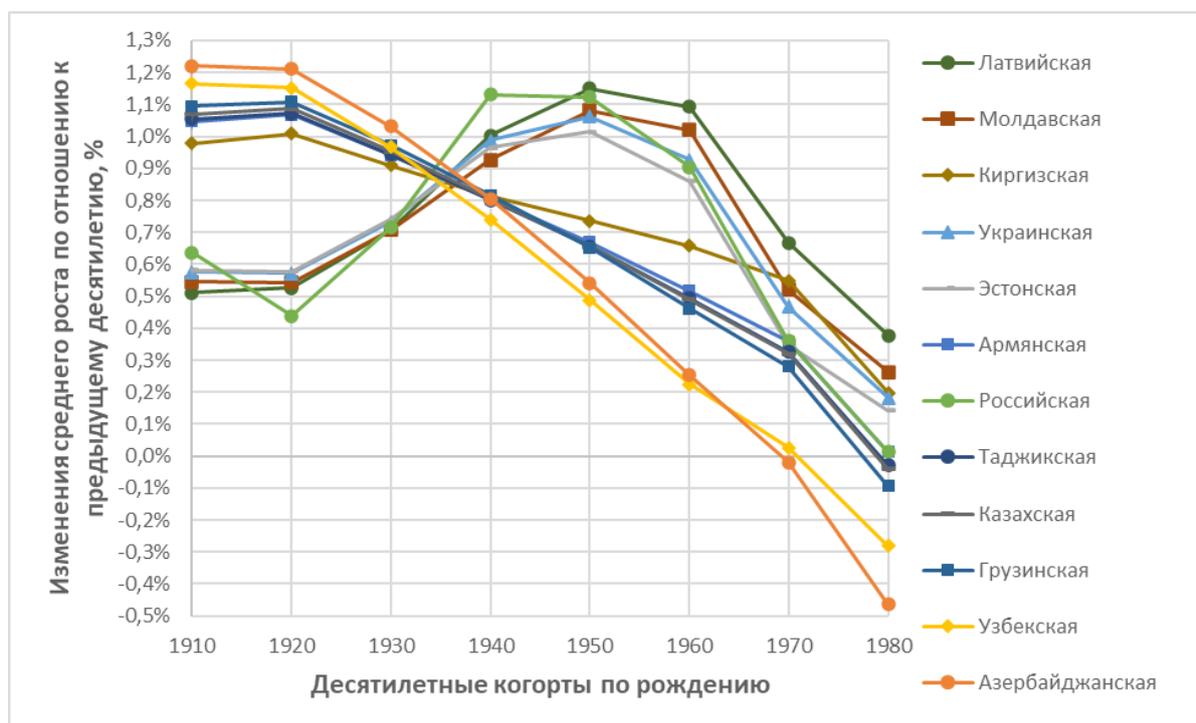

Рисунок 1. Сравнение между республиками СССР темпов изменения среднего роста мужчин десятилетних когорт по рождению по отношению к предыдущей десятилетней когорте, %. Составлено автором на основе базы данных NCD Risk Factor Collaboration (NCD-RisC, 2016).

Figure 1. Comparison between the republics of the USSR of the rate of change in the average height of male ten-year birth cohorts in relation to the previous ten-year cohort, %. Compiled by the author based on the NCD Risk Factor Collaboration database (NCD-RisC, 2016).

Республики СССР / сопоставимые регионы Российской империи / постсоветские страны	Средний рост женщин по десятилетним когортам рождения, см									
	1901-1910	1911-1920	1921-1930	1931-1940	1941-1950	1951-1960	1961-1970	1971-1980	1981-1990	
Латвийская	157,2	158,9	160,6	162,2	163,8	165,4	166,9	168,0	168,9	
Эстонская	158,1	159,7	161,4	162,8	164,2	165,5	166,7	167,4	168,0	
Литовская	155,8	157,6	159,4	161,0	162,6	164,0	165,2	165,8	166,2	
Украинская	155,6	157,4	159,1	160,7	162,1	163,4	164,6	165,3	165,8	
Белорусская	155,7	157,4	159,1	160,7	162,1	163,5	164,6	165,3	165,8	
Российская	155,2	156,8	158,4	159,7	161,0	162,3	163,4	164,1	164,6	
Грузинская	155,2	156,7	158,4	159,9	161,4	162,5	163,2	163,4	163,3	
Молдавская	153,9	155,6	157,3	158,7	160,1	161,3	162,2	162,7	162,9	
Туркменская	154,4	156,0	157,6	159,2	160,6	161,8	162,5	162,6	162,3	
Казахская	152,6	154,2	155,7	157,2	158,5	159,5	160,1	160,2	160,0	
Киргизская	151,6	153,1	154,7	156,2	157,5	158,6	159,3	159,5	159,5	
Азербайджанская	151,4	152,9	154,4	155,9	157,2	158,2	158,8	158,9	158,7	

Узбекская	152,4	154,0	155,6	157,0	158,3	159,1	159,5	159,2	158,7
Армянская	151,1	152,5	154,0	155,5	156,7	157,7	158,3	158,4	158,4
Таджикская	152,4	154,0	155,6	157,1	158,3	159,0	159,2	158,9	158,2
CV, %	1,36	1,39	1,42	1,43	1,47	1,57	1,76	1,96	2,19
CV*, % (без учета Молдавской и 3-х балтийских)	1,12	1,16	1,18	1,19	1,22	1,30	1,45	1,61	1,81
CV**, % (без учета Украинской, Белорусской, Молдавской и 3-х балтийских)	0,98	1,00	1,01	1,01	1,03	1,08	1,17	1,28	1,41

Таблица 6. Средний рост 18-летних женщин в республиках СССР, см. Рассчитано автором по базе данных NCD Risk Factor Collaboration. Темным фоном выделены коэффициенты вариации наименьшего значения, то есть свидетельствующие о наименьшем уровне дивергенции между республиками по показателю женского среднего роста (NCD-RisC, 2016).

Table 6. Average height of 18-year-old women in the republics of the USSR, cm. Calculated by the author from the CD Risk Factor Collaboration database. The coefficients of variation of the lowest value are highlighted in a dark background, that is, indicating the lowest level of divergence between the republics in terms of female average height (NCD-Risk, 2016).

Республики СССР / сопоставимые регионы Российской империи / постсоветские страны	Изменение среднего роста женщин в сравнении с предыдущим десятилетием по годам рождения, %									
	1911-1920	1921-1930	1931-1940	1941-1950	1951-1960	1961-1970	1971-1980	1981-1990	1921-1980	1941-1980
Эстонская	1,0	1,0	0,9	0,9	0,8	0,7	0,4	0,3	3,8	1,9
Латвийская	1,1	1,1	1,0	1,0	1,0	0,9	0,6	0,5	4,6	2,5
Литовская	1,2	1,1	1,0	1,0	0,9	0,7	0,4	0,2	4,0	2,0
Украинская	1,1	1,1	1,0	0,9	0,8	0,7	0,4	0,3	3,9	2,0
Белорусская	1,1	1,1	1,0	0,9	0,8	0,7	0,4	0,3	3,9	2,0
Российская	1,1	1,0	0,8	0,8	0,8	0,7	0,4	0,3	3,6	1,9
Молдавская	1,1	1,1	0,9	0,9	0,7	0,6	0,3	0,2	3,4	1,6
Грузинская	1,0	1,0	1,0	0,9	0,7	0,4	0,1	-0,1	3,2	1,3
Туркменская	1,0	1,0	1,0	0,9	0,7	0,4	0,1	-0,2	3,2	1,2
Армянская	1,0	1,0	0,9	0,8	0,6	0,4	0,1	-0,1	2,9	1,1
Таджикская	1,0	1,0	0,9	0,8	0,5	0,1	-0,2	-0,4	2,1	0,4
Казахская	1,0	1,0	1,0	0,8	0,6	0,4	0,1	-0,1	2,9	1,1
Киргизская	1,0	1,0	1,0	0,9	0,7	0,4	0,1	0,0	3,1	1,3
Азербайджанская	1,0	1,0	0,9	0,8	0,6	0,4	0,1	-0,1	2,9	1,1
Узбекская	1,0	1,0	0,9	0,8	0,5	0,2	-0,1	-0,4	1,0	0,6

Таблица 7. Сравнительная динамика изменения среднего роста 18-летних женщин в республиках СССР, %. Фоном выделены десятилетия с пиковыми значениями в темпах увеличения среднего роста мужчин. Рассчитано автором по базе данных NCD Risk Factor Collaboration (NCD-RisC, 2016).

Table 7. Comparative dynamics of changes in the average height of 18-year-old women in the republics of the USSR, %. The background highlights the decades with peak values in the rate of increase in average female height. Calculated by the author using the NCD Risk Factor Collaboration database (NCD-RisC, 2016).

Как видим по таблицам 6 и 7, пик среднего роста женщин во всех республиках пришелся на первую половину советского периода или первые десятилетия нахождения в составе СССР. Дольше всего пиковые значения сохранялись в Латвии и Литве. Затем, в последние десятилетия Советского Союза, во всех республиках темпы увеличения среднего роста женщин снижались и стагнировали, а в ряде республик сменились трендом на снижение среднего роста. Снижение темпов роста рассматриваемого показателя, его стагнация и абсолютное снижение, как и в случае с мужчинами, в существенно большей степени проявились в закавказских и среднеазиатских республиках, чем в РСФСР и западных республиках.

Отмеченные различия в темпах изменения среднего роста определили и процессы конвергенции/дивергенции. Изменения коэффициента вариации роста по десятилетним когортам рождения мужчин и представлены в табл. 3 и на рис. 2, а женщин – в табл. 6 и на рис. 3. Увеличение с течением времени коэффициента вариации означает, что различия между республиками по рассматриваемому параметру увеличились, и наоборот.

В динамике коэффициентов вариации мужчин и женщин есть как сходство, так и различия. В части мужского населения в первые советские десятилетия шло уменьшение различий (конвергенция) между населением республик по среднему росту. Пик конвергенции пришелся на 1920-е – 1940-е гг. (при расчете как для 15, так и для 11 и 9 республик). При этом уровень равенства в среднем росте, как демонстрирует коэффициент вариации, был больше, чем между населением соотносимых территорий в период империи. Но с когорты 1950-х годов рождения наметилась тенденция усиления дифференциации. В когорте 1970-х годов рождения показатель дисперсии превысил дореволюционный уровень на сопоставимых территориях. Эта тенденция дифференциации республик по среднему росту мужчин продолжилась и усилилась в конце советского – начале постсоветского периодов.

В отношении женского населения мы видим, что коэффициент вариации был самым низким в конце имперского периода и в первые десятилетия советского, имея незначительную тенденцию к увеличению. В дальнейшем, особенно заметно начиная с когорты 1960-х гг. рождения и до конца советского периода, процессы дивергенции в среднем росте женщин, как и среднего роста мужчин, последовательно увеличивались. Это мы видим, рассматривая как все республики, так и тренд без республик, вошедших в состав СССР в начале второй мировой войны, или прирастивших в этот период свою территорию.

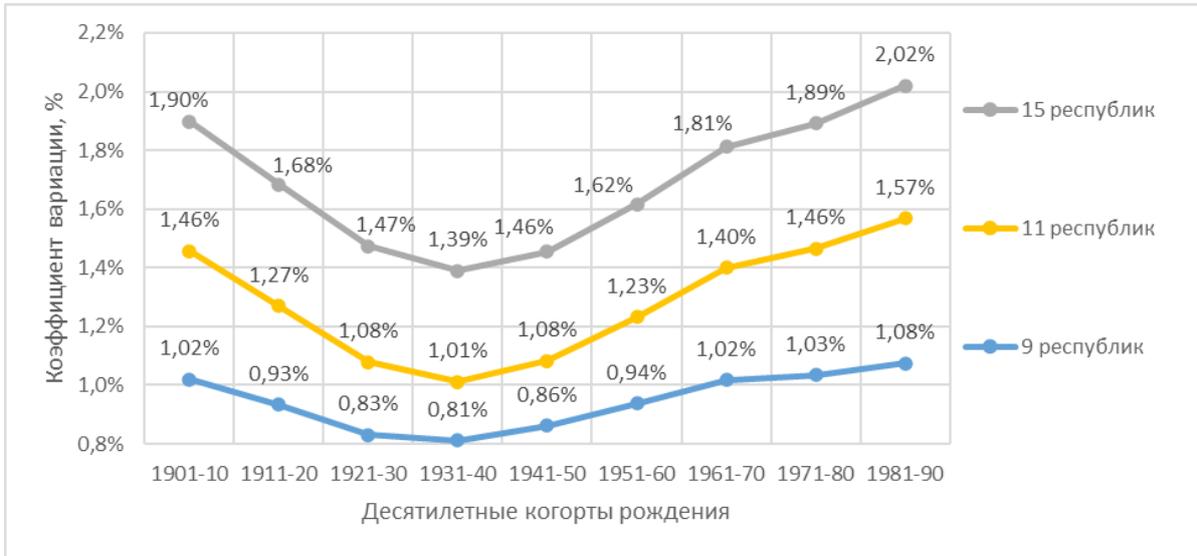

Рисунок 2. Динамика коэффициента вариации (CV) среднего роста мужчин; график «11 республик» – без учета Эстонской, Латвийской, Литовской и Молдавской; график «9 республик» – без учета Эстонской, Латвийской, Литовской и Молдавской, Украинской и Белорусской republics. Составлено автором на основании базы данных NCD Risk Factor Collaboration (NCD-RisC, 2016).

Figure 2. Dynamics of the coefficient of variation (CV) of the average height of men; chart “11 republics” – excluding Estonian, Latvian, Lithuanian and Moldavian; graph “9 republics” – excluding Estonian, Latvian, Lithuanian and Moldavian, Ukrainian and Belarusian republics. Compiled by the author based on the NCD Risk Factor Collaboration database (NCD-RisC, 2016).

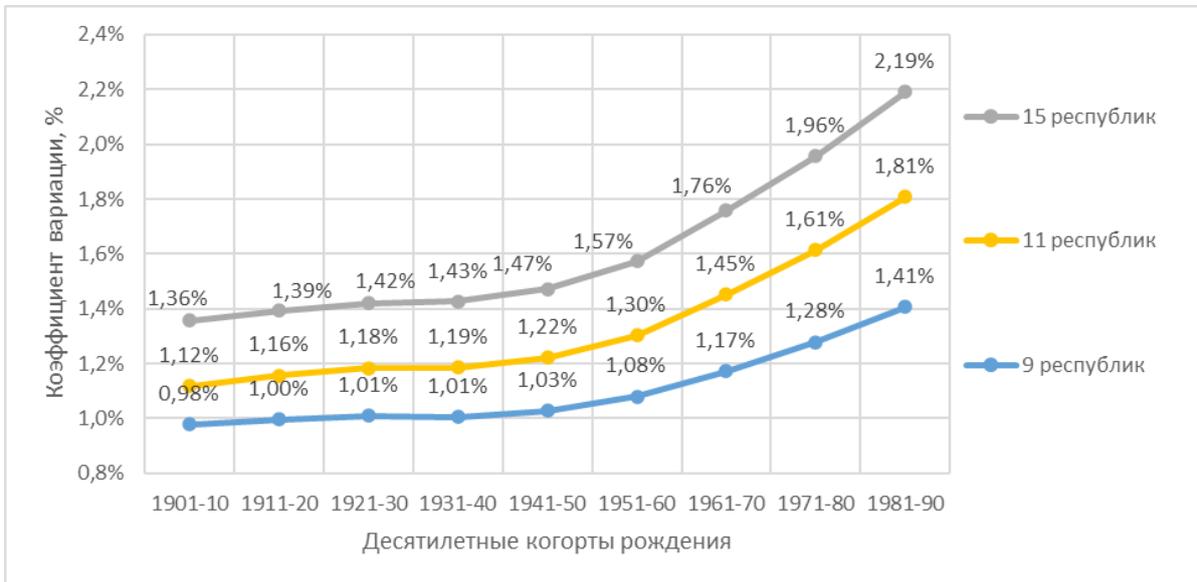

Рисунок 3. Динамика коэффициента вариации (CV) среднего роста женщин; график «11 республик» – без учета Эстонской, Латвийской, Литовской и Молдавской; график «9 республик» – без учета Эстонской, Латвийской, Литовской и Молдавской, Украинской и Белорусской. Составлено автором на основании базы данных NCD Risk Factor Collaboration (NCD-RisC, 2016).

Figure 3. Dynamics of the coefficient of variation (CV) of the average height of women; chart “11 republics” – excluding Estonian, Latvian, Lithuanian and Moldavian republics; graph “9 republics” – excluding Estonian, Latvian, Lithuanian and Moldavian, Ukrainian and Belarusian republics. Compiled by the author based on the NCD Risk Factor Collaboration database (NCD-RisC, 2016).

Сопоставим результаты проведенного анализа на материалах о среднем росте базы данных ClioInfra (Baten & Blum, 2015). Как видим в табл. 8 и 9, демонстрируемые тенденции схожи. Во всех советских республиках наблюдался секулярный тренд. Но итоговое увеличение среднего роста различно. Так, в РСФСР, по этим данным, для мужских когорт 1920-х – 1970-х годов рождения прирост среднего роста составил 10 см, в Узбекской ССР – 6,9 см, в Киргизской – 4,4 см. Для когорт 1940-х – 1979 годов рождения прирост в РСФСР составил 8 см, Армянской ССР – 3,8, Узбекской – 1,7, Киргизской – 0,8. В виду неполноты данных по среднему росту в базе ClioInfra полноценно сравнить дисперсию возможно только для мужчин когорт 1950-х, 1960-х и 1970-х годов рождения ряда республик СССР. Как видим, коэффициент вариации и по этим данным увеличивался в послевоенные десятилетия, составив 0,48% на 1950-е гг., 0,81% на 1960-е, и 1,71 на 1970-е гг. РСФСР и западные республики росли опережающими темпами в сравнении с изменениями (слабый прирост, стагнация или даже снижение) в закавказских и среднеазиатских республиках.

Республики СССР / сопоставимые регионы Российской империи / постсоветские страны	Средний рост (см) мужчин по десятилетним когортам рождения									
	1900-1909	1910-1919	1920-1929	1930-1939	1940-1949	1950-1959	1960-1969	1970-1979	1980-1989	
Эстонская	175,3	172,0					174,1	179,6	179,1	
Латвийская	171,4				174,2					
Литовская					173,7					
Российская	169,2	169,1	167,0	167,9	169,0	172,0	173,6	177,0	177,0	
Белорусская	166,5								176,4	
Молдавская						172,0	172,8	173,5	174,2	
Азербайджанская						171,2	171,7	172,0	172,2	
Армянская	163,6	163,8			168,0		170,6	171,8	171,7	
Казахская	165,0	163,4	166,0	164,4		170,3	171,4	171,3		
Узбекская	165,5	166,0	165,1		170,3	171,5	171,2	172,0		
Киргизская	165,1	165,1	166,2	164,5	169,8	169,8	169,8	170,6		
Туркменская		167,9	167,5							
Таджикская	165,1	165,1								
CV, %						0,48	0,81	1,71		

Таблица 8. Средний рост мужчин (см) в республиках СССР. Составлено автором по базе данных Clio Infra (Baten & Blum, 2015).

Table 8. Average height of men (cm) in the republics of the USSR. Compiled by the author using the Clio Infra database (Baten & Blum, 2015).

Республики СССР / сопоставимые регионы Российской империи / постсоветские страны	Изменение среднего роста (см) мужчин в сравнении с предыдущим десятилетием по годам рождения								Изменение среднего роста (см) за период	
	1910-1919	1920-1929	1930-1939	1940-1949	1950-1959	1960-1969	1970-1979	1980-1989	1920-1979	1940-1979
Эстонская	-3,3						5,5	-0,5		
Российская	-0,1	-2,1	0,9	1,1	3	1,6	3,4	0	10	8
Молдавская						0,8	0,7	0,7		
Азербайджанская						0,5	0,3	0,2		
Армянская	0,2						1,2	-0,1		3,8
Казахская	-1,6	2,6	-1,6			1,1	-0,1			
Узбекская	0,5	-0,9			1,2	-0,3	0,8		6,9	1,7
Киргизская	0	1,1	-1,7	5,3	0	0	0,8		4,4	0,8
Туркменская			-0,4							
Таджикская	0									

Таблица 9. Сравнительная динамика изменения среднего роста мужчин (см) в республиках СССР. Составлено автором по базе данных Clio Infra (Baten & Blum, 2015).

Table 9. Comparative dynamics of changes in the average height of men (cm) in the republics of the USSR. Compiled by the author using the Clio Infra database (Baten & Blum, 2015).

Рассмотрим, как средний рост в качестве прокси-показателя биологического благополучия связан с различными факторами уровня жизни и их индикаторами.

В качестве показателя качества и количества питания рассмотрена общая калорийность и потребление основных продуктов питания как источников животного белка — мяса и молока — в расчете на душу населения.

В качестве индикатора уровня здоровья / заболеваемости рассмотрен такой часто применяющийся в исследованиях по исторической антропометрии показатель как коэффициент младенческой смертности (КМС). КМС обозначает число умерших детей в возрасте до 1 года в расчете на 1000 родившихся живыми. Низкий уровень младенческой смертности предполагает низкую заболеваемость, а также достаточное для поддержания здоровья организма питание и, следовательно, предсказывает более высокий средний рост, и наоборот.

Суммарный коэффициент рождаемости (СКР) выступает в качестве прокси-индикатора демографического фактора благосостояния. СКР показывает среднее число детей, рожденных одной женщиной на протяжении репродуктивного периода (вычисляется на основе уровня рождаемости расчетного года). В литературе предложена и с высокой вероятностью обоснована на разных материалах RD гипотеза (resource dilution — «размывание ресурсов») — предположение о связи уровня рождаемости с доступностью ресурсов

для отдельного индивида: чем больше детей в семье, тем меньше ресурсов — пищевых, финансовых, образовательных, эмоциональных — достается каждому из них, соответственно, тем ниже уровень биологического благополучия (Natton, 2017). В качестве дополнительного показателя демографического фактора, связанного с суммарным коэффициентом рождаемости, рассмотрен также средний размер семьи.

Уровень урбанизации, измеряемый долей городского населения, может сигнализировать о процессах изменения уровня жизни, питания, здоровья, санитарии и доступа к соответствующей инфраструктуре. При этом последствия урбанизации, как показывают историко-антропометрические исследования, могут быть как позитивными, так и негативными в части воздействия на биологическое благополучие, что отражается на динамике такого антропометрического показателя как средний рост.

Уровень неравенства может быть существенно связан с общим уровнем биологического благополучия соответствующего сообщества. При прочих равных условиях, сообщества с относительно большим уровнем равенства более благополучны в биологическом смысле, что отражается в относительно более высоком среднем росте, и наоборот. В качестве индикатора уровня неравенства по реальным доходам на душу населения в советских республиках в настоящей работе используется индекс Джини.

На биологическое благополучие, отражающееся в среднем росте, существенно влияет статус женщин. Чем выше уровень гендерного равенства, степени участия в принятии значимых решений в домохозяйстве, уровне внесемейной активности и широты связей женщин, уровня их образования, тем, как правило, выше биологический статус соответствующего сообщества. В настоящей работе в качестве индикатора женского статуса выступает доля женщин с высшим и средним образованием, занятых в общественном производстве, среди всех женщин.

Антропометрические показатели среднего роста сопоставляются со среднедушевыми совокупными доходами домохозяйств, выявленными на основании выборочных бюджетных исследований по советским республикам, а также с подушевым уровнем распределения из общественных фондов потребления.

В литературе давно обсуждается влияние фактора гетерозиса (распространенности смешанных, выходящих за узкие групповые рамки, браков). Определяемая характером расселения и брачными нормами групповая эндогамия повышает вероятность инбридинга, приводящего, согласно гипотезе, к снижению среднего роста. И, наоборот, социокультурные и экономико-политические факторы, разрешающие и поощряющие брачные связи за пределами узких групп, повышают уровень гетерозиса и улучшают антропометрические показатели. В качестве индикатора этого фактора в настоящей работе

используется доля смешанных межэтнических браков в советских республиках.

Наиболее полно данные по обозначенным параметрам доступны для позднесоветского периода. В качестве периода для проверки взаимосвязей рассмотрим 1970-е годы. В таблице 10 сведены значения параметров, которые могут быть связаны с антропометрическим показателем (средним ростом) как индикатором биологического благополучия. В таблице 11 представлена корреляционная матрица рассмотренных параметров.

Республика	Рост	СКР	КМС	Калории	Мясо	Молоко	Город	Gini	Семья	Доход	Общ. фонды	Жен. образ.	Браки
Эстонская	180,7	2,11	18,20	3276	80	442	68	0,278	3,10	129,0	447	11,8	14,7
Латвийская	180,0	1,93	20,30	3363	77	484	66	0,250	3,15	116,4	419	11,0	22,6
Литовская	178,7	2,21	19,60	3205	80	449	57	0,244	3,35	110,2	357	10,5	10,45
Украинская	177,8	2,03	19,70	3517	60	335	60	0,248	3,35	91,8	328	9,5	20,8
Белорусская	177,8	2,18	18,70	3472	62	385	52	0,242	3,45	93,4	322	9,7	18,35
Российская	176,4	1,99	23,70	3231	60	332	68	0,264	3,40	96,7	392	11,1	11,35
Грузинская	175,2	2,50	32,70	3234	42	286	51	0,313	4,05	86,8	287	8,3	10,2
Молдавская	174,5	2,52	43,40	3308	42	214	37	0,264	3,60	82,5	285	7,9	19,45
Туркменская	172,6	5,73	56,50	2612	47	154	49	0,316	5,35	75,0	274	5,1	12,2
Армянская	172,4	2,84	30,60	2938	42	392	64	0,28	4,85	69,7	292	7,4	3,85
Азербайджанская	171,9	3,94	37,50	2854	32	290	52	0,317	5,10	62,9	256	6,1	7,7
Таджикская	171,9	6,16	80,80	2754	34	150	37	0,318	5,55	56,0	250	4,3	13,1
Казахская	171,8	3,25	38,80	2963	56	270	54	0,291	4,20	72,5	334	8,4	21,05
Киргизская	171,0	4,79	42,50	2599	38	172	39	0,312	4,60	63,0	283	7,1	15,2
Узбекская	170,8	5,55	53,80	2644	31	165	39	0,306	5,40	61,8	258	5,4	10,7

Таблица 10. Показатели и факторы благосостояния советских республик, 1970-е г. Составлено автором на основании данных советской статистики (Курман, 1981; Население СССР, 1988, с. 345–346; USSR: The Food Supply Situation, 1985, p. 13–14; Народное хозяйство Молдавской ССР, 1989, с. 86; Калабеков, 2023, с. 12; Народное хозяйство ССРН, 1976, с. 16–21; Alexeev & Gaddy, 1993, p. 19; Володарский, 1982; Бюджеты..., 1989, с. 5, 47, 243; Социальное развитие, 1990; Козлов, 1975, с. 246; Волков, 2014, с. 406).

Table 10. Indicators and factors of welfare of the Soviet republics, 1970s Compiled by the author based on Soviet statistics (Kurman, 1981; Naselenie SSSR, 1988, p. 345–346; USSR: The Food Supply Situation, 1985, p. 13–14; Narodnoe khozyaystvo Moldavskoy SSR, 1989, p. 86; Kalabekov, 2023, p. 12; Narodnoe khozyaystvo SSSR, 1976, p. 16–21; Alexeev & Gaddy, 1993, p. 19; Volodarskiy, 1982; Vyudzhetny..., 1989, с. 5, 47, 243; Социальное развитие, 1990; Kozlov, 1975, p. 246; Volkov, 2014, с. 406).

Обозначения показателей:

Рост — средний рост 18-летних мужчин когорты 1970-х годов рождения, по базе данных NCD Risk Factor Collaboration

СКР — суммарный коэффициент рождаемости (среднее число детей, рожденных одной женщиной на протяжении репродуктивного периода (вычисляется на основе уровня рождаемости расчетного года), в таблице — среднее значение за 1971–1978 г.

КМС — коэффициент младенческой смертности (число умерших детей в возрасте до 1 года в расчете на 1000 родившихся живыми), на 1975 г.

Калории — калорийность питания — количество калорий в день на душу населения, на 1975 г.

Мясо — потребление мяса и мясных продуктов в перерасчете на мясо на душу населения в год, в килограммах, на 1970-е гг.

Молоко — потребление молока и молочных продуктов в перерасчете на молоко на душу населения, в килограммах, на 1970-е гг.

Город — доля городского населения, %, на 1 января 1976 г.

Gini — индекс Джини, общепринятый статистический показатель неравномерности распределения доходов; принимает значение от 0 до 1, чем больше значение, тем выше уровень неравенства; дан на более поздний период — 1988 г., потому его использование носит предварительный характер (рассчитан на основании результатов бюджетных исследований по распределению населения по среднедушевому доходу домохозяйств по республикам СССР).

Семья — средний размер семьи в соответствующей республике по числу членов семьи, на 1970-е гг.; в таблице рассчитано как среднее по данным переписей населения 1970 и 1979 г.

Доход — среднедушевой совокупный доход семей (домохозяйств) рабочих, служащих и колхозников, рублей

в месяц; по данным бюджетных исследований по республикам СССР, на 1975 г. Совокупный доход семьи представляет собой сумму денежных доходов, полученных в виде заработной платы, пенсий, пособий и т.п. денежных и натуральных (в денежной оценке) доходов, в том числе от личного подсобного хозяйства.

Общ. фонды — выплаты и льготы из общественных фондов потребления (бесплатные пособия, пенсии, образование, медицинская помощь, стипендии, оплата ежегодных отпусков, путевок, содержание детей в дошкольных учреждениях и др.), на 1975 г.

Жен. образ. — доля занятых в народном хозяйстве женщин с высшим и средним образованием среди всех женщин республик СССР, средние значения за 1970 и 1980 г., % (Народное хозяйство, 1987, с. 380-381, 420).

Браки — доля смешанных межнациональных браков в республиках СССР, средние значения по данным переписей 1970 и 1979 г., %.

	Рост	СКР	КМС	Калории	Мясо	Молоко	Город	Gini	Семья	Доход	Общ. фонды	Жен. образ.	Браки
Рост	1,000												
СКР	- 0,779	1,000											
КМС	- 0,757	0,910	1,000										
Калории	0,838	- 0,904	- 0,755	1,000									
Мясо	0,898	- 0,697	- 0,732	0,663	1,000								
Молоко	0,824	- 0,831	- 0,861	0,715	0,818	1,000							
Город	0,669	- 0,706	- 0,767	0,538	0,717	0,837	1,000						
Gini	- 0,769	0,797	0,745	- 0,831	- 0,753	- 0,736	- 0,521	1,000					
Семья	- 0,885	0,914	0,841	- 0,894	- 0,831	- 0,750	- 0,595	0,836	1,000				
Доход	0,964	- 0,763	- 0,765	0,742	0,930	0,813	0,706	- 0,698	- 0,876	1,000			

Общ. фонды	0,840	-	-	0,611	0,910	0,782	0,795	-	-	0,911	1,000		
Жен. образ.	0,877	-	-	0,802	0,878	0,843	0,760	-	-	0,905	0,915	1,000	
Браки	0,372	-	-	0,462	0,406	0,100	-	-	-	0,329	0,369	0,357	1,000

Таблица 11. Корреляционная матрица показателей и факторов благосостояния. Обозначения и источники данных: смотри табл. 10. Выделенные шрифтом корреляции значимы на уровне $p < 0,05$.

Table 11. Correlation matrix of indicators and welfare factors. Designations and data sources: see table. 10. Correlations highlighted in font are significant at the $p < 0.05$ level.

Как видим в таблице 11, большинство анализируемых параметров имеют высокий уровень статистически значимой корреляции, что означает тесную связь между ростом и другими показателями и факторами благосостояния. В частности, высокие значения коэффициента парной положительной или отрицательной корреляция продемонстрировали показатели, с одной стороны, среднего роста и, с другой стороны, среднедушевого совокупного дохода домохозяйств, общей калорийности питания, суммарного коэффициента рождаемости, размера семьи. По этим показателям нам доступны республиканские данные за разные десятилетия, соответственно, мы можем сопоставить динамику коэффициентов вариации среднего роста и иных, как показано здесь, тесно связанных с ним индикаторов, оценив тем самым достоверность картины процессов конвергенции / дивергенции, полученной выше на основании данных о среднем росте.

Как мы видели выше, тенденции дивергенции по среднему росту наметились уже в 1950-е годы и затем постепенно усиливались. Аналогичные изменения в позднесоветский период демонстрирует и ряд других важных индикаторов и факторов благосостояния (табл. 12). Коэффициент вариации между республиками по совокупному среднедушевому доходу домохозяйств, составлявший в 1975 г. 24,9%, к 1985 г. вырос до 28%. Коэффициент вариации по калорийности (подушевое количество калорий в день) вырос с 1950-х г. до 1970-х г. почти в два раза — с 5,6 до 10,0%. Коэффициент вариации СКР также увеличился в позднесоветский период: по данным на 1958–1959 г., он составлял 32,1%, на 1965–1966 — 43,5%, на 1978–1979 г. — 44,6%. Коэффициент вариации связанного с СКР показателя среднего размера семьи также увеличивался — с 19,2% в 1970 г. до 22,6% в 1979 г.

Республика	Доход		Калории		СКР			Семья	
	1975	1985	1954	1975	1958-1959	1965-1966	1978-1979	1970	1979
Эстонская	129,0	182,2	3081	3276	1,93	1,92	2,01	3,1	3,1
Латвийская	116,4	170,1	3059	3363	1,91	1,72	1,86	3,2	3,1
Литовская	110,2	164,1	2960	3205	2,61	2,22	2,07	3,4	3,3
Украинская	91,8	133,1	2727	3517	2,29	1,89	1,96	3,4	3,3
Белорусская	93,4	144,0	2770	3472	2,76	2,26	2,05	3,6	3,3
Российская	96,7	136,2	2834	3231	2,62	2,12	1,89	3,5	3,3
Грузинская	86,8	124,4	2921	3234	2,53	2,55	2,30	4,1	4,0
Молдавская	82,5	122,7	2621	3308	3,55	2,66	2,37	3,8	3,4
Туркменская	75,0	85,2	2666	2612	5,03	6,02	5,28	5,2	5,5
Армянская	69,7	104,8	2594	2938	4,69	3,90	2,43	5,0	4,7
Азербайджанская	62,9	102,4	2762	2854	4,94	5,24	3,47	5,1	5,1
Таджикская	56,0	67,8	2666	2754	3,84	5,43	5,97	5,4	5,7
Казахская	72,5	103,1	2721	2963	4,40	3,49	3,02	4,3	4,1
Киргизская	63,0	86,6	2615	2599	4,24	4,64	4,49	4,6	4,6
Узбекская	61,8	78,3	2646	2644	4,92	5,53	5,09	5,3	5,5
CV, %	24,9	28,0	5,6	10,0	32,2	43,5	44,6	19,2	22,6

Таблица 12. Процессы дивергенции между советскими республиками по совокупному среднему доходу, калорийности питания, суммарного коэффициента рождаемости и среднему размеру семьи (изменение коэффициента вариации, CV, %), 1950–1980-е гг. Составлено автором на основании данных советской статистики (Бюджеты..., 1989, с. 47, 243; Доклад ЦСУ..., 2003, с. 129; USSR: The Food Supply Situation..., p. 13; Население СССР... 1987, с. 211–214; Володарский, 1982).

Table 12. Processes of divergence between Soviet republics by total average per capita income, caloric intake, total fertility rate and average family size (change in the coefficient of variation, CV, %), 1950s-1980s. Compiled by the author based on Soviet statistics (Byudzhetu..., 1989, p. 47, 243; Doklad TsSU..., 2003, p. 129; USSR: The Food Supply Situation..., p. 13; Naselenie SSSR..., 1987, p. 211–214; Volodarskiy, 1982).

Проанализированные данные (табл. 12) свидетельствуют о том, что западные и юго-восточные регионы СССР все более расходись в позднесоветский период: 1) по показателям дохода на душу населения — высокие показатели и интенсивный рост на западных (балтийских, восточнославянских) и относительно низкий уровень, слабый рост или стагнация на юго-восточных (закавказских и среднеазиатских) фронтах; 2) по калорийности питания

на душу населения — высокая и растущая на западных, низкая и стагнирующая на юго-восточных; 3) по суммарному коэффициенту рождаемости — низкий и в ряде республик еще более снижающийся на западных, высокий и в ряде республик растущий на юго-восточных; 4) по размеру семьи — малый и уменьшающийся на западных и высокий и растущий на юго-восточных. Подобная динамика коррелирует со сравнительной динамикой показателей среднего роста. Молдавская и Грузинская республики по ряду рассматриваемых показателей занимали промежуточное положение между выделенными регионами. Таким образом, дивергенция по среднему росту между республиками в последние советские десятилетия шла параллельно и в тесной связи с дивергенцией по другим ключевым показателям и соответствующим факторам биологического статуса — прежде всего характеристикам питания и особенностям демографической модели. Привлечение данных по динамике других показателей и факторов благополучия позволит в дальнейшем конкретизировать данный вывод.

Заключение

Подводя итоги, следует еще раз подчеркнуть, что использованные в исследовании базы антропометрических данных являются в значительной мере результатом реконструкции и экстраполяции. Их невозможно использовать для сравнения размеров тела населения в разных республиках, но при этом они правдоподобно отражают темпы изменений и тенденции (в том числе конвергенции и дивергенции).

Наблюдениями над динамикой и тенденциями позволили сделать следующие выводы. В советский период во всех союзных республиках происходили масштабные изменения условий жизни, что выразилось, в частности, в существенном увеличении среднего роста как индикатора биологического благополучия. У мужских когорт 1920-х – 1970-х годов рождения увеличение среднего роста составляло в разных республиках от 4 до 7–8 см. Но темпы изменения в республиках были разными, пики и спады темпов роста приходились на когорты разных десятилетий.

Наибольшее сближение республик по показателю среднего роста наблюдалось в 1930-е – 1950-е гг. Соответственно, если рост рассматривать как индикатор биологического благополучия, можно заключить, что происходило сближение по уровню жизни. Но с 1960-х годов, как показывает анализ динамики мужского и женского роста, возобладали процессы дивергенции — межреспубликанская дисперсия по среднему росту в последние советские десятилетия увеличилась.

Выявленные процессы дивергенции в среднем росте как показателе биологического благополучия соответствуют дивергенции по ряду других тесно связанных с этим показателей — в частности, по совокупному среднеду-

шевому доходу домохозяйств, суммарному коэффициенту рождаемости, среднему размеру семьи, калорийности подушевого питания.

В то же время в историографии убедительно показано, что советское руководство проводило последовательную политику, направленную на выравнивание уровня благосостояния между республиками путем бюджетных перераспределений, дополнительных социальных расходов, и эта политика принесла значительные достижения. При анализе причин дивергенции последних советских десятилетий следует обратить более пристальное внимание на социально-демографические процессы, обусловленные, в свою очередь, социокультурными факторами. Дивергенция могла объясняться тем, что, наряду с процессами модернизации и воздействием государственной политики, направленной на выравнивание уровня жизни, в ряде республик устойчиво сохранялись или даже усиливались традиционные этноконфессиональные модели социально-демографического поведения. Неотрадиционализация социокультурных и демографических моделей на южных и восточных регионах СССР находилась в противофазе с процессами модернизации этих сфер жизни на его западных регионах. Связанные с неотрадиционализмом высокие и в ряде республик увеличивающиеся показатели рождаемости и среднего размера семьи нивелировали усилия государства по выравниванию благосостояния республик. Эти советские республики, в свою очередь, по отмеченным тенденциям были близки к соседним зарубежным странам и регионам.

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00249, <https://rscf.ru/project/23-18-00249/>, проект «Жизненный уровень населения России в XX - начале XXI в. по традиционным и альтернативным показателям: междисциплинарное исследование на Больших Данных».

Список литературы

- Alexeev, M. V., & Gaddy, C. G. (1993). Income Distribution in the USSR in the 1980s. *Review of Income and Wealth*, 39(1), 23–36. <https://doi.org/10.1111/j.1475-4991.1993.tb00435.x>
- Bahry, D., & Nechemias, C. (1981). Half full or half empty?: The debate over Soviet regional equality. *Slavic Review*, 40(3), 366–383. <https://doi.org/10.2307/2496192>
- Baten, J. (2004). Looking Backward and Looking Forward: Anthropometric Research and the Development of Social Science History. *Social Science History*, 28(2), 191–210. <https://doi.org/10.1215/01455532-28-2-191>
- Baten, J., & Blum, M. (2015). *Height*. Clio Infra. <http://hdl.handle.net/10622/IAEKLA>

- Echols, J. M. (1980). Trends in social expenditure inequality across the Soviet republics: A comment. *Soviet Studies*, 32(3), 428–430. <https://doi.org/10.1080/09668138008411312>
- Ērglis, A., Dzērve, V., Pahomova–Strautiņa, J., Narbutė, I., Jēgere, S., Mintāle, I., Ligere, R., Apinis, P., Lejnieks, A., Misiņa, D., & Rozenbergs, A. (2012). A Population-Based Cross-Sectional Study of Cardiovascular Risk Factor in Latvia. *Medicina*, 48(6), 46. <https://doi.org/10.3390/medicina48060046>
- Flakierski, H. (1992). Income inequalities in the former Soviet Union and its republics. *International Journal of Sociology*, 22(3), 1–87. <https://doi.org/10.4324/9781315484853>
- Hatton, T. (2017). Stature and sibship: Historical evidence. *The History of the Family*, 22(2–3), 175–195. <https://doi.org/10.1080/1081602X.2016.1143856>
- Holubnychy, V. (1968). Some Economic Aspects of Relations Among the Soviet Republics. In *Ethnic Minorities in the Soviet Union* (pp. 50–120). Praeger Publishers.
- Lintsi, M., & Kaarma, H. (2006). Growth of Estonian seventeen-year-old boys during the last Two Centuries. *Economics and Human Biology*, 4(1), 89–103. <https://doi.org/10.1016/j.ehb.2005.05.007>
- Lintsi, M., Saluste, L., Kaarma, H., Koskel, S., Aluoja, A., Liivamägi, J., Mehilane, L., & Vasar, V. (1997). Characteristic traits of anthropometry in 17–18 year old schoolboys of Tartu. *Papers on Anthropology*, 7, 222–231.
- Meredith, H. V. (1971). Worldwide somatic comparisons among contemporary human groups of adult females. *American Journal of Physical Anthropology*, 34(1), 89–132. <https://doi.org/10.1002/ajpa.1330340108>
- Miklashevskaya, N. N., Solovyeva, V. S., & Godina, E. Z. (1973). *Growth and development in high altitude regions of Southern Kirghizia, U.S.S.R Field Projects*. Field Research Projects.
- Mironov, B. N. (2011). *The Standard of Living and Revolutions in Russia, 1700–1917*. Routledge. <https://doi.org/10.4324/9780203119440>
- NCD-RisC. (2016). A century of trends in adult human height. *eLife*, 26(5). <https://doi.org/10.7554/eLife.13410>
- Oshanin, L. V. (1964). *Anthropological composition of the population of Central Asia and the ethnogenesis of its peoples. I–III*. Peabody Museum.
- Pomerleau, J. & et al. (2000). Patterns of body weight in the Baltic Republics. *Public Health Nutrition*, 3(1), 3–10. <https://doi.org/10.1017/S1368980000000021>
- Schroeder, G. E. (1973). Regional Differences in Incomes and Levels of Living in the USSR. In *The Soviet Economy in Regional Perspective* (pp. 167–195). Praeger Publishers.
- Silver, B. (1974). Levels of sociocultural development among Soviet nationalities: A partial test of the equalization hypothesis. *American Political Science Review*, 68(4), 1618–1637. <https://doi.org/10.2307/1959946>
- Tanner, J. M. (1978). *Foetus into Man: Physical Growth from Conception to Maturity*. Cambridge.
- USSR: *The Food Supply Situation. An Intelligence Assessment*. (1985). Central Intelligence Agency, USA. <https://www.cia.gov/readingroom/docs/CIA-RDP86T00591R000100140005-4.pdf>
- Zwick, P. (1979). Ethnoregional socio-economic fragmentation and soviet budgetary policy. *Soviet Studies*, 31(3), 380–400. <https://doi.org/10.1080/09668137908411251>

- Баканов, С. А. (2022). Бюджетное неравенство в СССР в 1950–1980-е годы. *Уральский исторический вестник*, 3, 153–160. [https://doi.org/10.30759/1728-9718-2022-3\(76\)-153-160](https://doi.org/10.30759/1728-9718-2022-3(76)-153-160)
- Бюджеты рабочих, служащих и колхозников в 1975–1988 гг. *Сборник материалов по данным бюджетных обследований*. (1989). Госкомстат СССР.
- Волков, А. Г. (2014). *Избранные демографические труды*. Издательский дом Высшей школы экономики.
- Володарский, Л. М. (1982). *Статистика рассказывает*. Молодая гвардия.
- Диденко, Д. В. (2014). Конвергенция и дивергенция основных показателей человеческого капитала и уровня развития в странах бывшего советского Союза (1920–2000 годы). *Евразийская экономическая интеграция*, 2, 36–57.
- Доклад ЦСУ СССР, Института экономики Академии наук СССР и Института питания Академии медицинских наук СССР Н.А. Булганину об уровне потребления основных продовольственных и промышленных товаров в СССР на душу населения. (2003). В *Советская жизнь. 1945–1953. Сборник документов*. РОССПЭН.
- Златин, В., & Рутгайзер, В. (1968). Сравнение уровней экономического развития союзных республик и крупных районов. *Научные доклады высшей школы. Экономические науки*, 8, 24–34.
- Калабеков, И. Г. (2023). *СССР и страны мира в цифрах. Справочное издание. Российские реформы в цифрах и фактах*. <https://refru.ru/su465.pdf>
- Козлов, В. И. (1975). *Национальности СССР (этнодемографический обзор)*. Статистика.
- Курман, М. В. (1981). Динамика среднего числа детей в семье в СССР. В *Демографический аспект* (с. 3–18). Финансы и статистика.
- Миронов, Б. Н. (2003). Рост и вес россиян сталинской эпохи. *Демоскоп Weekly*, 129–130, 1–20.
- Миронов, Б. Н. (2004). Жизненный уровень в Советской России при Сталине по антропометрическим данным. В *Экономическая история. Ежегодник. 2004* (с. 565–588). РОССПЭН.
- Народное хозяйство в СССР в 1975 г. Статистический ежегодник*. (1976). Статистика.
- Народное хозяйство Молдавской ССР*. (1988). Карта Молдовеняске.
- Народное хозяйство СССР за 70 лет: Юбилейный статистический сборник*. (1987). Финансы и статистика.
- Население СССР, 1987. Статистический сборник*. (1988). Финансы и статистика.
- Социальное развитие СССР: Статистический сборник*. (1990). Финансы и статистика.

References

- Alexeev, M. V., & Gaddy, C. G. (1993). Income Distribution in the USSR in the 1980s. *Review of Income and Wealth*, 39(1), 23–36. <https://doi.org/10.1111/j.1475-4991.1993.tb00435.x>
- Bahry, D., & Nechemias, C. (1981). Half full or half empty?: The debate over Soviet regional equality. *Slavic Review*, 40(3), 366–383. <https://doi.org/10.2307/2496192>

- Bakanov, S. A. (2022). Budget Inequality in the USSR in the 1950s–1980s. *Ural Historical Journal*, 3, 153–160. [https://doi.org/10.30759/1728-9718-2022-3\(76\)-153-160](https://doi.org/10.30759/1728-9718-2022-3(76)-153-160) (In Russian).
- Baten, J. (2004). Looking Backward and Looking Forward: Anthropometric Research and the Development of Social Science History. *Social Science History*, 28(2), 191–210. <https://doi.org/10.1215/01455532-28-2-191>
- Baten, J., & Blum, M. (2015). *Height*. Clio Infra. <http://hdl.handle.net/10622/IAEKLA>
- Budgets of workers, employees and collective farmers in 1975–1988. Collection of materials based on the data of budget surveys.* (1989). Goskomstat of the USSR. (In Russian).
- Didenko, D. V. (2014). Convergence and Divergence of Main Human Capital Indicators and Development Levels in Former Soviet Union Countries (1920–2000). *Eurasian Economic Integration*, 2, 36–57. (In Russian).
- Echols, J. M. (1980). Trends in social expenditure inequality across the Soviet republics: A comment. *Soviet Studies*, 32(3), 428–430. <https://doi.org/10.1080/09668138008411312>
- Ērglis, A., Dzērve, V., Pahomova-Strautiņa, J., Narbutē, I., Jēgere, S., Mintāle, I., Ligere, R., Apinis, P., Lejnieks, A., Misiņa, D., & Rozenbergs, A. (2012). A Population-Based Cross-Sectional Study of Cardiovascular Risk Factor in Latvia. *Medicina*, 48(6), 46. <https://doi.org/10.3390/medicina48060046>
- Flakierski, H. (1992). Income inequalities in the former Soviet Union and its republics. *International Journal of Sociology*, 22(3), 1–87. <https://doi.org/10.4324/9781315484853>
- Hatton, T. (2017). Stature and sibship: Historical evidence. *The History of the Family*, 22(2–3), 175–195. <https://doi.org/10.1080/1081602X.2016.1143856>
- Holubnychy, V. (1968). Some Economic Aspects of Relations Among the Soviet Republics. In *Ethnic Minorities in the Soviet Union* (pp. 50–120). Praeger Publishers.
- Kalabekov, I. G. (2023). *USSR and the World in Figures. Reference Edition*. <https://refru.ru/su465.pdf> (In Russian).
- Kozlov, V. I. (1975). *Nationalities of the USSR (Ethnodemographic Review)*. Statistics. (In Russian).
- Kurman, M. V. (1981). Dynamics of the Average Number of Children in a Family in the USSR. In *Demographic Aspect* (pp. 3–18). Finance and Statistics. (In Russian).
- Lintsi, M., & Kaarma, H. (2006). Growth of Estonian seventeen-year-old boys during the last Two Centuries. *Economics and Human Biology*, 4(1), 89–103. <https://doi.org/10.1016/j.ehb.2005.05.007>
- Lintsi, M., Saluste, L., Kaarma, H., Koskel, S., Aluoja, A., Liivamägi, J., Mehilane, L., & Vasar, V. (1997). Characteristic traits of anthropometry in 17–18 year old schoolboys of Tartu. *Papers on Anthropology*, 7, 222–231.
- Meredith, H. V. (1971). Worldwide somatic comparisons among contemporary human groups of adult females. *American Journal of Physical Anthropology*, 34(1), 89–132. <https://doi.org/10.1002/ajpa.1330340108>
- Miklashevskaya, N. N., Solovyeva, V. S., & Godina, E. Z. (1973). *Growth and development in high altitude regions of Southern Kirghizia, U.S.S.R Field Projects*. Field Research Projects.
- Mironov, B. N. (2003). Growth and Weight of Russians in the Stalin Era. *Demoscope Weekly*, 129–130, 1–20. (In Russian).

- Mironov, B. N. (2004). Standard of Living in Soviet Russia under Stalin Based on Anthropometric Data. In *Economic History. Yearbook. 2004* (pp. 565–588). ROSSPEN. (In Russian).
- Mironov, B. N. (2011). *The Standard of Living and Revolutions in Russia, 1700–1917*. Routledge. <https://doi.org/10.4324/9780203119440>
- National Economy in the USSR in 1975. Statistical Yearbook. (1976)*. Statistics. (In Russian).
- National Economy of the Moldavian SSR. (1988)*. Kartya Moldoveniaske. (In Russian).
- National Economy of the USSR over 70 Years: Jubilee Statistical Collection. (1987)*. Finance and Statistics. (In Russian).
- NCD-RisC. (2016). A century of trends in adult human height. *eLife*, 26(5). <https://doi.org/10.7554/eLife.13410>
- Oshanin, L. V. (1964). *Anthropological composition of the population of Central Asia and the ethnogenesis of its peoples. I–III*. Peabody Museum.
- Pomerleau, J. & et al. (2000). Patterns of body weight in the Baltic Republics. *Public Health Nutrition*, 3(1), 3–10. <https://doi.org/10.1017/S1368980000000021>
- Population of the USSR, 1987. Statistical Collection. (1988)*. Finance and Statistics. (In Russian).
- Report of the USSR Central Statistical Directorate, Institute of Economics of the USSR Academy of Sciences and Institute of Nutrition of the USSR Academy of Medical Sciences to N. A. Bulganin on the Level of Consumption of Basic Food and Industrial Goods per Capita in the USSR. (2003)*. ROSSPEN. (In Russian).
- Schroeder, G. E. (1973). Regional Differences in Incomes and Levels of Living in the USSR. In *The Soviet Economy in Regional Perspective* (pp. 167–195). Praeger Publishers.
- Silver, B. (1974). Levels of sociocultural development among Soviet nationalities: A partial test of the equalization hypothesis. *American Political Science Review*, 68(4), 1618–1637. <https://doi.org/10.2307/1959946>
- Social Development of the USSR: Statistical Collection. (1990)*. Finance and Statistics. (In Russian).
- Tanner, J. M. (1978). *Foetus into Man: Physical Growth from Conception to Maturity*. Cambridge.
- USSR: The Food Supply Situation. An Intelligence Assessment. (1985)*. Central Intelligence Agency, USA. <https://www.cia.gov/readingroom/docs/CIA-RDP86T00591R000100140005-4.pdf>
- Volkov, A. G. (2014). *Selected Demographic Works*. Higher School of Economics Publishing House. (In Russian).
- Volodarsky, L. M. (1982). *Statistics Tells*. Molodaya Gvardiya. (In Russian).
- Zlatin, V., & Rutgayzer, V. (1968). Comparison of Economic Development Levels of Union Republics and Large Regions. *Scientific Reports of the Higher School. Economic Sciences*, 8, 24–34. (In Russian).
- Zwick, P. (1979). Ethnoregional socio-economic fragmentation and soviet budgetary policy. *Soviet Studies*, 31(3), 380–400. <https://doi.org/10.1080/09668137908411251>

The Belarusian Frontier of the 1920s: Did Belarusization Take Place in the Russian-Belarusian Border Area?

Evgenii V. Kodin

Smolensk State University. Smolensk, Russia. Email: EVKodin[at]yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5072-3034>

Received: 21 April 2024 | Revised: 15 June 2024 | Accepted: 30 June 2024

Abstract

The paper analyzes the historical circumstances of the 1920s, under which in three regions of the Russian-Belarusian borderland – Pskov, Smolensk and Bryansk governorates – it was necessary to reach the objectives of ‘Belarusization’: the size of the Belarusian population, the state of the school network in the NEP era and staffing for the solution of the “Belarusian question.” Belarusization is regarded as an integral part of the new Soviet national policy based on the resolutions of the 10th and 12th Congresses of the RCP.

The purpose of the study is to identify and characterize the basic conditions for carrying out Belarusization in Russian regions with compact residence of the Belarusian population. First, this concerns the size of the Belarusian population in these governorates at the beginning and during the process of Belarusization, and detection of the dynamics and reasons for its significant reduction, starting from the end of the 19th century. Secondly, special attention must be paid to the problems in the school education system during the NEP era (financial, material, personnel), the solution of which was of much higher priority for local authorities in comparison with the objectives of Belarusization.

The results of the study show that the policy of Belarusization in the Russian border regions failed to receive the due support either from local authorities overloaded with many other urgent tasks, or from the residents of the above mentioned governorates, including Belarusians. The practice of “self-Russification” became a kind of hidden form of protest among the Belarusian part of the population of the Russian border regions.

Conclusions: The policy of Belarusization in the Russian-Belarusian border regions was not carried out in full even in the “minor format” proposed by Moscow, largely due to its artificiality and implementation without taking into account the opinions of the majority of Russian Belarusians themselves. The study is intended for specialists in national and regional politics, and in Russian and Belarusian history.

Keywords

Soviet National Policy; Indigenization; Belarusization; Russian-Belarusian Borderland; Pskov, Smolensk, Bryansk Governorates

This work is licensed under a [Creative Commons “Attribution” 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Белорусский фронтир 1920-х годов: состоялась ли белорусизация в российско-белорусском приграничье?

Кодин Евгений Владимирович

Смоленский государственный университет. Смоленск, Россия. Email: [EVKodin\[at\]yandex.ru](mailto:EVKodin[at]yandex.ru)
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5072-3034>

Рукопись получена: 21 апреля 2024 | Пересмотрена: 15 июня 2024 | Принята: 30 июня 2024

Аннотация

В исследовании анализируются исторические обстоятельства 1920-х годов, в которых предстояло претворять в жизнь задачи белорусизации в трех регионах российско-белорусского приграничья – Псковской, Смоленской и Брянской губерниях: численность белорусского населения, состояние школьной сети в эпоху нэпа и кадровое обеспечение для решения «белорусского вопроса». Белорусизация рассматривается как составляющая часть новой советской национальной политики на основе решений X и XII съездов РКП(б).

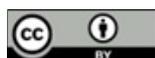
Цель исследования – выявление и характеристика базовых условий для проведения белорусизации в российских регионах с компактным проживанием белорусского населения. Во-первых, это касается численности белорусского населения в указанных губерниях к началу и в процессе белорусизации, с выявлением динамики и причин ее значительного сокращения, начиная с конца XIX века. Во-вторых, требуют своего рассмотрения проблемы в системе школьного образования в эпоху нэпа (финансовые, материальные, кадровые), решение которых являлось гораздо более приоритетными для местных властей в сравнении с задачами белорусизации.

Результаты исследования показывают, что политика белорусизации в приграничных российских регионах не получила должной поддержки ни у местных властей, перегруженных массой других неотложных задач, ни у самих жителей названных губерний, включая белорусов. Своего рода скрытой протестной формой у белорусской части населения приграничных российских регионов стала практика их «саморусификации».

Выводы: политика белорусизации в регионах российско-белорусского приграничья не состоялась в полной мере даже в предложенном Москвой «малом формате» в значительной степени по причине ее искусственности и проведения без учета мнения большей части самих российских белорусов. Исследование предназначается для специалистов по национальной и региональной политике, российско-белорусской истории.

Ключевые слова

советская национальная политика; коренизация; белорусизация; российско-белорусское приграничье; Псковская, Смоленская, Брянская губернии

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons “Attribution” \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Введение

В марте 1921 г. решениями X съезда РКП(б) будет ознаменовано начало реализации новой советской национальной политики. Суть ее нашла полное отражение в резолюции «Об очередных задачах партии в национальном вопросе». Все население РСФСР составляло в то время 140 млн. человек. Из них невеликороссов было почти половина – 65 млн. (украинцы, белорусы, киргизы, узбеки, туркмены, таджики, азербайджанцы, поволжские татары и др. народы). Перед партийными организациями ставилась задача:

«Помочь трудовым массам невеликорусских народов догнать ушедшую вперед центральную Россию, помочь им: а) развить и укрепить у себя советскую государственность в формах, соответствующих национально-бытовым условиям этих народов; б) развить и укрепить у себя действующие на родном языке суд, администрацию, органы хозяйства, органы власти, составленные из людей местных, знающих быт и психологию местного населения; в) развить у себя прессу, школу, театр, клубное дело и вообще культурно-просветительные учреждения на родном языке...» (Десятый съезд РКП(б), 1963, с. 603-604).

На XII партийном съезде весной 1923 г. речь уже будет идти о необходимости перевода всей сферы жизнедеятельности регионов на национальные устои. Эта политика получит название – «коренизация». В республиках и регионах название это конкретизировалось под титульные нации: «украинизация», «белорусизация», «узбекизация», «татаризация», «якутизация» и т.д.

Непосредственно для Белоруссии республиканская Центральная национальная комиссия ЦИК БССР сформулирует в рамках новой политики три основных направления:

«1) развитие белорусской культуры (школы, ВУЗ-ы на белорусском языке, белорусская литература, издание белорусских книг, научно-исследовательская работа по всестороннему изучению Белоруссии и т.д.); 2) выдвижение белорусов на партийную, советскую, профессиональную и общественную работу; 3) перевод партийного, государственного, профессионального, кооперативного аппаратов и частей Красной Армии на белорусский язык» (Практическое разрешение национального вопроса, 1927, с. 9).

Однако проведение белорусизации предполагалось не только в границах Белоруссии, но и в регионах РСФСР с компактным проживанием белорусов. К таким российским регионам в первую очередь относились приграничные губернии: Псковская, Смоленская и Брянская. Здесь, в отличие от Белоруссии, круг задач был не таким масштабным. В российско-белорусском приграничье на первое место выдвигался вопрос изучения в школах белорусского языка и белорусоведения с последующим переводом преподавания учебных предметов в отдельных школах на белорусском языке.

Практика же показала, что ни местные власти, ни население, включая самих белорусов, не только не приветствовали политику белорусизации, но зачастую и отвергали ее, не видя в ней какой-либо необходимости. В итоге

белорусизация, проводившаяся в приграничных российских регионах даже в значительно урезанном формате, осуществлялась под постоянным контролем и административным давлением со стороны Москвы.

Историография

В настоящее время проблематика белорусизации в российских регионах в отечественной историографии только начинает разрабатываться.

Общее направление исследований по политике белорусизации, объясняющее ее необходимость с позиций противопоставления практике полонизации в отошедших Польше в 1921 г. по Рижскому мирному договору западных белорусских землях и расширения территориальных границ за счет РСФСР, в значительной степени определяется в работах доцента МГУ им. М.В. Ломоносова Ю. А. Борисенка (2008, 2013а, б, 2022), научного сотрудника ИРИ РАН К. С. Дроздова (2022), научного сотрудника Института славяноведения РАН Д. А. Коротковой (2018).

На Смоленщине данной тематикой активно занимаются Е. В. Кодин и О. В. Кобец (Кобец, 2021; Кодин & Кобец, 2019а, б; 2021). Авторы особо выделяют интенсивный процесс саморусификации смоленских белорусов, начиная с конца XIX в., который привел к такому значительному численному их падению, что это давало основания местным властям утверждать об отсутствии в уездах и волостях белорусов, а, следовательно, и ненужности этой политики. Неразрешимой, в оценке авторов, оказалась и кадровая проблема: в губернии не нашлось и не появилось вплоть до конца 1920-х годов школьных учителей, знающих белорусский язык, что реально не позволяло осуществлять перевод школ на белорусский язык и даже просто преподавать его как учебный предмет.

В Псковской области вопросы белорусизации достаточно объемно представлены в работе А. В. Филимонова (2016). Автор подчеркивает, что к решению вопросов белорусизации губерния начала подступать только в середине 1920-х годов, когда в 1925 г. еще только была поставлена задача выяснить необходимость и целесообразность открытия школ с обучением на белорусском языке, но и появившиеся в 1928 г. так называемые «белорусские школы» работали на русском языке.

Органично дополняют исследование А.В. Филимонова работы псковских географов А. Г. Манакова (2013) и В. С. Дементьева (2015), подчеркивающие активность процессов ассимиляции белорусов даже в местах компактного их проживания в границах Псковской губернии.

Вопросы белорусизации к настоящему времени не стали предметом специальных исследований в Брянской области, они лишь затронуты при описании национального состава губернии в 1920-е годы в коллективной монографии «История Брянского края. XX век» (История Брянского края, 2003).

При этом, в оценке авторов, у брянских властей было гораздо больше оснований к проведению в губернии «точечной» украинизации, нежели белорусизации, поскольку здесь имелось значительное количество украинского населения. Хотя в губернии имели место схожие с другими приграничными регионами миграционные процессы: белорусы и украинцы все больше предпочитали называть себя русскими.

Источники и методы

Настоящее исследование построено в основном на анализе тематических фондов центральных (ГАРФ, РГАСПИ) и региональных архивов (Государственные архивы Смоленской и Брянской областей, Центры документации новейшей истории этих же регионов). Документы фонда 17 РГАСПИ (Центральный комитет КПСС, опись 60 – Отдел агитации и пропаганды) и фондов Р-1235 ГАРФ (ВЦИК РСФСР) и А-296 (Отдел по просвещению национальных меньшинств Наркомпроса РСФСР) показывают регламентацию процессов белорусизации на уровне центральных государственных органов, представляя белорусизацию как составную часть общей новой советской национальной политики в 1920-е годы.

На местах работой по проведению в жизнь положений этой политики руководили региональные партийные и советские органы. Проработанные фонды региональных архивов в первую очередь показывают механизм партийного контроля над проведением политики белорусизации в постоянном формате отчетов ответственных советских органов власти, как на губернском, так и на уездном уровнях. Материалы архивов свидетельствуют больше о декларативной, нежели о практической работе с национальными меньшинствами в приграничных с Белоруссией российских регионах: в основном речь идет о постановке задач, а не об их воплощении в жизнь. Документы подтверждают, что местными властями белорусы, а также и украинцы, рассматривались не как национальные меньшинства, а как особая часть русского населения в губерниях, поэтому работа с ними не являлась приоритетной.

Важнейшим документальным источником для исследования являются стенографические отчеты X и XII съездов РКП(б) с базовыми решениями по новой советской национальной политике. Значительной информативной составляющей являются и региональные печатные издания – органы местной партийной и советской власти («Брянский рабочий», «Рабочий путь», «Псковский набат»), на страницах которых находили отражение (или наоборот) процессы, связанные с белорусизацией.

Для достижения поставленных задач исследования преимущественно использовался метод сравнительного анализа и статистический, а также описательный и историко-типологический методы.

Основное содержание

В поисках ответа на вопрос, почему население приграничных российских регионов и местные власти не только не поддержали, но даже и в разных формах противились белорусизации, следует проанализировать некоторые базовые сюжеты: динамику падения численности белорусов, начиная с конца XIX века, включая причины и содержательную часть этого процесса; материальные, финансовые и кадровые проблемы школьного строительства в эпоху нэпа, на которую как раз и выпала реализация задач по белорусизации.

«У нас нет белорусов»

Таким был постоянный ответ / комментарий представителей местных властей разных уровней, когда в начале и даже в середине 1920-х годов в российских регионах чиновникам приходилось объяснять отсутствие тех или иных практических шагов по продвижению политики белорусизации. Даже на X съезде РКП(б) один из делегатов написал в президиум записку, в которой говорилось об «искусственности насаждения белорусской нации». Это вынужден был прокомментировать И. В. Сталин, как основной докладчик по данному вопросу. Признавая то, что белорусские массы «пока что не очень живо, так сказать, не с очень большим интересом относятся к вопросу развития их национальной культуры», нарком по делам национальностей выражал уверенность, что

«через несколько лет, по мере того как мы апеллируем к низам белорусским, будем говорить с ними на том языке, который им понятен прежде всего, – естественно, что через год-два-три вопрос о развитии национальной культуры на родном языке примет характер первостепенной важности, и поэтому я не согласен с автором записки, который говорит, что мы искусственно насаждаем белорусскую национальность» (Десятый съезд РКП(б), 1963, с. 213).

Позиция Сталина была, конечно, важным аргументом и ориентиром по белорусской тематике, но, наверное, только для партийных и государственных органов. Население же в российских приграничных регионах в абсолютном своем большинстве разделяло позицию автора записки, озвученной на съезде партии.

При этом к сюжетам об искусственности нации добавлялось и утверждение об отсутствии белорусского языка как такового и наличии в губерниях лишь своеобразного белорусского говора, как разновидности русского языка. «Белорусов в ... уездах нет, а живет везде русское население со своим характерным деревенским оттенком в разговорной речи»: так, по утверждению профессора А. В. Филимонова, в основном оценивали положение дел в 1920-е годы власти Псковской губернии (2016, с. 53). Такого рода заключение в полной мере относится и к Смоленщине, и к Брянщине.

По московским установкам в границах РСФСР белорусизация должна была охватить регионы с компактным проживанием белорусского населения.

Тезис «компактности», его территориальной и численной наполняемости никогда и никем не пояснялся. Замалчивался и вопрос о том, а как быть русскому населению и представителям других национальностей в такого рода местах компактного проживания белорусов, и вопрос перевода учреждений образования и просвещения в этих местах на белорусский язык.

В связи с этим вначале следует понять, для какого количества белорусов в приграничных российских регионах в принципе предлагалось претворять в жизнь планы по белорусизации. На Псковщине, Смоленщине и Брянщине все было достаточно однотипно, но все же не одинаково, особенно с учетом административно-территориальных реорганизаций.

Исторически наиболее тесно с Белоруссией были связаны смоленские земли, в том числе и в начальный период советской власти. Именно Смоленск стал в апреле 1918 г. административным центром Западной области, созданной тогда всего из трех губерний – Витебской, Могилевской и Минской. Именно в Смоленске 1 января 1919 г. была провозглашена Советская социалистическая республика Белоруссия, и сформировано первое белорусское правительство.

Сам вопрос численности белорусов в приграничных российских регионах только на первый взгляд может показаться легким в своем решении посредством соотнесения цифр из вполне доступных переписей населения 1897, 1920 и 1926 годов. В действительности же все обстоит гораздо сложнее, поскольку вопросы национальности/народности и родного языка довольно часто сильно разнились. Свои нюансы добавляет и своеобразие имевших место этнографических исследований.

Поскольку на начало политики белорусизации больше всего белорусов проживало в границах Смоленской губернии, вполне справедливым будет показать это кратко на примере данного региона.

Первое систематическое исследование белорусской проблематики находим в работе Я. А. Соловьева 1855 г. «Сельскохозяйственная статистика Смоленской губернии» (Сельскохозяйственная статистика, 1855, 2011). Автор не ставит перед собой задачу этнографической детализации населения, он просто делит всю губернию на две части: северо-восточные уезды зачисляет в великорусский этнос, а все остальные территории закрепляет за белорусами. Других народностей в регионе как бы и не было вовсе. В итоге получаются такие цифры: великорусского этноса в губернии 532 тыс. человек, белорусов – немногим более 551 тыс. (Сельскохозяйственная статистика, 2011, с. 100). В процентном отношении выходило соответственно 49% и 51%. Принять эти цифры как достоверно отражающие реальное положение дел, конечно, нельзя, считает исследователь из Смоленска О. В. Кобец. Автор работы по сельскохозяйственной статистике поступил здесь крайне «технически», считает она, разбивая все население губернии лишь на две большие этнические группы: великорусов и белорусов. И заключает:

«В причисленных Соловьевым к непосредственно белорусским семи уездах губернии проживало, конечно, немало этнических белорусов. Однако преобладало в них всегда великорусское население. При этом преобладало существенно. Поэтому указанная численность белорусов в 551 тысячу никак не может соответствовать действительности» (2021, с. 203).

Ко времени проведения первой всероссийской переписи 1897 г. население Смоленской губернии увеличилось почти на полмиллиона и составляло чуть более 1 млн. 551 тыс. человек (Население империи, 1897, с. 28). Численность же белорусов резко снизилась и составила около 101 тыс. человек, или 6,6% от всего населения губернии. Основное объяснение данному явлению, конечно, кроется в самом механизме определения национальности, когда в переписи ставился вопрос не об этнической принадлежности жителей, а об их родном языке. И здесь, как видим, белорусы, даже оставаясь в своей этнической принадлежности, по языку становились русскими.

Ситуация вновь запуталась исследованием выдающегося белорусского ученого Е. Ф. Карского, подготовившего на основе данных проведенной им в 1903 г. масштабной экспедиции по десяткам уездов Российской империи «Этнографическую карту белорусского племени» и трехтомник «Белоруссы» (Карский, 1903), быстро заслуживший признание в научном сообществе. Филологические достоинства работы Е. Ф. Карского несомненны, однако в части количественного исчисления белорусов подход ученого вызывает сомнения. Для него главным критерием определения белорусских территорий было «звучание» в уездах и волостях белорусской речи. На этом основании ученый заключает: «Принимая условно, что все говорящие на белорусском наречии белоруссы, мы будем считать указанные границы в то же время пределами белорусского племени» (1903, с. 21). В итоге, по причине такого «условного принятия», численность белорусов на Смоленщине вновь значительно «возросла» и составила, по Карскому, почти 948 тыс. человек (1903, с. 187–188). Так же как и в ранее названной работе Я. А. Соловьева, это около половины населения губернии.

Фактически же, и в то время в том числе, продолжался интенсивный процесс снижения численности белорусов, что со всей очевидностью показала перепись 1920 г. (в границах 1925 г. после имевших место территориальных изменений 1924 г.). В Смоленской губернии из двух с небольшим миллионов человек населения 96,56% составляли великороссы (2 млн. 12 тыс. чел.), а белорусов стало «всего» (в сравнении с данными переписи 1897 г.) 54 700 человек, что составляло лишь 2,62% населения губернии (Кодин & Кобец, 2021, с. 43).

Очевидно, что такое резкое падение численности белорусов связано в том числе и с механизмом проведения переписи: личный листок опрашиваемого (вопрос №4) имел два пункта: первый – «К какой национальности себя относит» и второй – «Родной язык».

«Надо полагать, – вполне аргументировано заключает О.В. Кобец, – что большинство белорусов в августе 1920 года, когда полным ходом шли военные действия под Варшавой, захотели вдруг стать великорусами. Ведь опросный лист давал, например, возможность записать себя в русский этнос, при этом одновременно оставив за собой родной белорусский язык. Отсюда такое «катастрофическое» снижение численности белорусов в губернии» (2021, с. 210).

С этим трудно не согласиться. Правда, следует заметить, что по языку количество белорусов сократилось еще больше, чем по народности.

Тенденция эта продолжится и в последующие годы. По данным демографической переписи населения 1926 г., белорусов в Смоленской губернии станет всего 20 408 человек из общей численности населения почти в 2 млн. 300 тыс. человек (0,89%) (ГАСО. Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 4746. Л. 67). Конечно, на снижении численности белорусского населения на Смоленщине не могла не сказаться и передача в 1924 г. в состав Могилевской губернии смоленских Мстиславского и Горецкого уездов. При этом Ю. А. Борисенок предлагает посмотреть на начавшееся с 1923 г. неизбежное падение численности белорусского населения под несколько иным углом зрения: «Все решения о бело-русско-российском пограничье основывались не на этнографических или социально экономических соображениях, а на политической целесообразности» (2013, с. 125). Это было, несомненно, именно так. Но не менее важным, а скорее даже более существенным основанием к наметившемуся снижению численности смоленских белорусов в середине 1920-х годов, считает О. В. Кобец,

«стало стремление последних активнее включаться в начавшиеся индустриально – и социально-модернизационные процессы, которые гораздо значительнее проявлялись как раз в российских, а не в белорусских регионах и предоставляли существенно больше возможностей белорусскому крестьянству для их социального лифта. Особенно это касалось подрастающего поколения» (2021, с. 212-213).

Если исходить из того, что многие реальные процессы по белорусизации в приграничных российских регионах именно в это время только и начинались, то для населения численностью менее одного процента такую масштабную кампанию вряд ли было целесообразно разворачивать. Даже при условии, что основная часть белорусов достаточно компактно проживала в нескольких уездах Смоленской губернии: в территориальных границах нынешних Руднянского, Краснинского, Монастырщинского, Хиславичского и Шумячского районов. Еще раз подчеркнем – при значительном преобладании в них великорусского населения.

В соседней Брянской губернии, еще только созданной в 1920 году, процент белорусов составлял в 1926 г. только 0,77% от общей численности населения региона. «Наиболее белорусскими» здесь были Новозыбковский и Клинецкий уезды, дававшие соответственно 2,87% и 1,83% населения уездов

(Население Брянской губернии, 1927, с. XIV). В сравнении с 1920 г. произошел более чем двойной рост числа белорусов в губернии (по переписи 1920 г. было 3646 человек, что давало 0,33% от почти 1 млн. 100 тыс. человек всего населения губернии (Брянская губерния в цифрах, 1924, с. 32). Данное обстоятельство объясняется состоявшейся передачей в 1927 г. из расформированной Гомельской губернии в Брянскую трех уездов со значительным количеством белорусского населения – Клинцовского, Новозыбковского и Стародубского. И это уже нашло свое отражение в указанном статистическом сборнике 1927 г.

Только после присоединения названных уездов белорусы появляются как национальное меньшинство в одном из годовых отчетов заведующего подотделом нацменработы А. Цельмса: 5 тыс. украинцев и 3 600 белорусов. Правда, здесь же следовала приписка – поскольку они, т.е. и украинцы, и белорусы, «разбросаны по всем уголкам губернии», то их «как будто незаметно». К тому же они «частью ассимилировались, частью разбросаны среди основной массы населения и среди них особой работы не ведется» (ЦДНИБО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1597. Л. 83).

А формулировка одного из отчетов о работе с национальными меньшинствами в Брянской губернии (январь 1927 г.) фактически подтверждает, что и белорусов, и украинцев, на уровне властей, а не только населения, продолжали воспринимать и считать частью русского социума: «Всего населения нацмен по губернии числится 17 666 человек, кроме украинцев и белорусов, вместе с которыми 26 000 человек» (ЦДНИБО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1910. Л. 10). Именно по этой причине весной 1928 г. бюро Брянского губкома ВКП(б) отмечало, что даже партийный аппарат губернии никак не получалось «приспособить ... к работе среди таких нацменьшинств, как украинцев и белорусов» (ЦДНИБО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1646. Л. 257). Но в категорию национальных меньшинств они все же «попали».

Аналогичные события происходили и в Псковской губернии. По переписи 1897 г. в территориальных границах региона белорусская часть составляла 0,21% всей численности населения губернии (2 247 чел. от 1 млн. 123 тыс. всего населения) (Первая всеобщая перепись... Псковская губерния, 1904, с. V, 48). Перепись 1920 г. понижает это число до 1590 человек, что дает уже только 0,13% населения (Данные Всероссийской демографической переписи, 1923, с. 42). При этом почти половина этого количества приходилась на один Великолуцкий уезд (Филимонов, 2016, с. 46). Количество белорусов значительно возросло в результате присоединения к Псковской губернии в 1924 г. трех уездов упраздненной Витебской губернии (Себежского, Невельского и Велижского¹), доля белорусов в которых составляла 35% населения (Филимонов, 2016, с. 46). Однако, даже в такой ситуации, перепись 1926 г. показала всего 34 277 человек белорусов по народности, что составляло 1,92% численности всего

1 Велижский уезд в 1929 году войдет в состав Западной области, а после ее расформирования в 1937 году останется в составе Смоленской области

населения губернии, и еще меньше – 1258 человек или 0,07% – по языку (Всесоюзная перепись населения, 1928, с. 46). Хотя псковский исследователь А. В. Филимонов с отсылкой на Государственный архив новейшей истории Псковской области называет цифру по переписи 1926 г. в «почти 140 тыс. белорусов, что составляло 7,68% всего населения губернии (2016, с. 47) и давало основания утверждать в борьбе со скептиками, что «белорусы в губернии есть!» (2016, с. 48). Особенно в Великолукском округе, в состав которого и вошли бывшие белорусские уезды – Невельский, Себежский и Велижский, где процент белорусского населения поднялся до 33,6% (2016, с. 53). Именно благодаря этому обстоятельству, в оценке А.В. Филимонова, «белорусский» вопрос в округе сделался «еще более актуальным», и в итоге он «оказался в поле зрения окружных организаций» (2016, с. 53). До этого же времени ни о каких «практических мероприятиях» по белорусизации дело в губернии не доходило, поскольку «не были преодолены и настроения значительной части руководящих работников о ненужности работы с белорусским населением по причине отсутствия такового» (2016, с. 47).

Следует заметить, что это был уже 1927 год. А на Псковщине еще только решали, были ли основания заниматься белорусизацией, и если таковые имелись, то что предстояло делать.

В целом же, как показывают официальные государственные переписи, численность белорусов в пределах Псковской, Смоленской и Брянской губерний значительно падает, составляя к началу 1920-х годов, когда в повестку дня и были поставлены вопросы белорусизации, незначительное количество, как по народности, так и особенно по языку, что давало весомые основания местным властям не воспринимать эту задачу как приоритетную в своей деятельности.

«Нам не до белорусизации»

Таковой была одинаковая позиция местных властей всех трех исследуемых нами российских регионов по инициированной Москвой политике белорусизации.

Вопросами практической реализации задач по белорусизации в территориальных границах РСФСР было поручено заниматься республиканскому народному комиссариату просвещения (Наркомпросу), коллегия которого уже весной 1922 г. приняла постановление о необходимости изучения в школах первой ступени белорусского языка, а в школах второй ступени – курса белорусоведения. По сути, приграничным российским губерниям предписывалось начать практику белорусизации школ в уездах с подходящим для этого количеством белорусского населения.

Однако за политически мотивированными и вполне объяснимыми установками Москвы на всемерную белорусизацию в противовес практике «полонизации» в западных белорусских землях после Рижского мира 1921 г.

не последовал реалистичный подход к оценке имевшей место ситуации в деле школьного образования в эпоху нэпа, особенно в начальный его период.

Для системы образования первые годы нэпа ознаменовались существенным сокращением школьной сети. Это стало результатом снятия школ с централизованного финансирования. Основная тяжесть затрат на образовательную систему перекладывалась на плечи местных властей, бюджеты которых не могли себе позволить полноценного содержания школ. В стране начинается процесс уменьшения числа школ, который вскоре, в оценке Е. А. Ялозиной, приобретает характер «судорожного панического сокращения», «когда учителя массово уходили из школ в поисках заработка и средств существования, на двери учебных заведений вешался замок, а их окна заколачивались» (2015, с. 219). Сокращение школьной сети в разных губерниях достигало 45-60% и более, а общие ее показатели опустились ниже уровня 1914 г. (2015, с. 219).

Это в полной мере относилось и к исследуемым нами регионам. Так, если на 1 января 1922 г. в Смоленской губернии было 2637 школ первой ступени с числом учащихся в 182 тыс. человек, школ более высокого уровня – 109 с численностью 11,3 тыс. учащихся, то на 1922/23 учебный год оставалось только 1691 школа первой ступени и 99 школ второй ступени и семилеток (Рабочий путь, 1922, 10 декабря).

В Псковской губернии в год начала нэпа имелась 1291 школа первой ступени с 79,5 тыс. учащихся и 32 школы второй ступени с контингентом в 4,5 тыс. человек (Народное образование, 1921, с. 6-7). В 1922/23 учебном году всего школ в губернии осталось 879, в которых обучалось немногим более 34 тыс. детей (Маркова, 2004, с. 97). При этом, как отмечает местный краевед М. Т. Маркова, в начальный период нэпа большинство школ губернии работали не в собственных, а в арендованных зданиях. Она приводит пример Себежского уезда, где из 121 школы 59 размещались в приспособленных помещениях (2004, с. 98). Не было редкостью и полное отсутствие школьной мебели. Характеризуя состояние школы и материальное положение учителей в 1923 г., заведующий Псковским губоно Э. М. Экштейн эмоционально замечал:

«В большинстве уездов школа пережила жуткий 1922/23 учебный год. Жалкое существование, начиная с полуголодного и оборванного школьного работника и полузамерзшей школы, и кончая почти полным отсутствием учебных пособий и учебников» (2004, с. 98).

Обращаясь к представителям губисполкома, он призывал: «Не заставляйте учителя голодать физически и духовно!» (2004, с. 98). Однако призыв чиновника не будет услышан: губерния не располагала должными финансами для улучшения положения.

В Брянской губернии, отмечают авторы коллективной работы «История Брянского края. XX век», перевод абсолютного большинства школ на местное финансирование привел к такому сокращению их числа, что даже в 1927 г.

губерния еще не вышла на уровень 1914 г. (1413 и 1588 школ соответственно) (История Брянского края, 2003, с. 198–199). Приводится аналогичный перечень схожих проблем: сильно пострадавшие за предшествующие годы школьные здания, острый недостаток учебников, письменных принадлежностей, оборудования, низкая заработная плата учителей, причем выдававшаяся «очень нерегулярно» (2003, с. 198–199).

В поисках необходимых средств для школ начинает практиковаться самообложение крестьян на нужды образования. При этом, замечает исследователь из Брянска А. В. Журавская, чаще всего крестьянство соглашалось содержать школу только в своей деревне, отказываясь пополнять общий волостной бюджет (2022, с. 51–52).

Не нашла своего широкого распространения и практика договорных школ. В основе этой государственной кампании лежал принцип заключения договоров между местными отделами народного образования и крестьянством о содержании школьных учреждений. В 1922 г. в 42 губерниях страны насчитывалось более 5 тысяч школ, содержавшихся по договорам с населением, что составляло около 30% всей школьной сети (Некрылова, 2021, с. 84). Большая же часть школ не финансировалась.

В такой ситуации, когда темпы сокращения школьной сети, увольнений учителей, сокращения контингента учащихся становились катастрофическими и ставили «под удар сам процесс обучения», отмечает Е. А. Ялозина (2015, с. 220), местным властям ничего не оставалось делать, как ввести платное школьное обучение, официально санкционированное в декабре 1922 г. десятым всероссийским съездом Советов.

На Смоленщине это было сделано еще весной 1922 г. в форме «целевого налога на нужды народного просвещения и здравоохранения», а в октябре 1923 г. Смоленский губисполком принимает постановление «О временной платности за обучение в учебных заведениях». Эта «временная мера» растянется в разных форматах фактически до конца 1920-х годов. При этом введение платы за обучение на первом этапе еще сильнее обострило проблему не охваченных школой детей.

Об этом образно говорил на XVI съезде Советов Смоленской губернии в декабре 1924 г. представитель губернского отдела народного образования: «Емкость нашей сети 53 проц., по просту говоря, из каждых 100 ребят школьного возраста 53 учатся, а 47 – собак гоняют, обреченные на безграмотность в будущем» (Кодин & Кобец, 2021, с. 60). Аналогичной картина была и на Брянщине: «В 23 году школы охватывали 31 процент детей всех возрастов; в 24–35 проц., в 25–40 проц.» (Журавская, 2022, с. 52).

Работавшие же школы были крайне переполнены. Обычная наполняемость классов в середине 1920-х годов составляла 40 учащихся. Но не редкостью было обучение в одном классе по 50–60 детей, иногда эта цифра доходила до 100–150 человек (Некрылова, 2021, с. 85). Говорить о качестве работы

школ в такой ситуации вряд ли было возможно. Многие учителя не выдерживали, и при крайне низкой заработной плате и общем ухудшении материального положения квалифицированные работники уходили в другие сферы деятельности. В эпоху нэпа, в оценке О. В. Золотарева, школы некоторых регионов страны по разным причинам покинуло до 60% учителей (Золотарева, 2009, с. 37).

В 1926 г. смоленским школам все еще давалась такого рода характеристика: «Потрепанные за последнее десятилетие школьные здания, изношенный инвентарь, недостаток учебников и пособий, неудовлетворение местным бюджетом нужд народного образования – такова база нашей школы» (Кодин & Кобец, 2021, с. 63).

Рубежным в части проявления должного внимания к школе на Смоленщине можно считать 1927 г., когда впервые с начала нэпа губисполком утвердил смету не только на ремонт, но и на строительство новых школ. Начинает снижаться, а по отдельным категориям школ и населения и полностью отменяется плата за обучение.

Такого рода положительные сдвиги в вопросах народного образования второй половины 1920-х гг. становились очевидными во всех трех исследуемых регионах. Общими усилиями государства, местных властей и населения, в первую очередь крестьянства, к концу нэповского десятилетия будет преодолен глубокий кризис в системе школьного образования, школа из состояния выживания вступит в этап своего развития. В предшествующие же годы всем: и властям разных уровней – от губернского до уездного и волостного, перед которыми стояли десятки первостепенных задач социально-экономического развития регионов, и поставленным на «подножный корм» учителям, и оплачивающим обучение детей и содержащим договорные школы местным крестьянам – было не до белорусизации. Во всяком случае, эти задачи были явно не из числа актуальных, а тем более приоритетных.

При этом на Брянщине, в отличие от двух других сельско-хозяйственных губерний, имелась хорошая своего рода защита от недоработок по белорусизации и украинизации – это мощный промышленный кластер.

Очевидным индикатором и показателем отношения властных структур к работе с национальными меньшинствами является ее отражение на страницах местной периодической печати. Газета «Брянский рабочий», как основной печатный орган Брянского губкома ВКП(б) и губисполкома, свидетельствует о том, что у региональных властей на первом месте на протяжении всех 1920-х годов стояли вопросы промышленного развития губернии и социально-экономические проблемы рабочего класса. Из года в год самыми постоянными и объемными по материалам оставались рубрики «Рабочая жизнь» и «По заводам и фабрикам». В одном только Бежицком уезде было впечатляющее количество крупных предприятий: паровозо-вагоностроительный завод «Профинтерн» – 14 тыс. рабочих, Людиновский паровозостроительный завод –

4,5 тыс. рабочих, Радицкий вагоностроительный завод им. Урицкого – 1500 рабочих, Песоченский чугунолитейный – 1300 рабочих, Сукремльский чугунолитейный – 1000 человек, всего – 22–23 тыс. рабочих. Кроме этого в уезде работали Песоченская фаянсовая фабрика, Дятьковская хрустальная, Бытошевская, Ивотская, Чернятинская стекольные фабрики и цементный завод (ГАБО. Ф. 84. Оп. 1. Д. 542. Л. 110). В этом промышленном районе обучалось почти 10 тыс. детей металлистов: около 6 тыс. в школах первой ступени и 4 тыс. – в школах повышенного типа (ГАБО. Ф. 84. Оп. 1. Д. 542. Л. 110 об.). Именно на эти школы власти губернии и руководство предприятий обращали перво-степенное внимание. На этом фоне становится понятным фактически полное отсутствие каких-либо публикаций о нацменьшинствах в губернии, кроме как о принятых тематических резолюциях XII съезда РКП(б) и полного текста постановления ВЦИК РСФСР от 26 марта 1928 г. по отчету Брянского губкома ВКП(б) о работе с нацменьшинствами. С таким мощным промышленным щитом брянские власти явно не сильно переживали за вопросы белорусизации, которые, конечно, не могли оказаться в категории важных, а тем более приоритетных.

Создаем «белорусские» школы на русском языке

Некий общий всплеск интереса к вопросам белорусизации, и больше всего в отношении белорусского языка и национальных школ, в приграничных российских регионах проявился во второй половине 1920-х годов. Однако и в это время в большей степени все сводилось лишь к формальным процедурам обсуждения проблемы, а не практического ее решения.

В хронологическом отношении первым из приграничных российских регионов за решение «белорусского вопроса» взялась Смоленская губерния. Здесь уже в начале 1923 г. губернским отделом народного образования будет предписано уездным отделам «немедленно начать введение в школах первой ступени белорусского языка, а в школах второй ступени дополнительно и белоруссоведения» (ГАСО. Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 3093. Л. 19). В апреле того же года уже назывались конкретные показатели: ввести в 1923/24 учебном году белорусоведение и белорусский язык в 150 или даже в 200 школах первой и второй ступени в уездах, где проживало белорусское население (ГАСО. Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 3093. Л. 20).

При этом Смоленщина «попала» даже в постановление политбюро ЦК РКП(б) от 12 июля 1923 г., в котором предписывалось местным партийным организациям Витебской, Гомельской и Смоленской губерний немедленно приступить, «согласно постановлений XII съезда, к практическому осуществлению удовлетворения потребностей местного населения в постановке школьного дела на родных языках, в частности белорусском языке...» (Борисенко, 2016, с. 131). Как видим, смоленские власти своевременно и даже с некоторым опережением реагировали на инициированные Москвой процессы

по белорусизации. В своих решениях они показывали: да, вопрос обсуждается, меры принимаются. Но до практических действий в этом вопросе дело не доходило ни в 1923 г., ни в 1924 г. И только на 1925/26 учебный год в губернии было намечено к переводу на белорусский язык 20 школ в волостях Смоленского и Рославльского уездов с преобладающим числом белорусского населения (ГАСО. Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 3093, Л. 19 об.). Хотя и этот процесс не форсировался, переходить на белорусский язык школам следовало опять «только с будущего года» и «постепенно» (ГАСО. Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 3903, Л. 61). Официальная аргументация такой медлительности сводилась к одному тезису: «Для работы в белорусских школах нужны будут учителя, достаточно знакомые с белорусским языком» (ГАСО. Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 3093. Л. 91). Уровень «достаточности», конечно, не определялся. Но преподавать белорусский язык, а тем более другие школьные предметы на белорусском языке было некому. Проводимые же курсы переподготовки учителей здесь мало помогали: научить языку за 2-3 недели было невозможно. А тем более для последующего преподавания на нем.

Яркий пример – августовские 1925 г. курсы для учителей-белорусов Гомельской и Смоленской губерний, состоявшиеся в Минске. В столицу Белоруссии прибыли 102 гомельских и 31 смоленский учитель. В программе курсов были белорусский язык, белорусская литература, история Белоруссии и другие занятия. Но был ли от них реальный результат, если в отчете о проведенной переподготовке, организованной только для учителей-белорусов, отмечалось, что слушатели «совершенно не были знакомы с белорусским литературным языком (не умели ни читать, ни писать)»? (Кодин & Кобец, 2021, с. 79). О таком кадровом положении в школах в самом начале 1926 г. с нескрываемой горечью писал корреспондент главного печатного органа Смоленской губернии – газеты «Рабочий путь»: «до настоящего времени население (белорусское. – Е.К.) обслуживается школами на русском языке и учителями, не знающими белорусского языка» (Рабочий путь, 1926а) (выделено нами. – Е.К.).

Тем не менее, осенью 1927 г. уже констатировалось наличие в губернии «сети белорусских школ 1 ступени» с таким ее описанием: если в 1926/27 году только в 18 школах первой ступени на белорусский язык были переведены первые группы учащихся, то на 1927/28 год уже 36 школ первой ступени «начали белоруссизироваться». А в школах повышенного типа был введен предмет белоруссоведение, «чтобы через 2-3 г. постепенно провести полную белоруссизацию их» (Кодин & Кобец, 2021, с. 90-91).

Число детей-белорусов школьного возраста (6-11 лет) на начало 1928 г. составляло в губернии немногим более 2 тыс. человек. Основная масса из них училась в обычных школах. Но губоно отчитывалось и о наличии отдельных «белорусских школ». Чаще всего в официальных справках фигурировала как белорусская Руднянская школа-девятилетка, хотя обследование ее осенью 1928 г. показало иное. Официально школа считается белорусской, читаем

в отчете, но «ни по составу учащихся, ни по языку преподавания (русский) таковой признана быть не может» (2021, с. 92). И очевидно, что у Любавичского волостного комитета ВКП(б) (нынешний Руднянский район Смоленской области. – Е.К.), рассматривавшего в то же время вопрос о работе национальных школ волости, были весомые основания, чтобы указать не только на «ряд недовольств среди населения с переходом школ на белорусский язык», но и на случаи «выступления учащихся против учителей» (ГАСО. Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 4748. Л. 280), которым приходилось преподавать язык и на языке, который они не знали.

При этом расходы на белорусизацию в конце 1920-х годов были значительными. Так, к примеру, на 1927/28 г. Смоленский губисполком предусмотрел в бюджете на эти цели 87,5 тыс. рублей. Основные статьи расходов закладывались на школы: на содержание имевшихся на начало учебного года 18 классов-комплектов белорусских школ первой ступени и еще на 18 новых комплектов, запланированных к открытию; на ремонт и хозяйственные нужды белорусских школ; на оплату преподавателей белорусоведения в трех школах и др. статьи (Кодин & Кобец, 2021, с. 95; ГАСО. Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 4745. Л. 54). При общем увеличении расходов губернии в 1927/28 учебном году на народное образование на 23,1%, ассигнования на просветительскую работу среди белорусского населения выросли более чем в два раза (ГАСО. Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 4748. Л. 278 об.).

Не обходилось и без негативных оценок этих расходов, как «выброшенных на ветер» средств, причем не только среди инспекторов школ и обывателей. На таких же позициях стояли и представители власти. Смоленский горсовет, продолжая настаивать на том, что «белорусов в Смоленске нет и о них не нужно говорить», в 1928 г. своим решением вообще передал средства, изначально запланированные на культурно-просветительскую работу среди белорусского населения в городе, на жилищное строительство (Островский, 1931, с. 61). Для руководства губернского центра последнее, явно, было важнее.

Как видим, белорусизация была сложным и противоречивым процессом. В соседней Псковской губернии все было очень похоже, но с некоторой временной задержкой в сравнении со Смоленской губернией.

К своего рода активной фазе белорусизации регион приступил летом 1925 г., когда Псковский губисполком впервые обсудил вопрос «Об открытии школ для обучения белорусского населения». Губернскому отделу народного образования было поручено еще только «выяснить необходимость и целесообразность открытия школ с обучением на белорусском языке» (Филимонов, 2016, с. 47). В 1926 г. продолжалось изучение «белорусского вопроса» на предмет «целесообразности специального выделения его среди других направлений национальной политики». До практических же мероприятий «дело пока что не дошло», поскольку не были преодолены настроения «значительной части руководящих работников о ненужности работы с белорусским

населением по причине отсутствия такового» (2016, с. 47). Губернский комитет ВКП(б) базовым условием перевода школ и изб-читален на белорусский язык определял только желание самого населения, ставя главной задачей – «пробудить в самом белорусском населении интерес к своему родному языку, вызвать потребность его изучения» (2016, с. 48). В таких поисках решений прошло еще полгода. Губком партии вновь обсуждает вопрос о работе среди белорусского населения губернии. Органам народного образования в очередной раз следует поручение «выявить потребность населения в открытии школ и политпросветучреждений на белорусском языке, с тем, чтобы открытие учреждений можно было приурочить к началу 1927/28 учебного г.» (2016, с. 50). И даже на 1928/29 учебный год все еще только намечалось создать «сеть школ и изб-читален, в которых введение белорусского языка предусматривалось осуществить уже в 11 школах» (2016, с. 54). В итоге создали вначале 10 школ, а к концу 1928/29 г. их количество увеличилось до 25. «Но, – замечает А. В. Филимонов, – «белорусскими» эти школы можно было назвать с большой долей условности», поскольку преподавание всех предметов, за исключением белорусского языка, велось в них на языке русском (2016, с. 54).

Проведенные летом 1926 г. в губернии курсы переподготовки ожидаемых результатов не дали. По причине отсутствия средств на курсы вообще не приехали учителя Себежского и Велижского уездов. Завершили обучение 35 учителей одного Невельского уезда. В отчете звучало, что учителя «успешно усвоили правописание, читали по-белорусски». Отмечалось, что «цель достигнута полностью – учителя вполне могут заниматься в школе на белорусском языке...» (2016, с. 49). Однако по прошествии некоторого времени «победные» репортажи сменились грустной констатацией: в течение учебного года лишь 12 учителей, из прошедших курсы, принимали частичное участие в работе на белорусском языке. И эта работа заключалась в следующем: «ученикам по их желанию выдавались для чтения на дом книги и учебники, иногда чтение белорусской литературы устраивалось в школе, в отдельных случаях разучивались белорусские стихи и песни, изредка практиковались постановки» (2016, с. 52). Основным, как нам представляется, здесь является тезис – «по их желанию». Даже специальная комиссия губкома ВКП(б), проверявшая Невельский уезд весной 1927 г. на предмет работы с белорусами, констатировала живучесть твердых убеждений, что причислявшие себя к белорусам жители уезда по своему языку и обычаям мало отличались от русского населения, а значит, не было никакой необходимости в широкой работе «среди белорусов на белорусском языке» (2016, с. 50).

В Брянской губернии отношение к изучению белорусского языка и к белорусским школам было несколько сложнее, чем в Псковской и Смоленской, поскольку на юге губернии значительно активнее, чем в процессе белорусизации, проявлялись практики украинизации. Местным властям приходилось реагировать на два этих процесса одновременно, хотя белорусская тематика

на фоне украинской была менее проблематичной и в общих чертах схожей с процессами, имевшими место в соседних российских приграничных регионах.

Методы некоего административного «заигрывания» проблемы были схожими с практикой Псковской губернии. Так, даже после принятия ВЦИК в марте 1928 г. обязательного к исполнению постановления по отчету Брянского губисполкома о работе с нацменьшинствами, в котором ставилась задача «усилить обслуживание украинского-белорусского населения в приграничных районах, особенно в части удовлетворения культурных нужд национальных меньшинств», в том числе и в формате «перевода школ нацмен первой ступени на родной язык» (ГАБО. Ф. 84. Оп. 1. Д. 1126 (ч.1). Л. 14), Брянский губОНО решил вначале обследовать два присоединенных недавно от Гомельской губернии уезда: Клинцовский и Стародубский. Экспедиция должна была изучить разговорный язык, быт, обычаи, обряды, жилища, способы передвижения и способы обработки земли, поскольку «только таким комплексом всех перечисленных признаков» возможно было «установить несомненную принадлежность изучаемой народности к той или иной национальной группе» (ГАБО. Ф. 84. Оп. 1. Д. 1126 (ч.1). Л. 14). Лишь после такого детального обследования уездов губернский отдел народного образования планировал рассмотреть вопрос «о целесообразности перевода школ национальных меньшинств на родной язык» (ГАБО. Ф. 84. Оп. 1. Д. 1126 (ч.1). Л. 14).

В созданной в 1929 г. в основном из Смоленской, Брянской и Великолукского округа Псковской губернии Западной области с административным центром в Смоленске отношение к вопросам белорусизации претерпит явные изменения. Общая цифра белорусского населения превышала 78 тыс. человек. В официальных справках говорилось о наличии 67 белорусских школ первой ступени и 4 школ повышенного типа. Но при этом все чаще звучал тезис о том, что открывать школы на белорусском языке следовало только там, «где население подготовлено к этому», а «насаждать белорусские школы без подготовки было бы весьма ошибочно и политически неверно» (ГАСО. Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 4746. Л. 279).

Заключение

Каким может быть ответ на изначально поставленный в исследовании вопрос: состоялась ли белорусизация в трех приграничных российских регионах в 1920-е годы? Однозначным он, явно, быть не может.

В части содержания и задач политики белорусизации для самой Белоруссии, о чем говорилось в самом начале текста, конечно, не состоялась. Но для российских регионов с компактным проживанием белорусов всего этого и не требовалось. Москва ставила более узкие задачи: преподавание в школах белорусского языка и курса белорусоведения для белорусской части

учащихся в отдельных губерниях и уездах; создание белорусских школ с преподаванием всех предметов на белорусском языке; организация работы культурно-просветительских учреждений на белорусском языке. Однако даже и в таком весьма урезанном формате белорусизация была реализована лишь частично. Принимались меры для обучения детей белорусскому языку, изучению белорусской истории и литературы. В основном формально, но создавались отдельные белорусские школы, в которых занятия при этом велись на русском языке. В избы-читальни поступали белорусские периодические издания. И другое.

Безусловно, проведение политики белорусизации в самой Белоруссии было вызвано необходимостью противопоставить новую советскую национальную политику практике сплошной полонизации в западных ее регионах, отошедших к Польше по Рижскому миру 1921 г. Белорусизация же для российских регионов, даже с компактным проживанием белорусов, как это имело место в приграничных Псковской, Смоленской и Брянской губерниях, была в значительной степени мерой искусственной.

На начало 1920-х годов процент белорусского населения стал здесь совсем незначительным (от 0,13% в Псковской, до 0,33% в Брянской и 2,62% в Смоленской губернии – по переписи 1920 г.). Белорусское население воспринималось местным населением и властями как русское и русскоязычное, хотя и с некоторыми нюансами в говорах. С позиций местных властей, в регионах не было оснований для отдельной политики белорусизации, как не требовалось этого для евреев, поляков, латышей и иных национальных меньшинств, которые создавали свои секции при партийных комитетах, культурно-национальные учреждения (школы, клубы, театры...) вне рамок какой-либо отдельной для них национальной политики. Белорусы же ничего такого вообще не делали и к этому не стремились. Все было настолько спокойно, отмечает А. В. Филимонов, что, к примеру, на уровне Псковского губкома ВКП(б) вообще «не помышлялось о создании аналогичной белорусской секции, как и ведении какой-либо работы среди белорусов, например открытии специальных белорусских школ или культпросветучреждений» (2016, с. 47). То же было и на Смоленщине, и в Брянской губернии.

Не способствовало созданию отдельных белорусских школ и трудное материальное и финансовое положение всей школьной системы образования в эпоху нэпа. Практика самообложения и договорных школ не предполагала финансирования отдельных белорусских школ. Местные бюджеты начали закладывать средства на ремонт и строительство школ, приобретение оборудования только со второй половины 1920-х годов, готовясь к введению всеобщего. Предусматривались средства и на белорусизацию. Но какой-либо поддержки даже со стороны самого белорусского населения это не получило.

Преподавание белорусского языка во всех трех регионах, а также создание якобы белорусских школ носило отчетливо выраженный формальный характер. Вызвано это было полным отсутствием учителей, владеющих белорусским языком. Данная кадровая проблема в исследуемых приграничных российских регионах не была решена на протяжении всех 1920-х годов.

В самом начале 1930-х годов «приговоренные к белорусизации» (Кобец, 2021) российские приграничные регионы легко от нее откажутся, образовательные и культурно-просветительные учреждения быстро перестроят свою деятельность под новые требования – необходимость повышения престижа русского языка.

По сути никакой необходимости и потребности в политике белорусизации в приграничных российских регионах не было. Но основную роль здесь сыграл фактор внешний – польский. В противовес варшавской полонизации в так называемых «восточных кресах» Москве нужно было показать не только всемерное развитие белорусской нации в границах БССР, но и поддержку белорусского населения в пределах РСФСР.

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00859, <https://rscf.ru/project/24-28-00859/>

The research was funded by a grant from the Russian Science Foundation No. 24-28-00859, <https://rscf.ru/project/24-28-00859/>

Список литературы

- Борисенок, Ю. А. (2008). «Белорусизация» 1920-х годов. *Вопросы истории*, 6, 133–136.
- Борисенок, Ю. А. (2013а). *На крутых поворотах белорусской истории: Общество и государство между Польшей и Россией в первой половине XX века*. ООО «Родина МЕДИА».
- Борисенок, Ю. А. (2013b). Польский фактор в национальной политике советской власти в Белоруссии в 1920 – 1930-е годы. *Новая и новейшая история*, 6, 55–65.
- Борисенок, Ю. А. (2022). Смоленский вариант белорусизации 1920-х гг. *Славянский альманах*, 3-4, 463–478. <https://doi.org/10.31168/2073-5731.2022.3-4.6.03>
- Брянская губерния в цифрах: Краткий статистический справочник по Брянской губ. (1924). Красная книга.
- Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г.: Краткие сводки. Вып. 4: Народность и родной язык населения СССР. (1928). Издание ЦСУ СССР.
- Государственный архив Брянской области (ГАБО). (б. д.-а). Ф. 84. Оп. 1. Д. 542.

- Государственный архив Брянской области (ГАБО). (б. д.-б). Ф. 84. Оп. 1. Д. 1126 (ч.1).
- Государственный архив Смоленской области (ГАСО). (б. д.-а). Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 3093.
- Государственный архив Смоленской области (ГАСО). (б. д.-б). Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 3903.
- Государственный архив Смоленской области (ГАСО). (б. д.-с). Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 4745.
- Государственный архив Смоленской области (ГАСО). (б. д.-д). Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 4746.
- Государственный архив Смоленской области (ГАСО). (б. д.-е). Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 4748.
- Данные Всероссийской демографической переписи населения 28 августа 1920 г. Псковская губерния. Вып. 2. (Национальность, пол, грамотность). (1923).
- Дементьев, В. С. (2015). Характер расселения и этнический состав населения Псковского региона в период с 1926 по 1939 гг. *Псковский регионологический журнал*, 24, 88–105.
- Десятый съезд РКП(б). Март 1921 года. Стенографический отчет. (1963). Государственное издательство политической литературы.
- Журавская, А. В. (2022). Провинциально учительство. 1920–е гг. (На материалах Брянской и Смоленской губерний). *История. Общество. Политика*, 2, 49–54.
- Золотарев, О. В. (2009). Советское учительство в 1920–х годах. *Интеллигенция и мир*, 3, 28–40.
- История Брянского края. XX век.* (2003).
- Карский, Е. Ф. (1903). *Белоруссы: Т. 1: Введение в изучение языка и народной словесности.* Типография Варшавского учебного округа.
- Кобец, О. В. (2021). «Приговоренные к белорусизации»: Смоленские белорусы в 1920–е годы (к вопросу о численности). *Известия Смоленского государственного университета*, 1, 199–217. <https://doi.org/10.35785/2072-9464-2021-53-1-199-217>
- Кодин, Е. В., & Кобец, О. В. (2019a). Белорусизация в российско-белорусском приграничьи: Смоленщина, 1924–1929 гг. *Белорусская думка*, 8, 85–91.
- Кодин, Е. В., & Кобец, О. В. (2019b). Смоленщина, 1921–1925 годы: Белорусизация сверху? *Известия Смоленского государственного университета*, 2, 164–177.
- Кодин, Е. В., & Кобец, О. В. (2021). *Белорусизация на Смоленщине, 1920–е годы.* Издательство СмолГУ.
- Манаков, А. Г. (2013). Российско-белорусское порубежье: Историко-географическая детерминация. *Псковский регионологический журнал*, 16, 169–176.
- Маркова, М. Т. (2004). *Очерки истории народного образования Псковской губернии. 1900–1927 гг.* ПГПИ им. С.М. Кирова.
- Народное образование в Псковской губернии по предварительным итогам текущего обследования учреждений народного образования 1921 года (1 апреля).* (1921). Первая государственная типография.
- Население Брянской губернии по данным переписи 1926 года.* (1927). Брянский губернский статистический отдел.
- Население империи по переписи 28-го января 1897 года. По уездам.* (1897). Центральный статистический комитет Министерства внутренних дел.

- Некрылова, О. Г. (2021). Опыт создания договорных школ в условиях строительства советской школьной системы 1920-х гг. *Проблемы социальных и гуманитарных наук*, 2, 82–86.
- Островский, З. (1931). Проблемы украинизации и белоруссизации в РСФСР. Власть Советам.
- Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. XXXIV. Псковская губерния. Тетрадь 2. (1904). Издание центрального статистического комитета министерства внутренних делъ.
- Практическое разрешение национального вопроса в Белорусской Социалистической Советской Республике. Ч I: Белоруссизация. По материалам Центральной Национальной Комиссии ЦИК БССР. (1927). Центральной Национальной Комиссии ЦИК БССР.
- Предварительные итоги Всесоюзной переписи населения 1926 г. По Псковской губернии. (1927). Псковский губстатотд.
- Рабочий путь. (1922, декабрь 10).
- Рабочий путь. (1924, декабрь 18).
- Рабочий путь. (1926, январь 13).
- Рабочий путь. (1927, ноябрь 2).
- Сельскохозяйственная статистика Смоленской губернии. (2011). Универсум.
- Филимонов, А. В. (2016). Белорусы в Псковском крае (1920-е гг.). *Ученые записки УО «ВГУ имени П.М. Машерова»: сборник научных трудов*, 22, 45–55.
- Центр документации новейшей истории Брянской области (ЦДНИБО). (б. д.-а). Ф. 1. Оп. 1. Д. 1597.
- Центр документации новейшей истории Брянской области (ЦДНИБО). (б. д.-б). Ф. 1. Оп. 1. Д. 1646.
- Центр документации новейшей истории Брянской области (ЦДНИБО). (б. д.-с). Ф. 1. Оп. 1. Д. 1910.
- Ялозина, Е. А. (2015). Плата за обучение в советской школе в 1920-е гг. *Манускрипт*, 12(3), 218–221.

References

- Agricultural Statistics of Smolensk Province*. (2011). Universum. (In Russian).
- All-Union Population Census December 17, 1926: Brief Summaries. Issue 4: Nationality and Native Language of the USSR Population*. (1928). USSR Central Statistical Administration. (In Russian).
- Borisyonok, Y. A. (2008). The 'Belarusianisation' of the 1920s. *Voprosy Istorii*, 6, 133–136. (In Russian).
- Borisyonok, Y. A. (2013a). *On the Sharp Turns of Belarusian History: Society and State Between Poland and Russia in the First Half of the 20th Century*. Rodina MEDIA LLC. (In Russian).
- Borisyonok, Y. A. (2013b). The Polish Factor in National Policy of the Soviet Power in Belarus in the 1920th – the 1930th years. *Modern and Contemporary History*, 6, 55–65. (In Russian).
- Borisyonok, Y. A. (2022). The Smolensk variant of Belarusianization in the 1920s. *Slavic Almanac*, 3–4, 463–478. <https://doi.org/10.31168/2073-5731.2022.3-4.6.03> (In Russian).
- Bryansk Province in Figures: A Brief Statistical Handbook on Bryansk Province*. (1924). Red Book. (In Russian).

- Center for Documentation of Recent History of Bryansk Region (CDRHBR). (n.d.-a). F. 1, In 1, C. 1597. (In Russian).
- Center for Documentation of Recent History of Bryansk Region (CDRHBR). (n.d.-b). F. 1, In. 1, C. 1646. (In Russian).
- Center for Documentation of Recent History of Bryansk Region (CDRHBR). (n.d.-c). F. 1, In. 1, C. 1910. (In Russian).
- Data from the All-Russian Demographic Census August 28, 1920. Pskov Province. Issue 2. (Nationality, Gender, Literacy).* (1923). (In Russian).
- Dementyev, V. S. (2015). Settlement Patterns and Ethnic Composition of the Population of the Pskov Region in 1926-1939. *Pskov Journal of Regional Studies*, 24, 88-105. (In Russian).
- Filimonov, A. V. (2016). Belarusians in Pskov Region (1920s). *Scientific Notes of Vitebsk State University Named after P.M. Masherov: Collection of Scientific Works*, 22, 45-55. (In Russian).
- History of Bryansk Region. 20th Century.* (2003). (In Russian).
- Karsky, E. F. (1903). *Belarusians: Vol. 1: Introduction to the Study of Language and Folk Literature.* Warsaw Educational District Printing House. (In Russian).
- Kobets, O. V. (2021). «Sentenced to Belarusization»: Smolensk Belarusians in the 1920s (to the Question of Their Number). *Izvestia of Smolensk State University*, 1, 199-217. <https://doi.org/10.35785/2072-9464-2021-53-1-199-217> (In Russian).
- Kodin, E. V., & Kobets, O. V. (2019a). Belarusization in the Russian-Belarusian Borderland: Smolensk Region, 1924-1929. *Belarusian Thought*, 8, 85-91. (In Russian).
- Kodin, E. V., & Kobets, O. V. (2019b). Smolensk Region, 1921-1925: Belarusization from Above? *Izvestia of Smolensk State University*, 2, 164-177. (In Russian).
- Kodin, E. V., & Kobets, O. V. (2021). *Belarusization in Smolensk Region, 1920s.* Smolensk State University Publishing House. (In Russian).
- Manakov, A. G. (2013). Russian-Belarusian Borderland: Historical-Geographical Determination. *Pskov Journal of Regional Studies*, 16, 169-176. (In Russian).
- Markova, M. T. (2004). *Essays on the History of Public Education in Pskov Province. 1900-1927.* Pskov State Pedagogical Institute named after S.M. Kirov. (In Russian).
- Nekrylova, O. G. (2021). The Experience of Creating Contract Schools During the Construction of the Soviet School System in the 1920s. *Problems of Social and Humanitarian Sciences*, 2, 82-86. (In Russian).
- Ostrovsky, Z. (1931). *Problems of Ukrainization and Belarusization in the RSFSR. Power to the Soviets.* (In Russian).
- Population of Bryansk Province According to the 1926 Census.* (1927). Bryansk Provincial Statistical Department. (In Russian).
- Population of the Empire According to the January 28, 1897 Census. By Districts.* (1897). Central Statistical Committee of the Ministry of Internal Affairs. (In Russian).
- Practical Resolution of the National Question in the Belarusian Socialist Soviet Republic. Part I: Belarusization. Based on Materials from the Central National Commission of the CEC of the BSSR.* (1927). Central National Commission of the CEC of the BSSR. (In Russian).

- Preliminary Results of the All-Union Population Census of 1926 for Pskov Province.* (1927). Pskov Provincial Statistical Department. (In Russian).
- Public Education in Pskov Province According to Preliminary Results of the 1921 Survey of Public Education Institutions (April 1).* (1921). First State Printing House. (In Russian).
- Rabochiy Put.* (1922, December 10). (In Russian).
- Rabochiy Put.* (1924, December 18). (In Russian).
- Rabochiy Put.* (1926, January 13). (In Russian).
- Rabochiy Put.* (1927, November 2). (In Russian).
- State Archive of Bryansk Region (SABR). (n.d.-a). F. 84, In. 1, C. 542. (In Russian).
- State Archive of Bryansk Region (SABR). (n.d.-b). F. 84, In. 1, C. 1126 (Part 1). (In Russian).
- State Archive of Smolensk Region (SABR). (n.d.-a). F. R-19, In. 1, C. 3093. (In Russian).
- State Archive of Smolensk Region (SABR). (n.d.-b). F. R-19, In. 1, C. 3903. (In Russian).
- State Archive of Smolensk Region (SABR). (n.d.-c). F. R-19, In. 1, C. 4745. (In Russian).
- State Archive of Smolensk Region (SABR). (n.d.-d). F. R-19, In. 1, C. 4746. (In Russian).
- State Archive of Smolensk Region (SABR). (n.d.-e). F. R-19, In. 1, C. 4748. (In Russian).
- Tenth Congress of the RCP(b). March 1921. Stenographic Report.* (1963). State Publishing House of Political Literature. (In Russian).
- The First General Census of the Population of the Russian Empire, 1897. XXXIV. Pskov Province. Notebook 2.* (1904). Publication of the Central Statistical Committee of the Ministry of Internal Affairs. (In Russian).
- Yalozina, E. A. (2015). Payment for Education in Soviet Schools in the 1920s. *Manuscript*, 12(3), 218–221. (In Russian).
- Zhuravskaya, A. V. (2022). Provincial Teaching. 1920s. (Based on Materials from Bryansk and Smolensk Provinces). *History. Society. Politics*, 2, 49–54. (In Russian).
- Zolotaryov, O. V. (2009). Soviet Teaching in the 1920s. *Intelligentsia and the World*, 3, 28–40. (In Russian).

Soviet 'Easterns/Osterns' of the 1920s: Adventure Films on the Caucasian Frontier of Russia

Elena V. Dianova

Petrozavodsk State University. Petrozavodsk, Russia. Email: elena-dianowa[at]yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7661-5181>

Received: 30 May 2024 | Revised: 20 July 2024 | Accepted: 26 July 2024

Abstract

The article elucidates the issue of representation in Soviet cinema of historical events that transpired during the formation of the Caucasian frontier and the interactions that emerged between the indigenous population and the tsarist troops. The term “Eastern” is analogous to the term “Western” which refers to films about the exploration of the Wild West. This is a useful way of conceptualizing Soviet silent films created on Caucasian material from the 19th–early 20th centuries. This article aims to examine feature films from the 1920s that depict Russia’s advance into the Caucasus. It seeks to identify similarities and differences between these films and the first Soviet “Easterns/Osterns” and “Westerns,” as well as to analyze the influence of ideological attitudes in historical science on the interpretation and depiction of events that took place on the Caucasian frontier. The visual sources utilized in this study include the silent films ‘Abrek Zaur’ (1926), ‘The Law of the Mountains’ (1927), and ‘Zelimkhan’ (1929). Additionally, published materials from the 1920s, including periodicals such as newspapers and magazines, were consulted. The study yielded insights into the stylistic similarities between classic Westerns and the first Soviet Easterns, including the portrayal of protagonists, the use of action and stunts, and the incorporation of jumps. The content of the films is correlated with real historical events, but they reflect the Bolshevik paradigm of history in the study of ethnosocial conflicts in the Caucasus. In films about highlanders, masculine culture is a dominant feature due to gender attitudes and the national cultural identity of the peoples of the Caucasus. Films about mountaineers were instrumental in shaping perceptions of the Caucasus during the early decades of the twentieth century. They illustrate the attributes of traditional culture, daily life, customs of mountain village inhabitants, the characteristics of the landscape, and architectural features. In general, films of an adventurous nature created on Caucasian material are of interest to those with an affinity for classic cinema, particularly the earliest Soviet Eastern films, as well as to researchers seeking to gain insight into significant historical and cultural information. This article is intended for those engaged in the study of the history of Soviet cinema.

Keywords

Caucasus; Frontier; Western; Soviet Cinema; Eastern; People's Protector; Ethno-Social Conflicts; Masculine Culture; Gender Attitudes

This work is licensed under a [Creative Commons “Attribution” 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Советские истерны / остерны 1920-х годов: приключенческие фильмы о Кавказском фронтире России

Дианова Елена Васильевна

Петрозаводский государственный университет. Петрозаводск, Россия.

Email: elena-dianowa[at]yandex.ru ORCID: <https://orcid.org/0001-0001-7661-5181>

Рукопись получена: 30 мая 2024 | Пересмотрена: 20 июля 2024 | Принята: 26 июля 2024

Аннотация

В статье освещается проблема репрезентации в советском кино исторических событий, происходивших в период освоения кавказского фронта. Созданные на кавказском материале XIX – начала XX веков фильмы о взаимодействиях местного населения с царскими войсками можно расценивать как истерны / остерны по аналогии с вестернами, фильмами об освоении Дикого Запада. Цель статьи состоит в том, чтобы рассмотреть игровые фильмы 1920-х годов о продвижении России на Кавказ и найти сходство и различие первых советских истернов / остернов и вестернов; выявить влияние идеологических установок в исторической науке на трактовку и изображение событий, происходивших на кавказском фронтире. В качестве визуальных источников использованы немые фильмы «Абрек Заур» (1926), «Закон гор» (1927), «Зелимхан» (1929). Кроме того, привлекались опубликованные материалы и периодические издания (газеты и журналы) 1920-х годов.

В результате проведенного исследования удалось установить общие стилистические черты и у классических вестернов, и у первых советских истернов (отрицательные и положительные герои, динамичность действия, трюки, скачки). Содержание кинолент соотносится с реальными историческими событиями, но в них обнаруживается отражение большевистской парадигмы истории в изучении этносоциальных конфликтов на Кавказе. В фильмах о горцах преобладают черты маскулинной культуры в силу гендерных установок и национальной культурной идентичности народов Кавказа. Данные фильмы имели большое значение для создания представлений о Кавказе первых десятилетий XX века. В них показаны атрибуты традиционной культуры, быта, обычаев жителей горных аулов, особенности ландшафта, архитектуры. В целом приключенческие картины, созданные на кавказском материале, для любителей старого кино представляют интерес как первые советские истерны, для исследователей – как источник важной историко-культурной информации.

Статья предназначена для тех, кто занимается изучением истории советского кинематографа.

Ключевые слова

Кавказ; фронтир; вестерн; советский кинематограф; истерн; народный защитник; этносоциальные конфликты; маскулинная культура; гендерные установки

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons “Attribution” \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Введение

Актуальность данной публикации обусловлена рядом причин. Прежде всего, в последнее время сохраняется устойчивый интерес ученых к проблемам фронта. Созданная их усилиями достаточно обширная историография доказывает возможность применения концепта «фронт» к анализу истории как в масштабах Российской империи, так и отдельных регионов (Как сегодня изучать фронтиры, 2020, с. 86). Так, «на материале Северного Кавказа концепт “фронт” может быть эффективным исследовательским инструментом для описания пространства, в котором взаимодействовали представители горской и европейской культур, для комплексного исследования пограничных сообществ» (Магарамов, 2023, с. 19).

Сейчас с расширением исследовательского поля историков применение концепта «фронт» позволяет привлекать визуальные источники, как документальные и этнографические, так и художественные картины. Обращения историков к игровому кино объясняется тем, что любой художественный фильм является «самостоятельным источником», независимо от того, «какие именно и насколько значительные в масштабах мировой и / или отечественной истории события моделирует его фабульный ряд» (Конфедерат, 2019, с. 110). Для историков важно исследование идеологии, содержащейся в фильме, что «позволяет реконструировать исторический контекст эпохи, ... достичь более полного понимания менталитета того или иного общества» (Егоров, 2022, с. 11).

Научная новизна статьи заключается в том, что в ней некоторые фильмы 1920-х годов, снятые на материале событий, происходивших на Кавказе в XIX – начале XX веков в период освоения кавказского фронта, представлены как первые советские истерны / остерны по аналогии с вестернами, продукцией западного кинематографа об освоении Дикого Запада. Слово «истерн» означает «восточный» (англ. eastern), как и «остерн» (нем. ostern). Следует учитывать, что фильмы создавались в рамках идеологических установок под давлением идейных приоритетов раннего советского периода.

Исходя из постановки проблемы, цель статьи состоит в том, чтобы не только рассмотреть игровые фильмы 1920-х годов о событиях на Кавказе в XIX – начале XX веков как первые советские истерны / остерны, но и найти их общие стилистические черты. Для достижения цели необходимо решить следующие задачи: выявить сходство и отличие классических вестернов и советских истернов / остернов; соотнести содержание кинолент с реальными историческими событиями; найти в фильмах отражение большевистской парадигмы истории в изучении этносоциальных конфликтов на Кавказе; выявить черты маскулинной культуры в кавказских фильмах; показать значение кино для создания представлений о Кавказе первых десятилетий XX века.

Литературу по данной теме можно разделить на два блока. В первый блок входят статьи и книги о вестернах и американских ковбойских фильмах (Аксенов, 2004), (Горячок, 2020), (Захаров, 2023), (Зорин, 2020), (Карцева, 1976). В киноведческой литературе имеются работы о «красных вестернах» (Лаврентьев, 2009) и «вестернах по-советски» (Раззаков, 2019). Авторы стремятся определить культурную специфику жанра «истерн» (Лапина-Кратасюк, 2011) и ответить на вопрос: «Чем советский истерн отличается от классического западного вестерна?» (Давыденко, 2014). В интернет-изданиях найдены материалы Т. В. Бестаевой (2017), Л. Гудаева (2016), Т. В. Дадиановой (2013) об актере Владимире Бестаеве, герое приключенческих фильмов 1920-х годов.

Ко второму блоку относятся некоторые издания о Северном Кавказе (Безрукова, 2010), (Матвеев, 2016), (Ханаху, 2001); фронтальные исследования (Как сегодня изучать границы, 2020), (Магарамов, 2023), (Романова & Топчиев, 2014). Данные труды позволили выявить концептуальные подходы к изучению взаимодействия народов, живших в зоне фронта, и различные точки зрения на природу этносоциальных конфликтов в условиях российской интеграции на Северном Кавказе в конце XIX – начале XX веков.

Методология исследования базируется на положениях современной визуалистики и совокупности подходов к анализу визуальных источников – игровых фильмов, обладающих «оптимальной информационной насыщенностью». В изучении «научного потенциала иконолических образов» выделяются такие основные подходы, как дискурсивный, учитывающий социальный и производственный контекст возникновения образа; структурно-семиотический, описывающий границы, композицию и предметный ряд источника (игрового фильма); герменевтический, полагающий «своей целью выяснение мотиваций и намерений автора или персонажа» (Конфедерат, 2020, с. 116). Визуальные образы в игровых фильмах выступают как «маркеры историко-культурной информации». В статье анализируются предметно-сюжетный ряд кинокартин, «уровень и качество социализации, выводимые на основании реакции социума на фильм» (Конфедерат, 2019, с.110, 111).

Источники и методы исследования. Для подготовки публикации использовались источники двух видов: визуальные и печатные. Визуальные источники представлены сохранившимися немymi фильмами, выпущенными на экраны разными киностудиями страны: «Абрек Заур» / «Сын гор» (Госкино, 1926), «Закон гор» / «Кровавая месть» (Госкинопром Грузии, 1927), «Зелимхан» (Востоккино, 1929). Ценность игрового фильма как источника заключается в «информации о “внутренней истории”, датированной временем его появления» (Конфедерат, 2019, с. 110). Анализ визуальных источников осуществлялся с помощью эмпирического метода, суть которого заключается в восприятии кинообразов и извлечении информации путем просмотра кинокартин 1920-х годов.

Использовались и опубликованные документы, среди них материалы первого Всесоюзного партийного совещания по кинематографии (Пути кино, 1928). Интересные сведения о фильмах и советских актерах содержит периодическая печать 1920-х годов: еженедельная газета «Кино», «Кино-газета», журналы «Советский экран» и «Советское кино».

Для проведения бесед со зрителями о произведениях киноискусства издавались специальные брошюры о фильмах, в том числе о картинах «Абрек Заур» (Иркутов, 1927) и «Зелимхан» (Сапожникова, 1934). Знакомство с ними позволило лучше понять замысел постановщиков фильмов, их трактовку исторических событий. Выявлению сюжетных линий и фабулы кинокартин способствовали их краткие описания из аннотированного каталога немых фильмов (Советские художественные фильмы, 1961).

В процессе работы над статьей применялись специальные методы исторической науки (описательный и историко-сравнительный методы, причинно-следственный анализ). Историко-описательный метод важен для изложения событий, ставших основой для создания первых советских приключенческих фильмов.

Исторический компаративизм, или историко-сравнительный метод, необходим при сравнении основных признаков вестернов с характерными жанровыми особенностями советских истернов / остернов – кавказских фильмов 1920-х годов. Историко-компаративистский метод весьма приемлем при сравнении основных содержательных линий биографических фильмов и реальной жизни их главных прототипов, например, при сопоставлении картины «Зелимхан» и жизнеописания Зелимхана Гушмазукаева. Причинно-следственный анализ использовался для объяснения мотивов человеческой деятельности, в частности, ухода горцев в абреки.

Для определения ценности фильмов 1920-х годов как исторических источников применялся герменевтический анализ произведений киноискусства. Гендерный подход оказался востребованным при выявлении признаков маскулинной культуры и наличия романтической линии в фильмах, созданных на кавказском материале.

Вестерны и фильмы «плаща и шпаги»

В Советской России, как и за рубежом, высокий рейтинг имели авантюрные, приключенческие фильмы, или вестерны. По основным сюжетам вестерны делятся на переселенческие, ковбойские, бандитские и др. Действие в переселенческих вестернах происходит в Северной Америке, на Диком Западе во время освоения белыми переселенцами территории, занятой туземными племенами. В ковбойских фильмах местом действия являются скотоводческие ранчо или маленькие городки, натурным фоном служат прерии,

пустыни, где на фронтире возникают постоянные стычки между ковбоями и индейцами.

В США только в 1924 г. на экраны вышло 150 фильмов, среди которых выделялись эпические вестерны «Крытый фургон» (1923) и «Железный конь» (1924). Также к вестернам близки картины «плаща и шпаги», посвященные «социальным бандитам», «благородным разбойникам», защитникам бедных типа Робина Гуда. Здесь «главный герой вестерна – одинокий рыцарь, который олицетворяет закон на нецивилизованном Диком Западе, защищает слабых и вершит правосудие» (Захаров, 2023).

В СССР публика особенно полюбила фильмы с участием американского актера Дугласа Фербенкса – «веселого Дуга». Фербенкс, «спортсмен, прыгун, наездник, фехтовальщик, сорвиголова», начал свою карьеру с ковбойских фильмов, «полных самых головокружительных трюков». Советская критика благосклонно относилась к Фербенксу, потому что ««веселый Дуг» весело смотрит на жизнь, заразительно улыбается, шутит, бегаёт, прыгает, никогда не даёт себя в обиду, никогда не распускает нюни, не знает, что такое вялость, робость и уныние» (Первым экраном на просмотре, 1928, с. 3).

В фильме «Знак Зорро» (1920) Фербенкс появился на экране в роли «благородного выходца из Испании – «бандита» Зорро». Зрителей увлекала «история о некоем молодом испанце – вечно зевающем лодыре и ни к чему не пригодном оболтусе, являющемся в то же время ночным мстителем, другом всей бедноты, бесстрашным бандитом, грозой полиции». Незатейливость сюжета и наивность истории не мешали «смеяться каждый раз неожиданному превращению стального летуна в шелковую мямлю» (Фербенкс в «Знаке Зорро», 1925, с. 2).

К серии американских фильмов «плаща и шпаги» относится картина «Робин Гуд» (1922) о «защитнике всех несчастных, грозе королевских лесов, благородном рыцаре Робин Гуде». Многочисленных почитателей таланта Фербенкса покорила его Робин Гуд, разбойник «из благородных», «народный любимец, мститель за оскорбления, величайшие лишения и пытки» («Робин Гуд», 1925, с. 2).

Приключенческие фильмы и вестерны «выбивали зрителя из круга обычности» и имели большой успех «у массы, особенно у молодежи». Анализ зрительских интересов показал, что «из рабочей аудитории часто предъясняется спрос на американские трюковые фильмы и наблюдается отрицательная оценка советских идеологически выдержанных фильмов» (Пути кино, 1929, с. 31).

Данное обстоятельство заставило советских кинематографистов заняться «обновлением кино», чтобы составить должную конкуренцию американской киноиндустрии, хотя в основу обновленного кино «была положена американизированная техника и американский темп» (Победа советской кинематографии, 1923, с. 13).

Первые советские истерны 1920-х годов

Требование «создать кино революции» на основе американской техники, с американским темпом и динамическим сюжетом привело к появлению истернов, или остернов – приключенческих фильмов, снятых на материале освоения окраин Российского государства, по истории революции и Гражданской войны на юго-востоке и востоке российского фронта.

Действия в советских истернах / остернах происходят на Кавказе, в Крыму, Средней Азии и даже Сибири. Многие из них имеют явный отпечаток влияния вестерна, в них отчетливо просматриваются его традиционные стилистические черты: острота фабулы, динамичность действия, героика характеров. Здесь и там фигурируют «хорошие» и «плохие» герои. Стремительности развивающихся на экране событий соответствуют опасные трюки, драки, скачки, погони, перестрелки.

Ранние советские истерны отличает интегрированный характер, поскольку в этих фильмах 1920-х годов соединяются различные виды жанра вестерна: переселенческие мотивы переплетаются с ковбойскими сценами и народными легендами о «благородных разбойниках». Отличие истернов от вестернов состоит в том, что, «несмотря на привязку к хорошо задокументированной исторической эпохе, вестерны рассказывают главным образом о вымышленных событиях, разворачивающихся на фронтире» (Захаров, 2023). В основу сценариев отечественных приключенческих фильмов положены реальные события из дореволюционной и ранней советской истории России.

Первым советским истерном считается фильм «Красные дьяволята» (Киносекция Наркомпроса Грузии, 1923) о гражданской войне. По мнению современников, это была «настоящая американизированная фильма с быстро разворачивающимся сюжетом, с трюками». Именно она рассматривалась как «победа советской кинематографии» над американским кино (Победа советской кинематографии, 1923, с. 13). Картина «Красные дьяволята» дала толчок к созданию других героических и историко-революционных фильмов.

Художественный совет по делам кино при Главполитпросвете по заданию Агитпропа ЦК РКП(б) разработал ориентировочный план кинопроизводства. План определял примерную тематику фильмов, среди них были темы по истории рабочего класса и крестьянства, исторические фильмы о классовой борьбе и борцах за освобождение от социального и национального гнета, а также фильмы приключенческого характера.

«Абрек Заур»: Ладو Бестаев – «Кавказский Фербенкс»

В 1920-е годы репертуар советского кино пополнился приключенческими фильмами о событиях, связанных с национально-освободительной борьбой и революционным движением на окраинах Российской империи в XIX – начале XX веков. Некоторые истерны, созданные на историческом материале

об освоении Кавказа, рассказывают о народных героях и «благородных разбойниках». В каждой из лент «присутствует облагораживающий героя мотив мести» (Карцева, 1976, с. 177). Герои некоторых фильмов – не вымышленные персонажи, а реально жившие люди: грузин Арсен Одзелашвили, осетин Заур Амбалов, чеченец Зелимхан Гушмазукаев.

Похождениям осетина Заура Амбалова режиссер Борис Михин и сценарист Измаил Бей-Абай посвятили кинодраму «Абрек Заур» / «Сын гор» (Госкино, 1926). Сначала «художественный боевик» состоял из 10 частей, в 1938 г. его сократили до пяти частей и выпустили в новой редакции. Роль абрека Заура исполнил советский актер и кинорежиссер Владимир (Ладо) Герасимович Бестаев (1897–1988). Реклама фильма в газете «Кино» зазывала зрителей, обещая показать: «Кавказ на экране! Жизнь и быт горцев, чарующие красоты Кавказа, головокружительные трюки. В главной роли – кавказский Фербенкс – артист Бестаев» («Абрек Заур», 1926, с. 6).

Киноповесть «из недавнего прошло Кавказа» рассказывала о жизни «отважного горца-абрека». Вкратце содержание картины следующее:

«Горец Заур-бек, объявленный за убийство русского офицера “вне закона”, становится абреком. Дом его сжигают, отца и сестру арестовывают. Но сам абрек Заур неуловим. Чтобы заставить его сдаться, царские власти решают сжечь родной аул Заура. Желая спасти своих земляков, он отдает себя в руки царских войск. Однако перед казнью Заур успевает, сговорившись с горцами, вскочить на лошадь и скрыться» (Советские художественные фильмы, 1961, с. 120).

Типаж исполнителей был «подобран великолепно» (Незнамов, 1926, с. 2). В массовых сценах участвовали настоящие горцы, жители осетинских аулов Саниба Кани, Гнал и Тменыкау, они снимались «сдержанно и неназойливо». Многие участники массовки не умели говорить по-русски, в том числе один долгожитель в возрасте 120 лет. Сначала «старик долго отказывался, прежде чем согласился сниматься, а потом, войдя в азарт, спорил с Михиным, что артисты не то играют, противоречат адату». Режиссеру Михину и переводчику стоило немало трудов «объяснять старикам-осетинам, как им себя вести перед аппаратом». Из актеров отмечали игру Николая Санова (Санишвили) в роли Муртазы, названного брата Заура, но «особенно хорош» был Владимир Бестаев (Заур). Критика дала высокую оценку исполнителю главной роли: «Бестаев, лихой танцор и стрелок, проделывает все трюки по-настоящему. Он их даже не репетировал, чтобы не сломать себе шею до съемки» (Дворецкий, 1926, с. 5).

«Пределная выразительность» актера Ладо Бестаева определила «сразу и навсегда» его амплуа – это «наш советский ковбой», а постановка «Абрек Заур» вошла в разряд «фильмов ковбойского типа». В ленте «Абрек Заур» имелись все признаки, характерные для вестерна: «Здесь и абреки, и лихие налеты на царские города, и борьба с палачеством, и побег, и погони. И все это пода-

ется относительно свежо и весело»; «все участники картины так ловки, так хорошо ездят верхом, так прекрасно владеют оружием и великолепно танцуют». Картина вышла «не подражательно-ковбойская, а самостоятельная, сходная по своему материалу (джигиты, скачки, великолепная посадка всадников, езда по непроходимым тропкам) с картинами ковбойского жанра, но выгодно отличающаяся от них своей фабулой» (Незнамов, 1926, с. 2).

В фильме «Абрек Заур» действующие лица делятся на положительных и отрицательных участников событий. Хорошими героями выведены горцы (но не все), джигиты, абреки, старики, дети, простые русские солдаты. К плохим персонажам отнесены царские чиновники, офицеры, приставы, казаки, а также некоторые богатые жители горных аулов, соблазненные обещанием получить большой выкуп за выдачу абрека властям.

Главный герой, бескорыстный защитник трудящихся, оказывает помощь беднякам и преследует угнетателей. Так, в фильме «Абрек Заур» есть сцена, в которой показано, как пристав увел из аула лошадь, а «без лошади горцу пропадать прямо. И обида к тому же. Позор для горца, если у него коня увели». Прискакав в город, Заур легко перелез через высокую каменную стену, окружавшую усадьбу пристава, и проник к нему в дом. Там пристав сидел за самоваром, ничего не подозревая о проникновении чужака в жилище, но вдруг прямо к нему ворвался Заур. Пристав перепугался, указал место, где стояла украденная лошадь. Заур увел лошадь, а пристав привязал на конюшне к столбу (Иркутов, 1927, с. 5).

В духе романтизации абречества абрек представлен отважным борцом с социальной несправедливостью. Каждое нападение оказывалось «не просто вынужденным, а совершенно неизбежным в силу сложившихся обстоятельств», свершившимся «актом справедливого возмездия» (Карцева, 1976, с. 182). Финал картины, которая должна была завершиться казнью абреков, демонстрирует ловкость и находчивость главного героя, и зритель видит бегство Заура с товарищем прямо с места казни. Соблюдена специфика жанра вестерна – «необходимость безупречного и непобедимого героя» (Карцева, 1976, с. 68), неукротимого борца за свободу и справедливость.

С выходом на экран фильм «Абрек Заур» получил немало положительных отзывов: «Увлекательная, хорошая картина. Смотрится она с неослабевающим интересом». Высокий рейтинг картине обеспечили «стремительные действия, всамделишность быта, грамотная этнографичность, исключительно интересные, поражающие своей ловкостью и отвагой, национальные военные игры горцев» («Абрек Заур», 1926, с. 30). Мощный художественный и эмоциональный импульс фильма «Абрек Заур» вдохновил кинематографистов на создание аналогичных картин.

Народные мстители и «ковбои в папах»

В 1920-е годы государство, поддерживая просветительную и пропагандистскую функции кино, финансировало деятельность национальных киностудий, где ставились «фильмы с героями, олицетворявшими бунтарские и революционные идеи» (История национальных кинематографий, 2020, с. 38). Особенно преуспела в экранной интерпретации литературных и исторических сюжетов о революционерах и народных мстителях киностудия «Госкинопром Грузии». В 1923 году она выпустила приключенческий фильм «Разбойник Арсен» / «Арсен – разбойник» / «Горный орел» / «Грузинский Стенька Разин». Память многих народов хранит предания о «благородных разбойниках», у грузин – это Арсен Одзелашвили (1797–1842). Режиссер и сценарист Владимир Барский создал кинокартину по мотивам популярной грузинской народной поэмы «Песнь об Арсене» о «славной борьбе» крестьянского вожака «против феодалов и царских чиновников» в Грузии в первой половине XIX века.

«Присутствуя на крестьянской свадьбе, юный Арсен становится свидетелем избиения старым князем отца невесты за то, что тот, желая спасти свою красавицу дочь от участи княжеской наложницы, скрыл ее от князя. Невесту увозят в княжеский гарем. Во время неудачной попытки спасти девушку Арсен попадает в руки князя, но ему удается бежать и скрыться в горах. С этого времени он начинает мстить за муки народа. Когда Арсен, мстя, сжигает имение князя Ваханга, его арестовывают и заключают в тюрьму. Однако с помощью друзей Арсену удается бежать» (Советские художественные фильмы, 1961, с. 45).

В 1820-е годы Арсен, возглавляя вооруженных крестьян, устроил несколько нападений на помещиков, купцов и царских чиновников, забирая у них деньги и ценное имущество. Разбойник Арсен Одзелашвили получил прозвище «грузинского Робин Гуда», потому что награбленное добро он, как Робин Гуд, раздавал беднякам. Легенда о народном защитнике настолько прочно закрепилась в исторической памяти грузин, что в городе Мцхета на месте гибели Арсена Одзелашвили ему установлен памятник. В 1937 году режиссер Михаил Чиаурели снял звуковой художественный фильм «Арсен» (Госкинопром Грузии), где Арсен из «благородного разбойника» превратился в предводителя крестьянского восстания.

Одним из направлений деятельности Тифлисской киностудии стала экранизация литературных произведений на темы о кровной мести. Как правило, главного героя к мщению толкают личные драмы, связанные с превратностями судьбы любимой женщины. Иногда мотивам личной мести приписывался социальный протест, и тогда горец, вступивший на тропу войны, становился защитником «униженных и оскорбленных». Об одном из таких народных заступников режиссер Амо Бек-Назаров снял приключенческий фильм-боевик «У позорного столба» (Госкинопром Грузии, 1923). Сценарий, написанный по мотивам романа Александра Казбеги «Отцеубийца», «довольно ярко развер-

тывает эпизод из жизни грузинской деревни в эпоху угнетения Грузии русским царизмом» («У позорного столба», 1924, с. 2).

Действие происходит в 1860-е годы в деревне на территории Хеви – высокогорной части северной Грузии. Защищая честь жены, крестьянин Глаха совершает убийство князя, что становится причиной его бегства от суда и многолетних скитаний в горах. В это время подросла его дочь Нуну, в нее влюбляется молодой крестьянин Яго. Есаул Григола подстраивает арест Яго и отправляет его в тюрьму. У горца Яго имелся побратим – молодой разбойник Коба. Он устраивает побег Яго из тюрьмы и помогает скрыться ему в горах, чтобы затем восстановить справедливость. Известно, что роман «Отцеубийца» был любимой книгой Иосифа Джугашвили, который взял себе партийный псевдоним Коба по имени народного мстителя.

Фильм «У позорного столба» считался «идеологически приемлемее большинства других советских фильмов», хотя иногда сценарист или режиссер, увлекаясь приключениями своих героев, отодвигали на второй план социальное содержание, борьбу народных масс против угнетения. Тем не менее, зрители отмечали, что «смотрится картина с интересом, так как не страдает обычным для наших картин недостатком – неоправданной растянутостью» («У позорного столба», 1924, с. 2).

Измаил Бей-Абай, автор сценария картины «Абрек Заур», был приглашен режиссером Владимиром Касьяновым для работы над фильмом «Под властью адата» (Госкино, 1926). В этой картине «быт дореволюционного Кавказа рассматривается в плане „законов адата“, на фоне легкой перестрелки с царскими казаками», а сама «борьба горских племен с царскими войсками» переплетена с разоблачением «мертвящей власти религиозных обычаев и законов старого Кавказа» (Советские художественные фильмы, 1961, с. 158).

В рецензии отмечалось, что режиссер «торопливо перескакивает от романтики борьбы за независимость к перипетиям личной драмы», прежде чем показать, как закон адата повелел Гирею убить друга Джамбота, «нарушителя семейного очага». Вышло так, что вся сущность законов адата умещалась «в семейную драму двух случайно неудавшихся привязанностей». Интерес к картине держался «на несоответствии обычаев и навыков адата (законов гор) обычаям и навыкам современности», а «экзотика нравов» и древние «обычаи показаны жестокими и бессмысленными» («Под властью адата», 1926, с. 2).

Тема кровничества нашла воплощение в фильме «Закон гор» / «Кровавая месть» (Госкинопром Грузии, 1927). Его авторы Измаил Бей-Абай и Борис Михин придумали вариацию фабулы «о религиозно-бытовых предрассудках, распространенных в дореволюционное время среди народностей Кавказа». На главные роли Борис Михин пригласил знакомых артистов В. Бестаева (Измаил) и Н. Санова (Долгат). Действие происходит в горном ауле Карачая в начале XX века. Там два друга Долгат и Измаил по закону гор стали кровными врагами из-за того, что во время стрелковых состязаний Измаил нечаянным

выстрелом убил брата Долгата. Жестокий обычай требовал отмщения за пролитую кровь. «Несмотря на сопротивление обеих семей этому жестокому приговору стариков о кровничестве, они, в конце концов, были вынуждены прийти в состояние дикой вражды между собой («Закон гор», 1928, с. 31). Долгат пытался восстать против кровавых обычаев, но, обвиненный в трусости, вынужден был убить Измаила.

При производстве картины «Закон гор» у режиссера Бориса Михина не было установки на выпуск коммерческого ковбойского боевика. Однако «кавказский жанр» диктовал свои законы, поэтому в фильме зритель видел стрельбу, джигитовку, стремительные скачки горцев на лошадях по дорогам и горным кручам, переправу через горные реки. Горцы – те же «ковбои в папах» (Незнамов, 1926, с. 2), они бесстрашные смельчаки, отличные стрелки и ловкие наездники. Картина, вобрав в себя традиционные стилистические черты вестерна, стала настоящим истерном.

Относительно уровня и качества социализации, выводимых на основании реакции социума на немые фильмы о народных мстителях, можно заметить, что реакция критиков и общества не была постоянной. По мере появления на экранах страны новых фильмов на кавказском материале отзывы становились все более сдержанными. Рецензенты, оценивая очередную кавказскую киноленту, задавали вопрос: «Дает ли что-нибудь новое эта картина хотя бы по сравнению с “Абреком Зауром”?». К сожалению, зачастую ответ был такой: «Дает, но мало. Кавказ заснят менее сладко, но носителями действия являются такие же “кавказские Фербенксы”, как например, в картине “Под властью адата”». Выяснилось, что в большом количестве эти фильмы «теряют всю свою актуальность и остроту» («Под властью адата», 1926, с. 2.)

В еженедельной газете «Кино» напечатали рисунок Б. Вирганского с надписью: «Замечательная страна эта Абрек-Заурия! Сколько картин не пересмотрели о ней, а кроме гор и всадников ничего не заметили!» («Замечательная страна эта Абрек-Заурия!», 1926, с. 1). Подражание и прямое копирование удачных кинолент привело к шаблонности постановок, «их упрощенно-плакатной монтировке», поэтому в новых «кавказских» картинах не было «ничего свежего, оригинального, остро впечатляющего» (Максимов, 1929, с. 36). Вместе с тем споры о новизне приключенческих фильмов остались в сфере профессиональной полемики киноведов, а публика любила остросюжетные картины в силу притягательности жанра с напряженным действием, погонями и перестрелками.

Зелимхан – «кавказский Робин Гуд»

Афоризм «Сюжет не меняется – меняется лошадь» (Карцева, 1976, с. 164), возведенный в правило постановщиков вестернов в западном кинематографе, нашел свое применение и в советском кино. Огромный интерес зрителей

к приключенческим фильмам с участием актера Владимира Бестаева привел к серии подражательных картин. Да и сам актер, надевший на себя маску «благородного разбойника», «кавказского ковбоя», согласно законам жанра, уже не мог поменять ее на другую. Поэтому неудивительно, что Владимира Бестаева пригласили на главную роль в картине «Зелимхан».

Невероятный успех «Абрека Заура» подвиг на создание выпуска новой версии истории абречества на Ялтинской киностудии «Востоккино», где режиссер Олег (Осип) Фрелих по сценарию Д. Гатуева и И. Трабского снял фильм «Зелимхан» (Востоккино, 1929). В основу сценария положена документальная повесть осетинского писателя Дзахо Гатуева «Зелимхан» (1926). Героем фильма, как и повести, стал знаменитый абрек Зелимхан Гушмазукаев (1872-1913), или Зелимхан Харачоевский, уроженец чеченского аула Харачой Грозненского округа Терской области.

Картина «Зелимхан» посвящена «борьбе кавказских горцев против царского самодержавия в канун первой мировой войны», начавшейся из-за того, что «непосильные поборы и произвол царских чиновников разоряют земледельцев и скотоводов»:

«За неуплату аренды с молотка продают участок бедняка Аюба. Его невесту похищает сын старшины. За оскорбленного Аюба вступается его родственник Зелимхан. Под давлением начальника округа суд приговаривает Зелимхана и Аюба к тюремному заключению. Зелимхан и Аюб бегут из тюрьмы в горы и становятся абреками. В городе власти жестоко подавляют стачечное движение рабочих Грозненских нефтяных промыслов. В ответ скрывающиеся в горах абреки нападают на поезда, расстреливают чиновников и жандармов. Против абреков отправляют карательные отряды. От рук карателей гибнут отец и братя Зелимхана. Отважный горец мстит за кровь близких ему людей. В одной из схваток Зелимхан гибнет в неравной борьбе с врагами». Советские художественные фильмы, 1961, с. 323).

Картина о знаменитом чеченском абреке Зелимхане прошла с большим успехом в кинотеатрах Москве и в других городах СССР. Неслучайно очевидцы отмечали, что у кинотеатров каждый вечер собирается толпа, «и места берутся, что называется, с бою». В Ростове-на-Дону ее демонстрировали два месяца (сначала в центре, потом на рабочих окраинах) «при громадном стечении зрителей» (Максимов, 1929, с. 36).

Татьяна Владимировна Бестаева, дочь актера В. Г. Бестаева, высказала мнение, что приключенческий фильм «Зелимхан» режиссера Олега Фрелиха «смотрится как романтический триллер» (2017). А вообще -

«при благоприятных обстоятельствах фильма “Абрек Заур” и “Зелимхан” могли стать “первоотолчком” возникновения особого варианта кавказского вестерна, ибо драматургическая насыщенность, острота характеров и бури страстей в жизни Кавказа не беднее почвы, на которой вестерн закрепился в США» (Бестаева, 2017).

Уже в год появления фильма на экранах страны критики решили соотнести содержание киноленты с реальными историческими фактами, связанными с активными действиями Зелимхана на Кавказе в 1901–1913 годы. В картине довольно пространно рассказывается о событиях, предшествовавших уходу Зелимхана в абреки: арест Аюба, Зелимхана и его отца; суд, вынесший им оправдательный приговор. Затем показано вмешательство начальства в обычаи горцев и обряд кровничества: «Власти не могут допустить, чтобы бедняки безнаказанно убивали именитых граждан» (Сапожкова, 1929, с. 5). По приказу начальника округа полковника Добровольского суд изменил решение и приговорил всех обвиняемых к трем годам тюрьмы. Далее показано заключение Зелимхана и его товарищей в тюрьму, а затем – их побег из тюрьмы. Зелимхан, ожесточенный несправедливым судом, ушел в абреки. Режиссер следует законам вестерна, показав все этапы превращения обычного человека в мстителя: «Над героем учинилась вопиющая несправедливость». Он становится на путь мщения: «Он мстит за свою поруганную честь или изломанную жизнь» (Карцева, 1976, с. 82, 83).

В реальности первым делом Зелимхана было ограбление купца Носова, у которого тот забрал 60 руб., чтобы купить трехлинейку. Но на выбор жизненного пути Зелимханом и уход его в абреки повлияло другое событие: «У его младшего брата Солтамурада увели невесту, вспыхнула вражда, быстро закончившаяся кровавой разборкой» (Маркелов, 2006, с. 286). Несмотря состоявшее примирение между семьями, власти стали производить дознание. Начальник участка, получивший взятку за ложное обвинение, указал на Зелимхана, его отца и двух братьев. В 1901 году Зелимхан и его родственники были осуждены, но им удалось бежать из Грозненской тюрьмы. С этого времени Зелимхан вынужден был уйти в абреки. Абреческую судьбу Зелимхана определили «личные фамильные поводы, возникшая от них ненависть к начальству» (Гатуев, 1981, с. 162).

В период индустриального освоения на Кавказе началась добыча нефти. В кадрах фильма видны многочисленные нефтяные вышки, рабочий поселок в Грозном; показаны рабочие, участвовавшие в стачке на нефтяных промыслах. Для того чтобы отвлечь пролетариев от организованной борьбы за свои права и натравить русских на чеченцев, провокаторам удалось учинить на местном базаре настоящий погром. В итоге погибло 17 человек. Теперь за каждого погибшего чеченца будут мстить абреки. Далее показано нападение отряда во главе с Зелимханом на поезд, в котором едет начальник округа. После остановки состава из вагонов вывели начальника округа, вместе с ним 16 жандармов и чиновников на расстрел. «17 за 17! А простого солдата Зелимхан отпускает. Подневольный человек ему брат, хоть он и русский» (Сапожкова, 1929, с. 6).

В этом эпизоде отражены события, имевшие место на Кавказе во время первой русской революции. Весной 1905 года в Чечне и Ингушетии начались крестьянские выступления, которые были жестоко подавлены. 10 октября 1905 года в Грозном на базаре солдаты Ширванского полка расстреляли 17 чеченцев. В ответ на это Зелимхан «ровно через неделю остановил пассажирский поезд у станции Кадиярт и расстрелял 17 пассажиров-офицеров (Маркелов, 2006, с. 288). Писатель Дзахо Гатуев ничуть не сомневался в правильности действий Зелимхана:

«Он сделал то, что надо было сделать простому абреку: он ограбил пассажиров поезда. Он сделал еще и то, что надо было сделать абреку, который выросал в народного героя родовой кровнической Чечни – он расстрелял семнадцать пассажиров поезда» (1981, с. 172).

С конца XIX века набеги горцев участились, а в начале XX века с появлением абрека Зелимхана разбойные нападения «обрели невиданный размах» (Матвеев, 2016, с. 36). Зелимхан совершал дерзкие грабительские налеты в Кизляре, Владикавказе и Грозном, брал заложников с целью выкупа. Встав на путь мщения, он в 1906 году собственноручно застрелил помощника начальника Веденского округа полковника Добровольского, в 1908 году – начальника Веденского округа полковника Галаева, «боровшегося с абречеством путем фамильных высылки». Галаев арестовал и сослал в Сибирь родственников Зелимхана, а в 1910 году отправили в ссылку уже его семью (Маркелов, 2006, с. 288, 289).

В фильм включены сцены, где абрек получает из Сибири письма от своей жены, которая пишет: «Здесь много ученых людей. Они говорят – неправильно поступает Зелимхан. Не так надо бороться, нужно организоваться, соединиться с рабочими» (Сапожкова, 1929, с. 7). В данном случае подразумевается союз рабочего класса и беднейшего крестьянства как движущая сила революции и оплот диктатуры пролетариата. Однако, как известно, Зелимхан поддерживал связь с анархистами-террористами, но не с социал-демократами, хотя некоторые представители Кавказского союза РСДРП (Сталин, Камо) принимали участие в так называемых «эксах», или нападениях с целью ограбления. Неуловимость Зелимхана в течение многих лет стяжала ему «славу среди туземцев, а громкие успехи сделали его народным героем». О разбойнике слагались песни, и в нагорных селениях Чечни ему даже было присвоено прозвище «наместника гор» в противовес наместнику царя на Кавказе (Матвеев, 2016, с. 37).

Противостояние народного мстителя усилившемуся натиску царских войск продолжалось еще несколько лет, но в ночь на 27 сентября 1913 года больной Зелимхан был выдан властям, окружен и убит в ночной перестрелке (Маркелов, 2006, с. 291). Финал фильма тоже трагичен: «Всеми покинутый, больной, медленно умирал Зелимхан в заброшенной хижине. И вот предали

его, окружили. Обессиленный болезнью, он все еще борется и умирает, как и жил, героем» (Сапожкова, 1929, с. 7).

После гибели Зелимхана газета «Отклики Кавказа» напечатали статью журналиста-большевика А. Михеева «Убит герой»: «...Не верится, что убит Зелимхан. Мы видим в нем героя... Он любил свободу, был храбр, благороден» (Маркелов, 2006, с. 291). Народная молва разнесла вокруг, что Зелимхан «никогда не грабил чеченцев, а остальных – только богатых» (Маркелов, 2006, с. 288), поэтому для простых жителей горных аулов Зелимхан – кавказский Робин Гуд. В ауле Харачой абреку Зелимхану поставлен памятник.

Дзахо Гатуев воплотил образ «благородного разбойника» в документальной повести «Зелимхан», именно на ее основе и был снят одноименный фильм. Писатель работал в архивах, встречался с теми людьми, кто лично знал Зелимхана. Гатуеву удалось собрать большой объем фактов, которые он пытался отразить в сценарии, следуя «властному требованию социального заказа». На киностудию «Востоккино» поступило указание сверху, «чтобы в картине были рассказаны все подробности национальной истории», поскольку «борьба отважного абрека Зелимхана с войсками царского правительства представляет одну из самых интересных страниц истории крестьянского движения в Чечне» (Фельдман, 1929, с. 5).

В фильме «Зелимхан», по мнению критика К. И. Фельдмана, режиссером «правильно соблюдена историческая перспектива», ему удалось избежать «обычной слащавости восточных фильмов». Своей «глубокой эмоциональной насыщенности» он отличался от других картин, созданных «на кавказском материале». Там нет «лезгинки, джигитовки и прочих украшений “кавказского кино”» (Фельдман, 1929, с. 4, 5).

Картину «Зелимхан» рекомендовали для демонстрации «в любой нашей аудитории», потому что «она волнует и увлекает ярким показом тяжелых лишений и отважной борьбы трудящихся чеченцев». У рабочих особый интерес могла вызвать «роль рабочей массы (стачка на нефтяных промыслах, протест против провокации)» в революции. Колхозникам мог быть «особенно близок образ Зелимхана – крестьянина, любящего землю и вынужденного отказаться от мирного труда на ней». Во время сеансов для красноармейцев следовало «выпятивать реакционную роль армии при самодержавии». Беседы помогали зрителям убедиться в том, что «только советская власть могла вывести горцев на широкую дорогу экономического и культурного расцвета» (Сапожкова, 1929, с. 9–10). В целом образы «народных заступников» были популярны, так как в них воплощались определенные социальные ожидания (Матвеев, 2016, с. 39). Некоторые фильмы о горцах служили «продвижению» советского кино в азиатские страны.

Сеттинг истернов 1920-х годов: кавказский фронт

Для обозначения специфики жанра вестерна применяют термин сеттинг (от англ. Setting) – место, время и социальная среда, в которой происходит действие. В географическом положении развития событий во многих советских историко-революционных приключенческих фильмах («фронт» на краю империи) также можно обнаружить «некоторые черты сходства с сеттингом классического вестерна, жанровые атрибуты и механизмы которого были воспроизведены на материале собственной истории» (Захаров, 2023).

Фильмы 1920-х годов на кавказском материале давали возможность усилить «понимание фронтального взаимодействия» в регионе, увидеть на экране различные аспекты отношений жителей фронтальной зоны и представителей государственной власти, военных чиновников и начальников, «контактов (с последующими взаимными реакциями) носителей языков, идей (религий), технологий, типов хозяйствования» (Как сегодня изучать фронты, 2020, с. 83).

В XIX, да и в начале XX века представление о Кавказе складывалось на основе произведений А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, А. А. Бестужева-Марлинского, Л. Н. Толстого, записок русских офицеров, проходивших военную службу в этом крае. В 1920-е годы сведения о жизни в различных регионах страны содержались в этнографических, документальных лентах и художественных фильмах. Картины «Абрек Заур», «Зелимхан», «Разбойник Арсен» и другие упомянутые фильмы можно рассматривать как «комплекс историко-культурной информации» (Конфедерат, 2020, с. 110) о кавказском фронте России. В них запечатлены особенности природного ландшафта (горы, реки); объекты инфраструктуры (горные дороги, транспортные средства, архитектурные сооружения, промышленные предприятия); элементы традиционной духовной и материальной культуры этносов Кавказа (жилища, домашняя утварь, одежда; занятия; народные обряды и праздники). Визуальные образы, возникавшие во время просмотров фильмов, подкреплялись разъяснениями лекторов, которые во время бесед со зрителями сообщали им информацию о географическом положении и естественных богатствах Кавказа, занятиях и обычаях местных жителей.

Для кавказских истернов 1920-х годов подбиралась соответствующая «типология предметных образов: атрибуты, реквизит, детали интерьера и культурного ландшафта» (Конфедерат, 2020 с. 111). Так, для поиска места съемок фильма «Абрек Заур» на Кавказ отправилась экспедиция с целью

«найти такой глухой уголок на Кавказе, где “культура” не покрыла еще почву банками от консервов, разбитыми бутылками и окурками – следами веселых пикников. Поехали в Осетию, пробирались козьими тропинками. Лошадь с аппаратом упала в пропасть, лезли все выше, и нашли аул, где никто не слышал о кино» (Дворецкий, 1926, с. 4).

Для того, чтобы зритель увидел «подлинный Кавказ, со всей его мрачной и неуютной красотой», фильм «Абрек Заур» снимали высоко в горах, где почти не было дорог, «в очень трудных условиях»; в аулах, где «сакли окутаны облаками, ползущими по земле», а «облака идут низко, и в этих горах холодно и туманно». Участники экспедиции чинили мосты, даже открыли кооператив имени «Абрека Заура». В одном ауле специально для съемок возводили мечеть. И вот, когда она была построена, к режиссеру Михину явилась делегация горцев благодарить его за то, «что у них теперь будет своя мечеть» (Дворецкий, 1926, с. 5).

Обращаясь к характеристике рассматриваемых фильмов, в них можно выявить схожий предметно-сюжетный ряд и общий характер драматических событий (уход в горы). Для картин о горцах-абреках режиссеры подбирали схожих персонажей, обладателей социальных, возрастных, сословных, национальных, гендерных доминант, свойственных представителям кавказских этносов. В то же время над создателями кинолент довлел закон «константных сюжетно-драматургических комплексов» (Конфедерат, 2020, с. 111), в том числе не потерявшая привлекательности легенда о «благородном разбойнике» Робине Гуде, реализованная в советских фильмах о народных бунтарях и «неуловимых мстителях».

С начала 1920-х годов утверждается классовое измерение всемирного и отечественного исторического процесса. По аналогии с реалиями европейских колониальных империй в оборот вводятся понятия колоний и «национально-освободительных движений», существовавших якобы на российских окраинах. Между тем окраины такого статуса (статуса колоний) не имели и все без исключения являлись убыточными (Матвеев, 2016, с. 14).

Происходит внедрение классового подхода в оценках исторических событий. Отклонения от установившихся тогда идеологизированных образцов (парадигм) впоследствии не допускались, и под них подгонялись лишь вариации одних и тех же описаний. В 1920-е годы для доказательства наличия «освободительной борьбы против колониального угнетения» на Северном Кавказе использовалось движение Шамиля; для подтверждения приводились и явления разбоя (Матвеев, 2016, с. 15).

Под влиянием идеологических установок набеги с целью грабежа стали рассматриваться как революционный «стихийный протест горцев против угнетения». Абречество преподносилось как своеобразная разновидность «классовой борьбы» и «национально-освободительного движения горцев» (Матвеев, 2016, с. 15).

В кинолентах о горцах-абреках нашло отражение большевистской парадигмы истории в изучении этносоциальных конфликтов на Кавказе. В ее русле режиссеры стремились показать «основные тенденции национальной политики самодержавия, опиравшейся исключительно на штыки, стремившейся задавить и унижить инородца». Дискурсивный анализ картины, «при котором

принимается во внимание совокупность историко-культурных условий создания и функционирования визуального образа» (Конфедерат, 2020, с. 111), позволяет сделать вывод о том, что в фильме кинематографические образы Арсена, Заура и Зелимхана используются для доказательства принятой в то время идеологической установки историков-марксистов: «Гонения и нужда превращали мирных и честных тружеников-крестьян в абреков (разбойников)», а абречество явилось «непосредственным следствием царской самодержавной политики». Абречество расценивалось как «революционное движение трудящихся масс, оторванных в своих горах от крупных городов, от рабочей массы и ютившейся в подполье партии революционного пролетариата» (Сапожкова, 1929, с. 8).

В постсоветский период наблюдался отход от сложившихся ранее представлений по данной проблеме. В качестве основы «набеговой системы» выделена внутренняя мотивация. Разбойничество порождалось конфликтами в «традиционной среде», различными оппозиционными настроениями, «давлением со стороны не только отдельных индивидуумов, но в ряде случаев и целых социальных групп». Уход в абреки нередко предопределялся мифами «народной идеологии», ничего общего не имевшей с действительностью (Матвеев, 2016, с. 26, 32). Фильмы про абреков выступают иллюстрацией идеологических установок, характерных для 1920-х годов.

Маскулинная культура и «романтическая линия»

По большому счету, вестерны – это суровое мужское кино во всем своем разнообразии, будь то приключенческий триллер, жесткий экшен, хоррор-вестерн или криминальная драма. Ведущий типаж вестерна – герой-одиночка (благородный рыцарь, разбойник, ковбой, стрелок, шериф). Его сопровождают верные друзья – все как на подбор «крутые ребята», «охотники на негодяев», живущие согласно ковбойскому кодексу чести. Среди них встречались и парни с «железной хваткой», сбивавшиеся в «волчью стаю» и находившиеся нередко «по ту сторону закона».

Просмотр даже некоторых кавказских фильмов 1920-х годов позволяет сказать, что главными киногероями тоже являлись мужчины, на экране их гораздо больше, чем женщин. Это и неудивительно: «Представители сильной половины человечества по-прежнему были главными персонажами социальной действительности – как положительными, так и отрицательными» (Гращенко, 2014, с. 198). Превалирование мужских действующих лиц над женскими персонажами характеризует данные приключенческие фильмы как истерны.

Многовековая традиционная культура народов Кавказа несла отпечаток мужского доминирования, что отразилось в особенностях народного быта и морально-этических ценностях, влияющих на мировоззрение и характер чело-

века. Фундаментальной социокультурной базой традиционной культуры кавказских этносов «выступает система обычаев и нравов, во многом определяющая гендерные ролевые установки» (Безрукова, 2010, с. 32). У народов Северного Кавказа и сейчас существует «культ мужчины», сохраняется главенствующее положение мужчины в семье.

В самобытной культуре жителей Северного Кавказа можно выделить сформированные в условиях традиционного общества черты, выступающие «одной из конструктивных основ региональной культурной и ментальной идентичности». Они, подчеркивая гендерные установки кавказских этносов, находят проявление в различных элементах их духовной и материальной культуры. Прежде всего, это те, «которые указывают на своеобразный воинский стиль жизни горцев – повседневная мужская одежда, пригодная для боевых походов; холодное оружие, которое было при мужчине практически постоянно; специальная походная пища». Воинский стиль жизни горцев отразился в произведениях устного народного творчества. Вместе взятые «воинские» черты традиционной культуры горцев образуют «воинский» культурный комплекс (Ханаху, 2001, с. 41–44). «Воинский» культурный комплекс, выступает как социокультурный нормативный канон мужского сообщества Северного Кавказа, своеобразный «код гегемонной (этнической) маскулинности» (Дашибалова, 2017, с. 44).

В фильмах мужское сообщество коренного населения Кавказа представлено жителями горных аулов. Все они храбрые воины и джигиты. Их отличает физическая сила, выносливость, ловкость, мужество, а выведенная в фильмах ««телесная схема» воплощает антропологические представления своего времени, критерии оценки человека, степень его свободы» (Конфедерат, 2020, с. 119), характерные для абреков и прочих народных героев. Данное обстоятельство закрепляется во многих кинокадрах, например, в картине «Абрек Заур»:

«Бестаев скачет, держится на лошади и берет на ней горные дорожки так, что можно только позавидовать. Он отлично смеется и хорошо танцует. Винтовка – как пристала к нему. И он в фильме почти не расстается с этим своим трехлинейным другом. Вот именно таким всадником – ловким в обращении с лошастью, винтовкой и улыбкой – и хочется запечатлеть образ этого удачливого актера. Именно таким он въезжает в нашу кинематографию» (Незнамов, 1926, с. 2).

Дзахо Гатуев писал о том, что «Зелимхан был горец как горец, со всеми чертами настоящего горца, настоящего мужчины» (1981, с. 145). В экранизации повести соблюдена четкая ролевая дифференциация, в фильме зафиксированы атрибуты маскулинной культуры горцев и их «воинский» культурный комплекс (одежда – черкесские чекмени, бешметы, бурки, папахи, оружие – кинжалы и ружья). Именно в них зафиксированы «коды гегемонной (этнической) маскулинности» (Дашибалова, 2017, с. 44).

В западном вестерне всегда присутствует «романтическая линия», где одним из действующих лиц является девушка, в большинстве случаев – очаровательная блондинка. В кавказских фильмах также заняты актрисы, исполняющие роли второго плана, сестер, жен и невест основных героев. В фильмах «Абрек Заур» и «Зелимхан» режиссеры с некоторыми вариациями использовали один и тот же сюжетный ход, ставший катализатором всех последующих событий, – это умыкание чужой невесты. Так, в ленте «Абрек Заур» сначала произошло неудачное сватовство князя Кибирова к Фатиме, сестре Заура, а затем ее насильственный увоз слугами князя. Правда, по мнению критиков, эпизод с похищением Фатимы «совершенно выпадает из картины, он не свежий и по оперному наивный» (Незнамов, 1926, с. 2). В картине «Зелимхан» сын старшины Эльсанов похитил Сезык, невесту бедняка Аюба. За своего сородича Аюба вступился Зелимхан, так как похищение девушки стало несмылаемым оскорблением для всех членов рода. В обеих ситуациях кровная месть за поруганную честь рода явилась точкой отсчета начавшихся перемен в судьбах Заура и Зелимхана.

Герменевтический анализ визуальных образов подтверждает тезис о главенстве маскулинной культуры в фильмах об освоении Кавказа. В кавказских фильмах мужским и женским персонажам соответствуют свойственные им гендерные установки, которые отложили отпечаток на традиционную культуру этносов Кавказа. Советские картины о горцах – народных героях – изобилуют изображением элементов маскулинной культуры, что с полным правом дает основание отнести их к истернам / остернам.

Выводы

В ходе проведенного исследования удалось рассмотреть проблему и способы репрезентации в советском кино исторических событий, происшедших в период освоения кавказского фронта. Созданные на кавказском материале фильмы 1920-х годов об отношениях местного населения с царской администрацией и войсками в XIX – начале XX веков можно расценивать как истерны / остерны по аналогии с вестернами, фильмами об освоении Дикого Запада. В качестве визуальных источников можно указать фильмы «Абрек Заур» / «Сын гор» (Госкино, 1926), «Закон гор» / «Кровавая месть» (Госкино-пром Грузии, 1927), «Зелимхан» (Восток-кино, 1929). Выяснению сюжета и фабулы картин, несохранившихся до наших дней, способствовали аннотации, критические заметки и рецензии в печати.

При анализе советских фильмов 1920-х годов о продвижении России на Кавказ установлены общие стилистические черты как у классических вестернов, так и у первых советских истернов (отрицательные и положительные герои, динамичность действия, погони, трюки, скачки). Как и в вестернах, в советских приключенческих фильмах главными героями высту-

пают защитники бедных, «благородные разбойники» или «социальные бандиты». По аналогии с американским артистом, героем ковбойских фильмов, актера Владимира Бестаева, сыгравшего главную роль в картине «Абрек Заур», стали называть «кавказским Фербенксом». Прототипами главных героев истернов явились «грузинский Робин Гуд» Арсен Одзелашвили в картине «Разбойник Арсен», «кавказский Робин Гуд» Зелимхан Гушмазукаев – в фильме «Зелимхан». В других картинах («Закон гор», «Под властью адата», «У позорного столба») на первый план тоже выдвинуты народные мстители, или «ковбои в папах».

Содержание кинолент соотносится с реальными историческими фактами, но на трактовку и изображение событий, происходивших на кавказском фронтире, большое влияние оказали идеологические установки и классовый подход в исторической науке 1920-х годов. В кинофильмах обнаруживаются отражение большевистской парадигмы истории в изучении этносоциальных конфликтов на Кавказе и давление идейных приоритетов раннего советского периода.

В фильмах о горцах преобладают черты маскулинной культуры в силу гендерных установок и национальной культурной идентичности народов Кавказа. Данные фильмы имели большое значение для создания представлений о Кавказе первых десятилетий XX века. В них показаны атрибуты традиционной культуры, быта, обычаев жителей горных аулов, особенности ландшафта, архитектуры. В целом первые советские истерны представляют интерес как важный ресурс историко-культурной информации о кавказском фронтире. Для проведения фронтирных исследований применение визуальных источников, в том числе игровых фильмов 1920-х годов, имеет большие научные перспективы.

Список литературы

- «Абрек Заур». (1926a). Советское кино, 2, 30.
- «Абрек Заур». (1926b, март 23). Кино. Еженедельная газета.
- «Абрек Заур»: К постановке. Сценарий Измаила Абай; Режиссер Б. Михин. Производство Госкино. (1926). Кинопечать.
- Аксенов, В. П. (2004). Вестерны и истерны. Огонек, 38, 49.
- Басалаева, И. П., Дубман, Э. Л., Ходарковский, М., Мильчев, В. И., Мизис, Ю. А., Сень, Д. В., & Урушадзе, А. Т. (2020). Как сегодня изучать фронтиры? Дискуссия по статье Д. В. Сеня. *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*, 1, 81–105. <https://doi.org/10.21638/spbu19.2020.105>
- Безрукова, А. А. (2010). К некоторым аспектам исследования гендерных особенностей традиционной культуры народов Кавказа. *Вестник Майкопского государственного технологического университета*, 1, 32–34.

- Бестаева, Т. В. (2017). *Бестаев Владимир Герасимович*. PeopleLife.ru. <https://peoplelife.ru/33618>
- Гатуев, Д. (1981). *Стакан шейха: Сборник*. Ир.
- Горячок, К. Л. (2020). Эволюция американского вестерна: Витальность, эстетика, мифология. *Художественная культура*, 2(33), 220–247. <https://doi.org/10.24411/2226-0072-2020-00032>
- Гращенко, И. Н. (2014). *Киноантропология XX/20. Человек*.
- Гудаев, Л. (2016). Фильм О. Фрелиха «Зелимхан» и Ладо Бестаев. <https://checheninfo.ru/81800-1929-g-film-ofreliha-zelimhan-i-lado-bestaev.html>
- Давыденко, В. (2014, апрель 1). Чем советский истерн отличается от классического западного вестерна. *Российская газета*. <https://rg.ru/2014/03/30/eastern-site.html?ysclid=lr4ox87tk4902134119>
- Даданова, Т. В. (2013). «Остерны» звезды немого кино Владимира Бестаева. *Культура России*. Ярославский портал. <http://yarcult.org/faceshistory/bestaev/15714/>
- Дашибалова, И. Н. (2017). Проблематизация этнической маскулинности в визуальном тексте (на примере фильма «Булаг. Святой источник»). *Культура и искусство*, 5, 42–53. <https://doi.org/10.7256/2454-0625.2017.5.19571>
- Дворецкий, В. (1926). «Абрек Заур». *Советский экран*, 5, 4–6.
- Егоров, С. О. (2022). Кино, история, идеология: Возможные подходы к интерпретации кино-текста. *Исторический курьер*, 5, 11–20. <https://doi.org/10.31518/2618-9100-2022-5-1>
- «Закон гор». (1928). *Советское кино*, 1, 31.
- «Замечательная страна эта Абрек-Зауря!» (1926, май 25). *Кино. Еженедельная газета*.
- Захаров, Д. В. (2023). *Вестерн*. Большая Российская энциклопедия. <https://bigenc.ru/c/vestern-54bda8?ysclid=lr91mz9kkg339526229>
- Зорин, А. Н. (2020). «Мир Дикого Запада». От эволюции к революции вестерна. *Наука телевидения*, 16.3, 61–83. <https://doi.org/10.30628/1994-9529-2020-16.3-61-85>
- Иркутов, А. Д. (1927). «Абрек Заур» (Беседа по киноленте). *Кинопечать*.
- История национальных кинематографий: Советский и постсоветский периоды*. (2020). Академический проект; Фонд «Мир».
- Карцева, Е. Н. (1976). *Вестерн. Эволюция жанра*. Искусство.
- Конфедерат, О. В. (2019). Игровой фильм как сумма историко-культурных маркеров. К вопросу о визуальных источниках в исторических науках. *Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии*, 1, 110–116.
- Конфедерат, О. В. (2020). Визуальный источник как комплекс историко-культурных маркеров. Информационный потенциал «телесной схемы» в игровом фильме. *Документальное наследие и историческая наука: Материалы Уральского историко-архивного форума, посвященного 50-летию историко-архивной специальности в Уральском университете (Екатеринбург, 11–12 сентября 2020 г.)*, 116–120.
- Лаврентьев, С. А. (2009). *Красный вестерн*. Алгоритм.
- Лапина-Кратасюк, Е. Г. (2011). Красное на белом: К вопросу о культурной специфике жанра «истерн». *Вопросы культурологии*, 5, 117–120.

- Магарамов, Ш. А. (2023). Российский фронт на Северном Кавказе: Проблемы периодизации. *Журнал Фронтирных Исследований*, 4, 17–29. <https://doi.org/10.46539/jfs.v8i4.514>
- Максимов, П. (1929). Москва не поняла «Зелимхана». *Революция и горец*, 10, 36–38.
- Маркелов, Н. В. (2006). *Поговорим о бурных днях Кавказа*. Гелиос АРВ.
- Матвеев, В. А. (2016). *Националистическая вандея и проявления устойчивости российской интеграции на Северном Кавказе в кризисных условиях 1917–1921 гг.: Союз кавказских горных анархистов–террористов. Атаман Зелимхан. Кто он? Что заставило встать на путь разбоев?: Монография*. Издательство Южного федерального университета.
- Незнамов, П. В. (1926, апрель 6). Ковбои в папах. *Кино. Еженедельная газета*.
- Ольховой, Б. С. (Ред.). (1929). *Пути кино: Первое Всесоюзное партийное совещание по кинематографии*. Теакинопечать.
- Первым экраном на просмотре. (1928, январь 10). *Кино. Еженедельная газета*.
- Победа советской кинематографии. (1923). *Кино. Двухнедельник Общества кинодеятелей*, 5(9), 13.
- «Под властью адата». (1926, май 18). *Кино. Еженедельная газета*.
- Раззаков, Ф. И. (2019). «Великолепная семерка», или Вестерн по-советски. <https://litlife.club/books/114843/read?ysclid=lr4obe4n6h280802431&page=1>
- «Робин Гуд». (1925, май 5). *Кино. Еженедельная газета*.
- Романова, А. П., & Топчиев, М. С. (2014). Кавказ как вечный фронт. *Каспийский Регион: политика, экономика, культура*, 3, 284–291.
- Сапожникова, С. А. (1934). *Зелимхан: Борьба кавказских горцев с их угнетателями при самодержавии: Методические указания к фильму*. Издательство Управления кинофикации при СНК РСФСР.
- Советские художественные фильмы. Аннотированный каталог: В 3 томах: Т. 1. Немые фильмы. (1918–1935)*. (1961). Искусство.
- «У позорного столба». (1924, май 20). *Кино-газета*.
- Фельдман, К. И. (1929). Первые шаги «Востоккино». *Советский экран*, 19, 4–5.
- Фербенкс в «Знаке Зорро». (1925, апрель 28). *Кино. Еженедельная газета*.
- Ханаху, Р. А. (2001). *Традиционная культура Северного Кавказа: Вызовы времени (социально-философский анализ)*. Аякс.

References

- “Abrek Zaur”: К постановке. Стенарий Изmaila Abay; Rezhisser В. Mikhin. Proizvodstvo Goskino. (1926). Kinopechat. (In Russian).
- “Abrek Zaur”. (1926a). *Sovetskoe Kino*, 2, 30. (In Russian).
- “Abrek Zaur”. (1926b, March 23). *Kino. Ezhenedelnaya Gazeta*. (In Russian).
- “Pod vlastyu adata”. (1926, May 18). *Kino. Ezhenedelnaya Gazeta*. (In Russian).
- “Robin Gud”. (1925, May 5). *Kino. Ezhenedelnaya Gazeta*. (In Russian).

- “U pozornogo stolba”. (1924, May 20). *Kino-Gazeta*. (In Russian).
- “Zakon gor”. (1928). *Sovetskoe Kino*, 1, 31. (In Russian).
- “Zamechatelnaya strana eta Abrek-Zauriya!”. (1926, May 25). *Kino. Ezhenedel'naya Gazeta*. (In Russian).
- Aksenov, V. P. (2004). *Vesterny i isterny. Ogonek*, 38, 49. (In Russian).
- Basalaeva, I. P., Dubman, E. L., Khodarkovskiy, M., Milchev, V. I., Mizis, Yu. A., Sen, D. V., & Urushadze, A. T. (2020). How to study frontiers today? Discussion on the article by D. V. Sen. *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*, 1, 81–105. <https://doi.org/10.21638/spbu19.2020.105> (In Russian).
- Bestaeva, T. V. (2017). *Bestaev Vladimir Gerasimovich*. PeopleLife.Ru. <https://peoplelife.ru/33618> (In Russian).
- Bezrukova, A. A. (2010). About Some Aspects of Research of Gender Peculiarities of Traditional Northern Caucasus Peoples' Culture. *Vestnik Maykopskogo Gosudarstvennogo Tekhnologicheskogo Universiteta*, 1, 32–34. (In Russian).
- Confederat, O. V. (2019). Feature Film as Sum of Historical and Cultural Markers. To a Question of Visual Sources in Historical Sciences. *Magistra Vitae: An Electronic Journal on Historical Sciences and Archeology*, 1, 110–116. (In Russian).
- Confederat, O. V. (2020). Vizualnyy istochnik kak kompleks istoriko-kulturnykh markerov. Informativnyy potentsial “telesnoy skhem” v igrovom filme. *Dokumentalnoe Nasledie i Istoricheskaya Nauka: Materialy Uralskogo Istoriko-Arkhnivnogo Foruma, Posvyashchennogo 50-Letiyu Istoriko-Arkhnivnoy Spetsialnosti v Uralskom Universitete (Ekaterinburg, 11–12 Sentyabrya 2020 g.)*, 116–120. (In Russian).
- Dadianova, T. V. (2013). “Osterny” zvezdy nemogo kino Vladimira Bestaeva. *Kultura Rossii. Yaroslavskiy Portal*. <http://yarcult.org/faceshistory/bestaev/15714/> (In Russian).
- Dashibalova, I. N. (2017). Problematistion of Ethnic Masculinity in a Visual Text (Based on the Example of the Film 'Bulag. The Sacred Spring'). *Culture and Art*, 5, 42–53. <https://doi.org/10.7256/2454-0625.2017.5.19571> (In Russian).
- Davydenko, V. (2014, April 1). Chem sovetskiy istern otlichaetsya ot klassicheskogo zapadnogo vesterna. *Rossiyskaya Gazeta*. <https://rg.ru/2014/03/30/eastern-site.html?ysclid=lr4ox87tk4902134119> (In Russian).
- Dvoretzkiy, V. (1926). “Abrek Zaur”. *Sovetskiy Ekran*, 5, 4–6.
- Egorov, S. O. (2022). Cinema, History, Ideology: Possible Approaches to the Film Text Interpretation. *Historical Courier*, 5, 11–20. <https://doi.org/10.31518/2618-9100-2022-5-1> (In Russian).
- Feldman, K. I. (1929). Pervye shagi “Vostokkino”. *Sovetskiy Ekran*, 19, 4–5. (In Russian).
- Ferbenks v “Znake Zorro”. (1925, April 28). *Kino. Ezhenedel'naya Gazeta*. (In Russian).
- Gatuev, D. (1981). *Stakan sheykha: Sbornik*. Ir. (In Russian).
- Goryachok, K. L. (2020). Evolution of American Western Film: Vitality, Aesthetics, Mythology. *Art & Culture Studies*, 2(33), 220–247. <https://doi.org/10.24411/2226-0072-2020-00032> (In Russian).
- Grashchenkova, I. N. (2014). *Kinoantropologiya XX/20*. Chelovek.
- Gudaev, L. (2016). Film O. Frelikha “Zelimkhan” i Lado Bestaev. <https://checheninfo.ru/81800-1929-g-film-ofreliha-zelimhan-i-lado-bestaev.html> (In Russian).

- Irkutov, A. D. (1927). "Abrek Zaur" (Beseda po kinolente). Kinopechat.
- Istoriya natsionalnykh kinematografii: Sovetskiy i postsovetskiy periody. (2020). Akademicheskii proekt; Fond "Mir".
- Kartseva, E. N. (1976). Vestern. Evolyutsiya zhanra. Iskusstvo.
- Khanakhu, R. A. (2001). Traditsionnaya kultura Severnogo Kavkaza: Vyzovy vremeni (sotsialno-filosofskiy analiz). Ayaks.
- Lapina-Kratasyuk, E. G. (2011). Krasnoe na belom: K voprosu o kulturnoy spetsifike zhanra "istern". *Issues of Cultural Studies*, 5, 117–120.
- Lavrentev, S. A. (2009). Krasnyy vestern. Algoritm.
- Magaramov, S. A. (2023). The Russian Frontier in the North Caucasus: Issues of Periodization. *Journal of Frontier Studies*, 8(4), 17–29. <https://doi.org/10.46539/jfs.v8i4.514> (In Russian).
- Maksimov, P. (1929). Moskva ne ponyala "Zelimkhana". *Revolutsiya i Gorets*, 10, 36–38. (In Russian).
- Markelov, N. V. (2006). Pogovorim o burnykh dnyakh Kavkaza. Gelios ARV. (In Russian).
- Matveev, V. A. (2016). Natsionalisticheskaya vandeya i proyavleniya ustoychivosti rossiyskoy integratsii na Severnom Kavkaze v krizisnykh usloviyakh 1917–1921 gg.: Soyuz kavkazskikh gornykh anarkhistov-terroristov. Ataman Zelimkhan. Kto on? Chto zastavilo vstat na put razboev?: Monografiya. Izdatelstvo Yuzhnogo federalnogo universiteta. (In Russian).
- Neznamov, P. V. (1926, April 6). Kovboi v papakhakh. *Kino. Ezhenedelnaya Gazeta*. (In Russian).
- Olkhovoy, B. S. (Ed.). (1929). Puti kino: Pervoe Vsesoyuznoe partiynoe soveshchanie po kinematografii. Teakinopechat. (In Russian).
- Pervym ekranom na prosmotre. (1928, January 10). *Kino. Ezhenedelnaya Gazeta*. (In Russian).
- Pobeda sovetskoj kinematografii. (1923). *Kino. Dvukhnedelnik Obshchestva Kinodeyateley*, 5(9), 13. (In Russian).
- Razzakov, F. I. (2019). "Velikolepnaya semerka", ili Vestern po-sovetski. <https://litlife.club/books/114843/read?ysclid=lr4obe4n6h280802431&page=1> (In Russian).
- Romanova, A. P., & Topchiev, M. S. (2014). The Caucasus as an Eternal Frontier. *Caspian Region: politics, economy, culture*, 3, 284–291. (In Russian).
- Sapozhnikova, S. A. (1934). Zelimkhan: Borba kavkazskikh gortsev s ikh ugnetatelnyami pri samod-erzhavii: Metodicheskie ukazaniya k filmu. Izdatelstvo Upravleniya kinofikatsii pri SNK RSFSR. (In Russian).
- Sovetskie khudozhestvennyye filmy. Annotirovannyi katalog: V 3 tomakh: Vol. 1. Nemye filmy. (1918–1935). (1961). Iskusstvo. (In Russian).
- Zakharov, D. V. (2023). Vestern. Bolshaya Rossiyskaya Entsiklopediya. <https://bigenc.ru/c/vestern-54bda8?ysclid=lr91mz9kkg339526229> (In Russian).
- Zorin, A. N. (2020). Westworld: From Evolution to Revolution of the Western. *The Art and Science of Television*, 16.3, 61–83. <https://doi.org/10.30628/1994-9529-2020-16.3-61-85> (In Russian).

Yamalo-Nenets Autonomous Okrug (Canton): Ethno- Projections and Ethnicity of the Region within the Framework of the Russian Model of Federalism

Mikhail S. Kamenskikh

Institute of Humanitarian Research of Perm Federal Research Center of Ural Branch of Russian Academy of Science; Perm State National Research Polytechnic University. Perm, Russia.
Email: [mkamenskih27\[at\]gmail.com](mailto:mkamenskih27[at]gmail.com) ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4041-086X>

Received: 19 April 2024 | Revised: 10 June 2024 | Accepted: 17 June 2024

Abstract

The article concerns the analysis of the author's field research in the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug (YNAO) in 2021-2022. Based on the results of a mass survey of the population, recorded interviews and a focus group, various aspects of the ethnicity of the region and the role of the ethnic factor in the cultural and political space of the region are considered. The available information allows us to conclude that today one of the most visible and successful models of regional identity based on the culture of the peoples of the North has been formed in Yamal. However, the changed demographic appearance of the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug, the problems of preserving the culture of the peoples of the North, internal contradictions in the social movement may in the future raise the question of the appropriateness of the chosen model. But its revision is impossible, since orientation to the culture of the peoples of the North is the foundation for the existence of autonomy.

Keywords

Yamalo-Nenets Autonomous Okrug; Nenets; Ugrians; National Policy; Autonomy; Tyumen Region

This work is licensed under a [Creative Commons "Attribution" 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Ямало-Ненецкий автономный округ: этнопроекции и этничность региона в рамках российской модели федерализма

Каменских Михаил Сергеевич

Институт гуманитарных исследований Федерального государственного бюджетного учреждения науки «Пермский федеральный исследовательский центр Уро РАН»; Пермский национальный исследовательский политехнический университет. Пермь, Россия. Email: [mkamenskih27\[at\]gmail.com](mailto:mkamenskih27@gmail.com) ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4041-086X>

Рукопись получена: 19 апреля 2024 | Пересмотрена: 10 июня 2024 | Принята: 17 июня 2024

Аннотация

Статья посвящена анализу полевых исследований автора в Ямало-Ненецком округе (ЯНАО) в 2021-2022 годах. По итогам массового опроса населения, записанных интервью и фокус-группы рассмотрены различные аспекты этничности региона и роль этнического фактора в культурном и политическом пространстве региона. Имеющиеся данные позволяют сделать вывод, что на сегодняшний день на Ямале выстроена одна из наиболее заметных и успешных моделей региональной идентичности, построенной на культуре народов Севера. Однако изменившийся демографический облик ЯНАО, проблемы сохранности культуры народов Севера, внутренние противоречия в общественном движении могут в перспективе поставить вопрос о целесообразности выбранной модели. Но ее пересмотр невозможен, поскольку ориентация на культуру народов Севера является фундаментом для существования автономии.

Ключевые слова

Ямало-Ненецкий автономный округ; ненцы; угры; национальная политика; автономия; Тюменская область

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons “Attribution” \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Введение

Созданная в 1920-1930-е гг. система национально-территориального федерализма, когда не только население страны, но административные единицы делились по этническому принципу (Slezkine, 1994; Чешко, 2000), играет важную роль в современной политической жизни России и во многом задает ориентиры в развитии государственной национальной политики. А расширение, или наоборот, сужение автономии всегда свидетельствует о централистских / децентралистских тенденциях в эволюции российской государственной власти (Панов & Минаева, 2017; Верняев, 2017).

С этой точки зрения наибольший интерес в истории российской государственности XX в. представляет ситуация с автономными округами, поскольку их статус на протяжении последних 100 лет несколько раз менялся. Всего в России к началу 1992 г. было 10 автономных округов, созданных в 1920-1930-е гг. После административной реформы, которая шла с 2003 по 2010 гг., из округов осталось два полноправных субъекта РФ, два субъекта в составе Тюменской области и шесть территорий с особым административным статусом (Объединение регионов, 2019). При этом дискуссии о будущем округов и их статусе в составе субъектов продолжаются и сегодня вплоть до общественных протестов (Зорин & Каменских, 2020).

Среди всех рассматриваемых территорий наибольший интерес, как правило, вызывают два региона – Ханты-Мансийский – Югра (ХМАО – ЮГРА) и Ямало-Ненецкий округа (ЯНАО) Тюменской области. С одной стороны, данные территории обладают всеми признаками субъектов, и в качестве таковых записаны в Конституции РФ с поправками 2020 г. (Конституция РФ). С другой стороны, в уставе этих административных образований отмечено, что они входят в состав Тюменской области, а жители этих регионов, например, принимают участие в выборах губернатора Тюменской области, имеют представительство в парламенте и т. д.

Взаимоотношения Тюменской области и входящих в ее состав автономных округов базируются на основе заключения долгосрочного договора, в рамках которого округа сохраняют существенную автономию в исполнении государственных полномочий, закрепленных за субъектами РФ, передавая взамен «материнскому» субъекту часть собираемых налогов. «Вопрос отношений с округами для Тюменской области в первую очередь всегда был вопросом экономического благополучия, как ее населения, так и ее руководства», – подчеркивают авторы исследования «Объединение субъектов РФ: за и против» (Артболевский & др., 2010, с. 157). Половинчатый статус этих субъектов не урегулирован никакими федеральными законами и возник сам по себе как консенсусная модель. Феномен таких сложносоставных регионов связан с эволюцией исключительно российского федерализма, поэтому

в литературе их иногда называют «русскими матрешкам» или просто «матрешками» (Объединение регионов, 2017, с. 14).

При этом этничность территории, выражающаяся в проживании здесь коренных малочисленных народов Севера, является базой для существования автономии. Так, Е. В. Перевалова пишет, что «одним из основных доводов в пользу прав автономий служил статус титульных коренных народов» (Перевалова, 2019, с. 241). В этой связи обеспечение прав этнических групп «коренного» населения является важной частью общественно-политического дискурса в ХМАО-Югре и ЯНАО.

Последним крупным событием в истории этих округов, состоявшимся в рамках Санкт-Петербургского международного экономического форума 2023 г., стала пролонгация трехстороннего соглашения между Тюменской областью, Ханты-Мансийском автономным округом – Югрой и Ямало-Ненецким автономным округом (Ноговицына, 2023, июнь16). Мероприятие, оставшееся почти незаметным на фоне масштабных политических событий, является знаковым для прогнозирования развития федеративных отношений. Интерес вызывает не только эволюция политической системы, но и отношение населения к статусу округа, этнической составляющей в культурной жизни региона, обеспечению прав коренных малочисленных народов и т. д.

В рамках данной статьи сделана попытка проанализировать ситуацию в Ямало-Ненецком автономном округе. В современной российской и зарубежной историографии ситуация на Ямале в XX – начале XXI вв. уже не раз становилась предметом для исследований. Несколько работ, посвященных этнодемографическому развитию Ямала во второй половине XX – начале XXI вв., подготовлено коллективом Институтом истории и археологии УрО РАН под общим руководством Г. Н. Корнилова (Население Ямала, 2013). Автономия Ямала как одна из моделей российского федерализма изучалась В. Ю. Окуневым (Объединение регионов, 2017) и авторами крупного исследования «Объединение субъектов РФ: за и против» (Артболевский & др., 2010). История Ямала в контекстах национальной и федеративной политики представлена в монографии Ю. Слезкина «Арктические зеркала: Россия и малые народы Севера» (Слезкин, 2020). Современные процессы на Ямале с позиции истории коренных малочисленных народов Севера детально проанализированы Е. В. Переваловой в монографии «Обские угры и ненцы Западной Сибири: этничность и власть» (Перевалова, 2019). Значительный вклад в изучение Ямала, быта ненцев, современных процессов на Ямале в последние 20 лет вносит А. В. Головнев и авторский коллектив Музея этнографии Кунсткамеры им. Петра Великого (Головнёв, 2004; 2012; Головнёв, Лёзова, Абрамов, Белорусова & Бабенкова, 2014; Головнёв & Киссер, 2022). В целом, авторами уже раскрыта история формирования округа, роль этнического фактора в обеспечении автономии, в регионе регулярно проводятся полевые исследования.

Между тем масштабных исследований, касающихся проблематика статуса округа и прогноза федеративных отношений, не проводилось уже более 10 лет.

Основным источником данной работы послужили проведенные автором полевые исследования и социологический опрос 2021-2022 гг. в рамках научного проекта, поддержанного программой «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности» 2020-2022 гг.

Методика полевой работы включала в себя запись интервью и проведение фокус-групп, а также массовый опрос населения. Автор исходит из представления о том, что в современной России этничность территории как вида групповой культурной идентичности населения формируется не только за счет культурных отличий этого населения, но и в силу позиции лидеров общественного мнения – руководителей учреждений, общественных организаций, представителей органов власти. Именно их публичная активность и доступ к власти в итоге приводит к формированию и конструированию групповых идентичностей (Брубейкер, 2012, с. 30). Поэтому среди интервьюируемых были руководители общественных организаций народов сервера (Интервьюер 1, Интервьюер 2), руководитель родовой общины (Интервьюер 3), руководители учреждений культуры и образования – Округного дома молодежи, Округного центра национальных культур, Округного дома ремесел, Округного аграрно-экономического техникума, Округного архива и Округного краеведческого музея, (Интервьюер 4, Интервьюер 5, Интервьюер 6, Интервьюер 7, Интервьюер 8, Интервьюер 9) и один представитель органов власти (Интервьюер 9) (ПМА 1). Кроме этого, записана фокус-группа с представителями творческой интеллигенции – участниками ансамбля ненецкой культуры «Сырассыв» (ПМА 2). Вторая часть исследования включала массовый социологический опрос населения, метод сбора информации – CATI (Computer Assisted Telephone Interview). Всего было опрошено 300 человек во всех районах ЯНАО, состав опрошенных коррелировал с основными демографическими показателями населения округа (Итоги опроса, 2022). Из опрошенных 25% принадлежали к представителям коренных народов (ненцы, ханты, селькупы, коми), что позволило проводить сравнительный анализ ответов в зависимости от этнической принадлежности респондента. В рамках опроса изучены такие аспекты как отношение к языку, традициям, праздникам, статус проживания в округе, самоидентификация, уровень удовлетворённости работой местных и областных властей, а также важность автономного статуса округа для его жителей.

Собранные материалы позволили сформировать целостное представление о текущей этнополитической ситуации в Ямало-Ненецком округе и роли этничности в общественном дискурсе региона.

Региональная идентичность Ямала

Территория Ямала во второй половине XX в. претерпела серьезные демографические трансформации, которые существенно изменили облик региона, особенно в последние 50 лет. Как и большая часть округов, Ямало-Ненецкий округ был создан в декабре 1930 г., управленческая структура оформилась к 1931 г. (Первый Ямальский, 2011, с. 7). Население округа на тот момент составляло 45,8 тыс. человек, он занимал пятое место по этому показателю среди других округов, а доля коренных народов (ненцы, ханты, селькупы, коми) составляла 52% населения, значительная часть которого не владела русским языком. Однако промышленное освоение Западной Сибири, начавшееся в 1970-е гг., привело к резкому росту населения – более чем в 10 раз (Население Ямала, 2013). В малонаселенных до этого нефтегазовых районах появились крупные города и городская культура позднесоветского типа (Новый Уренгой, Ноябрьск, Муравленко, Надым). Сегодня население ЯНАО составляет 510 тыс. человек, большая часть из которого проживает в городах, а численность «коренных» народов¹ колеблется в диапазоне 8-10%. При этом в отличие от находящейся южнее Югры, где рост населения фиксируется с 1970-х гг., наибольший демографический прирост на Ямале пришелся уже на конец 1990-х – начало 2000 гг. (Перевалова, 2019, с. 258). Соответственно, процент старожильческого населения в регионе достаточно небольшой.

Первая часть исследования была посвящена оценке уровня жизни и анализу миграционных настроений населения Ямала. По итогам опроса выделено две большие группы респондентов по статусу проживания на территории: 47% родились в округе, живут постоянно на территории, и 43% – переехали с другой территории, живут постоянно. Если рассматривать, откуда респонденты мигрировали, исходя из места рождения, то около 78% приехали из других регионов России и 22% – из зарубежных стран. Отметим, что среди информантов, за исключением представителей коренных народов, только один родился в Салехарде, остальные приехали в округ в период 2000-2010 гг. В интервью от участников не раз была озвучена жизненная стратегия, в рамках которой люди приезжают на Ямал только с целью заработка и не планируют оставаться там до пенсии (ПМА 1. Информант 1, Информант 4, Информант 6, Информант 7).

1 В данной статье автор пользуется терминами «коренные» народы, «старожильческое» население и мигранты. При всей спорности данных терминов необходимо отметить, что они активно используются местным населением. По методологии опроса «коренными» называются жители округа, идентифицирующие свою этническую принадлежность как ненцы, ханты, селькупы, коми – т.е. те народы, которые ведут традиционную хозяйственную деятельность. При этом следует отметить, что не все «коренные» жители входят в перечень «коренных малочисленных народов Севера». Под старожильческим населением понимаются жители округа, не являющиеся коренными, но родившиеся на его территории и живущие в нескольких поколениях. «Приезжими» называют мигрантов из других стран и регионов России, которые приехали в округ в 2000-е годы и позже.

Необходимо отметить, что в последние 10 лет рост населения в округе стабилизировался и даже незначительно сократился (Итоги Всероссийской переписи населения 2020), что свидетельствует о завершении процессов масштабной миграции и создает условия для анализа сложившегося нового облика территории. При этом большинство (72%) респондентов – участников опроса прогнозировали, что население округа будет увеличиваться. Следовательно, стереотип о постоянно растущем населении по-прежнему существует, хотя это уже и не соответствует действительности.

Итоги опроса также показали смену тренда на миграцию. Половина (56%) опрошенных жителей планирует остаться в округе навсегда. Думают уехать, но бояться неустроенности – 6% респондентов и не хотят оставлять близких – 9%. В качестве такого мотива миграции, вариант «да, ведь все уезжают», отметили 19% (Итоги опроса).

В ходе исследования была выявлена зависимость между возрастом и лояльностью к территории: чем моложе человек, тем выше у него желание покинуть округ. Один из интервьюеров сослался на собственный опрос среди молодежи, проведенный в 2021 г., согласно которому больше 50% молодых жителей округа желают уехать, но при этом, по его наблюдениям, большая часть остается (ПМА 1: Информант 4). Также была обнаружена связь между этнической принадлежностью и лояльностью к территории. Коренные народы (ненцы, ханты, коми, селькупы) округа имеют высокий уровень лояльности и не хотят его покидать – 73%. Самый высокий уровень эмиграционных настроений имеют респонденты, которые себя идентифицируют с «прочими» национальностями (не русские и не коренные народы) – в этой группе больше половины опрошенных (60%) планирует покинуть округ.

На миграционные настроения влияет и тот факт, что уровень развития и качество жизни в округе значительно улучшились. Большинство респондентов (68%) отметили, что жизнь за последние 10-15 лет изменилась в лучшую сторону, в худшую – 6%. Участниками опроса выделены три главных плюса жизни в округе: наличие работы (38%), близость родных (28%), дружелюбное население (12%). Тремя основными минусами проживания на территории, согласно опросу, стали: отдалённость территории (21.4%), низкое качество/количество дорог (19%), экология (15%). Респондентам также был задан вопрос относительно того, как за последние 10-15 лет изменились различные показатели территории. В среднем произошедшие перемены были оценены на «3.2» из «5», то есть население удовлетворено.

Основой благополучия, конечно, являются экономические условия. Исследование проводилось через некоторое время после открытия асфальтовой дороги «Надым – Новый Уренгой», которая связала дорожным полотном округ с ХМАО-Югрой. В результате на территории региона появились крупные торговые сети («Магнит», «Пятерочка»), подешевели продукты, появилась возможность выехать из округа на собственном автомобиле, ранее

это делалось только авиа- железнодорожным транспортом или на пароме, в связи с чем существовал нарратив об «Острове Ямале», который отделен от большой земли (ПМА 1: Информант 5). Открытие дороги повлияло на уровень социального оптимизма.

Участники интервью также отметили улучшение уровня жизни именно в последнее десятилетие: «Судите сами, средняя зарплата здесь 110 тыс. рублей. Конечно кого-то отпугивает климат и инфраструктура, но она меняется семимильными шагами» (ПМА 1: Информант 4); «Ситуация значительно улучшилась, старые «бамовские» дома сносятся, новые строятся, инфраструктура улучшилась... появились группы туристов, которые конкретно едут посмотреть полярный Урал и полярный круг» (ПМА 1: Информант 6); «В плане комфорта школ – небо и земля, я знаю, как было и как стало. Там все делается для детей, чтоб было удобно и педагогам и детям. Если нужно, направление дают к узким специалистам, и в Тюмень и в Москву. Ни от кого я не слышала, чтоб были проблемы, ежегодный медосмотр для всех, все хорошо устроено» (ПМА 1: Информант 9).

Негативное отношение к уровню жизни можно отметить преимущественно со стороны местного коренного населения, поскольку оно более всего страдает от деятельности ресурсодобывающих компаний, формирующих бюджет региона. Однако в ходе исследования ни один из респондентов не высказался в пользу полного отказа от деятельности нефтегазовых компаний. Это же наблюдение зафиксировали авторы исследования «Этноэкспертиза на Ямале: ненецкие кочевья и газовые месторождения» (Головнев и др., 2014, с. 91–92). «Поддержка оказывается, конечно. Но доля должна быть от того, что от нас уходит. Она должна быть заложена этому и последующим поколениям. Очень много земли и пастбищ ушло и рыбных мест ушло под промышленное освоение. А это основная потребительская корзина коренного жителя» (ПМА 1: Информант 3); «После [открытия – М.С.] дороги потерялась идентичность, поскольку появились всякие «Магниты» и «Пятерочки» (ПМА 1: Информант 6).

Таким образом, опрос показал довольно высокий уровень миграционных настроений, особенно среди молодежи, однако стереотип о том, что люди приезжают в округ заработать и планируют обязательно уехать, уже не находит подтверждения.

Следующая часть исследования касалась самоидентификации населения. Для большинства жителей на первом месте стоит гражданская идентичность. Преобладающее количество (75%) опрошенных идентифицирует себя в первую очередь в качестве гражданина Российской Федерации; как жителя ЯНАО – 12%; как представителя своей национальности – 8% (Итоги опроса).

Сегодня власти округа большое внимание уделяют развитию патриотизма по отношению к малой родине. Судя по материалам исследования, идентичность «ямалец» является важной составляющей в культурной политике

региона: «Здесь постоянно говорят Ямал. Это бренд, который культивируется. «Я живу на Ямале», «Я люблю Ямал» и т. д. На концертах это слово не сходит с уст артистов» (ПМА 1: Информант 7); «В 1990-е гг. люди еще говорили, что они с Тюменского севера или из Сибири. Еще могли спросить про Салехард «а где это», приходилось говорить «где Тюмень», и все понимали. Сейчас такого нет. Уже есть четкая ассоциация себя, что этот округ завоевал свое место» (ПМА 1: Информант 6); «Если я выезжаю, с собой всегда худи, кепка и футболка с надписью «Ямал». Ни у кого не возникает вопроса даже, откуда я» (ПМА 1: Информант 4); «Если я куда-то еду, говорю, что я с Ямала, у нас округ уникальный, он с самобытной культурой. Пропитываешься этим, если здесь прожил» (ПМА 1: Информант 9); «Я всегда говорю, что приехала с Ямала, это наш регион, плюс мы представители общественности, мы поддерживаем Ямал» (ПМА 1: Информант 2).

Таким образом, лидеры общественного мнения единодушно транслируют нарратив об улучшающемся уровне жизни населения, а также содействуют становлению региональной идентичности «ямальцев», однако данная этно-проекция лишь отчасти совпадает с культурой коренных народов Севера и может войти с ней в противоречие.

Этничность коренных малочисленных народов Ямала

Традиционными для территории ЯНАО считаются представители ненецкого, хантыйского, коми и селькупского этнических сообществ. Поддержка и развитие их культуры являются приоритетными для властей округа. Все эти четыре группы называются жителями «коренными» или «местными», а остальное население «приезжим». При этом из обозначенных четырех в приоритете находится именно культура ненцев, как наиболее многочисленного народа, исконно живущего на этой территории.

Олень и оленеводство на ряду с «ямальской» идентичностью – главные бренды Ямала и часть реальной экономики округа. А. В. Головнев отмечает, что ЯНАО в современной России – лидеры и по использованию потенциала собственной этнической культуры «на душу населения» (Головнев, 2004, с. 123-124). Е. В. Перевалова рассматривает наследие коренных народов как второй после нефти и газа стратегический ресурс социокультурного развития (Перевалова, 2019, с. 261). Образы, связанные с оленеводством, представлены в городской скульптуре и объектах благоустройства округа.

О восприятии культуры коренных народов свидетельствуют и данные опроса. Самым известным жителем округа респондентов назвали писателя Л. В. Лапцуя, а самым главным календарным событием в жизни территории – День оленевода (47%); вторым по популярности праздником стал Международный день коренных народов Севера (34%) (Итоги опроса). «День оленевода. На очень высоком уровне проходит каждый год. Это настоящее мировое

событие», – отметил один из информантов (ПМА 1: Информант 4). Культура народов Севера оказывает существенное влияние и на приезжее население. Как показали интервью, после переезда у многих изменился рацион питания, они погрузились в местную культуру и искренне ей сопереживают: «После приезда сюда, у меня оленина присутствует в рационе» (ПМА 1: Информант 5);

Для меня коренной быт очень близок, не знаю кто из местных не любит строга-нину, малосолку. Шурпу из оленины очень люблю, хотя организм не очень принимает оленину, вся семья ест оленину» (ПМА 1: Информант 4).

Активная политика по поддержке культур народов Севера привела к переоценке значимости своей культуры коренным населением. Практически все информанты отметили, что еще 30–40 лет назад считаться ненцем было не престижно в силу русификаторской политики. На фокус-группе был описан такой случай: «Я была Сясику, стала Леной. Мне говорят ты Лена, твое имя Лена. Нам трудно выговаривать, такого имени нет. Мы живем в одной стране – СССР, мы должны иметь одинаковые имена» (ПМА 2: фокус-группа). Другие интервьюеры также отметили, что раньше ненцы стеснялись своего языка, но сейчас эту тенденцию удалось переломить: «В одно время ненцы замкнулись в себе. Стеснялись своей одежды из-за пренебрежительного отношения, сейчас они не стесняются» (ПМА 2: фокус-группа);

Проблема существовала, сейчас уже нет. Нынешняя молодежь с гордостью говорит, что они ненцы. Ненцы очень скромные, но сейчас они не скрывают, и не стесняются своей национальностью... Они должны гордиться, что они местные, они здесь хозяйева (ПМА 1: Информант 4).

Хотя некоторые из интервьюеров отметили факты «пренебрежительного отношения со стороны нефтяников» в отношении кочующих ненцев в местах добычи (ПМА 1: Информант 5). На фокус-группе рассказали случай, когда руководитель вокального коллектива стала обучать членов в соответствии с требованиями академического пения, что шло вразрез с песенной традицией ненцев. После замечаний, что коллектив стал петь «как русские, а не как ненцы», руководитель ответила «Вы благодарные... Езжайте в свою тундру и войте там свои песни» (ПМА 2: фокус-группа).

Таким образом, сегодня можно говорить о процессе формирования на Ямале явления этнотерриториальной идентичности, когда отдельные элементы культуры коренного «титального» населения становятся частью повседневной жизни остальных «некоренных» жителей, особенно в части рациона питания, соблюдения календарных праздников. Причем даже в условиях городской среды.

В следующем блоке вопросов респонденты показали довольно высокий уровень удовлетворенности обеспечением национально-культурными правами. Основная его часть (78%) отметили, что в округе обеспечиваются национально-культурные права населения в той или иной степени. Однако 17%

полагают, что данные права не обеспечиваются. Была выявлена зависимость между оценками уровня обеспечения национально-культурных прав населения в округе в зависимости от возраста и национальности. Ниже всего данный показатель оценили коренные народы; а выше всего – другие национальности, проживающие в округе. Из представителей коренных народов в возрастной категории 56 лет и старше, 85% не довольны обеспечением этнокультурных прав (Итоги опроса).

На вопрос о целесообразности проведения этнокультурных мероприятий большинство опрошенных жителей (80%) ответило, что этнокультурные мероприятия и фестивали необходимы населению, при этом 20% отметили, что нужно пересмотреть их формат.

Однако следует отметить и тот факт, что 16% респондентов не слышали о подобных праздниках.

В среднем качество и формат проводимых фестивалей, праздников оценили на «4.2» из «5», что говорит о высоком уровне удовлетворенности и потребности населения в данных мероприятиях (Итоги опроса).

Между тем в ходе исследования выявлены и некоторые противоречия, которые в перспективе могут привести к определенным сложностям. Во-первых, несмотря на поддержку, стоит отметить, что язык и культура ненцев, как и культуры всех малых народов, развиваются под влиянием различных тенденций. Это выражается в постепенном вытеснении языка из сферы семейно-бытового общения, а также не востребованностью культуры со стороны возрастающего приезжего населения. В столице округа городе Салехарде, например, на момент проведения исследования не было школ с преподаванием ненецкого языка даже на уровне факультатива. Язык преподается только в поселках в местах проживания ненцев.

В анкете респондентам был задан вопрос о том, какие языки они считают родными. Основная часть опрошенных (63%) назвала русский язык своим родным. Далее по популярности ответов шли ненецкий (20%), хантыйский (3%), киргизский (2%) языки. Около 18% опрошенных считают родными два и более языков. Как видно, количество говорящих на русском языке расходится с данными об этническом составе: для примерно 10% «коренного» населения русский язык является родным. Языки коренных народов, как преобладающие в общении, отметили 22% респондентов (Итоги опроса). Во время исследования автору удалось пообщаться с семьей оленеводов, в которой сохранялся родной язык. Когда отец задал дочери вопрос на ненецком языке, она, посмотрев на него, ответила: «Папа, я тебя не понимаю».

Постепенное исчезновение языка, особенно среди молодежи, отметили практически все интервьюеры: «Дети в садик пошли, уже на русском языке говорят, школ коренных уже нет, и классов нет, потребности нет потому что» (ПМА 1: Информант 3); «Студенты ненцы приходят после школы, языком уже почти никто не владеет, в школе тоже пытаются сохранить язык, проблема

с педагогами. Я бы сказал, что это идет на убыль, хотя и пытаются поддерживать» (ПМА 1: Информант 7). Сами представители коренных народов отметили негативные тенденции в сфере языка: «Я плохо знаю язык, потому что у меня межнациональный брак. На бытовом уровне я знаю. Нужна практика, а ее мало, здесь нет контингента для общения на языке. Предметов по языку у нас нет» (ПМА 1: Информант 2).

В самом городе, к сожалению, [ненецкий язык – М.С.] не преподается, в основном только в поселках. Это родители сами так решают. Это надо в верхах решать, детей коренных не так много, поэтому преподавать может не так уж удобно. Этот вопрос поднимали не раз, но ни к чему не пришли. Из студентов поет только маленький процент, и в основном авторские песни, они проще, чем народные (ПМА 2: фокус-группа).

Отмечена и низкая востребованность ненецкого языка и культуры в городах: «В южных городах намного меньше культивируется культура, там в основном добыча и оленей нет (ПМА 1: Информант 4); «Культура ненцев всем населением не востребована, это интересно только туристам, а что еще показывать» (ПМА 1: Информант 7); «Ситуация разная. В таких городах как Губкинский, Муравленко, Новый Уренгой, Ноябрьск ненцев почти нет. Там все население – приезжие, и им эта культура не очень понятна. Наш коллектив выезжал на концерт в Новый Уренгой, там почти никто не пришел» (ПМА 2: фокус-группа).

По мнению информантов, причиной исчезновения традиционной культуры глобализационные и урбанизационные процессы: «В поселках из-за телевидения и из-за телефона дети уже говорят все на русском языке» (ПМА 2: фокус-группа); «Сегодня если поедете в тундру, вы скорее всего увидите оленевода на снегоходе, а не в упряжке. Все всё понимают» (ПМА 1: Информант 1); «Если убрать нас «асфальтовых» ханты¹, останется тысяч десять максимум... Ассимиляция гигантскими шагами идет, пожирает нас всех» (ПМА 1: Информант 2).

Действительно, с начала 2000-х гг. в ЯНАО уже выросло второе поколение переселенцев, которые родились на Ямале. Для них культура народов Севера интересна, но не является родной: «С одной стороны это другое население, с другой стороны оно совершенно изменило восприятие Севера» (ПМА 1: Информант 6). Если жизненные стратегии переселенцев сменятся с «временного» характера проживания на «постоянный», с высокой долей уверенности можно ожидать формирования новых запросов на культурное пространство, исходящее из идей поликультурности без привязки к культуре традиционных народов. Эти тенденции отмечены в интервью. «Должен быть [в учреждении – М.С.] обязательно специалист по некоренному населению, кто был первым и кто важнее, такого уже нет. Кто-то принес новую культуру, это тоже важно» (ПМА 1: Информант 4). В рамках наблюдения отмечено,

1 Имеется в виду, городских жителей, которые покинули места традиционного проживания.

что в окружном Доме молодежи ненцы представлены незначительно, а проекты, которые реализуются в молодежной сфере, редко связаны с популяризацией культуры народов Севера: «У нас три проекта для «кмнс»: в основном это социализация и подготовка к жизни» (ПМА 1: Информант 4).

Второй выявленной проблемой брендинга территории являются противоречия внутри коренных народов. Ненцы как титульный для территории народ получают существенную поддержку, что отмечается интервьюеями: «Наши идентичности зафиксированы в названии округа, Ямал как территория, и ненцы как главный народ» (ПМА 1: Информант 9). В ходе полевой работы выявлено недовольство со стороны активистов хантыйского общественного движения:

«Во-первых, у нас среди хантов есть очень много рыбаков. А все программы, которые созданы, все смотрят в сторону Ямала смотрят, там где поголовья оленей. У нас и разница в этом. Те, кто кочует, они имеют преференции, у нас только льгота по рыболовству» (ПМА 1: Информант 2).

Противоречия отмечены и интервьюеями: «Ханты обижаются, что нет хантыйского коллектива, только ненецкие. Больше как-то наверно они между собой соревнуются ханты и ненцы» (ПМА 1: Информант 7). К этому стоит добавить, что за время работы автору не удалось пообщаться ни с одним представителем селькупов.

Подводя итоги, можно признать, что правительству Ямало-Ненецкого округа за короткое время удалось создать один из самых удачных территориальных брендов в стране с привязкой к Ямалу как территории и культуре северных народов. Между тем очевидно, что ненецкая культура, как и культура всех малочисленных народов, развивается в противоречивых условиях. Ненецкий язык практически не изучается и оказывается все менее востребован населением, традиционные виды хозяйства и образа жизни сильно модернизируются под влиянием городской среды и информационных технологий.

В перспективе не востребоанность ненецкой культуры может поставить вопрос о целесообразности ее масштабной поддержки на уровне региона. В условиях сформировавшегося облика населения и постепенной ассимиляции данная политика может потребовать корректировки в сторону усиления поликультурного компонента. Однако ориентация на культуры народов Севера имеет политический смысл для местных властей, поскольку она является залогом целесообразности автономного статуса округа.

Отношения с Тюменской областью и статус округа

«Матрешечные» отношения между ЯНАО и Тюменской областью регулируются трехсторонними соглашениями, которые с 2004 г. пролонгируются раз в пять лет. В основе этих отношений автономия и относительная финансовая самостоятельность округов с признанием их территориальной принадлеж-

ности и части налоговых отчислений (Артболевский & др., 2010, с. 157). Между тем, логика политического процесса подразумевает дальнейшую эволюцию этой модели либо в сторону окончательного слияния, либо разъединения. Так, упомянутая выше пролонгация «матрешеченой» схемы в июне 2023 г. была осуществлена через два года после окончания срока действия последнего договора, что свидетельствует о сложных переговорных процессах. В новой редакции Конституции РФ с поправками 2020 г. ЯНАО и ХМАО записаны в качестве равноправных субъектов РФ. Эти изменения в Конституции быстро нашли свое отражение и в Уставе ЯНАО. В новой редакции документа от 22 мая 2022 г. более пяти раз говорится, что «округ является равноправным субъектом РФ», а по южной границе территория субъекта соприкасается с границами ХМАО-Югры, т. е. он не является частью Тюменской области (Устав, 2022). В нашумевшем интервью Тине Канделаки губернатор округа Дмитрий Артюхов на вопрос о будущем территории сказал: «Сейчас все три субъекта абсолютно убеждены, что для жителей, даже для страны, лучше, чтобы регионы развивались самостоятельно. <...> Самое главное, что люди это [объединение регионов – М.С.] не поддерживают» (Краснов, 2021, октябрь 28).

Очевидно, что политическая ситуация развивается в русле последовательного расширения автономии ЯНАО и отказа от «матрешечного» статуса в перспективе. А дискуссии, которые ведутся по поводу автономного статуса округов Тюменской области, напрямую связаны с поддержкой культур традиционных народов Севера. Е. В. Перевалова отмечает, что одним из основных доводов в пользу прав автономий служил статус титульных коренных народов, которым нередко «пользовались в своих целях региональные политики и нефтегазовые компании» (Перевалова, 2019, с. 258).

В рамках анкетирования в вопросе о статусе округа подавляющее большинство (80%) респондентов посчитало, что округ должен сохранить особый статус в составе Тюменской области, так как обладает этнической уникальностью. Только 6% опрошенных согласны на отмену особого статуса, так как полагают, что население округа – это жители Тюменской области, в первую очередь. Также была выявлена зависимость¹ между возрастом и отношением населения к особому статусу ЯНАО, а именно: чем старше житель, тем более ценен и важен для него особый статус округа в Тюменской области и этническая уникальность территории. В категории населения «56 лет и старше» за сохранение автономии высказались 100% (Итоги опроса).

Массовый опрос также показал, что жители четко разделяют власти округа и власти области, причем к первым у них сохраняется более высокий уровень лояльности. Большая часть (39%) опрошенных оценила работу органов власти Тюменской области по решению вопросов округа нейтрально, 7% – отрицательно, 22% – положительно, 32% – затруднились ответить или считают, что от этого органа власти ничего не зависит. Стоит отметить, что уровень

1 Вычислялась по формуле Коэффициент Пирсона: ,если $r \geq \pm 0.3$, то связь сильная, в данном случае $r = 0.31$.

удовлетворенности населения работой местных властей выше в среднем на 12% такого же показателя областных органов власти (Итоги опроса).

Как показали интервью, у населения округа существует четкий нарратив насчет автономного статуса, согласно которому потеря автономии неминуемо приведет к ухудшению экономического благополучия¹. Поэтому большинство населения высказывается в пользу автономии именно потому, что округ обладает этнокультурной уникальностью. Кроме этого, никто из интервьюируемых не сказал, что в перспективе возможно какое-то изменение существующего статуса и договоренностей:

Такая ситуация вряд ли возникнет, все понятно, правила определены, в соответствии с которыми мы живем, в 1990-е гг. были использованы переговорные механизмы, которые сейчас всех устраивают, всем все понятно. Мы исторически и экономически все связаны. Представители округа есть в облдуме. И кадры, и историческое наследие очень близки (ПМА 1: Информант 9).

Один из информантов отметил, что имеющиеся ресурсы позволяют решить все разногласия, и сложности могут начаться только тогда, когда у округа могут возникнуть финансовые затруднения: «Здесь все обо всем давно договорились. Пока все всего хватает, все хорошо» (ПМА 1: Информант 10). Среди негативных последствий возможного объединения, например, указывается бюрократизация и усложнение согласовательных процедур:

Я не думаю, что положительно отнесутся. Есть положительные и отрицательные моменты. С одной стороны, лишение свободы и согласование, нужно будет все согласовать с Тюменью, сейчас такого нет, мы согласуем все с округом. У нас есть госзадание с бюджетом на уровне округа (ПМА 1: Информант 5).

При этом есть и понимание того, что полного статуса равноправного субъекта у ЯНАО в ближайшие годы также не будет: «Люди-то сами против, и Тюмень и ХМАО – все против. Ямалу было бы тяжело в Тюмени, финансы по остаточному принципу. Зачем нам это. Достаточно много уходит ресурсов, итак. Мы бы с радостью жили отдельно, регион был бы богаче. Но это невыгодно другой столице. Автономии нам никто не даст» (ПМА 1: Информант 4). На вопрос о том, на каком основании округ должен сохранять автономный статус, все интервьюируемые сказали, что он уникален в этническом плане и автономия помогает сохранять культуры коренных народов (ПМА 2: фокус-группа). Очевидно, что именно эту позицию интервьюируемые лидеры общественного мнения транслируют, работая с населением.

Выводы

По итогам исследования сделан ряд выводов. Рост населения Ямала, наблюдавшийся в последние 50 лет, стабилизировался, что дает возможность

1 Этот же нарратив отмечен автором в рамках исследований в НАО, ХМАО-Югре, Долгано-Ненецком Таймырском муниципальном районе Красноярского края и Коми-Пермяцком округе Пермского края.

властям округа проводить политику по формированию региональной идентичности с опорой на «постоянных» жителей. Имеющиеся колоссальные финансовые ресурсы позволили реализовать успешную политику «ямальской» идентичности.

Сохранение культуры коренных народов при этом является приоритетным направлением политики, поскольку обеспечивает идеологическое обоснование целесообразности существования автономии. В результате местное население, не являющееся коренным, восприняло многие элементы традиционной культуры народов Севера. Однако культуры «некоренных народов» также становятся востребованными, и очевидно, что в перспективе запрос на них у местного старожильческого населения станет выше. Респонденты неоднократно подтверждали свою лояльность идее поликультурного региона, не построенного исключительно на культуре народов Севера. Свою роль в этом не может не сыграть и трансформация традиционной культуры ненцев. Даже с учетом прироста численности жителей, идентифицирующих себя ненцами или «коренными», количество носителей ненецкого языка сокращается, как и востребованность ненецкой культуры у населения в целом.

Все это ставит вопрос о целесообразности поддержки развития культуры коренных народов, от которых местные власти не смогут отказаться по политическим соображениям. В перспективе такое противоречие может привести к кризису политики построения региональной идентичности Ямала.

Благодарности

Статья публикуется в рамках государственного задания «Этнокультурные процессы в центре Евразии: археология и этнография Урала» № 124021500047-2 на 2024-2028 гг.

Список литературы

- Slezkine, Y. (1994). The USSR as a Communal Apartment, or How a Socialist State Promoted Ethnic Particularism. *Slavic Review*, 53, 414–452. <https://doi.org/10.2307/2501300>
- Алексеев, В. В. (Ред.). (2010). *История Ямала. В 2 томах: Т. 2: Ямал современный, кн. 1: У истоков модернизации*. Издательство Екатеринбург.
- Артоболевский, С. С., Вендина, О. И., Гонтмахер, Е. Ш., Зубаревич, Н. В., & Кынев, А. В. (2010). *Объединение субъектов Российской Федерации: За и против*. Инсор.
- Брубейкер, Р. (2012). *Этничность без групп* (И. Борисова, Пер.). Издательский Дом Высшей школы экономики.
- Верняев, И. И. (2017). *Очерки истории этноконфессиональной политики в России*. Дмитрий Буланин.

- Головнёв, А. В. (2004). Народы и границы на Севере Евразии. *Археология, этнография и антропология Евразии*, 1, 123–134.
- Головнёв, А. В. (2012). Этничность: Устойчивость и изменчивость (опыт Севера). *Этнографическое обозрение*, 2, 3–13.
- Головнёв, А. В., & Киссер, Т. С. (2022). Коренные малочисленные народы: Ракурсы и статусы. *Этнография*, 17(3), 6–32. [https://doi.org/10.31250/2618-8600-2022-3\(17\)-6-32](https://doi.org/10.31250/2618-8600-2022-3(17)-6-32)
- Головнёв, А. В., Лёзова, С. В., Абрамов, И. В., Белоруссова, С. Ю., & Бабенкова, Н. А. (2014). *Этноэкспертиза на Ямале: Ненецкие кочевья и газовые месторождения*. Издательство АМБ.
- Итоги Всероссийской переписи населения 2020 г. Том 5. Национальный состав и владение языками. (2022). Росстат. https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom5_Nacionalnyj_sostav_i_vladenie_yazykami
- Итоги опроса. Изучение общественного мнения жителей Ямало-Ненецкого автономного округа. (2022). Президент НФ «ИСЭП».
- Конституция Российской Федерации (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ). (2022). Консультант. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/3ed9a4d68072c2f9d74767ed_b4d4d2ea1def6e9f/
- Краснов, И. (2021, октябрь 28). Север размораживает сердца. Интервью губернатора ЯНАО Артюхова Тине Канделаки. РТВ. <https://rtvi.com/opinions/sever-razmorazhivaet-serdtsa-intervyu-gubernatora-yanao-artyukhova-tine-kandelaki/>
- Население Ямала в XX в.: Историко-демографический анализ. (2013). УрО РАН.
- Ноговицына, Е. (2023, июнь 16). Трехсторонний договор между Тюменской областью, ХМАО-Югрой и ЯНАО будет действовать до 2035 г. Tumentoday. https://tumentoday.ru/2023/06/16/trehstoronniy_dogovor_mezhdu_tyumenskoy_oblast_yu_khmaoyugroy_i_yanao_budet_deystvovat_do_2035_goda/
- Объединение регионов Российской Федерации: Социологические данные, глубинные интервью, сравнительный анализ. (2019). Аспект Пресс.
- Панов, П. В., & Минаева, Э. Ю. (2017). Этнические региональные автономии: Вариативность соотношений этнических и политико-административных границ. *Политическая наука*, 4, 178–205.
- Первый Ямальский (Ненецкий) национальный окружной съезд Советов. 27 февраля – 4 марта 1932 года. Сборник материалов. (2011). УрО РАН.
- Перевалова, Е. В. (2019). *Обские угры и ненцы Западной Сибири: Этничность и власть*. МАЭ РАН.
- ПМА 1. Полевые материалы автора в г. Салехард, январь 2022 г. Информанты: Информант 1 – Мужчина, 1975 г.р.; Информант 2 – Женица, 1976 г.р.; Информант 3 – Мужчина, 1964 г.р. ОКОтэто; Информант 4 – Мужчина, 1983 г.р.; Информант 5 – Женица ОДР, 1969 г.р.; Информант 6 – Женица, 1970 г.р., музей Информант 7 – Женица, ЦНК, 1982 г.р., Информант 8 – Мужчина АЭК, 1966 г.р.; Информант 9 – Женица, архив 1976 г.р.; Информант 10 – Женица, 1988 г.р. (2022).
- ПМА 2. Полевые материалы автора. Интервью фокус-группы – участников творческого ненецкого коллектива «Сырассы», г. Салехард, январь 2022 г., 6 человек: 1) Женица, 1980 г.р., 2) Женица, 1967 г.р., 3) Женица – 1963 г.р., 4) Женица, 1970 г.р.; 5) Женица, 1973 г.р.; 6) Женица, 1974 г.р. (2022).

Слезкин, Ю. (2020). *Арктические зеркала: Россия и малые народы Севера*. Новое литературное обозрение.

Устав (Основной закон) Ямало-Ненецкого автономного округа от 28 декабря 1998 г. N 56-ЗАО. (с изменениями на 30 мая 2022 г.). Устав ЯНАО в редакции от 30.05.2022 № 31 ЗАО. (б. д.). Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. <https://docs.cntd.ru/document/406068250?marker>

Чешко, С. В. (2000). *Распад СССР: этнополитический анализ* (2-е изд.). ИЭА РАН.

References

Alekseev, V. V. (Ed.). (2010). *The History of Yamal*. In 2 Volumes: Vol. 2: Modern Yamal, Book 1: At the Roots of Modernization. Yekaterinburg Publishing House. (In Russian).

Artobolevsky, S. S., Vendina, O. I., Gontmakher, E. Sh., Zubarevich, N. V., & Kynyevev, A. V. (2010). *The Unification of Subjects of the Russian Federation: For and Against*. Insoor. (In Russian).

Brubaker, R. (2012). *Ethnicity Without Groups* (I. Borisova, Trans.). Higher School of Economics Publishing House. (In Russian).

Charter (Basic Law) of the Yamal-Nenets Autonomous Okrug of December 28, 1998 No. 56-ZAO (with amendments as of May 30, 2022). YANAO Charter as of May 30, 2022 No. 31 ZAO. (n.d.). Electronic Fund of Legal and Normative-Technical Documents. <https://docs.cntd.ru/document/406068250?marker> (In Russian).

Cheshko, S. V. (2000). *The Collapse of the USSR: Ethnopolitical Analysis* (2nd ed.). Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences. (In Russian).

Constitution of the Russian Federation (As Amended by the Laws of the Russian Federation on Amendments to the Constitution of the Russian Federation of March 14, 2020 No. 1-FKZ). (2022). Consultant. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/3ed9a4d68072c2f9d74767ed b4d4d2ealdef6e9f/ (In Russian).

Field Materials of the Author. Focus Group Interviews – Participants of the Creative Nenets Collective ‘Syrasyv’, Salekhard, January 2022, 6 People: 1) Female, 1980; 2) Female, 1967; 3) Female, 1963; 4) Female, 1970; 5) Female, 1973; 6) Female, 1974. (2022). (In Russian).

Field Materials of the Author in Salekhard, January 2022. Informants: Informant 1 – Male, 1975; Informant 2 – Female, 1976; Informant 3 – Male, 1964; Informant 4 – Male, 1983; Informant 5 – Female, 1969; Informant 6 – Female, 1970; Informant 7 – Female, 1982; Informant 8 – Male, 1966; Informant 9 – Female, 1976; Informant 10 – Female, 1988. (2022). (In Russian).

Golovnev, A. V. (2004). Peoples and Borders in the North of Eurasia. *Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia*, 1, 123–134. (In Russian).

Golovnev, A. V. (2012). Ethnicity: Stability and Change (Experience from the North). *Ethnographic Review*, 2, 3–13. (In Russian).

Golovnev, A. V., & Kisser, T. S. (2022). Indigenous Minorities: Perspectives and Statuses. *Ethnography*, 17(3), 6–32. [https://doi.org/10.31250/2618-8600-2022-3\(17\)-6-32](https://doi.org/10.31250/2618-8600-2022-3(17)-6-32) (In Russian).

Golovnev, A. V., Lyozova, S. V., Abramov, I. V., Belorussova, S. Yu., & Babenova, N. A. (2014). *Ethnoexpertise in Yamal: Nenets Nomads and Gas Fields*. AMB Publishing House. (In Russian).

- Krasnov, I. (2021, October 28). *The North Thaws Hearts. Interview with YANAO Governor Artyukhov by Tina Kandelaki*. RTVI. <https://rtvi.com/opinions/sever-razmorazhivaet-serdtsa-intervyu-gubernatora-yanao-artyukhova-tine-kandelaki/> (In Russian).
- Nogovitsyna, E. (2023, June 16). *Tripartite Agreement Between Tyumen Region, KhMAO-Yugra, and YANAO Valid Until 2035*. Tumentoday. [https://tumentoday.ru/2023/06/16/\(In-Russian\).trekhstoronniy-dogovor-mezhdu-tyumenskoy-oblastyu-khmaoyugroy-i-yanao-budet-deystvovat-do-2035-goda/](https://tumentoday.ru/2023/06/16/(In-Russian).trekhstoronniy-dogovor-mezhdu-tyumenskoy-oblastyu-khmaoyugroy-i-yanao-budet-deystvovat-do-2035-goda/) (In Russian).
- Panov, P. V., & Minaeva, E. Yu. (2017). *Ethnic Regional Autonomies: Variability of Ethnic and Political-Administrative Borders*. *Political Science*, 4, 178–205. (In Russian).
- Perevalova, E. V. (2019). *Ob Ugrians and Nenets of Western Siberia: Ethnicity and Power*. Museum of Anthropology and Ethnography, Russian Academy of Sciences. (In Russian).
- Population of Yamal in the 20th Century: Historical and Demographic Analysis*. (2013). Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. (In Russian).
- Results of the All-Russian Population Census 2020, Volume 5. National Composition and Language Proficiency*. (2022). Rosstat. https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom5_Nacionalnyj_sostav_i_vladenie_yazykami (In Russian).
- Slezkin, Y. (2020). *Arctic Mirrors: Russia and the Small Peoples of the North*. *New Literary Review*. (In Russian).
- Slezkine, Y. (1994). *The USSR as a Communal Apartment, or How a Socialist State Promoted Ethnic Particularism*. *Slavic Review*, 53, 414–452.
- Survey Results. Study of Public Opinion in the Yamal–Nenets Autonomous Okrug*. (2022). President of the Non-Profit Foundation 'ISEP'. (In Russian).
- The First Yamal (Nenets) National District Soviet Congress. February 27 – March 4, 1932. Collection of Materials*. (2011). Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. (In Russian).
- Unification of Regions of the Russian Federation: Sociological Data, In-Depth Interviews, Comparative Analysis*. (2019). Aspect Press. (In Russian).
- Vernyaev, I. I. (2017). *Essays on the History of Ethno-Confessional Policy in Russia*. Dmitry Bulanin. (In Russian).

Migration of Udmurts from the Udmurt Autonomous Soviet Socialist Republic to Kazakhstan in the 1960s

Sergey N. Uvarov (a) & Natalia V. Chernysheva (b)

(a) Udmurt State Agricultural University. Izhevsk, Russia. Email: [sergey.uvarov\[at\]mail.ru](mailto:sergey.uvarov[at]mail.ru)
 ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6451-9245>

(b) Institute of Demographic Research of FCTAS Russian Academy of Sciences. Moscow, Russia.
 Email: [natich84\[at\]mail.ru](mailto:natich84[at]mail.ru) ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1492-5368>

Received: 5 June 2024 | Revised: 27 July 2024 | Accepted: 1 August 2024

Abstract

The article is devoted to the migration of Udmurts from the Udmurt Autonomous Soviet Socialist Republic to the Kazakh SSR in the 1960s. from the perspective of the frontier concept. The Udmurts are one of the Finno-Ugric peoples, who are also quite large. For a long time, the Udmurts lived relatively compactly, located mainly on the territory of several subjects. The largest part was in Udmurtia, where even in 1959 76.2% of all Udmurts of the Union lived. However, already in 1970 the share had dropped to 68.7%, which was undoubtedly caused by migration. One of the main flows of migrants went to the Kazakh SSR, where virgin lands were actively being developed during this period. In just one intercensus period (from 1959 to 1970), the number of Udmurts in Kazakhstan increased fourfold. Obviously, such an increase in such a short time was ensured by migration.

The purpose of the study is to consider the migration of Udmurts from the Udmurt Autonomous Soviet Socialist Republic to Kazakhstan in the 1960s. The sources of the research were mainly statistical materials: population censuses and current accounting materials. Since 1960, mechanical movement materials began to be compiled also for rural areas, which makes it possible to obtain and use more complete information about migrations. Office documentation was also used.

Keywords

Udmurts; Migration; Frontier; Udmurtia; Kazakhstan; Development of Virgin Lands; Census; 1960s

This work is licensed under a [Creative Commons “Attribution” 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Миграция удмуртов из Удмуртской АССР в Казахстан в 1960-е гг.

Уваров Сергей Николаевич (а), Чернышева Наталья Викторовна (б)

(а) Удмуртский государственный аграрный университет. Ижевск, Россия.
Email: [sergey.uvarov\[at\]mail.ru](mailto:sergey.uvarov[at]mail.ru) ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6451-9245>

(б) Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН. Москва, Россия.
Email: [natich84\[at\]mail.ru](mailto:natich84[at]mail.ru) ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1492-5368>

Рукопись получена: 5 июня 2024 | Пересмотрена: 27 июля 2024 | Принята: 1 августа 2024

Аннотация

Статья посвящена миграции удмуртов из Удмуртской АССР в Казахскую ССР в 1960-е гг. с позиции фронтирной концепции. Удмурты – один из финно-угорских народов, являющийся к тому же довольно крупным. На протяжении долгого времени удмурты проживали относительно компактно, располагаясь в основном на территории нескольких субъектов. Самая большая часть находилась в Удмуртии, где даже в 1959 г. проживало 76,2% всех удмуртов Союза. Однако уже в 1970 г. доля сократилась до 68,7%, что, бесспорно, было вызвано миграцией. Один из основных потоков переселенцев направлялся в Казахскую ССР, где в этот период активно происходило освоение целины. Всего за один межпереписной период (с 1959 по 1970 гг.) численность удмуртов в Казахстане выросла в четыре раза. Очевидно, такой прирост за столь короткое время был обеспечен миграцией.

Цель исследования: рассмотреть миграцию удмуртов из Удмуртской АССР в Казахстан в 1960-е гг. Источниками исследования явились в основном статистические материалы: переписи населения и материалы текущего учета. С 1960 г. материалы механического движения стали составлять еще и по сельской местности, что позволяет получить и использовать более полную информацию о миграциях. Использовалась также делопроизводственная документация.

Ключевые слова

удмурты; миграция; фронт; Удмуртия; Казахстан; освоение целины; переписи населения; 1960-е гг.

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons “Attribution” \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Введение

Удмурты – в настоящее время третий по численности финно-угорский народ России. На протяжении долгого времени они проживали относительно компактно, располагаясь на территории современной Удмуртии и соседних регионов – Башкортостана, Татарстана, Кировской области, Пермского края. В XX веке различные обстоятельства способствовали перемещению в нашей стране огромных людских масс. Втянуты в миграционные процессы оказались и удмурты. Особенно быстро нарастало их количество за пределами «родной» республики и ее соседей в 1960-е гг., а больше всего выросла численность удмуртов за это десятилетие в Казахстане. Если в 1959 г. в Казахской ССР проживал 3891 удмурт, то в 1970 г. – уже 15739 (Распределение...). Этому способствовала в первую очередь компания по освоению целинных и залежных земель.

Целинные земли образовали пространство уникального внутреннего фронта (Якушенков, 2018), который являлся, наряду с другими фронтными процессами советского периода, многочисленным и масштабным (Пахомова, 2020). По результатам Национальной переписи 2009 г., в Республике Казахстан проживали представители 125 наций и народностей (Кошман, 2013, с. 34). Крупная диаспора удмуртов до сих пор проживает в современном Казахстане, сохраняя свою идентичность.

Цель исследования: рассмотреть миграцию удмуртов из Удмуртской АССР в Казахстан в 1960-е гг. В статье авторы опирались как на работы, посвященные миграционной тематике, в которых отражены некоторые аспекты изучения миграции населения СССР в 1960-е гг. (Зайончковская, 2000; Моисеенко, 1997, 2004; Москвин, 1991), так и на исследования непосредственно целинной кампании (например, Верещагин, 2014; Журавлев, 2018; Пахомова, 2020).

Миграционные исследования удмуртов изначально были сосредоточены на изучении внутренней миграции. Этому способствовало ускорение урбанизационных процессов. Если в 1959 г. в городских поселениях проживало лишь 18,5% удмуртов Удмуртской АССР, то в 1970 г. – уже 28,1% (Распределение...). Массовый переезд удмуртов для работы на стройках и заводах вызвал потребность в его изучении. В целом их миграция изучалась как часть переселения селян в города. Одним из первых в Удмуртии раскрыть характер проявления миграционных процессов в зависимости от особенностей исторических условий и этнической среды попытался Н. П. Павлов. Для этого он использовал такой источник как материалы похозяйственных книг некоторых сельских Советов Удмуртской АССР (Павлов, 1975).

Проведенные в 1968, 1976, 1979–1980 гг. массовые опросы населения в Удмуртской АССР послужили еще одним важным источником для продолжения исследований миграционной тематики. Вышли работы Г. К. Шкляева, З. П. Чесноковой (Шкляев, 1981, 1984; Чеснокова, 1981), в которых рассматрива-

лась в том числе и миграция удмуртов. Особенно любопытными в них являются сюжеты, посвященные мотивации переезда.

Внешней миграции удмуртов, направленной за пределы Удмуртии, посвящали свои работы немногие ученые. Среди них можно выделить, например, С. Лаллукку, Г. К. Шкляева, С. Н. Уварова (Лаллукка, 1997; Удмурты..., 1993, с. 53-66; Уваров, 2017, 2019). Но период 1960-х гг. отдельно в исследованиях не выделялся, как и Казахстан не рассматривался в качестве отдельного направления миграции. И хотя ряд исследователей (например, Поносов и др., 2021), из которых особо стоит выделить Т. В. Кошман (Кошман, 2011, 2013), все же разрабатывал тему участия удмуртов в освоении целины, ее можно назвать малоизученной. В демографических исследованиях, посвященных Казахстану, тема также мало затрагивается (Алексеенко & Алексеенко, 1999; Алексеенко, 1994;) либо вообще не затрагивается (Зимовина, 2003; Игнатьева, 2020), скорее всего, в силу небольшой численности удмуртской диаспоры.

Источники, методы и методология

Источниками исследования явились в основном статистические материалы: переписи населения и материалы текущего учета. Первые показали динамику численности населения, распределение его по национальности, полу, типу поселения, месту рождения. Вторые, к которым следует отнести материалы механического движения (форма 1 «Передвижение населения за ... год»), дали представление о размерах и направлениях потоков. Именно с 1960 г. их стали составлять еще и по сельской местности. Правда, в материалах механического движения не выделялись национальности. В Удмуртии впервые национальность в них была учтена только в 1975 г., и то лишь по городам и поселкам городского типа, хотя по некоторым другим регионам ЦСУ СССР собирало такие сведения и за 1968-1970 гг.

Статистические материалы представлены в опубликованных сборниках документов и статистических сборниках, а также неопубликованных архивных документах Центрального государственного архива Удмуртской Республики (ЦГА УР, фонд Р-845) и Филиала ГКУ «ЦГА УР» – Государственный архив общественно-политической истории (ГАОПИ, фонд 16). Использовалась также делопроизводственная документация, извлеченная из этих архивов.

Этническая миграция рассматривается с позиции фронтирной концепции, а территория освоения в качестве фронта. Разработки фронтирной концепции носят междисциплинарный характер, что обусловлено многоаспектностью проблематики. В России разработки историков в области фронтирной теории тесно связаны с изучением колониционных процессов и так называемого «внутреннего фронта» (Побережников, 2011; Якушенков & Якушенкова, 2013; Якушенков, 2018). Важнейшим фактором освоения фронтирных территорий является этнический фактор, на который обращают

внимание исследователи И. В. Побережников, П. К. Напольникова, Т. Б. Смирнова и др. (Побережников, 2011; Напольникова, 2019; Смирнова, Блинова, 2023). На осваиваемых территориях складывалось многоэтническое по составу население, в результате миграции «носители разнообразных этнокультур оказывались в новых географических и климатических условиях, вступали в контакты с представителями иных культур и менталитетов» (Побережников, 2011, с. 197).

«Целинный меридиан» есть феномен «нового пограничья», позволившего сдвинуть границы неосвоенных территорий СССР. Для целинных регионов в некоторой степени характерна еще одна черта фронта – освоение ресурсов происходит по экстенсивному пути и зачастую невосполнимо (Якушенков & Якушенкова, 2013, с. 13). Согласимся также с точкой зрения Е. В. Пахомовой, отмечающей, что «целинные регионы, ставшие эпицентрами» наступления на веками пустовавшие земли», образовали пространство уникального внутреннего фронта» (Пахомова, 2020, с. 627).

Целинная кампания сопровождалась демографическими изменениями на осваиваемых территориях и в районах выхода целинников. На целину прибывали рабочие, в том числе сезонные, военнослужащие, медики, педагоги, работники культуры и другие из разных регионов страны, изменяя этнодемографическую ситуацию в осваиваемых территориях.

Авторы использовали общенаучные методы (анализ, синтез, систематизация), специально-исторические (историко-генетический, историко-системный), а также статистические приемы, применяемые в демографии.

Целинный фронт и удмурты

В 1950–1960-е гг. Казахстан испытал сильнейший миграционный приток населения. Сюда приезжали на строительство заводов и на работу на них. Так, только за период с 1954 по 1958 гг. было построено и введено в эксплуатацию 730 новых промышленных предприятий (Козина, 2007, с. 58). Городское население Казахстана выросло с 1959 по 1970 гг. с 4,1 млн. чел. (что составляло 43,7% в структуре населения) до 6,5 млн. чел. (50,6%) (Распределение...). Однако самой известной причиной для приезда сюда являлась целинная кампания.

Освоение целинных и залежных земель началось в 1954 г. и сразу потребовало серьезного материального и кадрового обеспечения в силу грандиозности замыслов и еще больших масштабов по их реализации. Изначально планировалось освоить 13 млн. га, однако только в Казахстане с 1954 по 1960 гг. было распахано 25,5 млн. га. Уже в первые два года кампании в оборот было введено 8 млн. га пашни (Народное хозяйство..., 1961, с. 437).

Целину поднимали всей страной. Кампания была встречена с большим энтузиазмом, особенно молодежью. В течение 1954–1955 гг. свыше 350 тыс. юношей и девушек были направлены по комсомольским путевкам на работу

в районы освоения новых земель. В 1954 г. из Удмуртии в Казахскую ССР на целинные земли выехало 484 чел., в 1955 г. – 2572 чел. (ЦГА УР, д. 65, л. 14). Поскольку тружеников не хватало, распространены были временные выезды на уборку урожая. Так, в июле 1956 г. в Казахстан из городов Удмуртии выехало 1540 чел. (Кошман). В июне 1957 г. в городах республики набирали уже три тысячи студентов и работающей молодежи для уборки урожая (ЦДНИ, л. 23). В общей сложности за 1956–1960 гг. около 9 тыс. студентов и рабочей молодежи из Удмуртии четыре раза выезжали на уборку целинного урожая в Казахстане (И оживает время..., 1981, с. 262) (рис. 1 и 2).

Рисунок 1. Отряд комсомольцев из Удмуртии, прибывший в Северный Казахстан на уборку целинного урожая» (Филиал ГКУ «ЦГА УР» – Государственный архив общественно-политической истории (ГАОПИ). Ф. 248. Он. 1. Д. 250)

Figure 1. A detachment of Komsomol members from Udmurtia, who arrived in Northern Kazakhstan to harvest virgin lands” (Branch of the State Public Institution “TsGA UR” - State Archive of Socio-Political History (SASPH). F. 248. In. 1. C. 250)

Рисунок 2. Удмуртский целинный отряд на тракторе в поле (Филиал ГКУ «ЦГА УР» – Государственный архив общественно-политической истории (ГАОПИ). Ф. 4935. Оп. 2. Д. 724)

Figure 2. Udmurt virgin soil detachment on a tractor in the field (Branch of the State Public Institution “Central State Archive of the Urals” - State Archive of Socio-Political History (SASPH). F. 4935. In. 2. C. 724)

В целом прирост населения Казахстана за период с 1954 по 1959 гг. составил около 2 млн. чел. (Верещагин, 2014, с. 1468). Свой вклад в сельскохозяйственное освоение региона внесли и удмурты. Перепись 1959 г. зафиксировала на территории Казахской ССР 3891 представителя данной этнической общности, хотя в 1939 г. в Казахстане проживало 1576 удмуртов (табл. 1). Очевидно, что прибавка у них возникла в результате миграции, иначе никак не объяснить более чем десятикратное увеличение числа женщин при росте количества мужчин в 1,4 раза. И если до 1959 г. удмуртских женщин было меньше мужчин, то позже мы наблюдаем их численное превосходство, как в городах, так и в сельской местности.

Год	Все население			Городское население			Сельское население		
	Оба пола	Муж- чины	Жен- щины	Оба пола	Муж- чины	Жен- щины	Оба пола	Муж- чины	Жен- щины
1939	1576	1391	185	480	413	67	1096	978	118
1959	3891	1934	1957	1591	781	810	2300	1153	1147
1970	15739	7049	8690	6115	2959	3156	9624	4090	5534
1979	15460	6780	8680	7205	3266	3939	8255	3514	4741

**Таблица 1. Удмуртское население Казахской ССР в 1939, 1959, 1970, 1979 гг., чел.
 (Распределение...)**

**Table 1. Udmurt population of the Kazakh SSR in 1939, 1959, 1970, 1979, people.
 (Distribution...)**

Как видно из табл. 1, с 1959 по 1970 гг. выросло не только сельское население удмуртов Казахстана, но и городское. Более того, рост был сопоставим: сельских удмуртов за это время стало больше в 4,2 раза, городских – в 3,8 раза. Возможно, дело в том, что уже к концу 1950-х и к началу 1960-х гг. ситуация изменилась. В силу нехватки квалифицированных кадров разных отраслей приехавших для освоения целины людей (переселенцев) заселяли в города (Абдуразаков, 2019, с. 59).

По мнению Т. В. Кошман, из-за невысокого уровня жизни в удмуртских деревнях участие в освоении целины становилось привлекательным благодаря целому ряду льгот. Семьи переселенцев получали единовременное денежное пособие, жилье, продовольственную ссуду, кредит на приобретение крупного рогатого скота, а также право на бесплатный проезд и провоз имущества (Кошман). В самих казахстанских совхозах рабочим платили относительно высокую зарплату (Журавлев, 2018). При этом существенной назвать миграцию удмуртов в этот период еще нельзя.

В 1960-е гг. освоение целины продолжилось. Если к концу 1959 г. площадь пашни в Казахстане насчитывала 31,0 млн. га, то на 1 ноября 1960 г. она равнялась 32,2 млн. га, 1 ноября 1961 г. – 33,3 млн. га, 1 ноября 1962 г. – 33,8 млн. га, 1 ноября 1963 г. – 34,0 млн. га. Далее она несколько уменьшилась и лишь в конце 1970 г. превысила достигнутый уровень – 34,2 млн. га (Сельское хозяйство СССР..., 1971, с. 102–103).

Продолжился и рост численности населения Казахской ССР. С 1959 по 1970 гг. она выросла с 9,3 млн. чел. до 13,0 млн. чел. (Зимовина, 2003). Лишь с 1968 г. численность выбывающих из Казахстана в другие республики СССР стала превышать численность прибывающих (Алексеев, Аубакирова, 2017, с. 132). Именно в этот межпереписной период миграция удмуртов в Казах-

скую ССР была максимальной. Если в 1959 г. в этой союзной республике проживал 3891 удмурт, то в 1970 – уже 15739 чел. Увеличение числа удмуртов получилось четырехкратным. Практически синхронно у них увеличилось городское и сельское население, мужское и женское. Данный скачок численности удмуртского населения преимущественно приходится на период освоения целинных и залежных земель в Казахстане, сельскохозяйственных переселений и организованных наборов молодежи на промышленные города-новостройки (Кошман, 2011, с. 42).

Анализ результатов миграции удмуртов в 1960-е гг.

На протяжении долгого времени удмурты проживали относительно компактно. Самая большая часть находилась в Удмуртии. Однако на протяжении XX столетия в результате миграции крупные диаспоры данной этнической общности оказались далеко за пределами «родной» республики, а удельный вес удмуртов, проживающих в Удмуртии, сокращался (табл. 2). Возьмем для примера только советский период. Из всех удмуртов СССР в 1926 г. в Удмуртии (она называлась в том году Вотская автономная область) проживало 78,5%, в 1939 г. – 79,2%, в 1959 г. – 76,2%, в 1970 г. – 68,7%, в 1979 г. – 67,2%, в 1989 г. – 66,5%.

	1926	1939	1959	1970	1979	1989
Удмурты СССР, чел.	504187	606326	624794	704328	713696	746793
Удмурты Удмуртии, чел.	395607	480014	475913	484168	479702	496522
Удельный вес, %	78,5	79,2	76,2	68,7	67,2	66,5

Таблица 2. Доля удмуртов Удмуртии от общего числа удмуртов, проживающих в СССР (Распределение...)

Table 2. Share of Udmurts of Udmurtia from the total number of Udmurts living in the USSR (Distribution...)

Мы видим небольшое увеличение доли с 1926 по 1939 гг., но оно было связано с передачей в этот период из Кировской области в состав Удмуртской АССР территорий с преимущественным преобладанием удмуртов. А в дальнейшем удельный вес неуклонно сокращался. Самые большие изменения произошли в 1959–1970 гг., когда доля проживающих в Удмуртии удмуртов упала с 76,2% сразу до 68,7% от всех удмуртов Союза.

В 1960-е гг. значительное количество удмуртов-мигрантов направлялось в сельскохозяйственные районы юга страны: Ростовскую, Саратовскую, Волгоградскую области и Краснодарский край, а также в Курганскую, Оренбургскую, Куйбышевскую области. Представительство удмуртов в этих регионах выросло до 18,9 тыс. чел. Активизации миграции удмуртов способствовало распростра-

нение паспортной системы на колхозников, все же большинство их проживало в сельской местности. Значительно увеличилась численность удмуртов в Сибири и на Дальнем Востоке – перепись зарегистрировала там 27,2 тыс. чел., в основном в Кемеровской, Томской, Тюменской, Новосибирской, Иркутской областях, Красноярском и Приморском краях. Однако здесь они преимущественно составляли городское население (Удмурты..., 1993, с. 60).

Данные табл. 3 свидетельствуют о масштабной в 1960-е гг. миграции удмуртов по территории СССР. Всего за 11 лет за пределами их компактного размещения оказалось больше на 69654 удмурта. Из них на 16781 чел. выросла численность удмуртской диаспоры за пределами РСФСР. Большая их часть мигрировала в Казахстан. Но в этот период подвижной оказалась не только титульная нация Удмуртской АССР. Сопоставление динамики численности и естественного прироста всего населения республики показало, что с 1959 до 1970 г. Удмуртию покинуло на 120,5 тыс. чел. больше, чем прибыло (Уваров, 2019, с. 186).

	1959		1970	
	чел.	%	чел.	%
СССР	624794	100	704328	100
РСФСР	615640	98,5	678393	96,3
Удмуртская АССР	475913	76,2	484168	68,7
Кировская область	22201	3,6	22705	3,2
Татарская АССР	22657	3,6	24533	3,5
Башкирская АССР	25388	4,1	27918	4,0
Пермская область	21888	3,5	30552	4,3
Остальные регионы РСФСР	35644	5,7	88517	12,6
Все союзные республики, кроме РСФСР	9154	1,5	25935	3,7

Таблица 3. Численность удмуртов по данным Всесоюзных переписей населения 1959 и 1970 гг. (Распределение...)

Table 3. The number of Udmurts according to the All-Union Population Censuses of 1959 and 1970. (Distribution...)

Год	Прибыло из Казахской ССР				Выбыло в Казахскую ССР				Механический прирост за счет			
	из городов	из сельских местностей	неизвестно	всего	в города	в сельские местности	неизвестно	всего	городов	сельских местностей	неизвестно	всего
1958	612	870	25	1507	1929	1081	322	3332	-1317	-211	-297	-1825
1959	875	1077	51	2003	1924	1268	68	3260	-1049	-191	-17	-1257
1960	893	992	94	1979	1195	939	162	2296	-302	53	-68	-317
	271	495	182	948	842	1044	505	2391	-571	-549	-323	-1443
1961	703	803	123	1629	1324	515	232	2071	-621	288	-109	-442
	259	651	244	1154	655	802	514	1971	-396	-151	-270	-817
1962	725	838	96	1659	1329	776	285	2390	-604	62	-189	-731
	235	568	273	1076	663	822	369	1854	-428	-254	-96	-778
1963	1127	989	104	2220	1117	732	101	1950	10	257	3	270
	218	662	172	1052	568	569	157	1294	-350	93	15	-242
1964	713	867	56	1636	835	1030	103	1968	-122	-163	-47	-332
	282	641	80	1003	1409	693	109	2211	-1127	-52	-29	-1208
1965	627	1066	79	1772	1098	563	70	1731	-471	503	9	41
	269	547	40	856	519	971	77	1567	-250	-424	-37	-711
1966	750	727	23	1500	819	243	17	1079	-69	484	6	421
	280	612	20	912	443	432	26	901	-163	180	-6	11
1967	852	783	38	1673	854	368	9	1231	-2	415	29	442
	253	617	37	907	282	324	40	646	-29	293	-3	261
1968	973	760	18	1751	967	272	25	1264	6	488	-7	487
	290	525	51	866	305	268	48	621	-15	257	3	245
1969	1078	690	22	1790	1182	210	24	1416	-104	480	-2	374
	406	601	48	1055	401	271	40	712	5	330	8	343
1970	947	459	25	1431	958	244	35	1237	-11	215	-10	194
	325	515	50	890	327	250	48	625	-2	265	2	265

Таблица 4. Сведения о передвижении населения Удмуртской АССР в 1959–1970 гг., чел.¹
(ЦГА УР, д. 84, л. 23об.; д. 91. л. 8об.; д. 94. л. 23об., 31об.; д. 101. л. 5об., 8об.; д. 113. л. 2об., 8об.; д. 116. л. 6об., 12об.; д. 124. л. 9об., 12об.; д. 132. л. 14об., 17об.; д. 163. л. 5об., 8об.; д. 172. л. 8об., 10об.; д. 192. л. 18об., 24об.; д. 206. л. 10об., 14об.; д. 217. л. 6об., 9об.)

Table 4. Information on the movement of the population of the Udmurt Autonomous Soviet Socialist Republic in 1959–1970, people. (TsGA UR, d. 84, l. 23v.; d. 91. l. 8v.; d. 94. l. 23v., 31v.; d. 101. l. 5v., 8v.; d. 113. l. 2v., 8v.; d. 116. l. 2v., 8v.; d. 124. l. 9v., 12v.; d. 132. l. 17v., 5v., 8v.; d. 172. l. 8v.; d. 192. l., 24v.; d. 206. l. 10v.; 9 rev.)

¹ За 1958 и 1959 гг. указано передвижение по городским поселениям Удмуртской АССР, за 1960–1970 гг. верхние строки – по городским поселениям, нижние – по сельской местности УАССР.

К сожалению, источники, напрямую свидетельствующие о размерах миграции удмуртов, в этот период не выявлены, этническая миграция не учитывалась статистическими органами ни в переписях населения (Моисеенко, 1997), ни в текущей статистике. Однако с начала 1960-х гг. текущий учет населения СССР позволял определить районы выхода и районы приема мигрантов довольно четко (Москвин, 1991, с. 73). С 1960 по 1969 гг. (за 1959 г., к сожалению, данных нет, чтобы можно было сопоставить с межпереписным периодом) из сельской местности Удмуртии в Казахскую ССР выехало на 4339 чел. больше, чем приехало в обратном направлении (табл. 4). Учитывая, что по переписи 1959 г. 52,2% сельского населения Удмуртии являлось удмуртами, следует предположить, что и среди мигрантов большинство принадлежало к данной этнической общности. До 1965 г. включительно из сельской местности Удмуртии в Казахстан больше уезжало, а с 1966 г. – больше приезжало. Отметим также такой факт, что селяне Удмуртии активнее уезжали в казахские города, нежели в сельскую местность союзной республики.

По городским поселениям Удмуртии отрицательный баланс между переписями 1959 и 1970 гг. в миграционном обороте с Казахской ССР составил 1044 чел. У горожан смена отрицательного сальдо миграции на положительное произошла раньше, с 1965 г. Учитывая, что материалы механического движения страдают недоучетом, скорее всего, миграция из Удмуртии в Казахстан была в больших размерах, чем об этом говорят данные табл. 4.

Большим вызовом для удмуртской диаспоры, оказавшейся далеко от родных мест, являлась угроза ассимиляции, которая активно стала нарастать как раз с середины XX века. Если в 1959 г. 89,1% удмуртов СССР родным языком признавало удмуртский язык, то в 1970 г. – уже только 82,6%. В Казахской ССР в 1970 г. из 15786 удмуртов только 10307 чел. (65,3%) признавали родным язык своей национальности. Но у городских удмуртов эта доля была намного ниже: 3561 из 6125 чел. (58,1%). У сельских удмуртов удельный вес с родным удмуртским языком был выше: 6746 из 9661 чел. (69,8%) (Итоги..., 1973, с. 4). В 1979 г. численность удмуртов Казахстана осталась почти прежней, но языковая ассимиляция продолжилась: из 15460 чел. родным языком признавало удмуртский язык 8209 удмуртов (53,1%). И вновь в городах их доля оказалась ниже: 47,7% против 57,8% (Итоги..., 1989, с. 179, 182, 185). Таким образом, целинный фронт как зона контактов разных народов и различных культур способствовал нарастанию ассимиляционных процессов у удмуртов Казахстана.

После окончания целинной кампании переселившиеся в Казахстан удмурты в массе остались на новом месте: в 1979 г. там проживало 15460 чел., в 1989 г. – 15855 чел. Но после распада СССР началось возвращение удмуртов в Россию: в 1999 г. в Казахстане осталось 9095 удмуртов, в 2009 г. – уже 5824.

Выводы

Таким образом, до середины XX века миграционная подвижность удмуртов была низкая, и они проживали относительно компактно. Традиционной зоной расселения удмуртов был северо-восток Центральной России и Урал. Однако социально-экономическая политика Советского государства способствовала увеличению миграционных потоков, в том числе формированию нехарактерных миграционных связей. Безусловно, расширение фронта явилось одной из заметных тенденций развития удмуртского этноса во второй половине XX столетия. С 1954 г. началось освоение целинных земель, в котором с самого начала приняли участие и удмурты. Однако до конца 1950-х гг. масштабы миграции удмуртов были еще невелики. Ситуация изменилась в 1960-е гг., когда их переселения стали массовыми. В результате крупные диаспоры данной этнической общности оказались далеко за пределами «родной» республики. Особенность миграции удмуртов в 1960-е гг. состояла в том, что основная масса направлялась в сельскохозяйственные районы страны. Ареал расселения удмуртов значительно расширился, многие покинули территорию России. Более всего количество удмуртов увеличилось в Казахстане (в основном в Кустанайской и Целиноградской областях), до 15,8 тыс. чел., что явилось следствием привлечения сюда населения во время освоения целинных и залежных земель. С одной стороны, миграция удмуртов помогала решать общегосударственные задачи. С другой стороны, расширение фронта способствовало ускорению ассимиляционных процессов.

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01604, <https://rscf.ru/project/23-28-01604/>, в Удмуртском государственном аграрном университете.

Список литературы

- Абдуразаков, М. Ф. (2019). Влияние советской власти на процесс урбанизации в Казахстане (вторая половина XX века). *Историческая демография*, 2, 57–62. <https://doi.org/10.19110/2304-5922-2019-2-57-62>
- Алексеевко, А. Н. (1994). *Сельское население Казахстана. 1920–1990 гг.* [Автореферат диссертации доктора исторических наук]. Алматы.
- Алексеевко, А. Н., & Аубакирова, Ж. С. (2017). Население Казахстана в 50–80-е годы XX века: Демографический взрыв и особенности этносоциальных эволюций. *Вестник НГУ. Серия: История, филология*, 16(8), 127–142. <https://doi.org/10.25205/1818-7919-2017-16-8-127-142>

- Алексеенко, Н. В., & Алексеенко, А. Н. (1999). *Население Казахстана за 100 лет (1897–1997)*. Полиграфия.
- Верещагин, Т. Г. (2014). 60 лет целинной эпопеи: Этапы, значение. *Современные проблемы науки и образования*, 6, 1468.
- Журавлев, С. (2018, февраль 20). Целинная эпопея. *Живая история*.
<http://lhistory.ru/statyi/celinnaya-epopeya>
- Зайончковская, Ж. А. (2000). Миграция населения СССР и России в XX веке: Эволюция сквозь катаклизмы. *Проблемы прогнозирования*, 4, 1–15.
- Зимовина, Е. П. (2003). Динамика численности и состава населения Казахстана во второй половине XX века. Демоскоп. <https://www.demoscope.ru/weekly/2003/0103/analit03.php>
- И оживает время: Сборник очерков по истории комсомола Удмуртии*. (1981). Удмуртия.
- Игнатъева, Л. Н. (2020). Влияние миграции на этнодемографическую ситуацию в Казахстане в 30–90-е гг. XX в. *Известия Алтайского государственного университета*, 5, 85–90.
[https://doi.org/10.14258/izvasu\(2020\)5-12](https://doi.org/10.14258/izvasu(2020)5-12)
- Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года: Т. 4: Национальный состав населения СССР, союзных и автономных республик, краев, областей и национальных округов*. (1973). Статистика.
- Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 года: Статистический сборник: Т. IV: национальный состав населения СССР: часть I: распределение населения СССР, союзных и автономных республик, краев, областей и автономных округов по национальности и языку: книга 2*. (1989). Госкомстат.
- Козина, В. В. (2007). *Демографическая история Казахстана*. Издательство КарГУ.
- Кошман, Т. В. (2011). Удмурты в Казахстане. В Н. И. Леонов, А. Е. Загребин, А. В. Ишмуратов, Р. В. Кириллова, & Д. И. Черашняя (Ред.), *Этногенез удмуртского народа. Этнос. Язык. Культура. Религия: Сборник статей и материалов Международной научной конференции, посвященной 65-летию М.Г. Атаманова* (с. 41–44). Издательство «Удмуртский университет».
- Кошман, Т. В. (2013). Финно-угорские народы в Казахстане: По материалам Национальной переписи населения 2009 года. *Финно-угорский мир*, 2, 34.
- Кошман, Т. В. (2018). *Трудовая миграция жителей Удмуртии в 50–60 годы XX века в Казахстан (на примере совхоза «Ижевский» Акмолинской области Казахстана)*.
<https://studylib.ru/download/599856>
- Лаллукка, С. (1997). *Восточно-финские народы России: Анализ этнодемографических процессов* (Л. И. Леденева & С. В. Голованов, Пер.). Европейский Дом.
- Моисеенко, В. М. (1997). Миграция населения в переписях России и СССР. *Вопросы статистики*, 4, 30–37.
- Моисеенко, В. М. (2004). *Внутренняя миграция населения*. ТЕИС.
- Москвин, Д. Д. (1991). *Население СССР: вопросы миграции: (Экономико-статистический обзор тенденций 60–80-х годов)*. Наука.

- Напольникова, П. К. (2019). Этнический фактор на пограничной территории. *Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки*, 24, 220–224. <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2019-24-182-220-224>
- Народное хозяйство СССР в 1960 г.: *Статистический ежегодник*. (1961). Госстатиздат.
- Павлов, Н. П. (1975). *Крестьянство Удмуртии. 1946–1970. Историко-социологические очерки*. Удмуртия.
- Пахомова, Е. В. (2020). Целинный фронт: Особенности освоения целины в Оренбуржье. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России*, 19(3), 625–640. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-3-625-640>
- Побережников, И. В. (2011). Азиатская Россия: Фронт, модернизация. *Известия Уральского государственного университета. Серия 2. Гуманитарные науки*, 4, 191–203.
- Поносов, Г. Л., Дмитриев, П. С., Лысакова, Т. Н., Носонов, А. М., & Вендт, Я. А. (2021). Финно-угорские народы Республики Казахстан: Динамика численности, размещение, миграционные процессы. *Финно-угорский мир*, 13(2), 158–168. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.013.2021.02.158-168>
- Распределение населения по национальности по данным переписей населения 1926, 1939, 1959, 1970, 1979, 1989, 2002, 2010 гг. (2024). Демоскоп. https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/census_types.php?ct=6
- Сельское хозяйство СССР: *Статистический сборник*. (1960). Госстатиздат.
- Сельское хозяйство СССР: *Статистический сборник*. (1971). Статистика.
- Смирнова, Т. Б., & Блинова, А. Н. (2023). Этническая самоорганизация в условиях фронта (на примере немцев, казахов и русских). *Журнал фронтальных исследований*, 3, 195–220. <https://doi.org/10.46539/jfs.v8i3.538>
- Уваров, С. Н. (2017). Этническая миграция в Удмуртии в 1970–1980-е годы: Историко-статистический анализ. *Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал*, 1, 160–179.
- Уваров, С. Н. (2019). *Этнодемографические процессы в Удмуртии в 1959–1989 гг.: Монография*. Удмурты: Историко-этнографические очерки. (1993). УИИЯЛ УрО РАН.
- Филиал ГКУ «ЦГА УР» – Государственный архив общественно-политической истории (ГАОПИ). (б. д.). Ф. 16. Оп. 1. Д. 7649.
- Центральный государственный архив Удмуртской Республики (ЦГА УР). (б. д.). Ф. Р-845. Оп. 7.
- Чеснокова, З. П. (1981). О территориальной подвижности сельского населения Удмуртской АССР. В *Сельские поселения Удмуртии в XIX–XX вв.: Сборник статей* (с. 81–93). НИИ при Совете Министров УАССР.
- Шкляев, Г. К. (1981). Некоторые вопросы демографической ситуации в сельской местности Удмуртской АССР. В *Сельские поселения Удмуртии в XIX–XX вв.: Сборник статей* (с. 68–80). НИИ при Совете Министров УАССР.
- Шкляев, Г. К. (1984). Территориальные аспекты миграционной активности сельского населения Удмуртской АССР. В *Социально-этнические аспекты развития современного села. Сборник статей* (с. 22–40). НИИ при Совете Министров УАССР.

Якушенков, С. Н. & Якушенкова, О. С. (2013). Изобилие ресурсов как одна из черт фронтирной теории. *Человек. Общество. Управление*, 2, 4–15.

Якушенков, С. Н. (2018). Внутренний фронт как фактор международных отношений. *Каспийский регион: политика, экономика, культура*, 3, 125–133.

References

- Abdurazakov, M. F. (2019). Influence of Soviet Authority on the Process Urbanizations in Kazakhstan (second half of the XX century). *Istoricheskaya demografiya*, 2, 57–62. <https://doi.org/10.19110/2304-5922-2019-2-57-62> (In Russian).
- Alekseenko, A. N. (1994). *Selskoe naselenie Kazakhstana. 1920–1990 gg.* [Doctoral Thesis]. Almaty. (In Russian).
- Alekseenko, A. N., & Aubakirova, Zh. S. (2017). Population of Kazakhstan in 1950–1980s: Demographic Explosion and Peculiarities of Ethno-Social Evolutions. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 16(8), 127–142. <https://doi.org/10.25205/1818-7919-2017-16-8-127-142> (In Russian).
- Alekseenko, N. V., & Alekseenko, A. N. (1999). *Naselenie Kazakhstana za 100 let (1897–1997)*. Poligrafiya. (In Russian).
- Branch of the State Archive of Public and Political History (GAPH) — State Archive of Social and Political History (SAOPI). (n. d.). F. 16. In. 1. C. 7649. (In Russian).
- Central State Archive of the Udmurt Republic (CSAUR). (n. d.). F. R-845. In. 7. (In Russian).
- Chesnokova, Z. P. (1981). O territorial'noy podvizhnosti sel'skogo naseleniya Udmurtskoy ASSR. In *Sel'skie poseleniya Udmurtii v XIX–KhKh vv.: Sbornik statey* (pp. 81–93). NII pri Sovete Ministrov UASSR. (In Russian).
- I ozhivaet vremya: Sbornik ocherkov po istorii komsomola Udmurtii.* (1981). Udmurtiya. (In Russian).
- Ignatieva, L. N. (2020). The Impact of Migration on the Ethnodemographic Situation in Kazakhstan in the 30s–90s of the 20th Century. *Izvestiya of Altai State University*, 5, 85–90. [https://doi.org/10.14258/izvasu\(2020\)5-12](https://doi.org/10.14258/izvasu(2020)5-12) (In Russian).
- Itogi Vsesoyuznoi perepisi naseleniya 1970 goda: Vol. 4: Natsional'nyi sostav naseleniya SSSR, soyuznykh i avtonomnykh respublik, kraev, oblastei i natsional'nykh okrugov.* (1973). Statistika. (In Russian).
- Itogi Vsesoyuznoi perepisi naseleniya 1979 goda: Statisticheskii sbornik: Vol. IV: natsional'nyi sostav naseleniya SSSR: chast' I: raspredelenie naseleniya SSSR, soyuznykh i avtonomnykh respublik, kraev, oblastei i avtonomnykh okrugov po natsional'nosti i yazyku: kniga 2.* (1989). Goskomstat. (In Russian).
- Koshman, T. V. (2011). Udmurty v Kazakhstane. In N. I. Leonov, A. E. Zagrebin, A. V. Ishmuratov, R. V. Kirillova, & D. I. Cherashnyaya (Eds.), *Etnogenez udmurtskogo naroda. Etnos. Yazyk. Kul'tura. Religiya: Sbornik statei i materialov Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 65-letiyu M.G. Atamanova* (pp. 41–44). Izdatel'stvo “Udmurtskii universitet”. (In Russian).
- Koshman, T. V. (2013). Finno-Ugric Peoples in Kazakhstan: According to 2009 National Census. *Finno-Ugric World*, 2, 34. (In Russian).
- Koshman, T. V. (2018). *Trudovaya migratsiya zhitelei Udmurtii v 50–60 gody KhKh veka v Kazakhstan (na primere sovkhoza «Izhevskii» Akmolinskoi oblasti Kazakhstana)*. <https://studylib.ru/download/599856> (In Russian).

- Kozina, V. V. (2007). *Demograficheskaya istoriya Kazakhstana*. Izdatel'stvo KarGU. (In Russian).
- Lallukka, S. (1997). *The East Finnic minorities in the Soviet Union* (L. I. Ledeneva & S. V. Golovanov, Trans.). *Evropeiskiy Dom*. (In Russian).
- Moiseenko, V. M. (1997). Migratsiya naseleniya v perepisyakh Rossii i SSSR. *Voprosy statistiki*, 4, 30–37. (In Russian).
- Moiseenko, V. M. (2004). *Vnutrennyaya migratsiya naseleniya*. TEIS. (In Russian).
- Moskvin, D. D. (1991). *Naselenie SSSR: voprosy migratsii: (Ekonomiko-statisticheskii obzor tendentsiy 60–80-kh godov)*. Nauka. (In Russian).
- Napolnikova, P. K. (2019). Ethnic factor on the frontier territory. *Tambov University Review. Series: Humanities*, 24, 220–224. <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2019-24-182-220-224> (In Russian).
- Narodnoe khozyaystvo SSSR v 1960 g.: Statisticheskii ezhegodnik*. (1961). Gosstatizdat. (In Russian).
- Pakhomova, E. V. (2020). Virgin Frontier: Features of Virgin Land Development in Orenburg Region. *RUDN Journal of Russian History*, 19(3), 625–640. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-3-625-640> (In Russian).
- Pavlov, N. P. (1975). *Krest'yanstvo Udmurtii. 1946–1970. Istoriko-sotsiologicheskie ocherki*. Udmurtiya. (In Russian).
- Poberezhnikov, I. V. (2011). Asian Russia: Frontier, Modernization. *Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2. Humanities and Arts*, 4, 191–203. (In Russian).
- Ponosov, G. L., Dmitriyev, P. S., Lyssakova, T. N., Nosonov, A. M., & Wendt, J. A. (2021). Finno-Ugric peoples of the Republic of Kazakhstan: dynamics of the population, distribution, migration processes. *Finno-Ugric World*, 13(2), 158–168. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.013.2021.02.158-168> (In Russian).
- Raspredelenie naseleniya po natsional'nosti po dannym perepisey naseleniya 1926, 1939, 1959, 1970, 1979, 1989, 2002, 2010 gg.* (2024). Demoskop. https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/census_types.php?ct=6 (In Russian).
- Selskoe khozyaystvo SSSR: Statisticheskii sbornik*. (1960). Gosstatizdat. (In Russian).
- Selskoe khozyaystvo SSSR: Statisticheskii sbornik*. (1971). Statistika. (In Russian).
- Shklyayev, G. K. (1981). Nekotorye voprosy demograficheskoy situatsii v sel'skoy mestnosti Udmurtskoy ASSR. In *Sel'skie poseleniya Udmurtii v XIX–KhKh vv.: Sbornik statey* (pp. 68–80). NII pri Sovete Ministrov UASSR. (In Russian).
- Shklyayev, G. K. (1984). Territorial'nye aspekty migratsionnoy aktivnosti sel'skogo naseleniya Udmurtskoy ASSR. In *Sotsial'no-etnicheskii aspekt razvitiya sovremennogo sela. Sbornik statey* (pp. 22–40). Shklyayev, G. K.. (In Russian).
- Smirnova, T. B., & Blinova, A. N. (2023). Ethnic Self-Organization in Frontier Conditions (Examining the Examples of Germans, Kazakhs, and Russians). *Journal of Frontier Studies*, 8(3), 195–220. <https://doi.org/10.46539/jfs.v8i3.538> (In Russian).
- Udmurty: Istoriko-etnograficheskie ocherki*. (1993). UIIYaL UrO RAN. (In Russian).
- Uvarov, S. N. (2017). Ethnic Migration in Udmurtia in 1970–1980s: Historical-Statistical Analysis. *Vestnik of Orenburg State Pedagogical University. Electronic Scientific Journal*, 1, 160–179. (In Russian).

- Uvarov, S. N. (2019). *Etnodemograficheskie protsessy v Udmurtii v 1959–1989 gg.: Monografiya*. n.p. (In Russian).
- Vereschagin, T. G. (2014). 60 Years of Virgin Epic: Stages, Value. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*, 6, 1468. (In Russian).
- Yakushenkov, S. N. (2018). Internal Frontier as a Factor of Interstate Relations. *Caspian Region: Politics, Economy, Culture*, 3, 125–133. (In Russian).
- Yakushenkov, S. N. & Yakushenkova, O. S. (2013). Abundance Resources as One of the Peculiarities of Frontier Territories. *Man. Society. Management*, 2, 4–15. (In Russian).
- Zaionchkovskaya, Zh. A. (2000). 20th century Population Migrations in the USSR and Russia: Evolution through Cataclysms. *Studies on Russian Economic Development*, 11(3), 304–313.
- Zhuravlev, S. (2018, fevral' 20). *Tselinnaya epopeya. Zhivaya istoriya*. <http://lhistory.ru/statyi/celinnaya-epopeya> (In Russian).
- Zimovina, E. P. (2003). *Dinamika chislennosti i sostava naseleniya Kazakhstana vo vtoroi polovine XX veka*. Demoskop. <https://www.demoscope.ru/weekly/2003/0103/analit03.php> (In Russian).

Formation of Soviet Medical Care to Indigenous Minorities of Turukhansk Territory in the 1920s

Tatyana A. Kattsina (a) & Lyudmila E. Mezit (b)

(a) Siberian Federal University. Krasnoyarsk, Russia. Email: tkatsina@sfu-kras.ru
 ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6566-9678>

(b) Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astafiev. Krasnoyarsk, Russia.
 Email: mezit@yandex.ru ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3341-4237>

Received: 17 April 2024 | Revised: 6 June 2024 | Accepted: 13 June 2024

Abstract

Due to the specifics of its geographical and climatic location, historically formed disease structure, ethnic approach to the development of traditional medical culture, the North territories' population possesses a range of characteristics significantly different from the national average. This determines a number of problems and contradictions in medicine. The research of medical care to indigenous minorities of Turukhansk Territory in the 1920s is chosen because of its poor study, as well as the peculiarities of social and economic life of the region and national policy of the Soviet government. The article investigates the early Soviet policy in the sphere of health protection of the indigenous minorities of Turukhansk Territory. It considers two interrelated issues: it characterizes ethnic and regional aspects of traditional medicine; it reveals peculiar traits of the developing Soviet medical care to the indigenous minorities.

We conclude that during the period under study despite the lack of financing and medical personnel the forms of interaction with the indigenous minorities of Turukhansk Territory were searched for. Those concerned managed to change the peoples' attitude to doctors and medical assistants, to involve them into the anti-infective vaccination and to start health education programme. However the problem of publicly accessible medical care was solved only in parts, since major changes in living conditions did not happen, an extensive network of health facilities available to the general public was not created.

The article is designed for specialists in the sphere of national healthcare history and cultural life of peoples of the North.

Keywords

Turukhansk Territory, Region; Indigenous Minorities of the North, Indigenous Peoples of the North; Traditional Medical Culture; Health Care, Medical Care; Medical Expeditions; Epidemics; Medical Assistants, Nurses; Doctor; Shamans; Social Hygiene

This work is licensed under a [Creative Commons "Attribution" 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Становление советской медицинской помощи коренным малочисленным народам Туруханского края в 1920-е гг.

Катцина Татьяна Анатольевна (а), Мезит Людмила Эдгаровна (б)

(а) Сибирский федеральный университет. Красноярск, Россия.

Email: tkatsina@sfu-kras.ru ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6566-9678>

(б) Красноярский государственный педагогический университет

имени В. П. Астафьева. Красноярск, Россия. Email: mezit@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3341-4237>

Рукопись получена: 17 апреля 2024 | Пересмотрена: 6 июня 2024 | Принята: 13 июня 2024

Аннотация

Проблема здоровьесбережения в условиях Севера имеет особую актуальность. Население северных территорий в силу особенностей их географического и природно-климатического расположения, исторически сложившейся структуры заболеваний, этнической специфики развития традиционной медицинской культуры имеет ряд характеристик, существенно отличных от среднероссийских, что определяет ряд проблем и противоречий в области медицины, за долгие годы не решенных и обострившихся в условиях Первой мировой и Гражданской войн. Выбор темы исследования медицинской помощи коренному населению Туруханского края в 1920-е гг. обусловлен ее слабой изученностью, особенностями социально-экономической жизни края и национальной политикой советского правительства. В 1920-е гг. на территориях традиционного проживания туземного населения шли процессы превращения доиндустриальной экономики и культуры в новое состояние, характерное для социалистического государства, формировались объекты социальной инфраструктуры здравоохранения, преодолевались не только веками выработанные способы лечения уже возникших заболеваний, но и вся система сложившиеся мер, направленных на предотвращение болезней. В статье исследуется, что представляла собой ранняя советская политика в сфере охраны здоровья коренных малочисленных народов Туруханского края. Решаются две взаимосвязанные задачи: 1) дается характеристика этнических и региональных аспектов традиционной медицины, 2) выявляются особенности формирующейся советской медицинской помощи коренным малочисленным народам.

Формулируется вывод, что в исследуемый период при дефиците финансовых средств и медицинских кадров шел поиск форм взаимодействия с коренными малочисленными народами Туруханского края, удалось изменить их отношение к врачам и фельдшерам, приобщить к противомикробным прививкам, начать санитарное просвещение. Однако проблема общедоступной медицинской помощи была решена лишь частично, так как не произошло кардинального изменения условий жизни и создания разветвленной сети медицинских учреждений, доступных населению.

Статья рассчитана на специалистов в области истории отечественного здравоохранения, культурной жизни народов Севера.

Ключевые слова

Туруханский край; коренные малочисленные народы Севера; традиционная медицинская культура; медицинская помощь; врачебные экспедиции; эпидемии; фельдшер; врач; шаманы; социальная гигиена

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons "Attribution" \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Введение

Настоящая статья касается одной из сложнейших социальных проблем коренных национальностей – получения академической медицинской помощи, во многом сопряженной со средой обитания, а также специфическими для этой среды обитания гигиеническими традициями и лечебными средствами.

Временные рамки исследования – 1920-е гг., территориальные – Туруханский край, – историко-географическая область в Восточной Сибири, занимающая значительную северную часть, 72 % площади, Енисейской губернии. В 1924 г. Туруханский край получил статус уезда Енисейской губернии, а в 1925 г., после упразднения уезда, его территория вошла в Красноярский округ.

Надо заметить, что исторически масштабное освоение северных территорий было вызвано открытием Северного морского пути как транспортной магистрали, и цель этого процесса определялась триедино – решение политических, экономических и стратегических задач путем широкомасштабного освоения. Для этого требовалась поддержка системы жизнеобеспечения населения, включающая создание условий для сохранения здоровья каждого члена этнической общности. Между тем колоссальные социальные преобразования, происшедшие за годы революции, Первой мировой и Гражданской войн, сопровождались спадом производства, финансовым кризисом, обострением социально-экономических проблем, чрезвычайными лишениями, распространением эпидемии тифа, социальных болезней. В пределах этнотерриториальных группировок, где экономика развивалась на основе добычи природных ресурсов, возникла угроза вымирания различных поколений от голода и эпидемий. Общество, пережившее катастрофические потрясения, нуждалось в масштабной социальной и медицинской реабилитации.

Решение проблем здоровьесбережения малых народностей было частью советской национальной политики, которая активно эволюционировала в 1920–1930-е гг. Советское здравоохранение складывалось как государственная система, призванная обеспечить конституционное право на бесплатную и доступную медицинскую помощь.

В статье на материалах о Туруханском крае объясняются сложности решения обозначенной проблемы, ее обусловленности этническими предрасудками, отсутствием взаимопонимания между разными культурами, неполнотой сведений о реальном положении коренных малочисленных народов, острым дефицитом медицинских учреждений и кадров, нехваткой денежных средств на медицинское развитие.

Методология и методы

Статья основана на документах и материалах разной видовой принадлежности: законодательных, делопроизводственных, статистических. Богатый фактологический материал выявлен в государственном архиве Красноярского края. Использованный круг исторических и историографических источников, их содержание позволили рассмотреть заявленную проблему, а методология локальной истории понять многомерность социальных процессов начального советского периода в Туруханском крае и его специфические черты как проявление локальных обстоятельств, противоречий, конфликтов.

В статье применены научные принципы достоверности, объективности, историзма, критической интерпретации и систематизации сведений источников. Они позволили преодолеть односторонность в оценке деятельности советской власти по формированию академической сети медицинской помощи для населения, проживающего в Туруханском крае, рассматривать исторические явления в динамике, взаимосвязи с другими событиями и явлениями. Ряд приемов метода статистики использован для сбора, обработки и обобщения сведений, оценки полученных данных.

Методологию исследования составил синтез научных подходов. Так, историко-географический подход, новизна которого в полной мере проявляется в исследованиях «фронтира» («пограничья» или «контактной зоны»), позволил сосредоточить внимание на культурном обмене взаимодействия людей, принадлежащих к разным народностям и социальным слоям. Цивилизационный подход к анализу истории государственной политики в отношении коренных малочисленных народов Севера дал возможность выявить не только особенности мероприятий советского государства в 1920-е гг., но и специфику национального менталитета, культуры, уклада жизни и пр.

Обсуждение

Обращаясь к историографии данной темы, следует отметить вклад в ее разработку как советских, так и современных исследователей. Первые труды были написаны практическими работниками Комитета Севера, участвовавшими во врачебно-санитарных экспедициях либо отвечавшими за исполнение соответствующих правительственных решений в Туруханском крае. В публикациях Г. Н. Тарасенкова (1930), Д. А. Кытманова (1932), В. Ф. Богданова (1929) содержится богатый фактический материал, статистические данные о состоянии заболеваемости, деятельности врачебно-санитарных экспедиций, создании лечебных учреждений для «туземцев» в начальный советский период. Все это делает их ценным источником для исследования проблемы.

В работах В. С. Зибарева (1968), В. Г. Балицкого (2020), В. И. Увачана (1971), Д. П. Кручинина (1953) в позитивном плане освещены вопросы государственной политики в отношении малых народностей Севера, анализируются отдельные аспекты роли государства в развитии академической медицинской помощи среди малых народностей, преимущественно по развитию сети медицинских учреждений.

Критическое переосмысление истории государственной политики в отношении «туземцев» осуществлено в работах А. Ю. Завалишина (1990), А. Н. Агалархановой (2013), Т. А. Князькиной (2018).

Глубокий анализ социально-экономических и социально-культурных изменений среди малых народностей севера Дальнего Востока содержится в работах В. И. Юдина (2023), а народностей Туруханского края – в публикациях С. Т. Гайдина и Г. А. Бурмакиной (2023), В. В. Бибиковой (2019; 2020). На основе обширной источниковой базы они аргументировано обосновали этапы советской политики в отношении «туземцев», вскрыли факторы, негативно повлиявшие на реализацию проводимых в регионах мероприятий.

Историографический анализ проблемы позволяет утверждать, что произошло накопление фактического материала, проанализированы отдельные аспекты развития социально-экономической среды малых народностей. Вместе с тем малоисследованными остаются вопросы организации общедоступной медицинской помощи для малых народностей Енисейского Севера.

Цель нашей работы – выявление региональных особенностей реализации государственной политики в сфере здравоохранения в отношении коренных народов, проживающих на территории Туруханского края.

Результаты

Особенностью структуры населения чрезвычайно слабо заселенного (0,01 человека на версту) и освоенного Туруханского края являлось то, что из всех проживающих на его территории, коренное население (по данным за 1926 г.) составило более 62 % и было представлено такими малыми народностями Севера как тунгусы, долгане, якуты, самоеды и другие, сохраняющими традиционную систему жизнеобеспечения в виде пушного рыбного промысла, а также оленеводства (Катцина & Мезит, 2024, с. 45). В административном отношении туземная часть подразделялась на пять районов, а те, в свою очередь, – на родовые объединения, оформленные в родовые советы, с числом 45 (Краткий обзор работы Красноярского окружного исполкома за 1925–1926 гг., 1927, с. 60).

В первые годы советской власти политика государства была направлена на сохранение этносоциального природопользования, что предполагало эволюционное включение представителей малых народностей в процесс

общественного производства, с сохранением их традиционных промыслов, уклада жизни, без скачкообразных изменений, которые могли повлечь за собой необратимые процессы вымирания этих народностей.

Получение государством богатств Туруханского края при участии коренных национальностей, хорошо адаптированных к суровым природно-климатическим условиям Севера, не требовало бы дополнительных средств на привлечение новой рабочей силы. Между тем экономическая отсталость малых народов, подчас доходящая до нищеты, объясняла полудикий образ их жизни. Для оказания же академической медицинской помощи необходимо было знание не только об особенностях традиционной медицинской культуры, но и о факторах, влияющих на состояние здоровья той или иной этнической группы, что и предопределило выделение малых народностей в особую группу для обеспечения медицинской помощью. В 1925 г. в официальных документах было введено наименование всех коренных национальностей, проживавших на крайнем Севере – «малые народности Севера», – и выделены критерии, по которым следовало отнести те или иные этносы к данной группе.

В течение 1920-х гг. были организованы специальные экспедиции для изучения традиционных форм медицинской культуры этнических групп, использования этносами природной среды для лечения заболеваний, влияния сложившихся экологических взаимосвязей на здоровье. Однако исследование медицинской этнологии осложнялось нехваткой специалистов, хорошо владеющих языком аборигенов, обладающих знаниями особенностей уклада жизни коренных национальностей.

Между тем исследования показали, что этнотерриториальные группировки в большей или меньшей мере предрасположены к отдельным видам заболеваний. Природные условия, изолированность, традиционный образ жизни оленеводов определили специфический набор наиболее характерных инфекционных заболеваний (оспа, корь, тиф), существенно влиявших на демографические показатели (смертность).

Сеть медицинских учреждений была ничтожно мала. В Туруханском крае, площадь которого равна площади Англии, Франции, Германии, Австрии и Венгрии вместе взятых, в 1920 и 1922 гг. функционировала всего одна больница, два фельдшерских пункта, где трудились врач и четыре фельдшера (ГАКК, 1918–1932а, л. 7; ГАКК, 1918–1933а, л. 101).

Шаманы же, вера в которых у малых народов была безгранична, инфекционные болезни не лечили. Как констатировали отчеты врачей, с возникновением очага инфекции туземцы просто быстро покидали это место. Но эта мера не всегда давала желаемый результат. В 1920 г. в Приангарском районе Канского уезда эпидемия оспы унесла жизни 75 % туземного населения (ГАКК, 1918–1933b, л. 8). В 1926 г. в Туруханском крае корью заболело 1 366 человек, из них умерло 185 (13,5 %) (Тарасенков, 1930, с. 448); от вспышки эпидемии кори в Илимпейском районе в 1927 г. умерло 120 человек (ГАКК, 1918–1932b, л. 37).

Население, спасаясь от эпидемии, разбрелось по тундре, оставленные олени разбежались, весенний паводок смыл сети, брошенные в озера. В результате не только бедняцкие, но и зажиточные тунгусы оказались в бедственном положении (Богданов, 1929, с. 186).

По данным заведующего Туринской культбазой Ф. Я. Бабкина, в 1928 г. более 25 % тунгусов были больны туберкулезом, причем среди детей и женщин этот процент составил 40. У остяков, оседлых по берегам рек Сыма и Елогуя, из 341 ребенка умерли 169 (69,5 %) (ГАКК, 1924–1933, лл.101, 101 об., 102). Причины детской смертности сами тунгусы объясняли «злыми духами». Но по наблюдению медико-санитарных экспедиций Красного Креста, специалистов больницы Туринской культбазы, массовой детской смертности способствовали ненадлежащие жилищные условия и экстравагантные традиции, небезопасные для здоровья. В антигигиенических условиях проходили роды у тунгусов. Как пишет врач Е. Н. Ривво, участвовавшая в медико-санитарной экспедиции Красного Креста, роженицу, как «поганую», отселяли в отдельный чум.

«На снегу, имея под собой кусок оленей шкуры, в коленном положении женщина производит на свет ребенка. Повитуха располагается за спиной роженицы и силой сдавливает живот. Пуповина перерезается грязным ножом и перевязывается оленьей жилой или веревкой. Новорожденный не имеет никаких пеленок, только у остяков принято новорожденного обмыть сразу после рождения, у большинства народностей моют через два дня после родов. До полутора лет дети живут в “амках” (ящик полтора аршина длиной и пять вершков шириной с кожаной, никогда не моющейся подстилкой, на которую кладут немного тряпок или насыпают гнилушек). В летний период ребенок лежит в “амке” голый, прикрытый только куском заячьей шкуры, низ живота присыпают гнилушками. Сверху ящик закрывается переплетом, чтобы ребенок не выпал. В чумах тесно, грязно, накурено, заплевано. Добавьте к этому использование медной посуды, нелуженой, вонь от котлов, где готовят протухших гусей, а также резкие перепады температуры в чуме – все это неблагоприятно влияло на эпидемиологическую обстановку среди малых народностей Севера» (Тарасенков, 1930, с. 450).

Употребление в пищу сырой рыбы и мяса, отсутствие привычки регулярно мыть посуду, в которой готовилась пища, способствовали распространению желудочно-кишечных, глистных заболеваний среди малочисленных народностей Севера. По данным А. Д. Кытманова, участвовавшего в работе медицинского отряда, из числа обследованных енисейцев и тунгусов не менее 40 % страдали желудочно-кишечными заболеваниями (Тарасенков, 1930, с. 454), у 52 % туземцев Тазовского района, обследованных врачом Г. Н. Гуковичем, были обнаружены глистные заболевания (Тарасенков, 1930, с. 453).

Природными факторами было обусловлено развитие у малых народностей глазных болезней. Постоянный дым в чуме, раздражающий глаза, и полумрак чума на фоне яркого снега, освещенного солнцем, способствовали развитию конъюнктивита. Тунгусы лечили его вылизыванием, что в условиях антисанитарии среды обитания усугубляло ситуацию и формировало гнойное

воспаление и даже трахому (Богданов, 1929, с. 188). Единственной мерой профилактики снеговой офтальмии было применение очков-консервов. Охотники охотно их использовали, но спрос населения на эти изделия не мог быть удовлетворен из-за дефицита.

Врач Д. А. Кытманов зафиксировал 22 случая (2,3 %) нервных заболеваний у якутов; у 8 % тунгусов – неврастении, психотении, неврозы, как следствие традиций и бытовой обстановки (Кытманов, 1932, с. 84).

Религия туземцев запрещает им мыть тело, стричь волосы. «У тазовских самоедов волосы ниже плеч и кишат паразитами. Загрязненность тела, так как зимой малые народности не моются и даже не умываются, меховую одежду многие носят без нательного белья, все это способствует возникновению чесотки» (Богданов, 1929: с.194).

Врачи медицинских отрядов, как свидетельствуют архивные документы, считали главной причиной распространенности туберкулеза среди тунгусов плохое питание, тяжелые жилищные условия, широкое распространение курения табака, даже детьми с 4–5 летнего возраста.

Многолетнее проживание в Туруханском крае позволило малым народностям приспособиться к сложным условиям обитания, но не способствовало сохранению их здоровья. Отсутствие полных сведений о численности малых народов края не позволяло в раннесоветский период объективно оценить демографическую ситуацию в регионе, уровень смертности от различных заболеваний, но убедило руководителей Туруханского края, что сохранение малых народностей зависит от доступности квалифицированной медицинской помощи, привития им санитарно-гигиенических навыков, что предусматривает создание сети медицинских учреждений.

Медицинские экспедиции Российского общества Красного Креста с дореволюционных времен эпизодически, в 1908 и 1912 гг., работали в Туруханском крае. Согласно архивным документам, обслуживали они в основном русское население, проживавшее вдоль реки Енисей.

Созданный в 1922 г. Туруханский отдел здравоохранения не имел смет и централизованного финансирования, а существовавшая прежде медицинская сеть за годы войны была сильно разрушена. Вместе с тем, новая власть предусматривала оказание академической медицинской помощи малым народностям, для чего в Дудинке, Верхне-Имбатском, Подкаменной Тунгуске и в Тазовском районе планировали открыть приемные покои. Но из-за финансовых и кадровых проблем открыть приемные покои в Верхне-Имбатском и Тазовском районе не удалось. В Дудинке и Подкаменной Тунгуске учредили амбулаторные пункты для работ общего характера, которые оказались доступны только ближайшему оседлому населению (ГАКК, 1918–1933с, л. 104). Малочисленные народности Севера ограничивались помощью шаманов.

Из отчета руководителя отдела здравоохранения Туруханского края А. Д. Авраменок следует, что и в 1923 г. никакого бюджетного финансирования на систему здравоохранения края не было предусмотрено, а в местном бюджете средства были очень ограничены. Волисполкомы игнорировали нужды малочисленных, но действующих лечебных учреждений: не давали дров для отопления амбулатории или больницы. В Сумарокове фельдшеру не дали подводу, чтобы выехать к больным в район. Укомплектовать существующие медицинские учреждения специалистами было проблематично, так как желающих ехать в Туруханский край – и при этом получать минимальное вознаграждение нерегулярно, – не находилось (ГАКК, 1918–1933с, л. 104 об).

С образованием при Президиуме ВЦИК Комитета содействия малочисленным народностям северных окраин (далее Комитет Севера), из резервного фонда СНК РСФСР были выделены средства, и оздоровительная комиссия Комитета Севера РСФСР начала плановую деятельность совместно с РОКК по организации медицинской и ветеринарной помощи кочевому населению северных окраин в виде медико-санитарных экспедиций (Богданов, 1929, с. 184).

Рассредоточение малых народностей на огромной территории, при полном отсутствии сведений о наиболее распространенных заболеваниях среди них, требовали, помимо медицинской помощи, проведения медико-санитарного обследования северных районов для того, чтобы понять оптимальные формы организации общедоступной медицинской помощи этому контингенту. Поэтому были образованы медико-санитарные отряды РОКК, Сибирского наркомата здравоохранения, включавшие врача, фельдшера, ветеринара (Бибикова, 2020, с. 488).

Противником экспедиционной работы медиков в тундре выступал представитель «Енсоюза» Лебедев, который, регулярно бывая в тундре, убедился, что медицинские экспедиции не всегда встречали кочующих туземцев, а значит, и результаты их деятельности были незначительны. По его мнению, только создание стационарных медицинских пунктов, амбулаторий позволит самим малым народностям «добраться до медиков», переломить ситуацию с заболеваемостью среди тунгусов (ГАКК, 1918–1932с, л. 28). Однако эта позиция не была поддержана. В апреле 1925 г. в Туруханском крае по-прежнему действовала только одна больница в Туруханске с единственным врачом (ГАКК, 1918–1932а, л. 7).

Ежегодно в весенне-летний период РОКК, Сибздравотдел посылали медицинские отряды, которые кочевали по тундре и оказывали помощь малым народностям Туруханского края. С осени 1925 до лета 1926 г. в край были отправлены первые врачебно-санитарные экспедиции Красноярского Комитета Севера. Одна из них под руководством врача Л. М. Сырнова обследовала и провела прививочную кампанию у 159 семей тунгусов в северо-восточной части Туруханского края. Второй отряд, состоявший из врача и фельдшера,

работал в районе Подкаменной Тунгуски, Елагуе, Сыме. Врач Д. А. Кытманов не только вел медицинский осмотр малых народностей, но и проводил их антропометрические измерения, оспопрививание. Третий отряд работал в районе Аваама, Дудынты, Хеты. Примечательно, что вместо ветврача в отряд был командирован экономист Н. С. Юрцовский (ГАКК, 1918–1932d, л. 112; Лаппо, 1927, с. 17).

В 1926 г. в крае уже действовали: больница в Туруханске с комплектом на одно-койко место; пять фельдшерских пунктов (Верхне-Имбатское, Дудинка, Хатанга, Чиринда, Янов-Стан), из них три для русского населения, два медицинских участка – для туземного. Фельдшерско-ветеринарный пункт на Яновом Стане возглавил фельдшер О. С. Седун, в Чиринде – врач Ф. Н. Романович (ГАКК, 1918–1932d, л. 20).

В 1928 г. на станке Толстый мыс обосновался лечебно-обследовательский пункт Российского общества Красного Креста, прибывший из Красноярска. Врач В. М. Айзенмессер ежедневно посещала закопченные чумы, в свободное время проводила беседы по санитарному просвещению, смогла убедить 256 человек сделать противооспенные прививки. За год пребывания в тундре она осуществила 119 выездов, приняла восемь родов, выявила у четверых пациентов трахому. Многие тунгусы убедились в пользе медицины и поэтому просили сохранить у них врачебный пункт, о чем подготовили от имени нескольких родовых советов ходатайство Красноярскому Комитету Севера (ГАКК, 1918–1932d, л. 60).

Врач Г. В. Гукович, участвовавший в экспедиции в Илимпейском районе, отмечал в отчете, что, пока они добрались до кочевников, эпидемия в основном закончилась, и ему пришлось определять процент смертности и провести оспопрививание, которое обошлось 25 коп. на человека.

Врачей тунгусы делили на «плохих» и «хороших». Критерием деления было то, скольких тунгусов доктор вылечил. Они искренне считали, что от каждой болезни есть свое лекарство, и если выданное врачом лекарство не давало немедленный результат, то означало, что доктор «плохой» (ГАКК, 1918–1932e, л. 61). В архивах сохранилась его докладная записка Красноярскому Комитету Севера о комплексном подходе к организации академической медицинской помощи в условиях тундры. Г. Н. Гукович считал, что основное внимание необходимо уделить профилактическим мероприятиям: вакцинации населения, санитарно-эпидемиологической работе с торговыми, промысловыми организациями, проведению медицинского освидетельствования прибывающих в тундру, учету больных и оборудованию кабинета гинекологии (ГАКК, 1918–1932e, л. 63).

Без развития стационарных лечебных учреждений, оснащенных необходимым оборудованием, кадрами специалистов, было немисливо сделать общедоступной медицинскую помощь малым народностям Туруханского края. Врачи, фельдшеры медицинских экспедиций отмечали, что методично приноси-

мать лекарства тунгус не способен. Они любят брать мази, порошки «от живота», «от головы», «чтобы кости не ломило»; но принимать он будет все залпом, либо, выпив один порошок, но не почувствовав облегчения, выбросит вовсе. Кроме того, сохранение самих лекарственных форм было проблематично. Микстуры перемерзали и портились. Мази, расфасованные в лубяные лукошки, часто засорились и были непригодны к использованию. Д. А. Кытманов отмечал, что обследование тунгусов, тщательное разъяснение того, как принимать лекарства, занимает не менее часа при наличии толкового толмача (ГАКК, 1918–1932f, л.19).

Кроме этого, снаряжение экспедиций в тундру было делом очень затратным и малоэффективным. Об этом свидетельствуют отчеты Туруханского исполкома. В 1925 г. одна экспедиция, финансируемая Российским обществом Красного Креста, обошлась бюджету в 21 000 руб., не считая транспортных расходов, которые финансировали местные бюджеты (ГАКК, 1918–1932g, л. 40 об). В 1928 г. содержание врачебно-санитарных отрядов составило 54 806 бюджетных руб. На эти средства, отмечает Тарасенков, в крае можно было построить несколько больниц (Тарасенков, 1930, с. 457).

Поставив задачу сделать общедоступной медицинскую помощь тунгусам, советское государство увеличивало финансирование на здравоохранение в Туруханском крае: 47 583 руб. в 1925–1926 гг., 58 939 руб. в 1928–1929 гг. Если расходы на одного человека в сфере здравоохранения в 1913 г. составляли 56 коп., то в 1928 г. – 2 руб. 56 коп. На чисто туземные лечебные учреждения в 1928 г. было отпущено 121 438 руб., на одного туземца – 8 руб. 84 коп. (Тарасенков, 1930: с. 444, 447). Всего же в 1928–1929 гг. на нужды органов здравоохранения Енисейского Севера было израсходовано 255,4 тыс. руб. (Увачан, 1971, с. 80).

28 июня 1928 г. плановая комиссия Наркомата здравоохранения утвердила принципы медико-санитарной работы на Крайнем Севере. Основной организацией медицинской помощи должны были стать стационарные пункты, больницы на строящихся культбазах с последующим разъездом врачей, фельдшеров, прикомандированных в тундру (Бибикова, 2020: с. 497). Культурные базы – форма обслуживания малых народностей Севера в 1920–1930-е гг., – представляли собой комплекс судебно-административных, просветительских, лечебных, производственных учреждений.

1 октября 1927 г. была официально открыта больница на Туринской культбазе. Возглавил больницу С. Н. Бушмарин, который вместе с врачом Д. А. Кытмановым занимался еще и научными исследованиями. В штат медицинских сотрудников вошла фельдшер-акушер Т. И. Никулина. Больница была хорошо оснащена лекарствами, приборами, мебелью, всем необходимым для предоставления квалифицированной медицинской помощи. Вскоре на культбазу прибыла с мужем А. М. Фалькова-Гладина, дочь железнодорожника,

которая взяла на себя санитарно-просветительскую работу среди женщин тунгусок (ГАКК, 1918–1932h, л. 26).

В отчете С. Н. Бушмарина за 1927 г. отмечено, что в больнице было принято 1 330 человек, в стационаре излечилось 68. Самый распространенный диагноз обратившихся в больницу – туберкулез, так как структура питания туземцев провоцирует жировое голодание. Главврач отмечал, что отсутствие транспорта в распоряжении больницы затрудняло оперативную доставку больных тунгусов, выявленных в тундре. В 1928 г. в качестве сиделок в больнице впервые приняли девушек тунгусок (ГАКК, 1918–1932i, л. 503).

14 августа 1928 г. краевой отдел здравоохранения заслушал итоги работы Туринской больницы. Доклад делал Д. А. Кытманов. Он убедил крайздрав в необходимости открытия туберкулезного пункта в больнице, и в ноябре того же года такой пункт официально был открыт. При нем организовали санитарный клуб, где проводились разъяснительные беседы, слушали музыку. Врачи отмечали, насколько прослушивание музыки было популярно у малых народностей.

Авторитет к вновь созданному туберкулезному пункту добавил случай с тунгусом Яковом Елдыгирь, который в тяжелом состоянии по требованию своего рода был госпитализирован в больницу. Через три месяца состояние больного улучшилось: «он прибавил 20 кг веса, полюбил кисели и каши на молоке» (ГАКК, 1918–1932j, л. 511). Этот случай оказался лучшей пропагандой необходимости лечения.

Кроме стационарной медицинской помощи практиковалась посылка в тундру медицинских отрядов. В 1928–1929 гг. Красноярским Комитетом Севера в тундру впервые был направлен медицинский отряд по охране материнства и младенчества в составе врача Г. Е. Светлаковой и фельдшера К. Н. Савиной (ГАКК, 1918–1932k, л. 19).

В августе 1928 г. на средства Российского общества Красного Креста (РОКК) был открыт Байкитский медицинский пункт, который возглавил врач В. И. Тарутин. В феврале 1929 г. на Байкитском пункте был оборудован стационар на пять коек (ГАКК, 1918–1932l, л. 2).

Число лечебных учреждений и медицинского персонала в Туруханском крае по обслуживанию здоровья туземного населения в 1929 г. представлено в нижеследующей таблице:

Лечебное заведение	Штатное число коек	Количество			Субъект финансирования
		Персонала	Врачей	Фельдшеров	
Больница при Туринской культбазе	15	10	2	2	Комитет Севера
Врачебный пункт (Хатангский)	нет данных	нет данных	нет данных	нет данных	госбюджет
Врачебный пункт (Янов-Стан)	нет данных	нет данных	нет данных	нет данных	РОКК
Врачебный пункт (с. Толстый Нос)	нет данных	нет данных	нет данных	нет данных	РОКК
Врачебный пункт (с. Байкит)	5	–	1	–	РОКК
Фельдшерский пункт (Илимпейский)	–	2	–	1	местные ассигнования окружного бюджета
Фельдшерский пункт (Хатангский)	нет данных	нет данных	нет данных	нет данных	местные ассигнования окружного бюджета
Фельдшерский пункт (Тазовский)	нет данных	нет данных	нет данных	нет данных	местные ассигнования окружного бюджета
Фельдшерский пункт (Нижне-Тунгусский)	–	2	–	1	местные ассигнования окружного бюджета
Туберкулезный пункт (оз. Чиринда)	–	2	1	1	Комитет Севера

Таблица – Число лечебных учреждений и медицинского персонала в Туруханском крае для малых народностей, 1929 г. (ГАКК, 1918–1932I, л. 2; Отчет III-му окружному съезду Советов..., 1929, с. 18)

Table – Number of Medical Institutions and Medical Personnel in the Turukhansk Region for Small Nationalities, 1929 (SAKK, 1918–1932I, fol. 2; Otchet III-mu okruzhnomu s'ezdu Sovetov..., 1929, 18)

Создание стационарных медицинских пунктов рассматривалось как эффективный механизм предоставления малым народностям общедоступной медицинской помощи. Об этом свидетельствуют отчеты, сохранившиеся в государственном архиве Красноярского края. Только за 11 месяцев 1928–1929 гг. через больницу Туринской культбазы прошло 118 больных, из них 99 тунгусов, умерло 11 из них (Тарасенков, 1930: с. 455).

Самой трудно решаемой проблемой оказался подбор медицинского персонала, готового и желавшего уехать работать в Туруханский край. Суровые климатические условия, незнание языка аборигенов, слабая материальная база лечебных учреждений – все это затрудняло подбор нужных кадров. В 1929 г. туземцы Тазовского района жаловались на врача Мухаршева за ненадлежащую помощь, которую они получали от него. Вместо осмотра заболевшего Мухаршев садился в балке подальше от больного и опрашивал его о симптомах болезни, обзывая «дураком», «болваном», после чего назначал порошок или мазь (ГАКК, 1920–1991, л. Зоб).

Но значительная часть врачей, фельдшеров, работавшая с малыми народностями в тундре, пользовалась заслуженным авторитетом, о чем свидетельствуют протоколы родовых советов, где они благодарят медиков за оказанную помощь, ходатайствуют об открытии стационарных медицинских участков. После трех лет работы в тундре Д. А. Кытманов, С. Н. Бушмарин, Л. А. Симонов получили целевое направление от Крайздравоотдела в Томский государственный университет на медицинский факультет, после окончания которого продолжили работу в крае (ГАКК, 1918–1932m, л. 8).

По имеющимся архивным материалам можно судить, что медицинский персонал больницы Туринской культбазы получил медицинское образование еще до революции 1917 г. (Якобсон С. М., Скорин-Якобсон Б. М.) или ранее работал в учреждениях здравоохранения (С. Н. Бушмарин, Л. А. Симонов) (ГАКК, 1918–1932n, лл. 1–9, 21).

Учитывая невозможность в короткий период обеспечить медицинские учреждения кадрами специалистов, Туруханский исполком считал необходимым сохранение подвижных медико-санитарных отрядов в крае до полного оседания кочевников и организации фельдшерских пунктов, участков, больниц в местах их расселения.

Выводы

В начальный советский период государство стремилось приобщить этносы Севера к новому укладу жизни. Это отразилось на мероприятиях, которые проводились в их среде.

На начальном этапе советская государственная национальная политика отличалась гибкостью, несмотря на кризисное состояние экономики страны. При ограниченности финансовых средств, отсутствии достаточного числа

медицинских кадров, готовых работать в тундре, ставка была сделана на подвижные медико-санитарные отряды, которые финансировались из государственного бюджета и формировались РОКК, Наркоматом здравоохранения. Сотрудники отрядов оказывали медицинскую помощь малым народностям, вели исследовательскую работу среди кочевников, анализируя причины их заболеваемости, распространенность тех или иных заболеваний, проводили прививочную кампанию, пропагандировали санитарно-гигиенические навыки.

Опыт подвижных медико-санитарных отрядов вскрыл ряд проблем по привитию академических санитарно-гигиенических навыков и профилактике болезней среди малых народов Севера. Нужно было преодолеть традиционные особенности санитарии и личной гигиены, хранения и употребления разных пищевых продуктов, обращение с пищевыми остатками, традиционные гигиенические приемы ведения домашнего хозяйства, связанные с климатом, ландшафтом и локальными особенностями обитания коренных малочисленных народов, зачастую обуславливающих появление специфических для данной местности и климата инфекций.

В 1920-е гг. коренным малочисленным народам был расширен доступ к медицинским услугам с учетом особенностей этнокультурных потребностей. С появлением Красноярского Комитета Севера началось создание стационарных фельдшерских пунктов, больниц для малых народностей. Однако кардинального изменения условий жизни населения не произошло, равно как и создания разветвленной, общедоступной, сети медицинских учреждений.

Благодарности

Результаты получены при поддержке гранта Российского научного фонда № 22-18-20109, URL: <https://rscf.ru/project/22-18-20109/>», Красноярского краевого фонда поддержки научной и научно-технической деятельности.

Список литературы

- Агаларханова, А. Н. (2013). Национальная политика Российской империи и Советской России в отношении коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. *Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке*, 6, 19–26.
- Балицкий, В. Г. (1969). *От патриархального строя к социализму*. Прогресс.
- Бибикина, В. В. (2019). *Становление государственности в Эвенкии в 20–30-х гг. XX в.* Знак.
- Бибикина, В. В. (2020). *Социально-экономическое развитие Эвенкии в 20–30-х гг. XX в.* Сибирский промысел.
- Богданов, Ф. Р. (1929). Медицинская помощь малым народностям крайнего севера. В П. Г. Смилович, С. А. Бутурлин, & Н. И. Леонов (Ред.), *Советский Север* (с. 182–200). Москва.
- Гайдин, С. Т., & Бурмакина, Г. А. (2023). Деятельность органов Советской власти в Туруханском крае в период от окончания Гражданской войны до образования национальных округов.

Социально-экономический и гуманитарный журнал, 3, 198–217.
<https://doi.org/10.36718/2500-1825-2023-3-198-217>

- Государственный архив Красноярского края (ГАКК). (1918–1933а). Ф. Р-1303. Оп. 1. Д. 5.
- Государственный архив Красноярского края (ГАКК). (1918–1933b). Ф. Р-1303. Оп. 1. Д. 15.
- Государственный архив Красноярского края (ГАКК). (1918–1933с). Ф. Р-1303. Оп. 1. Д. 119.
- Государственный архив Красноярского края (ГАКК). (1918–1932d). Ф. Р-1845. Оп. 1. Д. 7.
- Государственный архив Красноярского края (ГАКК). (1918–1932e). Ф. Р-1845. Оп. 1. Д. 8.
- Государственный архив Красноярского края (ГАКК). (1918–1932f). Ф. Р-1845. Оп. 1. Д. 12.
- Государственный архив Красноярского края (ГАКК). (1918–1932g). Ф. Р-1845. Оп. 1. Д. 24.
- Государственный архив Красноярского края (ГАКК). (1918–1932h). Ф. Р-1845. Оп. 1. Д. 34.
- Государственный архив Красноярского края (ГАКК). (1918–1932i). Ф. Р-1845. Оп. 1. Д. 57.
- Государственный архив Красноярского края (ГАКК). (1918–1932j). Ф. Р-1845. Оп. 1. Д. 79.
- Государственный архив Красноярского края (ГАКК). (1918–1932k). Ф. Р-1845. Оп. 1. Д. 113.
- Государственный архив Красноярского края (ГАКК). (1918–1932l). Ф. Р-1845. Оп. 1. Д. 142.
- Государственный архив Красноярского края (ГАКК). (1918–1932m). Ф. Р-1845. Оп. 1. Д. 173.
- Государственный архив Красноярского края (ГАКК). (1918–1932n). Ф. Р-1845. Оп. 1. Д. 176.
- Государственный архив Красноярского края (ГАКК). (1918–1932o). Ф. Р-1845. Оп. 1. Д. 181.
- Государственный архив Красноярского края (ГАКК). (1918–1932p). Ф. Р-1845. Оп. 1. Д. 182.
- Государственный архив Красноярского края (ГАКК). (1918–1932q). Ф. Р-1845. Оп. 1. Д. 280.
- Государственный архив Красноярского края (ГАКК). (1920–1991). Ф. П-27. Оп. 1. Д. 84.
- Государственный архив Красноярского края (ГАКК). (1924–1933). Ф. Р-1205. Оп. 1. Д. 28.
- Завалишин, А. Ю. (1990). *Социальная политика Советской власти в национально-государственных образованиях Сибири и Дальнего Востока. 20–30-е годы* [Автореферат диссертации кандидата исторических наук]. Институт истории СССР.
- Зибарев, В. С. (1968). *Советское строительство и малые народы Севера*. Издательство Томского государственного университета.
- Катцина, Т. А., & Мезит, Л. Э. (2024). Организация социальной помощи коренным малочисленным народам в Туруханском крае в 1920–1925 гг. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России*, 23(1), 41–51. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2024-23-1-41-51>
- Князькина, Т. А. (2018). Деятельность передвижных врачебных отрядов на Крайнем северо-востоке СССР в 1920–1930-е гг. *Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки*, 23(176), 177–184. <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2018-23-176-177-184>
- Краткий обзор работы Красноярского окружного исполнительного комитета за 1925–1926 гг. (1927). Государственная типо-литография имени Вейнбаума.
- Кручинин, Д. П. (1953). Экономический и культурный расцвет народов Советского Севера. *Вопросы истории*, 2, 29–49.

- Кытманов, Д. А. (1932). Функциональные невроты среди тунгусов Туруханского края и их отношение к шаманству. *Советский Север*, 7–8, 82–86.
- Лаппо, Д. Е. (1927). Советизация туземных племен Туруханского края. В *Красноярск* (с. 15–18). Бюро краеведения при Красноярском отделе Русского географического общества.
- Отчет III-му окружному съезду Советов. Два года работы Красноярского окружного исполнительного комитета Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов 1927–1928. (1929). Красноярская гостиполитография.
- Тарасенков, Г. Н. (1930). *Туруханский край. Экономический обзор с историческим очерком* (В. П. Косованов, Ред.). Издание Туруханского РИКА.
- Увачан, В. И. (1971). Путь народов Севера к социализму. Опыт социалистического строительства на Енисейском Севере (*Исторический очерк*). Мысль.
- Юдин, В. И. (2013). Государственная политика в отношении коренных малочисленных народов Севера: Историко-политологический анализ. *Власть и управление на Востоке России*, 4, 172–178.

References

- Agalarkhanova, A. N. (2013). National Policy of the Russian Empire and the Soviet Russia Towards the Indigenous Peoples of the North, Siberia and the Russian Far East. *Humanities Research in the Russian Far East*, 6, 19–26. (In Russian).
- Balitsky, V. G. (1969). *From Patriarchal Society to Socialism*. Progress. (In Russian).
- Bibikova, V. V. (2019). *Formation of Statehood in Evenkiya in the 1920s-1930s*. Sign. (In Russian).
- Bibikova, V. V. (2020). *Socio-Economic Development of Evenkiya in the 1920s-1930s*. Siberian Industry. (In Russian).
- Bogdanov, F. R. (1929). *Medsitsinskaia pomoshch malym narodnostiam krainego severa*. In P. G. Smidovich, S. A. Buturlin, & N. I. Leonov (Eds.), *Sovetskii Sever* (pp. 182–200). Moscow. (In Russian).
- Gaydin, S. T., & Burmakina, G. A. (2023). Soviet Authorities Activities in the Turukhansk District in the Period from the end of the Civil War to the Formation of National Districts. *Socio-Economic and Humanitarian Journal*, 3, 198–217. <https://doi.org/10.36718/2500-1825-2023-3-198-217> (In Russian).
- Katchina, T. A., & Mezit, L. E. (2024). Organization of Social Assistance to Indigenous Minorities in the Turukhansk Region in 1920–1925. *RUDN Journal of Russian History*, 23(1), 41–51. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2024-23-1-41-51> (In Russian).
- Knyazkina, T. A. (2018). Activities of Mobile Medical Units at the Far North-East of the USSR in 1920–1930. *Tambov University Review. Series: Humanities*, 23(176), 177–184. <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2018-23-176-177-184> (In Russian).
- Kratkii obzor raboty Krasnoiarского okružhnogo ispolnitelnogo komiteta za 1925–1926 gg.* (1927). Gosudarstvennaia tipo-litografiia imeni Veinbauma. (In Russian).
- Kruchinin, D. P. (1953). Economic and Cultural Flourishing of the Peoples of the Soviet North. *Voprosy Istorii*, 2, 29–49. (In Russian).

- Kytmanov, D. A. (1932). *Funktionalnye nevrozy sredi tungusov Turukhanskogo kraia i ikh otnoshenie k shamanstvu*. *Sovetskii Sever*, 7–8, 82–86. (In Russian).
- Lappo, D. E. (1927). *Sovetizatsiia tuzemnykh plemen Turukhanskogo kraia*. In *Krasnoyarsk* (pp. 15–18). Biuro kraevedeniia pri Krasnoiarskom otdele Russkogo geograficheskogo obshchestva. (In Russian).
- Otchet III-mu okruzhnomu sieezdu Sovetov. Dva goda raboty Krasnoiarskogo okruzhnogo ispolnitelnogo komiteta Sovetov rabochikh, krestianskikh i krasnoarmeiskikh deputatov 1927–1928*. (1929). Krasnoiarskaia gostipolitografiia. (In Russian).
- State Archive of the Krasnoyarsk Krai (SAKK). (1918–1932d). F. R-1845. In. 1. C. 7. (In Russian).
- State Archive of the Krasnoyarsk Krai (SAKK). (1918–1932e). F. R-1845. In. 1. C. 8. (In Russian).
- State Archive of the Krasnoyarsk Krai (SAKK). (1918–1932f). F. R-1845. In. 1. C. 12. (In Russian).
- State Archive of the Krasnoyarsk Krai (SAKK). (1918–1932g). F. R-1845. In. 1. C. 24. (In Russian).
- State Archive of the Krasnoyarsk Krai (SAKK). (1918–1932h). F. R-1845. In. 1. C. 34. (In Russian).
- State Archive of the Krasnoyarsk Krai (SAKK). (1918–1932i). F. R-1845. In. 1. C. 57. (In Russian).
- State Archive of the Krasnoyarsk Krai (SAKK). (1918–1932j). F. R-1845. In. 1. C. 79. (In Russian).
- State Archive of the Krasnoyarsk Krai (SAKK). (1918–1932k). F. R-1845. In. 1. C. 113. (In Russian).
- State Archive of the Krasnoyarsk Krai (SAKK). (1918–1932l). F. R-1845. In. 1. C. 142. (In Russian).
- State Archive of the Krasnoyarsk Krai (SAKK). (1918–1932m). F. R-1845. In. 1. C. 173. (In Russian).
- State Archive of the Krasnoyarsk Krai (SAKK). (1918–1932n). F. R-1845. In. 1. C. 176. (In Russian).
- State Archive of the Krasnoyarsk Krai (SAKK). (1918–1932o). F. R-1845. In. 1. C. 181. (In Russian).
- State Archive of the Krasnoyarsk Krai (SAKK). (1918–1932p). F. R-1845. In. 1. C. 182. (In Russian).
- State Archive of the Krasnoyarsk Krai (SAKK). (1918–1932q). F. R-1845. In. 1. C. 280. (In Russian).
- State Archive of the Krasnoyarsk Krai (SAKK). (1918–1933a). F. R-1303. In. 1. C. 5. (In Russian).
- State Archive of the Krasnoyarsk Krai (SAKK). (1918–1933b). F. R-1303. In. 1. C. 15. (In Russian).
- State Archive of the Krasnoyarsk Krai (SAKK). (1918–1933c). F. R-1303. In. 1. C. 119. (In Russian).
- State Archive of the Krasnoyarsk Krai (SAKK). (1920–1991). F. P-27. In. 1. C. 84. (In Russian).
- State Archive of the Krasnoyarsk Krai (SAKK). (1924–1933). F. R-1205. In. 1. C. 28. (In Russian).
- Tarassenkov, G. N. (1930). *Turukhanskii kraia. Ekonomicheskii obzor s istoricheskim ocherkom* (V. P. Kosovanov, Ed.). Izdanie Turukhanskogo RIKA. (In Russian).
- Uvachan, V. I. (1971). *Put narodov Severa k sotsializmu. Opyt sotsialisticheskogo stroitelstva na Eniseiskom Severe (Istoricheskii ocherk)*. Mysl. (In Russian).
- Yudin, V. I. (2013). *State Policy Towards the Indigenous Minorities of the North: Historical and Political Analysis. Power and Administration in Eastern Russia*, 4, 172–178. (In Russian).
- Zavalishin, A. Yu. (1990). *Social Policy of Soviet Power in National-State Formations of Siberia and the Far East. 1920s–1930s* [PhD Thesis]. Institute of History of the USSR. (In Russian).
- Zibarev, V. S. (1968). *Soviet Construction and the Small Peoples of the North*. Publishing House of Tomsk State University. (In Russian).

Ethnodemographic Processes in the Border Regions of Asian Russia in the New Conditions of the Turn to the East

Tatyana B. Smirnova (a) & Anna N. Blinova (b)

(a) Dostoevsky Omsk State University. Omsk, Russia. Email: SmirnovaTB[at]omsu.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7533-5364>

(b) Omsk Scientific Center of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences;
 Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian
 Academy of Sciences. Omsk, Russia. Email: anblinova[at]mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8284-7042>

Received: 14 April 2024 | Revised: 1 June 2024 | Accepted: 7 June 2024

Abstract

The analysis of ethnodemographic processes is relevant not only because of the negative demographic trends growing in the regions of Asian Russia, but also in connection with Russia's turn to the East. The authors of the article give a detailed description of the modern ethnic composition of the population in the regions of the Ural, Siberian, and Far Eastern Federal Districts of the Russian Federation and the regions bordering them, those of Kazakhstan, China, and Mongolia. The object of the study were Russians, Kazakhs, Tuvinians, Mongols, and Chinese. Special attention is paid to the analysis of their number and location, and the identification of factors and consequences of changes in the ethnic composition of the population. A definitive feature of the border regions is the high proportion and absolute number of those peoples who make up the majority of the population of neighboring States. At the same time, the demographic behavior of the peoples living on different sides of the border differs. In studying the ethnodemographic processes, the increasing demographic asymmetry between the regions of Russia and neighboring states causes the greatest attention and certain concern. In the regions of the Asian part of Russia, the total population is decreasing, largely due to Russians who have a predominant model of reproduction of the population with a low birth rate and relatively high mortality. Kazakhs, Buryats, and Tuvinians in Russia are characterized by stable numbers and reproduction, although there is a tendency to decrease the birth rate. In the border areas of Kazakhstan, the tendency towards a decrease in the number of the Russian population and its replacement by a titular nationality does not weaken.

Keywords

Ethnodemography; Population; Location; Birth Rate; Migrations; Diasporas; Border Regions; Asian Russia; Kazakhstan; China; Mongolia

This work is licensed under a [Creative Commons "Attribution" 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Этнодемографические процессы в приграничных регионах Азиатской России в новых условиях поворота на Восток

Смирнова Татьяна Борисовна (a), Блинова Анна Николаевна (b)

(a) Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского. Омск, Россия.

Email: SmirnovaTB[at]omsu.ru ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7533-5364>

(b) Омский научный центр Сибирского отделения РАН; Институт археологии и этнографии

Сибирского отделения РАН. Омск, Россия. Email: anblinova[at]mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8284-7042>

Рукопись получена: 14 апреля 2024 | Пересмотрена: 1 июня 2024 | Принята: 7 июня 2024

Аннотация

Анализ этнодемографических процессов является актуальным не только из-за нарастающих в регионах Азиатской России негативных демографических тенденций, но и в связи с поворотом России на Восток. Авторы статьи дают развернутую характеристику современного этнического состава населения в регионах Уральского, Сибирского и Дальневосточного федеральных округов Российской Федерации и граничащих с ними регионов Казахстана, Китая, Монголии. Объектом изучения стали русские, казахи, тувинцы, монголы, китайцы. Особое внимание уделяется анализу их численности и размещения, определению факторов и последствий изменения этнического состава населения. Особенностью приграничных регионов является высокий удельный вес и абсолютная численность тех народов, которые составляют основное население соседних государств. При этом демографическое поведение у народов, живущих по разные стороны границы, различается. При изучении этнодемографических процессов наибольшее внимание и определенное беспокойство вызывает все возрастающая демографическая асимметрия между регионами России и государствами-соседями. В регионах азиатской части России происходит снижение общей численности населения, во многом за счет русских, у которых преобладает модель воспроизводства населения с низкой рождаемостью и относительно высокой смертностью. Для казахов, бурят, тувинцев в России характерна стабильная численность и воспроизводство, хотя и существует тенденция к снижению рождаемости. В приграничных районах Казахстана не ослабевает тенденция к уменьшению численности русского населения и замещение его титульной национальностью.

Ключевые слова

этнодемография; численность; размещение; рождаемость; миграции; диаспоры; приграничные регионы; Азиатская Россия; Казахстан; Китай; Монголия

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons "Attribution" \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Введение

Поворот России на Восток, о необходимости которого долго говорили, произошел настолько быстро, что многие представители бизнеса и производства, управленцы и ученые оказались к нему не готовы. В новых условиях приходится работать на азиатском пространстве, очень непростом во всех отношениях, в том числе (а может быть, и в первую очередь) в этническом плане. Очень важно иметь научное представление о народах, которые живут в азиатском регионе, о языках, культурах и традициях соседних народов. Без этого невозможно эффективное экономическое и культурное сотрудничество.

История поворота России на Восток началась задолго до 2022 года. Не углубляясь в тему освоения восточных окраин Российской империи, которая была беспрецедентной по замыслам и результатам, отметим масштабные программы по освоению Сибири и Дальнего Востока в СССР, которые привели к изменению структуры советской экономики и к значительному увеличению численности населения в азиатской части страны. Попытки развития в азиатском направлении были у Горбачева (например, его речь во Владивостоке в 1986 г.), но, как и многие другие его заявления, они остались только на словах. После распада СССР Россия была сначала слишком слаба, а потом слишком долго осознавала, что ее интересы и безопасность просто игнорируются Западом.

Рубежом можно считать 2012 год. В 2012 г., впервые в России, во Владивостоке состоялась встреча организации Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС), и с этого момента в мире заговорили о восточном развороте экономики РФ. В 2012 г. произошло создание Министерства развития Дальнего Востока. Поэтому считается, что именно с 2012 г. начинается современный поворот России на Восток, который можно разбить на четыре этапа.

Первый этап начался с предвыборной статьи кандидата в президенты Владимира Путина, в которой он призывает поймать «китайский ветер в паруса российской экономики». Второй этап поворота России на восток наступил в 2014 г., вместе с кризисом в отношениях с Западом из-за Крыма и введением антироссийских санкций. Третий этап обусловлен поворотом самого Китая на Запад. Стремление к инвестированию, инициатива Пояса и Пути стали элементом переформатирования китайской политики. В настоящее время российский поворот на Восток – на пороге четвертого этапа. Глобальный мир превращается в «мир регионов», каждый из которых пусть и не изолирован от других, но все же практически самодостаточен (Макаров, 2019). Эти изменения обусловили актуальность и необходимость изучения народонаселения приграничных регионов азиатской части России.

Приграничные территории имеют много особенностей по сравнению с территориями, не имеющими соприкосновения с иностранными государствами. Главными особенностями приграничья, с точки зрения этнодемографии, считаются повышенная миграционная активность, этнотерриториальные конфликты и этническое многообразие, которое является следствием трансграничных миграций и приводит в большинстве случаев к формированию диаспор.

Диаспоры в приграничных регионах возникают не только в результате миграций, но и в результате проведения границ по территории проживания этнических общностей, в результате чего часть народа оказывается за пределами своего национального государства. Так один народ, никуда не перемещаясь в пространстве, оказывается в двух (или нескольких) странах. В. А. Тишков пишет о том, что в результате перемещения границы возникает ощущение реальности, имеющей политическую метафору «разделенного народа» (Тишков, 2003, с. 438). Эта метафора является важнейшим компонентом этнонационализма, идеалом которого является полное совпадение этнических и государственных границ в рамках национального государства. В реальной жизни это невозможно, потому что народов (этносов) в мире насчитывается около 7 тысяч, а национальных государств всего около 200. Утопической также является мысль о том, что возможно собрать в одном государстве представителей одного народа; следовательно, «неразделенных народов» не существует, поскольку государственные границы никогда не совпадают с этническими ареалами. Тем не менее, мы используем метафору «разделенного народа» в том случае, когда это «разделение» одного народа на две части государственной границей приводит к значительным изменениям, особенно той части народа, которая оказалась в состоянии диаспоры (Смирнова & Блинова, 2023).

Изменения, которые происходят в первую очередь, касаются национального языка, который превращается из государственного языка в язык межэтнического общения, миноритарный язык, а в худших вариантах – в «язык оккупантов». Затем наступают изменения, которые касаются трактовок истории, исторической памяти, представлений об этнической территории, этнической идентичности. Наконец, меняется отношение к традиционным ценностям, включая отношение к детям, к рождаемости. Другими словами, в диаспорах трансформируются все аспекты демографического поведения, меняют свое направление демографические процессы.

Научная проблема, на решение которой направлено изучение этнодемографических процессов, заключается в том, насколько и по каким причинам изменяется демографическое поведение в зависимости от того, с какой стороны границы находится часть народа. В последние годы государство предпринимает очень большие усилия по преодолению в России демографического кризиса, по увеличению рождаемости. Изучая демографическое пове-

дение у одного народа по обе стороны границы, в разных государствах (русских, немцев, казахов в России и Казахстане, тувинцев в России (Республике Тыва) и в Монголии, китайцев в России и в Китае), можно определить, насколько государственная демографическая политика влияет на демографическое поведение людей, на рождаемость. Изучая государственные меры по стимулированию или ограничению рождаемости в приграничных странах, можно определить степень их эффективности, сравнивая демографическое поведение людей, принадлежащих к одному народу, с одинаковыми демографическими установками в разных условиях. Можно попытаться ответить на вопрос, насколько значимым является этнический фактор в демографическом поведении, или это поведение целиком зависит от социальных условий и уровня урбанизации общества.

Объектом изучения стали народы, проживающие в приграничных регионах азиатской части России. Азиатская Россия представляет собой демографический контраст по сравнению с европейской ее частью. В азиатской части России, которая занимает 75 % площади нашей страны, живет всего 20 % россиян. Огромные пространства за Уралом остаются незаселенными, и ситуация не исправляется, а ухудшается. Численность населения в регионах Азиатской России снижается как за счет превышения смертности над рождаемостью, так и за счет отрицательного сальдо миграций. На протяжении постсоветского периода изменился этнический состав регионов, особенно национальных, из которых выезжают в основном русские. Миграционный отток и нарастающая естественная убыль населения восполняются мигрантами, преимущественно из стран Центральной Азии. Наибольшей интенсивностью отличаются этнодемографические процессы в приграничных регионах.

Приграничные диаспоры азиатской России: численность и размещение

Приграничные территории имеют много особенностей по сравнению с территориями, находящимися в глубине страны и не имеющими соприкосновения с иностранными государствами. После распада СССР количество приграничных территорий России многократно увеличилось, потому что границы между Российской Федерацией и новыми независимыми государствами перестали быть условными и административными, а стали настоящими государственными границами, с другой стороны которых перестали жить граждане Советского Союза, а стали жить граждане новых независимых государств. Эти новые государства стали проводить «многовекторную» или независимую от России политику, но в то же время они имеют в составе своего населения большое количество людей, ориентированных на Россию, русских и русскоязычных. Приграничные территории также отличаются повышенной миграционной активностью, интенсивными трансграничными миграциями, значительная часть которых является транзитными. Здесь есть повышенный

риск контрабанды и этнической преступности. На приграничных территориях совершается большая часть террористических актов, организуемых из-за рубежа. А в случае военных конфликтов именно приграничные территории подвергаются агрессии в первую очередь. Перечень приграничных регионов определен Правительством РФ и расположен на сайте Минэкономразвития России (Перечень приграничных субъектов Российской Федерации, 2023).

На западных, южных и восточных границах России этнические, в том числе этнодемографические, процессы имеют значительные отличия. На западе, в регионах европейской части России, современные этнические процессы имеют негативный характер, а в регионах, граничащих с Украиной и республиками Прибалтики – кризисный характер. В азиатской части, к которой относятся субъекты Уральского, Сибирского и Дальневосточного федеральных округов, имеется своя этническая приграничная специфика. Регионы Уральского и Сибирского федеральных округов граничат с Республикой Казахстан, регионы Дальневосточного округа – с Китаем, Монголией, КНДР и США. Перечень приграничных регионов Азиатской России приведен в таблице 1.

№	Субъект Российской Федерации	С какими государствами граничит по суше (морю)
Уральский федеральный округ		
1.	Курганская область	Казахстан
2.	Тюменская область	Казахстан
3.	Челябинская область	Казахстан
Сибирский федеральный округ		
4.	Республика Алтай	Казахстан, Китай, Монголия
5.	Республика Тыва	Монголия
6.	Алтайский край	Казахстан
7.	Новосибирская область	Казахстан
8.	Омская область	Казахстан
Дальневосточный федеральный округ		
9.	Республика Бурятия	Монголия
10.	Забайкальский край	Китай, Монголия
11.	Приморский край	Китай, КНДР
12.	Хабаровский край	Китай
13.	Амурская область	Китай
14.	Чукотский автономный округ	США
15.	Еврейская автономная область	Китай

Таблица 1. Перечень приграничных субъектов Уральского, Сибирского и Дальневосточного федеральных округов

Table 1. List of Border Subjects of the Urals, Siberian, and Far Eastern Federal Districts

Особенностью приграничных регионов является высокий удельный вес и абсолютная численность тех народов, которые составляют основное население соседних государств. Так, в приграничных регионах с Республикой Казахстан высокой является численность казахов (всего в России проживает 592 тыс. казахов, в том числе 516 тыс. – в приграничных с Казахстаном областях) (Всероссийская перепись населения, 2022). В регионах Дальневосточного федерального округа более высокой, по сравнению с другими субъектами РФ, является численность китайцев, монголов и корейцев. Так, больше всего китайцев живет в Республике Саха (Якутия) – 3544 чел., Приморском крае – 1644 чел. и Амурской области – 1089 чел. Лидером по численности корейцев является Сахалинская область, где проживает 16060 чел.; 7785 корейцев живет в Приморском крае, 3740 чел. – в Хабаровском крае. Монголов больше всего живет в Республике Бурятия – 232 чел., в остальных регионах количество монголов гораздо меньше: в Забайкальском крае – 57 чел., в Республике Тыва – 34 чел., в остальных регионах – единицы.

Соответственно, с другой стороны российской границы высокой является доля русских и других народов РФ и бывшего СССР. Так, в Казахстане проживает много русских, немцев, украинцев и других народов, которые формировались в рамках Российской империи и Советского Союза. В Монголии высока численность казахов, бурят и русских. В Китае существует крупнейшая община казахов, а также много русских, особенно в северных районах страны. В результате длительного пребывания этих этнических общностей на территории других государств они имеют все признаки диаспоры: особую этнокультурную идентичность, представления о Родине, институциональную оформленность (чаще всего в виде самоорганизации).

Есть два основных пути образования диаспор: первый – в результате миграций и второй – в результате проведения границ по территории проживания этнических общностей, в результате чего часть народа, оказавшаяся за пределами своего национального государства, становится диаспорой. Именно так происходило образование русской диаспоры в Казахстане и казахской диаспоры в России, потому что граница между Россией и Казахстаном прошла по территории расселения и русских, и казахов, и других народов, населяющих Южную Сибирь.

До распада СССР граница между РСФСР и Казахской ССР была административной и проходила по территории с одинаковым в культурном и этническом плане населением. Формирование этнического состава населения современного российско-казахстанского пограничья началось с вхождением Сибири в состав государства Российского в XVI в. В XVII в. южные районы Западной Сибири подверглись нападению джунгар. Поражения от джунгарских войск приводили племена Среднего жуза к необходимости искать союзников и продвигаться на Север под защиту Российского государства, которое создало Сибирскую линию укреплений. Главными опорными пунктами Сибир-

ской линии стали крепости – Омская (1716), Семипалатинская (1718), Усть-Каменогорская (1719). В 1720 г. был основан Павлодар, в 1752 г. – Петропавловск.

В этих условиях произошло добровольное присоединение к России территорий Младшего и Среднего жузов, соответственно в 1731 и 1740 гг. После падения Джунгарского государства часть казахов (в дореволюционной номенклатуре народов казахи именовались сибирскими киргизами или киргизкайсаками) передвинулась на север и расположила свои кочевья на территории между современными Омском и Усть-Каменогорском. Проникновение казахов на север в сибирские земли было столь быстрым и массовым, что русские власти устроили десятиверстную пограничную полосу с целью прекратить движение кочевников. Эта мера не оказалась серьезным препятствием, и постепенно казахам стали разрешать переходить эту линию (Томилов, 1995, с. 69). Казахи не ограничивались только территорией Омского уезда, значительная их часть продвигалась в южную часть Тобольской и Томской губерний, на территории Тюкалинского и Тарского уездов, располагая здесь свои постоянные кочевья, в результате чего становится регулярным движение различных родственных групп казахов с одной территории на другую (Тынысов, 2012, с. 142).

К середине XIX в., в связи с отодвиганием границы на Юг (в 1854 г. было основано Заилийское укрепление, в дальнейшем – Верное, Верный, Алма-Ата, Алматы), укрепления Сибирской линии утратили свое оборонительное значение, и началось интенсивное хозяйственное освоение сибирских степей (От форпоста на степном пограничье..., с. 41–42). Вместе с ним начинается переселение крестьян из европейских губерний, страдающих от малоземелья, которое принимает массовый, невиданный ранее характер, после строительства Транссибирской железной дороги и проведения Столыпинской реформы.

В дальнейшем регионы азиатской части России пополнялись людьми в значительной мере благодаря действиям государства. Увеличение численности населения происходило в результате добровольных и принудительных миграций, организованного переселения путем оргнаборов, депортаций, ссылки, эвакуации во время Великой Отечественной войны, освоения целины, комсомольскихстроек, развития оборонной и космической отраслей, строительства предприятий добывающей и обрабатывающей промышленности. Преобладали в этих миграционных потоках русские, но были и люди самых разных национальностей. Например, в результате депортации немцев Поволжья, в Сибири и Казахстане до сих пор проживает самая большая немецкая постсоветская диаспора. В сельском хозяйстве и строительстве было занято много украинцев, в освоении нефтегазовых месторождений активно участвовали азербайджанцы, и т.д. В результате переселений XX века на территории современного российско-казахстанского пограничья сформировалась настоящая этническая мозаика, представленная всеми народами СССР. Численно здесь преобладали русские.

Административные границы на этой территории, входившей до Революции в Западно-Сибирское, а затем – в Степное генерал-губернаторство, неоднократно менялись, в связи с изменениями военно-стратегических задач, необходимостью административного управления присоединенных территорий, с учетом традиционного деления кочевого общества и его родоплеменной структуры.

Революционные события 1917 г. и последовавшая Гражданская война выдвинули на повестку дня иной подход к формированию границы. Победа большевиков была во многом обусловлена гибкой политикой в национальном вопросе, заключением временных компромиссов с националистическими движениями, частичным удовлетворением их требований. В 1919 г. в Совете народных комиссаров было утверждено «Временное положение о Революционном комитете по управлению Киргизским краем», в котором говорилось, что «до определения территории Киргизского края в ведение Революционного комитета входят киргизская территория Астраханской губернии и области: Уральская, Тургайская, Акмолинская и Семипалатинская». Вопрос об определении границ Советского Казахстана в составе РФ решался в ходе ряда рабочих совещаний на различных уровнях. Включение русских городов, например, Оренбурга, в состав формирующейся республики мотивировалось необходимостью оказания помощи автономии, имевшей в своем составе мало крупных городских центров. Материалы о границах совещание передало на окончательное решение административной комиссии при ВЦИК, рекомендовав ей учитывать этнографические, экономические, бытовые, исторические и другие особенности расселения и взаимодействия этнических групп.

Параллельно решались и политические задачи, в частности, «наказания» уральского казачества, не принявшего Советскую власть и оказавшего ей ожесточенное сопротивление, путем включения казачьих областей в киргизскую автономию. Решение об образовании Автономной Киргизской Советской Социалистической республики было принято 26 августа 1920 г. в соответствии с декретом ВЦИК и ЦИК РСФСР. В новообразованную автономию вошли Семипалатинская, Тургайская (в том числе Кустанайский уезд), Уральская, Акмолинская области в их административных границах дореволюционного периода (за исключением г. Омска и окрестной территории), а также Букеевская орда (Голунов, 2005, с. 78). Дальнейшее разграничение касалось всех среднеазиатских республик. В 1924 г. ЦИК СССР принял Постановление о национально-территориальном размежевании Средней Азии и образовании Узбекской ССР (включая Таджикскую АССР), Туркменской ССР и Кара-Киргизской автономной области в составе Российской Советской Социалистической республики (с. 80).

В 1925 г. Киргизская АССР была переименована в Казакскую АССР, столицей стал город Кызыл-Орда. В 1929 г. столицу перенесли в Алма-Ату. В феврале 1936 г. Казакская АССР была переименована в Казахскую АССР,

в декабре 1936 г. она была выведена из состава РСФСР и получила статус союзной республики. Все административно-территориальные изменения проводились практически без учета этнического состава населения регионов; например, Оренбургская область то включалась в состав казахской автономии, то исключалась из нее. Приоритетными при размежевании были классовые, экономические и партийные интересы. Большевистские принципы были реализованы не только при определении границы между РСФСР и Казахской ССР, но и в отношении всех других республик Центральной Азии, а по большому счету – на всей территории СССР. Поэтому все приграничные территории России характеризуются чересполосным расселением этнических групп. Сейчас это касается почти всего постсоветского пространства, унаследовавшего этническую мозаичность «единой и неделимой» Российской империи.

В декабре 1991 г. Казахская советская социалистическая республика была переименована в Республику Казахстан в связи с распадом СССР. Граница России с Казахстаном после распада СССР стала самой протяженной сухопутной границей в мире, длиной 7,5 тыс. км. Если раньше граница была почти невидимой административной линией, которая проходила по территории с очень похожим в культурном и этническом плане населением, то сейчас граница оформилась формально и фактически, а регионы России и Казахстана стали очень сильно отличаться и по сравнению с прошлым временем, и по сравнению друг с другом.

Общей отличительной особенностью приграничных регионов является высокий удельный вес и абсолютная численность тех народов, которые составляют основное население соседних государств, казахов в России и русских в Казахстане. На границе с Казахстаном расположено 12 российских регионов. Это Астраханская, Волгоградская, Самарская, Саратовская, Оренбургская, Челябинская, Курганская, Тюменская, Омская, Новосибирская области, Алтайский край и Республика Алтай.

Выше всего численность казахов в Астраханской области, причем их численность за последние 30 лет здесь выросла. По данным последней советской переписи населения 1989 г., численность казахов в Астраханской области была 136,5 тыс. чел., что составляло 12,8% жителей, а по данным переписи 2021 г., казахов в регионе насчитывалось уже 143,7 тыс. чел., что составило 17,6 % всего населения. В азиатской части России лидером по количеству казахов является Омская область, причем доля казахов в общей численности населения региона за последние десятилетия увеличилась: в 1989 г. – 75 тыс. чел. (3,5%), в 2010 г. – 78,3 тыс. чел. (4,1%), в 2020 г. – 69,4 тыс. чел. (4,1%). Анализируя данные переписей населения, можно констатировать, что численность казахов в российских регионах за последние 30 лет фактически не изменилась, а их доля в некоторых регионах стала больше. Доля казахов колеблется от 0,3 % в Алтайском крае до 6,4% в Республике Алтай.

В приграничных с Казахстаном регионах азиатской части России значительно преобладают русские, их доля составляет 85–90 %, за исключением Республики Алтай. Эта Республика является последним, если двигаться на Восток, приграничным с Казахстаном регионом. Динамика численности населения здесь была положительной с 1990 г. (193,3 тыс. чел.) до 2021 г. (221 тыс. чел.), что характерно для регионов с преимущественно сельским населением, которое отличается более высокой рождаемостью, чем жители городов. Но затем численность населения начала снижаться. На 1 января 2023 г. население Республики составило 210,8 тыс. чел., в том числе городское население – 65,0 тыс. чел. (30,8 %), сельское население – 145,8 тыс. чел. (69,2 %) (Численность и состав населения, 2023). Доля городского населения в последние годы постепенно увеличивается. Национальная структура населения почти не меняется: русских 56,5 %, алтайцев 33,5 %, казахов 6,4 % и людей других национальностей 3,6 %.

Для Республики Алтай характерен абсолютный и относительный рост численности казахов. С 1989 г. этот рост составил почти 2 тыс. чел.; проживают казахи компактно. В Кош-Агачском районе они составляют более половины населения; также большая группа казахов проживает в Усть-Канском районе республики. Казахи являются третьей по численности этнической группой в Республике после русских и алтайцев, поэтому по Закону Республики Алтай 1993 г. «О языках» сегодня казахский язык изучают в муниципальных общеобразовательных школах: в Кош-Агачском районе – 1733 ученика, Улаганском – 48, Усть-Канском – 51. Работают 43 учителя казахского языка и литературы. Они совместно с учителями алтайского языка и литературы ежегодно повышают свою квалификацию, участвуют в проводимых методических объединениях и семинарах (Казахи, 2023). Учебники казахского языка и методические пособия по его изучению, созданные учителями Республики Алтай и изданные в местном издательстве, внесены в федеральный реестр учебников и используются в других регионах Российской Федерации, где в школах, в местах компактного проживания, изучается казахский язык. Казахский язык включен в школьную программу в некоторых селах Астраханской и Омской областей, а в Астрахани, Оренбурге, Омске, Саратове действуют курсы казахского языка, на которых эти учебники также востребованы. Районы компактного проживания и демографический перевес казахов является существенным фактором в культурной политике Республики Алтай. В муниципальных районах при поддержке республиканского Правительства действуют фольклорные ансамбли, они обеспечены музыкальными инструментами и сценическими костюмами, в национальном театре ставят спектакли из художественных произведений алтайских авторов.

Такова этнодемографическая ситуация на приграничных территориях России с Казахстаном, и в целом – с государствами Центральной Азии, которую можно охарактеризовать как сложную. В результате миграций постсо-

ветского периода во многих приграничных регионах образовались устойчивые диаспоры выходцев из стран СНГ. На южных границах наибольшую численность и степень влияния имеет казахская диаспора, которая образовалась в основном не за счет миграций, а за счет прохождения границы по местам бывших казахских кочевых путей и так называемых «летников», которые в период перехода казахов к оседлому образу жизни в советское время стали постоянными населенными пунктами. Во многих приграничных регионах есть компактные места проживания казахов.

подавляющее большинство казахов является российскими гражданами. Для казахов России характерна высокая этническая мобилизация, и вместе с ней – внутриэтническая конкуренция, большое количество национально-культурных автономий и центров. Федеральная национально-культурная автономия казахов России была зарегистрирована в 2007 г. в Москве, в 2022 г. проведена ее регистрация в Тюмени, где состоялся курултай. Возглавляет ФНКА тюменец Е. Ибраев, по словам которого «работа ФНКА казахов России и региональных автономий может внести позитивный вклад в укрепление всеобъемлющего российско-казахстанского партнерства. Это то, что сейчас принято называть народной дипломатией. Мы можем содействовать налаживанию прямых связей и коммуникаций разного уровня: культурно-гуманитарного, научно-образовательного и делового сотрудничества. Стать надежными помощниками в продвижении интересов нашей страны, способствовать укреплению крепких традиций добрососедства между Россией и Казахстаном» (Есенгалий Ибраев определил перспективы..., 2022).

Высокую активность проявляет Всемирная Ассоциация казахов – международная негосударственная организация.

Таким образом, казахская диаспора в России имеет прочные основы, большую численность и высокую степень влияния в приграничных регионах.

С другой стороны вдоль российской границы расположены следующие регионы Казахстана: Атырауская, Западно-Казахстанская, Актюбинская, Костанайская, Северо-Казахстанская, Павлодарская, Абайская (образована в 2022 г.) и Восточно-Казахстанская области. У этих приграничных областей существуют довольно интенсивные взаимоотношения с российскими регионами и между собой, в силу естественных географических причин и в силу исторически сложившихся экономических и культурных связей.

Этнический состав населения вдоль границы с казахстанской стороны за постсоветский период времени изменился самым кардинальным образом. Накануне распада СССР, по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г., в Казахстане проживало 16 млн 465 тыс. чел., в том числе казахов было 6 млн 535 тыс. чел. (39,7%), русских – 6 млн 228 тыс. (37,8%), немцев – 958 тыс. чел. (5,8%), украинцев – 896 тыс. чел. (5,8%). Русские и немцы проживали в основном в северных регионах. Например, в Северном Казахстане проживало 914 тыс. русских, 688 тыс. казахов и 66 тыс. немцев, в Караган-

динской области проживало 818 тыс. русских, 450 тыс. казахов и 159 тыс. немцев, в Акмолинской обл. (быв. Целиноградская обл.) проживало 459 тыс. русских, 267 тыс. казахов и 139 тыс. немцев. Доля казахов в Северном Казахстане составляла 22,6%, в Карагандинской области – 25,8 %, в Павлодарской области – 28,5%, в Акмолинской области – 25,1 %, в Астане (быв. Целиноград) – 17,7%, в столичной тогда Алма-Ате – 23,8 % (Всесоюзная перепись населения, 1989).

После распада СССР более 25 млн русских оказались за границами Российской Федерации, в том числе в Казахстане образовалась одна из самых больших русскоязычных диаспор. С 1991 г. начинается эмиграция, буквально бегство русскоязычного населения из республик Центральной Азии. Численность населения в Казахстане снижается до 14,8 млн чел., а затем начинает постепенно увеличиваться. Казахстан проводит программу переселения этнических казахов из Китая. Часть казахов переехала в Казахстан из России. Переселенцы – этнические казахи, получают статус «кандас». Благодаря высокому естественному приросту, численность казахов в Казахстане значительно выросла. Сейчас этническая структура населения Казахстана совершенно иная, чем в советский период.

В Казахстане последняя перепись населения, которая зафиксировала этнический состав, прошла в сентябре 2021 года. Начиная с 2009 г., когда проводилась предыдущая перепись, численность населения Казахстана выросла с 16 до 19 млн чел., или на 20%. Численность казахов выросла с 10 до 13,5 млн чел. (на 33,7%). Численность русских снизилась на 812 тыс. чел. (на 21,4%), с 3,8 млн чел. в 2009 г. до 2,9 млн. в 2021 г. (2021 жылғы Қазақстан Республикасы, 2022). Численность немцев составила 226 тыс. чел., по сравнению с 2009 г. отмечен прирост в 26,7%, но в целом, начиная с 1989 г., численность немцев снизилась на 76,4%. Если рассматривать изменения за весь постсоветский период, то численность русских в Казахстане снизилась на 53,5%, а численность казахов выросла на 106,5%. Эта тенденция (снижение доли неказахского населения и увеличение доли титульного народа) характерна для всех приграничных с Россией территорий Казахстана. Так, в Северо-Казахстанской области доля казахов выросла до 37,6%, в Костанайской – до 44,2%, в Павлодарской – до 55,9%.

Высокая рождаемость у титульных народов постсоветских азиатских стран и эмиграция русского и русскоязычного населения, привели к демографической асимметрии между регионами Российской Федерации и государствами Центральной Азии. В России и в азиатских государствах сложились разные демографические модели. У народов Центральной Азии преобладают многодетные семьи, возрастные когорты детей и молодежи, а в связи с увеличением общей продолжительности жизни, население здесь растет быстрыми темпами. Рабочих мест на всех не хватает, поэтому трудоспособное население выезжает в соседние страны, в основном из Таджикистана, Узбекистана и

Кыргызстана в Россию. Между Казахстаном и Россией в настоящее время установился относительно равный миграционный обмен.

Далее на восток, после границы с Казахстаном, следует короткий 50-километровый участок границы с Китаем, а затем – граница с Монголией, протяженностью 3485 км. С российской стороны приграничными территориями с Монголией являются Республика Алтай, Республика Тыва, Республика Бурятия и Забайкальский край. Со стороны Монголии с Россией граничат аймаки Баян-Улэгэй, Увс, Завхан, Хувсгел, Булган, Сэлэнгэ, Хэнтий и Дорнод. Граница России и Монголии оформилась еще во времена Российской и Цинской империй, небольшие изменения произошли в 2011 г., когда Монголия получила независимость. Территория Тувы вошла в состав России в 1944 г. после неоднократных преобразований и неоднозначных реакций со стороны Китая и Монголии. Главной особенностью российско-монгольской границы является то, что она проходит в труднодоступной местности, с редким населением. Некоторые районы вообще безлюдны. Тем не менее, здесь также имеются этнические группы, которые представляют собой приграничные диаспоры.

Общая численность населения Монголии составляет 3174565 чел. (Статистик мэдээллийн САН, 2022). Более 95% населения являются монголами. Относительно высокую численность имеют буряты (43,7 тыс. чел.). Проживают они в северо-восточных аймаках. В Китае и Монголии буряты считаются одной из этнических групп монголов, но в российской историографии шэнэхэнские и монгольские буряты считаются территориальной группой бурят. Поскольку буряты имеют на территории РФ свою республику, у них развито национальное самосознание, и всех бурят, проживающих за пределами Республики Бурятия, они считают своей диаспорой.

Одной из крупных диаспор являются казахи (около 120 тыс. чел.), прикочевавшие сюда в середине XIX в. Проживают компактно в аймаке Баян-Улэгэй. Многие знают русский язык, пользуются письменностью на основе кириллицы.

В Монголии живут тувинцы, всего около 2,5 тыс. чел. Компактно они также проживают в аймаке Баян-Улэгэй, вместе с казахами. Этнографы полагают, что тувинцев в Монголии больше, около 20 тыс. чел., только в период проведения переписей было принято записывать их уйгурами или казахами, по причине тюркского языка. Многие тувинцы Баян-Улэгэя утверждают, что раньше, когда еще не было установлено государственных границ между Тувой (т.е. Россией) и Монголией, их земли считались частью тувинской территории. Установление границ между двумя странами привело к тому, что они оказались на монгольской территории (Монгуш & Бадарч, 2019, с. 60).

Основным их занятием является животноводство. В последние годы молодежь стала выезжать на учебу, причем не только в столицу – Улан-Батор, но и в соседние государства. Казахи едут в Астану, а тувинцы – в Кызыл, для обучения в Тувинском государственном университете. Среди казахов много

билингвов, которые говорят и на казахском, и на монгольском языках, а среди тувинцев многие говорят на трех языках – тувинском, монгольском и казахском.

Русских в Монголии около 2,5 тыс. чел. В середине XIX в. сюда переселились довольно большие группы старообрядцев. Кроме потомков русских старожилов Забайкалья, в Монголии (в основном в Улан-Баторе) живут граждане РФ – специалисты разного профиля, которые находятся там на работе. С российской стороны границы с Монголией больше всего монголов (232 чел.) проживает в Республике Бурятия. На втором месте – Забайкальский край (57 чел.) и на третьем – Республика Тыва (34 чел.). Районов компактного проживания монголов нет, но существуют довольно тесные связи у приграничных регионов, особенно у Республики Бурятия с монгольскими аймаками.

Граница между Россией и Китаем была окончательно демаркирована только в 2005 г., хотя впервые была установлена еще в XVII в. – Нерчинским договором 1689 г. В западной части российско-китайской границы расположен Синьцзян-Уйгурский автономный район, с его предельно сложным этническим составом населения. Здесь живут, кроме китайцев, уйгуры (46,4% населения), казахи, киргизы, узбеки, монголы, дунгане, тибетцы, татары и другие народы. Русских в этом районе насчитывается 11,8 тыс. чел. (0,05% населения) (Communique of the Seventh National Population Census, 2021). Всего в Китае зарегистрировано 15,4 тыс. русских, по неофициальным данным – около 40 тыс. чел. (Макаревская, 2021, с. 60). Русская диаспора в Китае делится на две части. Первая – это потомки русских эмигрантов, в значительной степени ассимилированные, но сохраняющие память о своем русском происхождении. Есть регионы компактного проживания таких русских – в Эньхэ-Русской национальной волости (напротив села Олочи Забайкальского края), село Русское Пограничное на севере провинции Хэйлунцзян (напротив г. Благовещенска Амурской обл.), в городах Инин, Тачэн и Урумчи Синьцзян-Уйгурского автономного района.

Вторая часть русской диаспоры – это квалифицированные специалисты. Китай, не испытывающий потребности в мигрантах, принимает лишь таких, полезных стране людей. Это, преимущественно, молодые специалисты; лидируют по приглашениям россиян такие сферы, как медицина, IT, строительство, авиация, культура. Живут в основном в крупных городах, причем не только в «русском» Харбине.

Факторы, влияющие на численность приграничных этнических групп

Факторы, влияющие на численность этнических групп, традиционно разделяют на три группы: демографические (в узком смысле слова) – различия

в естественном движении населения у разных народов, в первую очередь различия в уровне рождаемости; миграционные – приток извне или отток за рубеж; этнические – связаны с изменением этнической идентичности (Бого-явленский, 2012). Все они в той или иной мере работают в условиях приграничья.

В силу того, что российско-казахстанская граница наиболее протяженная, уделим народам, проживающим вдоль этой линии, чуть больше внимания. По основным показателям воспроизводства населения приграничные районы отличаются от других территорий страны, где основным населением является русские, незначительно. Низкая рождаемость – хотя и не единственный фактор, влияющий на уменьшение численности русского населения, но во многом определяющий. Перепись 2020 года показала продолжающийся тренд к ее снижению, для русского населения суммарный коэффициент рождаемости (СКР) равен 1,44, что является одним из самых низких показателей среди народов, проживающих в Российской Федерации, ниже он только у евреев. В приграничных областях этот показатель чуть выше и колеблется от 1,51 в Новосибирской области до 1,87 в Республике Алтай (Всероссийская перепись населения, 2022). Вероятно, последующие несколько лет этот показатель потеряет еще несколько пунктов, затем стабилизируется или будет незначительно расти (Кишенин, 2023). Это связано со сменой поколений и их численностью, а именно – с вступлением поколений 1990-х годов в фертильный возраст. С середины 1990-х годов эволюция рождаемости перешла в новую фазу. Поколения 1970-1990-х г.р. меняют возрастной профиль рождаемости и календарь рождений как под влиянием долгосрочных, фундаментальных изменений в обществе в постиндустриальную эпоху, так и под влиянием общегосударственной конъюнктуры. Сдвиги в образовательных стратегиях на массовом уровне неизбежно влекут за собой трансформацию возрастного профиля вступления в брак и деторождения (Захаров, 2022).

Кроме того, снижение численности населения, в том числе русского, в приграничных районах связано с миграционными процессами. Во всех регионах наблюдается отток населения не только из малых городов, из сельской местности в крупные промышленные центры, но и выезд, в основном молодежи (что в последующем скажется на показателях рождаемости), из больших городов в центральные регионы страны. Из всех регионов Сибирского Федерального округа только Новосибирская область, как столица округа, имеет устойчивый миграционный прирост.

Выше мы уже отметили, что в последние 30 лет существует устойчивая тенденция к снижению доли неказахского населения и увеличению доли титульного народа, характерная для всех приграничных с Россией территорий Казахстана. Русское население Казахстана демонстрирует естественную убыль, которая вызвана комплексом факторов: естественным движением, миграционным оттоком, сменой идентичности.

Естественное движение населения, определяемое количеством родившихся и умерших, может зависеть не только непосредственно от интенсивности процессов рождаемости и смертности, но и от возрастной структуры населения. Так, возрастная структура русского населения Казахстана выглядит следующим образом: 0-14 лет – 491 145 чел. (16,5 %); 15-49 лет – 1396 469 (46,8 %); 50 лет и старше – 1094332 (36,7 %). В условиях отсутствия притока молодого населения после распада СССР, в возрастной структуре русских в странах, ранее являвшихся республиками СССР, стала увеличиваться доля старших возрастных групп (Козлов, 2018, с. 55). Категория «старше 70 лет» имеет самое большое значение из всех возрастных категорий – 327048 чел. (11 %) (2021 жылғы Қазақстан Республикасы, 2022). И естественно, что у русских при такой возрастной структуре будет наблюдаться более высокая смертность и более низкая рождаемость.

Регионы-аутсайдеры по показателям рождаемости сосредоточены на севере Казахстана (они граничат с Россией) и имеют в своей этнической структуре значительный процент русского населения. Суммарный коэффициент рождаемости в Северо-Казахстанской области составляет – 1,82, в Костанайской – 1,88, в Восточно – Казахстанской – 2,13. Эти показатели заметно ниже среднего показателя по стране, который равен 2,96 и в два раза ниже показателей южных областей Казахстана – Туркестанской (4,39) и Мангистауской (3,99).

Помимо особенностей возрастной структуры к факторам снижения рождаемости можно отнести высокий процент городского населения среди русского населения – 76,4% и сохраняющийся миграционный отток, немалую долю которого составляет образовательная миграция.

Нужно отметить, что коэффициент естественного прироста в 2000-2016 гг. в Казахстане вырос в 3,1 раза, в первую очередь за счет казахского населения. При этом в городах темпы роста были в 3,4 раза выше, чем в сельской местности. Значительную роль в этом процессе сыграл эффект так называемого этнического замещения. Суть его в том, что в результате эмиграции из страны выбывает население с низкими показателями воспроизводства (русские, немцы, украинцы), а на их место приходит население с «традиционным» демографическим поведением. В первую очередь это касается казахстанских городов, где смена этнического состава была более выраженной. После 2016 гг. показатели воспроизводства населения стабилизируются, тем самым завершается переход от прежней демографической системы, базирующейся на «европейских» стандартах, к национальной (Алексеенко, Аубакирова & Жанбосинова, 2019, с. 1380).

Еще один фактор, влияющий на этнодемографические характеристики региона – межэтническая брачность. Основные тренды развития межнациональных браков в Казахстане определяются в том числе изменениями этнодемографической структуры населения и этнокультурными сдвигами (Уалиева,

2017, с. 405). Приток казахской молодежи в города ведет к увеличению количества браков между казахами и русскими, например в Петропавловске доля подобных браков в 1996 г. составила 5,3 %, в 2006 – 14,5 %, в 2016 – 17,8 % (из которых 11,2% браки между мужчиной-казахом и женщиной-русской) от всех межнациональных браков. Исследователи отмечают, что межнациональные браки с участием казахов и русских не ведут к складыванию гибридных и панэтнических групп, отсутствует конструирование новых национальных границ. Выбор идентичности осуществляется преимущественно по отцу (Казиев, Старченко & Могунова, 2022, с. 135).

Казахское население России в период между переписями сократилось на 55762 чел., доля городских казахов возросла до 41,6%, что влечет за собой и снижение рождаемости. Интенсивные процессы урбанизации среди казахов наблюдаются в Тюменкой, Омской, Новосибирской областях, где на городское казахское население приходится более 50% (Всероссийская перепись населения, 2022). СКР казахов России равен 1,9, что не обеспечивает естественный прирост, а значит, существует вероятность уменьшения численности этой группы населения.

Естественный прирост во всех регионах азиатской части России, за исключением Республики Алтай и Республики Тыва, отрицательный. Рождаемость в республике Алтай снизилась на 1,8%, но по-прежнему сохраняется на высоком уровне, СКР равен 2,15. Тувинцы тоже имеют довольно высокий СКР – 2,04, что обеспечивает стабильную численность народа. Эти регионы являются примером более поздней демографической модернизации. Ситуацию в Республике Бурятия можно охарактеризовать как стабильную, с преобладанием негативных тенденций: происходит постоянное снижение рождаемости, начиная с 2014 года, сегодня СКР равен 1,9. С 2020 года наблюдается рост смертности. С 2015 года миграционный отток населения перестал компенсироваться естественным приростом населения.

В целом, можно констатировать продолжение процесса уменьшения этнической дифференциации уровня рождаемости в России (Андреев & Захаров, 2017).

Выводы

Россия имеет самую протяженную сухопутную границу, причем большую ее часть составляет граница с Казахстаном. Приграничные районы являются зоной контакта, так как это территории с повышенной миграционной активностью и сложной этнической мозаичностью, которая является следствием трансграничных миграций и приводит в большинстве случаев к формированию диаспор, изменению этнодемографических характеристик регионов Азиатской России.

Исследование показало, что этнический состав приграничных территорий меняется. Во многом это происходит за счет выезда русского населения и представителей старых диаспор. Сибирь и Дальний Восток всегда были местом, принимающим мигрантов, куда население перемещалось из европейской части России; сейчас же этот поток устремился в обратном направлении, что порождает новые демографические риски. Миграционный отток и нарастающая естественная убыль населения восполняются мигрантами, преимущественно из стран Центральной Азии. Численность коренных народов Сибири более или менее стабильна, особенно в сельских регионах национальных республик, что объясняется более поздней демографической модернизацией.

Снижение рождаемости характерно в основном для русских, у которых существует модель воспроизводства населения с низкой рождаемостью и относительно высокой смертностью. Так как доля русских в регионах азиатской части России составляет более 85%, эта модель воспроизводства является значительно преобладающей и оказывает влияние на общее снижение численности населения.

Комплекс факторов, влияющих на изменения численности этнических групп на приграничных территориях, включает в себя три составляющих: естественной движение, миграционное движение и самоидентификация. Негативные последствия этих факторов ярко проявляется в этнодемографических показателях русского населения Казахстана, которые стабильно снижаются последние 30 лет. При этом казахское население соседней страны имеет противоположные тенденции, и его численность интенсивно растет.

При изучении этнодемографических процессов наибольшее внимание и определенное беспокойство вызывает все возрастающая демографическая асимметрия между регионами России и государствами Центральной Азии. Население азиатских стран продолжает расти высокими темпами. Для демографической модели центральноазиатских государств характерны многодетные семьи, преобладание молодежи, увеличение общей продолжительности жизни. Благодаря этому население Казахстана, Узбекистана, Кыргызстана, Таджикистана и Туркменистана имеют стабильный прирост населения в 1-2% в год. Для этих стран характерен миграционный отток трудоспособного населения на заработки в Россию и другие страны, но несмотря на это, численность населения здесь продолжает увеличиваться, и этот фактор будет определять ситуацию в приграничных регионах России, по крайней мере, в ближайшие десятилетия.

Благодарности

Исследование выполнено по проекту «Азиатская Россия: демография, этнический состав населения и межнациональные отношения в новых условиях поворота на Восток» (номер госрегистрации проекта 123112100125-7)

в рамках Программы научных исследований, связанных с изучением этнокультурного многообразия российского общества и направленных на укрепление российской идентичности, 2023–2025 гг.

Список литературы

- Communique of the Seventh National Population Census*. (2021). Population by Region. National Bureau of Statistics of China.
https://www.stats.gov.cn/english/PressRelease/202105/t20210510_1817188.html
- Алексеев, А. Н., Аубакирова, Ж. С., & Жанбосинова, А. С. (2019). Этнодемографические эволюции и становление суверенной демографической системы в Казахстане. *Вестник Санкт-Петербургского университета. История*, 64(4), 1368–1385.
<https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2019.413>
- Андреев, Е. М., & Захаров, С. В. (2017). Межэтнические различия рождаемости в России: Долговременные тенденции. *Демоскоп*, 711–712.
<https://www.demoscope.ru/weekly/2017/0711/tema04.php>
- Богоявленский, Д. (2012). Факторы роста и сокращения численности отдельных народов. *Демоскоп*, 531–532. <https://www.demoscope.ru/weekly/2012/0531/tema03.php>
- Всероссийская перепись населения 2020 года*. (2022). Федеральная служба государственной статистики. <https://rosstat.gov.ru/vpn/2020>
- Всесоюзная перепись населения 1989 года. Национальный состав населения по республикам СССР*. (1989). Демоскоп. http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_89.php?reg=1
- Голунов, С. В. (2005). Российско-Казахстанская граница: История формирования. *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения*, 10, 68–87.
- Есенгалий Ибраев определил перспективы развития федеральной автономии казахов. (2022, июнь 19). *Тюменская линия*.
- Захаров, С. В. (2022). История рождаемости в России: От поколения к поколению. *Демографическое обозрение*, 10(1), 4–43. <https://doi.org/10.17323/demreview.v10i1.17259>
- Итоги Национальной переписи населения 2021 года в Республике Казахстан*. (2022). Нур-Султан. *Казахи*. (2023). Горный Алтай. Историко-культурный путеводитель.
<https://visit-altairepublic.ru/o-respublike-altay/narody-gornogo-altaya/kazakhi.php>
- Кишенин, П. А. (2023). Региональная дифференциация рождаемости в Российской Федерации: Оптика реальных поколений. *Демографическое обозрение*, 10(4), 86–120.
<https://doi.org/10.17323/demreview.v10i4.18810>
- Козлов, В. А. (2018). Демографическое поведение русской диаспоры в странах Прибалтики и Центральной Азии. *Вестник Института экономики Российской академии наук*, 3, 50–60.
- Макаревская, Н. Ю. (2021). Русская «диаспора» в Китае и ее национальная идентичность как значимый фактор в развитии отношений между странами на современном этапе. *Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета*, 2, 31–36. https://doi.org/10.17084/20764359_2021_50_31

- Макаров, И. (2019, октябрь 2). Четыре шага на Восток: Зачем Россия идет в Азию. *Газета.ru*.
https://www.gazeta.ru/comments/2019/10/02_a_12698203.shtml
- Монгуш, М. В., & Бадарч, Б. (2019). Казахи и тувинцы Монголии: Этнографический очерк. *Азия и Африка сегодня*, 3, 59–64. <https://doi.org/10.31857/S032150750004073-2>
- От форпоста на степном пограничье к столице Степного края. (2023). В *Россия – Казахстан. По-новому о старом. Век 21-й. Историко-публицистические очерки* (с. 40–46). Золотой тираж.
- Перечень приграничных субъектов Российской Федерации. (2023). Министерство экономического развития Российской Федерации.
https://www.economy.gov.ru/material/file/9a4436e6e6049c8989585d53c7f7585d/perechen_prigranichnyh_subektov_rf.pdf
- Смирнова, Т. Б., & Блинова, А. Н. (2023). Народ, разделенный границей (сравнительная характеристика немцев в России и Казахстане). *Журнал фронтальных исследований*, 8(1), 83–108.
<https://doi.org/10.46539/jfs.v8i1.497>
- Статистик мэдээллийн САН. (б. д.). Статистическая база данных. <http://www1.1212.mn>
- Тишков, В. А. (2003). *Реквием по этносу: Исследования по социальной и культурной антропологии*. Наука.
- Томилов, Н. А. (1995). Казахи Западной Сибири в XVI–XX вв. В *От Урала до Енисея* (с. 66–75). Издательство Томского университета.
- Тынысов, Б. А. (2012). Расселение казахов на территории Омского Прииртышья (конец XIX – первая треть XX в.). *Вестник археологии, антропологии и этнографии*, 4, 142–149.
- Уалиева, С. К. (2017). Тенденции межэтнических браков в Казахстане. *Мир Большого Алтая*, 3(3), 405–413.
- Численность и состав населения. (2023). Управление Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю и Республике Алтай.
<https://22.rosstat.gov.ru/folder/33247>

References

- Alekseyenko, A. N., Aubakirova, Z. S., & Zhanbosinova, A. S. (2019). Ethno-Demographic Evolution and Formation of the Sovereign Demographic System in Kazakhstan. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 64(4), 1368–1385. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2019.413> (In Russian).
- Andreev, E. M., & Zakharov, S. V. (2017). Mezhetnicheskie razlichia rozhdaemosti v Rossii: Dolgovremennye tendencii. *Demoscope*, 711–712.
<https://www.demoscope.ru/weekly/2017/0711/tema04.php> (In Russian).
- Bogoiavlenskii, D. (*Demoscope*). Faktory rosta i sokrashcheniia chislennosti otdelnykh narodov. *Демоскоп*, 531–532. <https://www.demoscope.ru/weekly/2012/0531/tema03.php> (In Russian).
- Chislennost i sostav naseleniya. (2023). Upravlenie Federalnoi sluzhby gosudarstvennoi statistiki po Altaiskomu krayu i Respublike Altai. <https://22.rosstat.gov.ru/folder/33247> (In Russian).

- Communique of the Seventh National Population Census*. (2021). Population by Region. National Bureau of Statistics of China.
https://www.stats.gov.cn/english/PressRelease/202105/t20210510_1817188.html
- Esengalii Ibraev opredelil perspektivy razvitiia federalnoi avtonomii kazakhov. (2022, июнь 19). *Tiumenskaia liniia*. (In Russian).
- Golunov, S. V. (2005). Rossiisko-Kazakhstanskaia granitca: Istoriia formirovaniia. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Serii 4. Istoriia. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniia*, 10, 68–87. (In Russian).
- Itogi Nacionalnoi perepisi naseleniia 2021 goda v Respublike Kazakhstan*. (2022). Nur-Sultan. (In Russian).
- Kazakhi. (2023). Gornyi Altai. Istoriko-kulturnyi putevoditel. <https://visit-altairepublic.ru/o-respublike-altay/narody-gornogo-altaya/kazakhi.php> (In Russian).
- Kishenin, P. A. (2023). Regional differentiation of fertility in the Russian Federation: Cohort perspectives. *Demographic Review*, 10(4), 86–120. <https://doi.org/10.17323/demreview.v10i4.18810> (In Russian).
- Kozlov, V. A. (2018). Demographic Behavior of the Russian Diaspora in the Baltic Countries and in Central Asia. *Vestnik Instituta Ekonomiki Rossiyskoy Akademii Nauk*, 3, 50–60. (In Russian).
- Makarevskaya, N. Yu. (2021). Russian “Diaspora” in China and Its National Identity as a Significant Factor in the Development of Relations between Countries at the Modern Stage. *Scientific Notes of Komsomolsk-on-Amour State Technical University*, 2, 31–36.
https://doi.org/10.17084/20764359_2021_50_31 (In Russian).
- Makarov, I. (2019, October 2). Chetyre shaga na Vostok: Zachem Rossiya idet v Aziyu. *Gazeta.ru*.
https://www.gazeta.ru/comments/2019/10/02_a_12698203.shtml (In Russian).
- Mongush, M., & Badarch, B. (2019). Mongolia’s Kazakhs and Tuvans: Ethnographic sketch. *Asia and Africa Today*, 3, 59–64. <https://doi.org/10.31857/S032150750004073-2> (In Russian).
- Ot forposta na stepnom pogranchiye k stolitse Stepnogo kraia. (2023). In *V Rossiya – Kazakhstan. Ponoovomu o starom. Vek 21-i. Istoriko-publitsisticheskie ocherki* (pp. 40–46). Zolotoi tirazh. (In Russian).
- Perechen prigranichnykh subyektov Rossiiskoi Federatsii*. (2023). Ministerstvo ekonomicheskogo razvitiya Rossiiskoi Federatsii.
https://www.economy.gov.ru/material/file/9a4436e6e6049c8989585d53c7f7585d/perechen_prigranichnyh_subektov_rf.pdf (In Russian).
- Smirnova, T. B., & Blinova, A. N. (2023). The People Divided by the Border (Comparative Characteristics of Germans in Russia and Kazakhstan). *Journal of Frontier Studies*, 8(1), 83–108.
<https://doi.org/10.46539/jfs.v8i1.497> (In Russian).
- Statistik medeeliin SAN. (n. d.). Statisticheskaya baza dannykh. <http://www1.1212.mn> (In Russian).
- Tishkov, V. A. (2003). *Rekviem po etnosu: Issledovaniya po sotsial'noi i kul'turnoi antropologii*. Nauka. (In Russian).
- Tomilov, N. A. (1995). Kazakhi Zapadnoi Sibiri v XVI–XX vv. In *Ot Urala do Eniseya* (pp. 66–75). Izdatel'stvo Tomskogo universiteta. (In Russian).

- Tynysov, B. A. (2012). Settling of Kazakhs on the Territory of Omsk Low Irtysh Basin (Late XIX – the first third of XX Century). *Vestnik Arheologii, Antropologii i Etnografii*, 4, 142–149. (In Russian).
- Ualieva, S. K. (2017). Tendentsii mezhetnicheskikh brakov v Kazakhstane. *Mir Bolshogo Altaya*, 3(3), 405–413. (In Russian).
- Vserossiiskaia perepis naseleniia 2020 goda. (2022). Federalnaia sluzhba gosudarstvennoi statistiki. <https://rosstat.gov.ru/vpn/2020> (In Russian).
- Vsesoiuznaia perepis naseleniia 1989 goda. Natsionalnyi sostav naseleniia po respublikam SSSR. (1989). Demoscope. http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_89.php?reg=1 (In Russian).
- Zakharov, S. V. (2023). The history of fertility in Russia: From generation to generation. *Demographic Review*, 10(1), 4–43. <https://doi.org/10.17323/demreview.v10i1.17259> (In Russian).

Certificate of registration issued by Roskomnadzor: Эл № ФС77-61330 from 07.04.2015
Founder: Limited Liability Company Scientific Industrial Enterprise "Genesis. Frontier. Science"
Address: 24, Savushkina St. apt. 88, Astrakhan, Russia, 414056
Address of Editorial board: 85, Geologov St. apt. 2, Astrakhan, Russia, 414050
Editor-in-Chief: Doctor Habilitatus, professor Serguey N. Yakushenkov
In case you have any questions about co-operation please write an e-mail the following address:
editorialboard.jsf@jfs.today or editorialboard.jsf@gmail.com
Phone: +7 (988) 068-63-72
This journal is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.
© 2016 Journal of Frontier Studies. e-ISSN: 2500-0225

Свидетельство о регистрации выдано Роскомнадзором: Эл № ФС77-61330 от 07 апреля 2015 г.
Учредитель: Общество с ограниченной ответственностью научно-производственное предприятие «Генезис.Фронтир.Наука». ИНН/ОГРН: 3019005706/1123019003678
Юр. Адрес: Российская Федерация, 414056, г. Астрахань, ул. Савушкина, д. 24, кв. 88
Адрес редакции: 414050, Астраханская область, г. Астрахань, ул. Геологов, д. 85, кв.2
Главный редактор: д.и.н., профессор Сергей Николаевич Якушенков
По всем вопросам сотрудничества и публикации материалов обращаться по
Email: editorialboard.jsf@jfs.today или editorialboard.jsf@gmail.com
Телефон: +7 (988) 068-63-72
Сетевое издание доступно по лицензии Creative Commons "Attribution" («Атрибуция») 4.0
Всемирная.
© 2016 Журнал Фронтирных Исследований. e-ISSN: 2500-0225